



Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023 Том 23 № 1

В номере: Международная безопасность: глобальные и региональные тренды

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв, доктор исторических наук, профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук, доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.П. Елагин (экономика) (РУДН, г. Москва, РФ), кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история) (РУДН, г. Москва, РФ), кандидат исторических наук *М.А. Никулин* (политика) (РУДН, г. Москва, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Дж., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старший советник-нерезидент Международного института мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Навиита Чадха, профессор кафедры политических наук Университета Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор Университета Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, директор Центра комплексного Китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук Университета Катании, генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук Университета ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы Американского университета, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаши, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор Университета Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитунни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор Государственного университета Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабзага Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2023 г. следующий:

| Выпуск | Тема | Срок подачи краткого резюме статьи | Срок подачи полного текста статьи |
|----------|--|------------------------------------|-----------------------------------|
| № 3 2023 | 100-летие Турецкой Республики | До 1 января 2023 г. | До 15 апреля 2023 г. |
| № 4 2023 | Международные и региональные исследования: от теории к практике | До 1 марта 2023 г. | До 15 июня 2023 г. |

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова**

Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 20.03.2023. Выход в свет 28.03.2023.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 26. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru



VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2023 VOLUME 23 No. 1

In this issue: International Security: Global and Regional Trends

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis P. Elagin (Economics) (RUDN University, Moscow, Russia), PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada** (History) (RUDN University, Moscow, Russia), PhD in History **Maxim A. Nikulin** (Politics) (RUDN University, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland (Australia), Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of book reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2023 will deal with the following issues:

| Issue | Thematic dossier | Deadline for the abstracts | Deadline for the full texts |
|------------|--|----------------------------|-----------------------------|
| No. 3 2023 | 100th Anniversary of the Republic of Türkiye | By January 1, 2023 | By April 15, 2023 |
| No. 4 2023 | International and Regional Studies: From Theory to Policy Science | By March 1, 2023 | By June 15, 2023 |

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor *I.L. Pankratova*

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova*

Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198

Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

Международная безопасность: глобальные и региональные тренды

- Тишков С.А., Харичкин И.К. Гендерная перспектива в полицейском миротворчестве ООН 7
- Бокерия С.А., Андропова А.Р. Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА 20
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды 37
- Трунов Ф.О. Моделирование участия страны в урегулировании вооруженных конфликтов: кейс действий ФРГ в Мали 48
- Идахоса С.О., Савичева Е.М., Ихидеро С.А., Адебайо К.М. Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля..... 67

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Чикризова О.С., Ивкина Н.В. Проблема существования «шитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа 88
- Кривохиж С.В., Соболева Е.Д., Мельникова Е.С. ШОС через призму китайских СМИ: анализ публикаций в «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибао»..... 105

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Искандарян Г.М. Инструментарий влияния США в Иране в 1950—1960-е гг. 116
- Ялев М.Т. Развитие китайско-эфиопских отношений в ходе Огаденской войны 1977—1978 гг. 130

ДИПЛОМАТИЯ

- Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации 144

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Волков С.Н., Константинова О.В. Африканская континентальная интеграция — новый шаг на пути к многополярному миру 157

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гасанов К.Н. Влияние Великобритании на политику Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке..... 168

РЕЦЕНЗИИ

- Рахимов К.Х. Рецензия на книгу: Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски : II Евразийский аналитический форум : сборник докладов пленарного заседания и аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе», Минск, 11 ноября 2021 г. / Международный университет «МИТСО»; редколлегия : Н. Н. Бордюжа и др. Минск : МИТСО, 2022. 388 с. 191
- Базлуцкая М.М. Рецензия на книгу: Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху : учебник для вузов. Москва : Аспект Пресс, 2022. 250 с. 196
- Медушевский Н.А. Рецензия на книгу: Chalwe Snr M. China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 2021. 310 p. 201
- Минкова К.В. Рецензия на книгу: Быстрова И. В. Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941—1945 гг. Москва : Весь мир, 2022. 576 с. 205

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER

International Security: Global and Regional Trends

- Tishkov S.A., Kharichkin I.K.** Gender Perspective in UN Police Peacekeeping 7
- Bokeriya S.A., Andronova A.R.** The Logic of International Response to Anti-violence and Sexual Integrity Agenda in Violent Conflict: Case of MINUSCA 20
- Denisova T.S., Kostelyanets S.V.** The Democratic Republic of the Congo: Political Instability and the Rwandan Factor 37
- Trunov Ph.O.** Modeling the Country's Participation in Armed Conflict Resolution: Case of Germany's Activity in Mali 48
- Idahosa S.O., Savicheva E.M., Ikhidero S.I., Adebayo K.M.** Regional Security Complex and Threat Dynamics of the Sahelian States 67

APPLIED ANALYSIS

- Chikrizova O.S., Ivkina N.V.** The Problem of the "Shi'a Crescent" in the Middle East: A Quantitative Analysis 88
- Krivokhizh S.V., Soboleva E.D., Melnikova E.S.** Chinese Media Representation of the SCO: A Study of *People's Daily* and *Global Times* 105

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Iskandaryan G.M.** US Leverage Tools in Iran in 1950s — 1960s 116
- Yalew M.T.** The Dynamics of China — Ethiopia Relations during the Ogaden War, 1977—1978 130

DIPLOMACY

- Lebedeva M.M., Zinovieva E.S.** International Negotiations in the Digital Age 144

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Volkov S.N., Konstantinova O.V.** African Continental Integration — A New Step towards a Multipolar World 157

BILATERAL RELATIONS

- Gasnov K.N.** Influence of Great Britain on Turkish Policy in the Transcaucasia and the Middle East 168

BOOK REVIEWS

- Rakhimov K.Kh.** Book review: Bordyuzha, N. N., et al. (Eds.). (2022). Sustainability and Security Analytics of Greater Eurasia. The Image of the Future: Threats, Challenges and Risks: II Eurasian Analytical Forum: Collection of reports of the plenary session and analytical session "Information and analytical support for socio-economic development of the Eurasian Economic Union at the present stage", Minsk, November 11, 2021. International University "MITSO". Minsk: MITSO publ., 388 p. (In Russian) 191
- Bazlutckaia M.M.** Book review: Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (2022). Technology of International Negotiations in the Digital Age: Student book. Moscow: Aspekt Press publ., 250 p. (In Russian) 196
- Medushevsky N.A.** Book review: Chalwe Snr, M. (2021). China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 310 p. 201
- Minkova K.V.** Book review: Bystrova, I. V. (2022). The British Ally: Organization of Military and Economic Supplies to the USSR in 1941—1945. Moscow: Ves' mir publ., 576 p. (In Russian) 205



ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ

Международная безопасность: глобальные и региональные тренды

THEMATIC DOSSIER

International Security: Global and Regional Trends

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-7-19

EDN: UORIFR

Научная статья / Research article

Гендерная перспектива в полицейском миротворчестве ООН

С.А. Тишков¹  , И.К. Харичкин² ¹Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация stishkov@list.ru

Аннотация. Несмотря на всплеск конфликтов на рубеже XX—XXI вв. и активизацию миротворческой деятельности, участие женщин в миротворческих операциях было скорее исключением из правил, нежели стандартной практикой. Вместе с тем в фокусе внимания Организации Объединенных Наций (ООН) оказались проблемы негативного и непропорционального воздействия внутренних вооруженных конфликтов на женщин и детей. На протяжении последних двух десятилетий ООН работает над внедрением гендерной перспективы в архитектуру миротворчества. Отправной точкой стала принятая Советом Безопасности ООН (СБ ООН) в 2000 г. резолюция 1325, признававшая важность гендерной перспективы в вопросах мира и безопасности. Дальнейшие планомерные действия ООН в этом направлении позволили изменить представление о женщинах как о беспомощных жертвах вооруженных конфликтов и признать их активными акторами в деле укрепления мира и безопасности. Цель исследования — осветить текущее состояние выполнения обязательств международного сообщества в отношении женщин в контексте повестки мира и безопасности для восполнения образовавшихся теоретических лакун и обозначения дальнейших путей повышения роли женщин в качестве агентов мира и безопасности. Авторы использовали междисциплинарный, исторический и структурно-функциональный подходы, провели контент-анализ официальных документов и данных ООН, а также аналитических докладов международных организаций, ознакомились с актуальными научными трудами отечественных и зарубежных ученых. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что принятие резолюции СБ ООН 1325 (2000) позволило изменить миротворческие практики ООН в контексте широкомасштабной повестки дня «Женщины, мир и безопасность» и сформировать новые подходы к участию женщин на всех стадиях мирных процессов. Активное и равноправное участие женщин в мирных переговорах и реализации политических решений стало важным фактором укрепления мира и безопасности. Однако текущая деятельность ООН не ограничивается участием женщин в миротворчестве. Помимо изменений в планировании и комплектовании миротворческих операций ООН работает над решением менее афишируемых поведенческих проблем, включая предотвращение сексуального

© Тишков С.А., Харичкин И.К., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

и гендерного насилия, а также повышение профессиональных навыков миротворческого персонала. Вместе с тем увеличение численности женщин в военных и полицейских миссиях ООН вызывает некоторую озабоченность международного сообщества по поводу потенциальной маскулинизации женщин-миротворцев.

Ключевые слова: ООН, миротворчество, постконфликтное миростроительство, гендерный мейнстриминг, гендерное равенство

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Тишков С. А., Харичкин И. К. Гендерная перспектива в полицейском миротворчестве ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 7—19. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-7-19>

Gender Perspective in UN Police Peacekeeping

Sergey A. Tishkov¹  , Igor K. Kharichkin² 

¹Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

stishkov@list.ru

Abstract. Despite the upsurge in conflicts at the turn of the 20th and 21st centuries and the increase in peacekeeping activities, women’s participation in peacekeeping operations has been the exception to the rule rather than the standard practice. However, the UN has focused on the negative and disproportional impact of internal armed conflicts on women and children. For the past two decades, the UN has been working to incorporate a gender perspective into the peacekeeping architecture. The starting point was UN Security Council Resolution 1325, adopted in 2000, which fully recognized the importance of the gender perspective in peace and security. The UN’s further systematic actions in this direction have changed the simplistic view of women as victims of internal armed conflicts and have recognized them as active contributors to peace and security. The purpose of the article is to comprehensively examine the current state of the international community’s commitment to women, peace and security in order to fill the existing theoretical gaps and find further ways to enhance the role of women in peace and security activities. The study is based on interdisciplinary, historical and structural-functional approaches, and uses content analysis of official UN documents and data, analytical reports of international organizations, relevant scientific materials and publications. The authors conclude that UNSCR 1325 (2000) initiated a major shift in UN peacekeeping in the context of a large-scale “Women, Peace and Security” agenda and has led to new approaches to women’s participation in all stages of peace processes. Women’s active and equal participation in peace negotiations and the implementation of political decisions has become an important factor in strengthening peace and security. Moreover, the UN’s current activities are not limited to women’s participation in peacekeeping. In addition to changes in the planning and staffing of peacekeeping operations, the UN has also taken steps to address less visible behavioral issues, including the prevention of sexual and gender-based violence, as well as the professional skills of peacekeeping personnel. At the same time, the increase in the number of women in the military and police components of UN missions has raised some international concerns about the potential masculinization of female peacekeepers.

Key words: United Nations, peacekeeping, peacebuilding, gender mainstreaming, gender equality

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Tishkov, S. A., & Kharichkin, I. K. (2023). Gender perspective in UN police peacekeeping. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 7—19. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-7-19>

Введение

В октябре 2020 г. мировое сообщество отметило двадцатилетие принятия эпохальной резолюции Совета Безопасности ООН 1325¹, которая дала импульс для переосмысления и последовательного изменения роли женщин в миротворческих процессах. В документе впервые было признано особое влияние войн и внутренних вооруженных конфликтов на женщин, а также отмечено недостаточное внимание, уделяемое вкладу женщин в дело урегулирования вооруженных конфликтов и формирования основ устойчивого мира. После принятия резолюции Советом Безопасности ООН (СБ ООН) 1325 (2000) были предприняты практические шаги по повышению роли женщин в деятельности ООН в целом и миротворчестве в частности².

Гендерные аспекты миротворчества неоднократно обсуждались на международных форумах высокого ранга, стали темой целого ряда ключевых документов ООН и предметом зарубежных научных исследований³. Анализ

научных публикаций по данной теме, выполненных на постсоветском пространстве, показывает, что гендерные аспекты миротворчества ООН не получили должного внимания со стороны научного сообщества. Отдельные вопросы гендерной проблематики миротворчества становились предметом исследования в рамках различных научных специальностей (Арзиева, 2014; Арыстанбекова, Нурелбаева, 2017; Жигалева, 2017; Зверев, 2017а; 2017б; Бондарь, Шурухнова, 2019), но комплексного политологического анализа, охватывающего весь период действия резолюции СБ ООН 1325 (2000), проведено не было.

«Женщины, мир и безопасность»

В XXI в. ООН взяла курс на обновление своей деятельности за счет внедрения гендерной перспективы на всех уровнях функционирования Организации, включая миротворческие операции. Отправной точкой данного процесса стало принятие в 2000 г. тематической резолюции СБ ООН 1325 (2000), которая утвердила важность участия женщин в урегулировании вооруженных конфликтов, мирных переговорах и постконфликтном восстановлении.

Над проектом данной резолюции работали неправительственные и феминистские организации во главе с Международной лигой женщин за мир и свободу (*Women's International League for Peace and Freedom*) (Otto & Heathcote, 2014, p. 2). Принятию резолюции предшествовало заявление председателя СБ ООН посла А. Чоудхури (Бангладеш) в честь Международного женского дня 2000 г., где была отмечена неразрывная связь устойчивого мира с равенством между женщинами и мужчинами⁴.

Данная резолюция СБ ООН послужила основанием для концептуальных изменений в

¹ Resolution 1325 (2000) Adopted by the Security Council at its 4213th meeting, on 31 October 2000 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/720/18/PDF/N0072018.pdf?OpenElement> (accessed: 09.03.2021).

² Согласно заявлению Генерального секретаря ООН А. Гутерриша от 1 января 2020 г., впервые в истории Организации удалось добиться гендерного паритета среди старших должностных лиц на уровне заместителей и помощников Генерального секретаря ООН. Генеральный секретарь ООН пообещал, что усилия по обеспечению гендерного паритета будут предприниматься на всех уровнях системы ООН. См.: Гендерное неравенство — это вопиющая несправедливость // ООН. 06.03.2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/03/1373911> (дата обращения: 09.03.2021).

³ Caparini M. Gender training for police peacekeepers: Approaching two decades of United Nations Security Council Resolution 1325 // SIPRI. October 31, 2019. URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2019/gender-training-police-peacekeepers-approaching-two-decades-united-nations-security-council> (accessed: 15.04.2021). См. также: (Bridges & Horsfall, 2009; Karim & Beardsley, 2013; Otto & Heathcote, 2014; Kreft, 2017; Alchin, Gouws & Heinecken, 2018; Tidblad-Lundholm, 2020).

⁴ Chowdhury A. K. Women Are Essential for Sustainable Peace // Universal Peace Federation. October 31, 2010. URL: <http://www.upf.org/resources/speeches-and-articles/3239-ak-chowdhury-women-essential-for-sustainable-peace> (accessed: 10.03.2021).

рассмотрении гендерных аспектов миротворчества, вполне обоснованно увязав проблемы мира и безопасности с социальными аспектами безопасности в формате долгосрочного развития и теорией «безопасности личности» (*human security*) (Худайкулова, 2010, с. 175). В контексте расширения секьюритизации гендерной проблематики мы поддерживаем мнение ряда российских авторов о том, что в условиях внутренних конфликтов именно теория безопасности личности может стать мостом, объединяющим индивидуальный, национальный, региональный и глобальный уровни обеспечения безопасности (Виноградова, Рушин, 2015, с. 172, 175; Бокерия, 2017, с. 312).

Положения резолюции СБ ООН 1325 (2000) в дальнейшем стали основой для широкомасштабной повестки дня «Женщины, мир и безопасность» в контексте реализации гендерных аспектов миротворчества⁵. Они были связаны не только с расширением участия женщин во всех стадиях мирного процесса, но и с проблемой сексуального и гендерного насилия в условиях внутренних вооруженных конфликтов, а также с нарушениями, допускаемыми миротворцами ООН в зонах операций.

Новая повестка дня предложила учитывать следующие принципы и обязательства при проведении миротворческих операций ООН:

- расширение участия женщин на всех уровнях принятия решений по предотвращению, регулированию и разрешению вооруженных конфликтов;
- учет гендерной составляющей в мирных переговорах и в постконфликтный период;
- интеграция гендерной перспективы в полевые операции;
- подготовка миротворческого персонала по вопросам защиты женщин и девочек ввиду их специфических прав и потребностей;
- учет особых потребностей беженцев женского пола;

⁵ Женщины, мир и безопасность // ООН. URL: <https://dpra.un.org/ru/women-peace-and-security> (дата обращения: 10.03.2021).

— соблюдение норм международного права и реализация потребностей женщин и девочек в защите от сексуального и гендерного насилия в условиях вооруженного конфликта;

— учет различных потребностей бывших участников и участниц боевых действий в процессе разоружения, демобилизации и реинтеграции.

После принятия резолюции СБ ООН 1325 (2000) в мандаты миротворческих операций ООН регулярно включаются межсекторальные задачи, которые соответствуют выполнению важнейших постулатов данного документа.

По компетентному мнению Ю.Е. Жигалевой, «появление „женского вопроса“ в международной повестке является заслугой феминистской школы международных отношений, получившей свое развитие с 80-х гг. XX в. Феминисты-международники предложили опровергнуть патриархальную дихотомию „защитник/защищаемые“, согласно которой войны являются исключительно мужским делом и всегда ведутся во имя справедливой цели и ради защиты женщин и других уязвимых групп населения» (Жигалева, 2017, с. 106).

Ряд авторов справедливо предполагают, что «отправной точкой начала крупномасштабной кампании ООН по включению женщин наравне с мужчинами во все сферы деятельности, в том числе по вопросам мира, безопасности и развития, стала Четвертая Всемирная конференция ООН по положению женщин, состоявшаяся в сентябре 1995 г. в Пекине» (Бондарь, Шурухнова, 2019, с. 46).

По нашему мнению, рост внимания к проблеме участия женщин в вооруженных конфликтах связан именно с растущим пониманием международным сообществом изменения архитектуры безопасности и смещения вектора вооруженных конфликтов на рубеже XX—XXI вв. в направлении внутривластных столкновений, а также с изменением динамики и структуры насилия.

Теоретики и практики миротворчества признали, что «гражданское население, особенно женщины и дети, представляют наиболее уязвимые группы населения во время

вооруженных конфликтов ввиду их подверженности различным формам насилия, включая сексуальное. При этом именно женщины в наибольшей степени несут на себе тяготы, обусловленные вооруженными конфликтами, и это представляет собой угрозу безопасности гуманитарного характера из-за многообразия социальных ролей женщин» (Бондарь, Шурухнова, 2019, с. 47). Наряду с непосредственным воздействием вооруженного конфликта женщины зачастую сталкиваются с потерей семьи и близких, жилья или имущества, а в ряде случаев вынуждены примыкать к подразделениям сторон конфликта в поисках защиты.

Именно поэтому на современном этапе потребности женщин должны более активно учитываться в процессе мирного урегулирования внутренних вооруженных конфликтов. Признание опыта, который женщины приобретают в условиях войны или внутреннего вооруженного конфликта, может помочь более детально донести до политиков проблемы пострадавшего гражданского населения и в итоге построению диалога о мире в ином формате⁶.

Западные эксперты все чаще отмечают, что мирные процессы с большей вероятностью приведут к прочному миру, если женщины смогут принять участие в переговорах и формировании основ для постконфликтной стабилизации (Krause, Krause & Bränfors, 2018, pp. 987—988). Например, исследование, проведенное при координирующей роли Структуры ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин, показало, что «участие женщин в мирных переговорах на 20 % повышает вероятность того, что мирное соглашение будет соблюдаться не менее двух лет, и на 35 % вероятность соблюдения мирного соглашения в период не менее 15 лет»⁷.

⁶ Hutchinson C. The resilience of Resolution 1325 // NATO Review. November 9, 2018. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2018/11/09/the-resilience-of-resolution-1325/index.html> (accessed: 10.03.2021).

⁷ Глобальное исследование хода исполнения Резолюции 1325: основные выводы и рекомендации // Информационный бюллетень Структуры ООН по

В этой связи участие женщин в мирных переговорах по урегулированию внутренних вооруженных конфликтов обосновано и на практике позволяет придать институциональный характер и устойчивость диалогу, начиная с работы на уровне общин и заканчивая национальной и международной политикой. Безусловно, здесь следует согласиться с мнением С.-Д. Алексейчук, отмечающей, что «анализ гендерных аспектов важен для более глубокого понимания причин возникновения войн, моделей насилия, эффективности мирных процессов и последствий в постконфликтный период» (Alexeiciuc, 2020, p. 58).

Например, в Колумбии женское движение имело большое значение для разработки исторического мирного соглашения между колумбийским правительством и повстанческой группировкой «Революционные вооруженные силы Колумбии — Армия народа» (ФАРК). Несмотря на то, что даже после подписания мирного соглашения случаи убийств правозащитников не прекратились, женские организации Колумбии продолжали добиваться выполнения положений документа, включая его гендерные аспекты⁸. Под лозунгом «Больше жизни — меньше оружия» они выступали за политику общегражданской безопасности, направленную на гарантированное соблюдение прав всех граждан. Внимание органов государственной власти было обращено на необходимость должного контроля над коммерческим оборотом стрелкового оружия, которое в Колумбии представляет реальную опасность для гражданского населения⁹.

Миротворческая практика показывает, что включение женщин в состав миротворческих

вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин. С. 2. URL: <https://wps.unwomen.org/resources/fact-sheets/Fact-Sheet-and-Key-messages-Global-Study-RUS.pdf> (дата обращения: 06.03.2021).

⁸ 18th Anniversary of United Nations Security Council Resolution 1325: Women, Peace and Security week // PeaceWomen. October 2018. URL: <https://www.peacewomen.org/node/102751> (accessed: 06.03.2021).

⁹ Press Release: More Life Less Arms // Women's International League for Peace and Freedom. February 27, 2018. URL: <https://www.wilpf.org/press-release-more-life-less-arms/> (accessed: 06.04.2021).

операций также стало важным аргументом повышения легитимности международного присутствия под флагом ООН в глазах местных жителей. Следует согласиться с мнением А.К. Арзиевой, которая отмечает, что «присутствие женщин-миротворцев может также способствовать ослаблению конфликта и противостояния; улучшить возможности доступа и поддержки для местных женщин; служить ролевой моделью женщинам в общинах; усилить чувство защищенности у местного населения, в том числе у женщин и детей; расширить спектр профессиональных навыков в рамках миротворческой миссии» (Арзиева, 2014, с. 142). Миротворцы женского пола играют важную позитивную роль в оказании помощи женщинам, пострадавшим от конфликта, особенно жертвам сексуального насилия, а также демобилизованным из состава правительственных вооруженных сил или незаконных формирований.

Данный аспект миротворчества акцентирует внимание на необходимости особого подхода не только к проблемам женщин во время внутренних вооруженных конфликтов, их реабилитации и ресоциализации в постконфликтный период, но и к их участию на всех стадиях мирного процесса. Поэтому резолюция СБ ООН 1325 (2000) предложила начать работу в сфере миротворчества по новым направлениям: предотвращение насилия в отношении женщин (*prevention*); усиление защиты прав женщин и девочек в зонах конфликтов с особым вниманием к случаям сексуального и гендерного насилия (*protection*); использование гендерной перспективы как нового инструмента во всех механизмах по предотвращению и урегулированию внутренних вооруженных, а также построению прочного мира (*participation*).

Положения широкомасштабной повестки дня «Женщины, мир и безопасность» получили дальнейшую разработку в семи резолюциях СБ ООН¹⁰, подчеркивающих важность

¹⁰ См.: Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 13.03.2021); Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on

обеспечения равноправного и всестороннего участия женщин в предотвращении и урегулировании внутренних вооруженных конфликтов, необходимость обеспечения их защиты путем расширения гендерных аспектов в миротворчестве, целесообразность масштабного взаимодействия с гражданским обществом, а также значимость активного содействия усилиям по увязке коренных причин конфликта с мерами по их предупреждению и защите гражданского населения. Положения данной повестки были также проработаны в резолюциях СБ ООН, посвященных детям в вооруженных конфликтах¹¹ и защите гражданского населения в вооруженных конфликтах¹².

Реализация приоритетов, касающихся повестки дня «Женщины, мир и безопасность», является политическим обязательством, закрепленным в инициативе Генерального

30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 13.03.2021); Resolution 1889 (2009) Adopted by the Security Council at its 6196th meeting, on 5 October 2009 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/542/55/PDF/N0954255.pdf?OpenElement> (accessed: 13.03.2021); Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 13.03.2021); Resolution 2106 (2013) Adopted by the Security Council at its 6984th meeting, on 24 June 2013 // UN Security Council. June 24, 2013. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2106\(2013\)](https://undocs.org/en/S/RES/2106(2013)) (accessed: 13.03.2021); Resolution 2122 (2013) Adopted by the Security Council at its 7044th meeting, on 18 October 2013 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/523/44/PDF/N1352344.pdf?OpenElement> (accessed: 13.03.2021); Resolution 2242 (2015) Adopted by the Security Council at its 7533rd meeting, on 13 October 2015 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/311/09/PDF/N1531109.pdf?OpenElement> (accessed: 13.03.2021).

¹¹ Resolution 1612 (2005) Adopted by the Security Council at its 5235th meeting, on 26 July 2005 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/439/59/PDF/N0543959.pdf?OpenElement> (accessed: 06.04.2021).

¹² Resolution 1674 (2006) Adopted by the Security Council at its 5430th meeting, on 28 April 2006 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/331/99/PDF/N0633199.pdf?OpenElement> (accessed: 06.04.2021).

секретаря ООН «Действия по поддержанию мира» (*Action for Peace*). Данная инициатива является новым подтверждением того, что «полноценное, равноправное и конструктивное участие женщин в мирных процессах и принятии политических решений существенно важно для эффективной деятельности по поддержанию мира»¹³.

Представительство и активное участие женщин в мирных процессах

С 2001 г. Департамент операций по поддержанию мира ООН (ДОПМ)¹⁴ организовал проведение глобальной кампании по недопущению дискриминации и обеспечению в равной мере реализации прав мужчин и женщин за счет внедрения в миротворческую деятельность стратегии достижения гендерного равенства (*gender mainstreaming*).

Многолетний опыт ООН показывает, что женщины проявляют высокий уровень профессионализма, дисциплины и командной работы, необходимые миротворческому персоналу, вследствие чего участие женщин критически важно для повышения операционной эффективности миротворческих операций ООН при выполнении всего спектра задач. Поэтому при принятии решений субъектам миротворчества необходимо помнить, что участие женщин не должно упрощаться до присутствия в зоне конфликта в целях повышения дисциплины среди персонала миротворческих войск ООН (Bridges & Horsfall, 2009). Например, «женщины-военнослужащие способны не только выполнять те же функции и служебные обязанности, что и их коллеги-мужчины, но и повысить эффективность проведения военных операций, привнося новые идеи в сфере защиты гражданского

населения, в частности женщин и девочек. Данные инициативы крайне важны для любой миротворческой операции ООН, поскольку они обеспечивают комплексный подход к выполнению заявленного мандата»¹⁵.

Стратегия достижения гендерного равенства, или гендерный мейнстриминг, способствует выработке целостного и широкого подхода к решению задач и проблем, с которыми сталкиваются миротворческие миссии ООН. Данная стратегия предусматривает анализ и учет гендерной проблематики при планировании, реализации, мониторинге и оценке всех политических процессов и реализуемых программ в целях обеспечения равенства между женщинами и мужчинами. При этом одной из основных целей гендерного мейнстриминга в системе миротворчества ООН является внедрение принципов борьбы с дискриминацией по половому признаку во все стратегические документы и их реализацию на всех уровнях функционирования Организации — от центральных департаментов до полевых миссий. Для этого в структуре гражданского компонента главных штабов полевых миссий ООН были созданы офисы и введены должности Советника по гендерным вопросам (*Gender Advisor*), а на региональном и местном уровнях — координаторов по гендерным вопросам (*Gender Focal Point*). Целями данных сотрудников являются обеспечение должного уровня информирования персонала по гендерно-чувствительной проблематике, реализация мирных инициатив и программ с учетом мнения и потребностей женщин и девочек, включая их участие в политической жизни и обеспечение их защиты от сексуального и гендерного насилия.

Например, «с момента создания в составе Смешанной операции Африканского союза — Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД) Офис Советника по гендерным вопросам (*Gender Advisory Unit*) проводил работу по активному включению женщин во все стадии мирных процессов от разработки стратегии, планирования, оперативной поддержки и документирования» (Тишков,

¹³ Расширение прав и возможностей женщин // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/promoting-women-peace-and-security> (дата обращения: 06.04.2021).

¹⁴ С 1 января 2019 г. ДОПМ реорганизован в Департамент миротворческих операций (*Department of Peace Operations*). См.: UN reform: Two new departments for the peace and security pillar // UN Permanent Missions. August 23, 2018. URL: <https://www.un.int/cotedivoire/news/un-reform-two-new-departments-peace-and-security-pillar> (accessed: 15.03.2021).

¹⁵ Военный персонал // Операции ООН по поддержанию мира. 2021. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/military> (дата обращения: 15.03.2021).

2017, с. 85). В результате были сформированы специализированные комитеты для контроля выполнения местным правительством своих обязательств в соответствии с резолюцией СБ ООН 1325 (2000). В свою очередь «Группа по гендерной проблематике Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) оказала поддержку участию женщин в подготовке проекта и распространении текста малийской Хартии национального примирения»¹⁶.

В контексте реализации мер по укреплению доверия между Суданом и Южным Суданом на местном уровне 22—25 февраля 2021 г. при поддержке Временных сил безопасности ООН для Абьея (ЮНИСФА) была проведена вторая мирная конференция между общинами нгок-динка и миссерия, на которой были обсуждены критические вопросы их мирного сосуществования. В работе конференции приняли участие более 60 делегаций, представляющих различные слои местного населения. Позитивным результатом стало вовлечение в работу конференции двух женщин из общины миссерия и трех женщин из общины нгок-динка, в то время как в предыдущей конференции (1—4 февраля 2021 г.) участвовала только одна женщина-миссерия. На втором форуме, несмотря на существующие межобщинные разногласия, все пять участниц заняли единую позицию, осуждая конфликт и заявляя о своей готовности поддержать мужчин в поисках путей мирного решения конфликта¹⁷. Таким образом, признание и учет гендерных аспектов в комплексных усилиях на всех уровнях приводят к успеху конкретной миротворческой операции и выполнению заявленных мандатов и, соответственно, являются залогом успеха миротворческих усилий всей ООН, что подтверждает своевременность и правильность повестки, заявленной резолюцией СБ ООН 1325 (2000).

¹⁶ Расширение прав и возможностей женщин // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/promoting-women-peace-and-security> (дата обращения: 06.04.2021).

¹⁷ Ngok Dinka and Misseriya Peace Conference // United Nations Interim Security Force for Abyei. February 24, 2021. URL: <https://unisfa.unmissions.org/ngok-dinka-and-misseriya-peace-conference> (accessed: 20.09.2021).

Данные статистики ООН в части предоставления военного и полицейского персонала миротворческих операций ООН показывают, что в соответствии с принятым стратегическим курсом были достигнуты определенные положительные результаты в расширении участия женщин в составе миротворческих контингентов ООН. В 2010 г. женщины-миротворцы составляли 4,14 % от общей численности «военных экспертов» (*military experts on mission*), включая военных наблюдателей, офицеров по взаимодействию и военных советников, 2,42 % персонала миротворческих сил ООН и 8,7 % от численности полицейского компонента ООН¹⁸. По состоянию на 31 октября 2021 г. в миротворческих операциях ООН в составе военного компонента участвовали 4158 женщин (6,2 % от численности персонала) и 1436 женщин-полицейских (18,6 % от численности персонала полицейского компонента)¹⁹.

Таким образом, полицейский компонент ООН наиболее активно реализует потенциал участия женщин в миротворческой деятельности и постконфликтном миростроительстве. Этот факт с учетом степени разработанности вопроса, наличия аналитических данных и положительных примеров работы на местах позволяет сориентировать рассмотрение процесса реализации резолюции СБ ООН 1325 (2000) именно на него.

Роль женщин в полицейском компоненте ООН

В XXI в. приоритетами для полиции ООН стали увеличение числа женщин-миротворцев, искоренение гендерной дискриминации и обеспечение надлежащего участия

¹⁸ DPKO/OMA Statistical Report on Female Military and Police Personnel in UN Peacekeeping Operations Prepared for the 10th Anniversary of the SCR 1325 // United Nations. 2010. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/gender_scre1325_chart.pdf (accessed: 15.04.2020).

¹⁹ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Mission, Personnel Type, and Gender. Experts on Mission, Formed Police Units, Individual Police, Staff Officer, and Troops // United Nations Peacekeeping. October 31, 2021. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/07_gender_statistics_42_oct_2021.pdf (accessed: 30.10.2021).

женщин и представителей этнических меньшинств в правоохранительных органах стран, принимающих миротворческие операции.

Для реализации Стратегии достижения гендерного равенства полиция ООН совместно со странами, представляющими полицейский персонал, учредила программу Глобальных усилий (*Global Effort*), одним из направлений которой является увеличение численности женщин-миротворцев²⁰.

В резолюции СБ ООН 2185 (2014)²¹, посвященной деятельности полиции ООН, паритетное участие женщин в миротворческом процессе рассматривается как важное направление всестороннего подхода к профилактике внутренних вооруженных конфликтов и установлению прочного мира. СБ ООН призывает страны, предоставляющие персонал для миротворческих миссий, увеличить количество женщин-полицейских, включая старших офицеров, в качестве кандидатов на замещение руководящих должностей в полицейских компонентах миротворческих операций.

Считаем необходимым отметить активную политику Секретариата ООН в данном вопросе. «Одним из условий направления государствами-членами полицейских контингентов в миротворческие миссии является присутствие не менее 20 % женщин от общей численности направляемого персонала. В этой связи во время отбора кандидатов в миссии при одинаковой квалификации, как правило, предпочтение отдается кандидатам женского пола. Кроме того, Секретариат ООН оставляет за собой право сократить численность полицейского контингента того или иного государства-члена, если оно не предоставляет кандидатов-женщин, в пользу женщин из другого государства, направляющего полицейский контингент» (Бондарь, Шурухнова, 2019, с. 47).

²⁰ UN police gender initiatives // United Nations police. 2021. URL: <https://police.un.org/en/un-police-gender-initiatives> (accessed: 15.03.2021).

²¹ Resolution 2185 (2014) Adopted by the Security Council at its 7317th meeting, on 20 November 2014 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/640/92/PDF/N1464092.pdf?OpenElement> (accessed: 15.03.2021).

Несомненно, данная инициатива является важным вкладом в реализацию усилий по паритетному участию мужчин и женщин в деятельности миротворческих операций. Однако, по нашему мнению, для повышения роли женщин-миротворцев в выполнении миротворческих мандатов необходимо не только обеспечить командирование под командование ООН большего количества женщин-полицейских, но и выработать четкие критерии и индикаторы их вклада в достижение заявленных целей. Поэтому теоретикам и практикам миротворчества необходимо взвешенно применять статистические данные для определения эффективности реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность». Безусловно, выработать объективную систему оценки с использованием глобальных показателей для мониторинга хода реализации гендерных инициатив в миротворчестве ООН намного сложнее, чем сравнивать статистические показатели. Поэтому при анализе вклада женщин более применимо рассматривать результаты деятельности в рамках инициатив по достижению гендерного паритета во всех сферах миротворчества, как это было предложено в резолюции СБ ООН 2185 (2014)²².

Следует отметить, что данные гендерной статистики не всегда отражают реальные масштабы участия женщин в миротворчестве ООН. Наиболее отчетливо данный тезис может быть проиллюстрирован на примере относительно малочисленных Вооруженных Сил ООН по поддержанию мира на Кипре (ВСООНК), в составе которых на протяжении ряда лет отмечается значительная доля женщин-миротворцев. Согласно статистике ООН по состоянию на 31 января 2020 г., 26 женщин составляли 42 % от численности полицейского компонента и 95 женщин формируют 12 % от военного персонала ООН на Кипре. Для сравнения: в составе ЮНАМИД проходили службу 241 женщина-полицейский и 253 женщины-военнослужащие, что в процентном отношении составляло лишь 11,3 и 5,8 % численности соответствующих компонентов²³.

²² Ibid.

²³ Страны, предоставляющие воинские и полицейские контингенты // Операции ООН по поддержанию

Еще одним важным направлением в данной сфере является применение новаторских практик, что может служить основой для обновленной полицейской деятельности ООН, ориентированной на потребности женщин в условиях вооруженных конфликтов и в постконфликтных ситуациях.

Например, в суданском Дарфуре с учетом культурных традиций большая часть потерпевших от сексуального или домашнего насилия неохотно заявляла об этом в местную полицию, в которой служит незначительное количество женщин. Поэтому полиция ЮНАМИД ставила целью не только поддерживать до 20 % женщин в составе своего персонала, но и обучать сотрудников полицейских органов правительства Судана методам работы с женщинами и детьми, а также развивать сеть центров по защите женщин и детей, уделяя внимание развитию их инфраструктуры за счет «проектов быстрой отдачи» (Sararini et al., 2015, pp. 29, 31).

Примером гендерно-ориентированных методов работы можно считать включение женщин в состав сформированных подразделений полиции (СПП, *formed police units*)²⁴. Впервые в истории ООН женское СПП, сформированное Индией, прибыло в Миссию ООН в Либерии (МООНЛ) в январе 2007 г. В составе СПП было 103 сотрудницы женского пола для выполнения оперативных полицейских задач и 22 мужчины для обеспечения функционирования подразделения²⁵. В 2011 г. уже три женских СПП численностью до 140 человек каждое действовали в составе миротворческих миссий ООН. Республика Бангладеш направила два женских СПП для работы в Гаити и Демократической Республике Конго, а женское СПП из Индии продолжало свою работу в составе МООНЛ.

мира. 31.01.2020. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 13.04.2021).

²⁴ Resolution 2185 (2014) Adopted by the Security Council at its 7317th meeting, on 20 November 2014 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/640/92/PDF/N1464092.pdf?OpenElement> (accessed: 15.03.2021).

²⁵ UN Police Magazine // UN Department of Peacekeeping Operations. June 2007. P. 4. URL: https://police.un.org/sites/default/files/unpolmag_02.pdf (accessed: 13.03.2021).

Данные подразделения были призваны обеспечивать безопасность и охрану, особенно в лагерях для беженцев и внутренне перемещенных лиц, уделяя особое внимание уязвимым группам населения²⁶.

В 2016 г., подводя итоги почти десятилетнего пребывания индийских женщин-миротворцев, глава МООНЛ Ф. Зариф наряду с содействием в укреплении потенциала Национальной полиции Либерии и позитивным влиянием на участие женщин в общественной жизни принимающей страны, особо отметил героизм женщин-миротворцев во время вспышки лихорадки Эбола²⁷. Таким образом, были разрушены стереотипы о составе СПП, в которых процент женщин, как правило, был намного ниже, чем среди сотрудников полиции ООН, набранных на индивидуальной основе (*individual police officers*).

В 2016 г. данный опыт позволил включить в доктринальные документы ООН положения о том, что СПП смешанного типа, в составе которых есть не менее одного женского взвода численностью до 32 сотрудников, должны иметь приоритет при развертывании ввиду большей операционной эффективности при воздействии на ситуацию²⁸. Данное решение обосновано тем, что женщины незаменимы при проведении патрулей в местах массового скопления местного населения, оцеплений и поисковых рейдов, в частности при необходимости проводить досмотр гражданских лиц женского пола или обыски в местах, куда, согласно существующим традициям, не могут войти мужчины.

Важным показателем реализации потенциала женщин в миротворческой деятельности является их представительство на

²⁶ United Nations police. Report of the Secretary-General // United Nations. December 15, 2011. URL: <https://undocs.org/en/A/66/615> (accessed: 15.03.2021).

²⁷ Дебют женщин в качестве миротворцев ООН превзошел все ожидания // Новости ООН. 29.05.2016. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2016/05/1034121> (дата обращения: 15.03.2021).

²⁸ Policy on Formed Police Units in United Nations Peacekeeping Operations (2016) // United Nations Police. January 1, 2017. URL: <https://police.un.org/en/policy-formed-police-units-united-nations-peacekeeping-operations-2017> (accessed: 15.03.2021).

ключевых должностях в центральных учреждениях ООН и миротворческих миссиях. Например, А.-М. Орлер из Швеции руководила Отделом полиции ДОПМ (*UNDP Police Division*) с 8 марта 2010 г. по 2013 г.²⁹, а ее соотечественница М. Аппелблом возглавляла Постоянный полицейский компонент (*Standing Police Capacity*) полиции ООН в 2014—2017 гг.³⁰ В марте 2016 г. впервые в истории миротворчества ООН главой полицейского компонента полевой миссии стала женщина. П. Макотосе из Зимбабве была назначена на должность комиссара полиции ЮНАМИД³¹.

Необходимо отметить, что в этот период ЮНАМИД имела наилучшее представительство женщин-полицейских, составляющее от 18 до 20 % от общего числа полицейских, набранных на индивидуальной основе. Женщины занимали 12 ключевых руководящих должностей различного уровня, включая такие профессиональные должности, как комиссар полиции миссии ЮНАМИД, специальный помощник комиссара полиции, начальник сектора и заместитель начальника сектора. Восемь женщин-полицейских занимали должности командиров опорных пунктов, руководителей подразделений и руководителей групп³².

В настоящее время женщины продолжают занимать руководящие посты в компонентах полиции ООН полевых операций. В мае 2018 г. на должность комиссара полиции

Миссии ООН в Южном Судане (МООНЮС) была назначена У. Болатолу-Вунивака из Республики Фиджи³³. Приступив к работе в новой должности, она выступила с призывом к женщинам-полицейским ООН поддержать ее в защите гражданского населения и создания мира в Южном Судане. По мнению У. Болатолу-Вунивака, именно женщины-полицейские играют важную роль в установлении контакта и доверительных отношений с местными общинами Южного Судана, так как они наиболее тесно работают с уязвимыми группами населения и внутренне перемещенными лицами в специализированных поселениях для защиты гражданского населения³⁴. Назначение женщины на высшую полицейскую должность ООН в Южном Судане приветствовалось главой миссии Д. Ширером. Он отметил, что У. Болатолу-Вунивака является активным сторонником расширения прав и возможностей женщин как в системе ООН, так и в более широком смысле, побуждая женщин стремиться к руководящим позициям и полностью реализовать свой потенциал³⁵.

Таким образом, произошедшее за последнее десятилетие расширение участия женщин-полицейских в миротворчестве позволило активизировать их роль в мирных процессах, в том числе и на руководящих постах миротворческих операций ООН, а также внедрить гендерно-ориентированные подходы во все сферы миротворчества ООН.

Вместе с тем в реализации гендерно-ориентированных подходов кроется определенный проблемный потенциал. По мнению

²⁹ Secretary-General Promotes Ann-Marie Orlor of Sweden to United Nations Police Adviser in Department of Peacekeeping Operations // United Nations. March 8, 2010. URL: <https://press.un.org/en/2010/bio4173.doc.htm> (accessed: 15.03.2021).

³⁰ Maria Appelblom // International Association of Women Police. URL: <https://www.iawp.org/resources/Documents/Press%20Releases/Biography%20Maria%20Appelblom%20Stockholm%20Forum%20.pdf> (accessed: 15.03.2021).

³¹ Interview: 'Policing is about the passion to serve people' — UNAMID Police Commissioner Priscilla Makotose // UN News. November 12, 2016. URL: <https://news.un.org/en/story/2016/11/545212-interview-policing-about-passion-serve-people-unamid-police-commissioner> (accessed: 20.09.2021).

³² UNAMID Police Chronicles // UNAMID Police. December 2016. Iss. 64. P. 18. URL: https://unamid.unmissions.org/sites/default/files/unamid_chronicles_issue_64_0.pdf (accessed: 20.09.2021).

³³ New UN Police commissioner urges other female officers to join her in protecting civilians and building peace in South Sudan // UNMISS. May 25, 2018. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/new-un-police-commissioner-urges-other-female-officers-to-join-her-protecting-civilians-and-building> (accessed: 20.09.2021).

³⁴ A peacekeeper and a leader: Unaisi Bolatolu-Vuniwaqa, UNMISS Police Commissioner // UN Peacekeeping. October 6, 2021. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/peacekeeper-and-leader-unaisi-bolatolu-vuniwaqa-unmiss-police-commissioner> (accessed: 20.09.2021).

³⁵ New UN Police commissioner urges other female officers to join her in protecting civilians and building peace in South Sudan // UNMISS. May 25, 2018. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/new-un-police-commissioner-urges-other-female-officers-to-join-her-protecting-civilians-and-building> (accessed: 20.09.2021).

ряда исследователей, задачи, поручаемые женщинам-миротворцам, базируются на упрощенных стереотипах о гендерных ролях мужчин и женщин, а потенциал женщин-миротворцев наиболее часто востребован лишь в миротворческих операциях ООН, развернутых в зонах конфликтов с высокой долей сексуального насилия (Kreft, 2017, pp. 148—151).

Тенденция увеличения численности женщин-миротворцев в составе военного и полицейского компонентов и в секторе безопасности вызывает некоторую озабоченность у представителей международных женских движений. Например, генеральный секретарь Международной лиги женщин за мир и свободу М. Рис напомнила, что «решение проблем постконфликтного восстановления в большей степени связано с демилитаризацией мужчин (участников вооруженных формирований. — *Прим. авт.*), а не с “милитаризацией” женщин через активное вовлечение в деятельность миротворческих операций ООН»³⁶.

В этой связи считаем возможным предложить проведение дополнительных исследований роли женщин в составе миротворческих операций ООН и потенциальной маскулинизации женщин-миротворцев.

Заключение

Принятие резолюции СБ ООН 1325 (2000) изменило концептуализацию безопасности и

³⁶ Preparing for the 20th anniversary of UNSCR 1325: Pledge of Commitments on Women, Peace and Security // PeaceWomen. September 18, 2019. URL: <https://www.peacewomen.org/node/103512> (accessed: 15.03.2021).

по-новому вписало в это пространство вопрос о правах и роли женщин, создав основу для широкомасштабной повестки дня «Женщины, мир и безопасность». На протяжении последних десятилетий гендерные аспекты миротворческих операций ООН стали объектом пристального внимания международного сообщества. Для реализации гендерно-ориентированных инициатив принят целый ряд тематических резолюций СБ ООН, внесены изменения в руководящие документы ООН и структурное построение миротворческих операций.

ООН реализует активную программу по расширению участия женщин в мирных процессах — от принятия решений до участия во всех сферах деятельности миротворческих операций ООН. Данные усилия ООН привели к значительному увеличению в составах ее миротворческих миссий женщин-военнослужащих, женщин-полицейских, обеспечив более эффективную деятельность миссий. Практика показала, что участие женщин в миротворческих операциях позволило расширить возможности доступа и поддержки для местных женщин и усилить защищенность гражданского населения от сексуального и гендерного насилия.

Вместе с тем в реализации гендерно-ориентированных подходов имеется определенный проблемный потенциал, связанный с риском маскулинизации женщин-миротворцев, проходящих службу в составе военного и полицейского компонента ООН.

Поступила в редакцию / Received: 04.05.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 05.12.2021
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Арзиева А. К. Разработка рекомендаций по формированию миротворческих групп женщин // Наука и новые технологии. 2014. № 2. С. 141—144.
- Арыстанбекова А. К., Нурелбаева А. С. Женщины в миротворческой деятельности ООН // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 22. С. 110—114.
- Бокерия С. А. Концепция личностной безопасности в практике ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 312—324. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324>

- Бондарь Е. О., Шурухнова Д. Н. Участие сотрудников органов внутренних дел в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций в контексте гендерного равенства // *Административное право и процесс*. 2019. № 6. С. 45—48.
- Виноградова С. М., Руцин Д. А. Гендерные проблемы социальной и личностной безопасности // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2015. Т. 2, № 3. С. 170—180.
- Жигалева Ю. Е. Проблемные аспекты гендерного подхода ООН к миротворчеству // *Academy*. 2017. № 4. С. 106—110.
- Зверев П. Г. Женщины в голубых касках: к вопросу о гендерном равенстве в миротворческих операциях ООН // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2017а. № 1. С. 61—64.
- Зверев П. Г. О совершенствовании процедуры формирования полицейского персонала миротворческих миссий Организации Объединенных Наций // *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2017б. № 4. С. 136—142.
- Тишков С. А. Проблемы участия Африканского союза в полицейском миротворчестве в Дарфуре // *Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций* / отв. ред. С. В. Костелянец, А. А. Ткаченко. Москва : Институт Африки РАН, 2017. С. 78—87.
- Худайкулова А. В. «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010. № 6 (15). С. 175—180.
- Alchin A., Gouws A., Heinecken L. Making a Difference in Peacekeeping Operations: Voices of South African Women Peacekeepers // *African Security Review*. 2018. Vol. 27, no. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/10246029.2017.1406381>
- Alexeiciuc S.-D. Gender Analysis of Conflicts and Conflict Resolution // *BENEFICIUM*. 2020. No. 2. P. 58—65. [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).58-65](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).58-65)
- Bridges D., Horsfall D. Increasing Operational Effectiveness in UN Peacekeeping: Toward a Gender-Balanced Force // *Armed Forces & Society*. 2009. Vol. 36, no. 1. P. 120—130. <https://doi.org/10.1177/0095327X08327818>
- Caparini M., Aubyn F. K., Davies O. V., Dessu M. K., Peter M. Peace Officers: The Role of Police in UNAMID // *Institute for Security Studies Monograph*. 2015. No. 190. P. 1—47. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/Mono190.pdf> (accessed: 15.03.2021).
- Karim S., Beardsley K. Female Peacekeepers and Gender Balancing: Token Gestures or Informed Policymaking? // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, no. 4. P. 461—488. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.805131>
- Krause J., Krause W., Bränfors P. Women's Participation in Peace Negotiations and the Durability of Peace // *International Interactions*. 2018. Vol. 44, no. 6. P. 985—1016. <https://doi.org/10.1080/03050629.2018.1492386>
- Kreft A. K. The Gender Mainstreaming Gap: Security Council Resolution 1325 and UN Peacekeeping Mandates // *International Peacekeeping*. 2017. Vol. 24, no. 1. P. 132—158. <https://doi.org/10.1080/13533312.2016.1195267>
- Otto D., Heathcote G. Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security: An Introduction // *Rethinking Peacekeeping, Gender Equality and Collective Security. Thinking Gender in Transnational Times* / ed. by G. Heathcote, D. Otto. London : Palgrave Macmillan, 2014. P. 1—20. https://doi.org/10.1057/9781137400215_1
- Tidblad-Lundholm K. When Are Women Deployed? Operational Uncertainty and Deployment of Female Personnel to UN Peacekeeping // *International Peacekeeping*. 2020. Vol. 27, no. 4. P. 673—702. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1760717>

Сведения об авторах: Тишков Сергей Александрович — кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова; ORCID: 0000-0003-0406-0900; e-mail: stishkov@list.ru

Харичкин Игорь Константинович — доктор философских наук, профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; ORCID: 0000-0003-4478-0865; e-mail: igorkharichkin@yandex.ru



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-20-36

EDN: UYWWUY

Научная статья / Research article

Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА

С.А. Бокерия  , А.Р. Андропова 

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. В центре гуманитарной деятельности международного сообщества сегодня находится подход, ориентированный на пострадавших. Различные формы сексуального насилия рассматриваются не только как сопутствующие насилию, но и как инструмент давления и ведения боевых действий противоборствующими сторонами в условиях вооруженного конфликта. В этой связи меры по предотвращению и противодействию таким актам были включены в мандаты миротворческих миссий ООН. Цель данного исследования заключается в определении логики поведения международного сообщества в контексте противодействия сексуальному насилию в условиях конфликта путем укрепления миротворческих инициатив, а также в дополнении результатов современных исследований по защите женщин в вооруженных конфликтах и ситуациях сексуального насилия. Указанная цель обуславливает последовательное изучение всех элементов существующей системы: правовой базы, роли государств и деятельности ООН. Для отслеживания концептуальных терминологических изменений авторами был проведен контент-анализ резолюций Совета Безопасности ООН (СБ ООН) по данной проблеме. Одновременно для определения основных противоречий в риторике государств и, следовательно, мотивов их действий авторами был применен кластерный анализ дискурса на основе выступлений делегаций на полях СБ ООН. Полученные кластеры содержат страны с наиболее схожим подходом к изучаемой проблеме, что позволило выделить три уникальные позиции государств, основанные на различиях в понимании самого термина сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта, выделении категории жертв такого насилия и релевантных инструментов противодействия. Акцент может быть сделан на включении сексуального насилия в санкционный список, гендерном образовании в рамках военной подготовки, увеличении числа женщин в миротворческих и миростроительных миссиях или превентивных мерах. Авторы определили наиболее активные государства, продвигающие повестку дня по борьбе с сексуальным насилием, среди которых Германия, Великобритания, США, Канада и Франция. Также рассмотрена практическая реализация миротворческих мандатов ООН в условиях включения в них мер по противодействию сексуальному насилию. Исследование подтверждает, что миротворческие миссии активно включены в международный ответ на рассматриваемую форму сексуального насилия.

Ключевые слова: сексуальное насилие, вооруженный конфликт, миротворчество, человеческая безопасность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01195).

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Бокерия С.А., Андропова А.Р., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бокерия С. А., Андропова А. Р. Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 20—36. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-20-36>

The Logic of International Response to Anti-Violence and Sexual Integrity Agenda in Violent Conflict: Case of MINUSCA

Svetlana A. Bokeriya  , Anastasiia R. Andronova 

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. A survivor-centered approach is at the heart of the international community's humanitarian action today. In armed conflicts various forms of sexual violence are seen not only as accompanying violence, but also as a tool of pressure and warfare of the contesting parties, and important measures to prevent and counteract such acts have been included into the mandates of the UN peacekeeping missions. This research aims to identify the logic of international community's action to counter conflict-related sexual violence (CRSV) by strengthening peacekeeping initiatives, and complement ongoing research on the protection of women in armed conflict and situations of sexual violence. This goal entails an examination of all elements of the existing system: legal framework, the role of states, and the activities of the UN. The authors conducted a content analysis of the UN Security Council resolutions on the topic to trace conceptual terminological changes. At the same time, to identify the main contradictions in the rhetoric of states and, consequently, the motives of their actions, a discourse cluster analysis was used based on the statements of delegations in the UN Security Council. The resulting clusters display three unique positions of the national states that are mostly explained by different understandings of the term itself, the categories of victims of such violence, and the relevant tools for countering it. Emphasis could be placed on including sexual violence on the sanctions list, gender education in military training, increasing the number of women in peacekeeping and peacebuilding missions, or preventive measures. The authors identified the most active states pushing the anti-sexual violence agenda; they include Germany, the UK, the US, Canada, and France. The article also examines the practical implementation of UN peacekeeping mandates in terms of including measures to counteract sexual violence. The research confirms that peacekeeping missions are now more actively engaged in the international response to CRSV.

Key words: conflict-related sexual violence, violent conflict, armed conflict, peacekeeping, human security

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01195).

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Bokeriya, S. A., & Andronova, A. R. (2023). The logic of international response to anti-violence and sexual integrity agenda in violent conflict: Case of MINUSCA. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 20—36. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-20-36>

Введение

В гуманитарных исследованиях под сексуальным насилием понимаются акты насилия, каким-либо образом затрагивающие половые или репродуктивные органы, то есть включают такие формы, как изнасилование, пытки, увечья, принудительная беременность, сексуальное рабство, принудительные и

детские браки, запрет на использование контрацептивов и т. д. (Buss, 2017). Кроме того, сексуальное насилие рассматривается как неотъемлемая часть любого вооруженного конфликта (внутри- или межгосударственного), некоторые ученые даже называли такое насилие «хронической болезнью» (Ебое-Osujі, 2012, pp. 203—220).

В рамках гендерного подхода ученые выделяют две «метафоры», которые способствуют включению проблемы сексуального насилия в международную политическую повестку дня, — концепции «видеть» и «делать видимым». Первая — более проста и направлена на повышение важности проблемы и ее применимости к военным действиям. Вторая — концентрируется на анализе проблемы и вооруженного конфликта и строится на нескольких вопросах: «кто видит, кого видит, что видят и как?» (Sorolon, 2011).

В статье исследуется логика действий международного сообщества в решении проблемы сексуального насилия в условиях конфликта в контексте укрепления и реализации миротворческих инициатив. В более ранних исследованиях доказано, что миротворчество является довольно успешным инструментом защиты гражданского населения от летального насилия (Bove & Ruggeri, 2016; Hultman, Kathman & Shannon, 2013; Kathman & Wood, 2016), однако сексуальное насилие в условиях конфликта имеет иную природу. Оно не может быть искоренено с помощью тех же инструментов, что и акты летального насилия (Gutiérrez-Sanín & Wood, 2017). Недавние исследования также выявили условия, которые позволяют миротворцам действовать наиболее эффективно: наличие мандата и предотвращение насилия со стороны вооруженных субъектов (Johansson & Hultman, 2019). Кроме того, было выявлено, что социально-экономическая и политическая маргинализация женщин является общей чертой в (пост)конфликтных условиях (Cohen, 2013).

Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 (UNSCR 1325)¹, призывающая к увеличению представительства женщин, в том числе в миротворческой деятельности и постконфликтном восстановлении, оказала значительное влияние на включение гендерной по-

¹ Security Council resolution 1325 on Women and peace and security // United Nations and the Rule of Law. 2000. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/security-council-resolution-1325-2000-on-women-and-peace-and-security/> (accessed: 03.09.2022).

вестки дня в миротворческие операции. Возможность принятия «гендерного» мандата напрямую связана с уровнем сексуального насилия: чем он выше, тем больше вероятность того, что миссия будет иметь гендерное измерение (Kreft, 2016). Ряд исследователей также считают, что эффективного контроля поведения нельзя достичь только с помощью внешних стимулов (то есть денежных или нематериальных поощрений и наказаний) (Green, 2016). В то же время повестка дня «Женщины, мир и безопасность» обычно критикуется исследователями феминистской традиции за то, что в рамках этой повестки женщины рассматриваются как жертвы насилия, а не лица, участвующие в изменении и решении проблемы (Kreft, 2019; Karim & Beardsley, 2015).

Данная статья отвечает на вопросы, как и почему международное сообщество решает проблему сексуального насилия в вооруженных конфликтах с помощью операций по поддержанию мира. Авторы сосредоточили внимание на резолюциях Совета Безопасности ООН (СБ ООН) о сексуальном насилии, принятых в 2008², 2009³, 2010⁴, 2013⁵ и 2019 г.⁶, и их результатах.

² Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

³ Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

⁴ Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 03.09.2022).

⁵ Resolution 2106 (2013) Adopted by the Security Council at its 6984th meeting, on 24 June 2013 // UN Security Council. June 24, 2013. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2106\(2013\)](https://undocs.org/en/S/RES/2106(2013)) (accessed: 03.09.2022).

⁶ Resolution 2467 (2019) Adopted by the Security Council at its 8514th meeting, on 23 April 2019 // UN docs. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/118/28/PDF/N1911828.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

Правовая база ООН, направленная на решение проблемы сексуального насилия в условиях конфликта

Сексуальное насилие в вооруженных конфликтах впервые было выделено в отдельную повестку дня в 2008 г. после принятия резолюции 1820 СБ ООН⁷. В последующее десятилетие страны пытались решить этот вопрос как путем расширения правового поля (в настоящее время существует пять резолюций по этому вопросу), так и в рамках широких дискуссий на площадке специальных Открытых дебатов⁸. До 2008 г. исследуемый вопрос рассматривался в более общих резолюциях по вопросам женщин, мира

⁷ Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

⁸ С момента принятия резолюции Совета Безопасности 1325 в 2000 г. Совет Безопасности ООН ежегодно (обычно в месяц годовщины принятия резолюции — в октябре) собирается для обсуждения вопросов, касающихся повестки «Женщин, мира и безопасности». Открытые заседания начинаются с ежегодного доклада Генерального секретаря по вопросам повестки «Женщины, мир и безопасность». Во время заседания Совет заслушивает сообщения докладчиков, членов Совета Безопасности и других государств-членов. Зачастую ежегодное заседание завершается разработкой итогового документа. Докладчиками обычно являются Генеральный секретарь, директор-исполнитель Структуры «ООН-женщины», представители других специализированных учреждений ООН и наиболее важный докладчик — представитель гражданского общества, избираемый Рабочей Группой НПО по вопросам женщин, мира и безопасности (NGOWG). Заявление гражданского общества разрабатывается защитником Международного женского союза за мир и свободу (WILPF), другими членами коалиции и офисом Рабочей Группы НПО по вопросам женщин, мира и безопасности. В состав спикеров гражданского общества входят представители, учувствовавшие в различных конфликтных ситуациях. Перед открытым заседанием Генеральный секретарь представляет отчет с анализом, обновлениями и рекомендациями. Совет Безопасности может решить принять меры в соответствии с этими рекомендациями путем принятия резолюции, заявления председателя или пресс-релиза. По итогам заседаний Совета Безопасности было принято 10 резолюций по вопросам, касающимся женщин, мира и безопасности.

и безопасности (главным образом в руководящей резолюции СБ ООН 1325).

Как показывает анализ концептуального содержания принятых резолюций, первоначальный термин со временем претерпел изменения от понятия «сексуальное насилие» до «сексуальное и гендерное насилие» и расширил сопутствующие элементы. Для терминологического анализа были отобраны ключевые термины, составляющие семантическое ядро. С нашей точки зрения, они лучше всего иллюстрируют взгляды государств на а) семантику центрального термина; б) значение миротворческих миссий в данном контексте; в) основные методы противодействия; г) обращение с жертвами сексуального насилия во время конфликта (табл. 1).

Термин «гендерное насилие» в последние годы используется все чаще, хотя в сравнении с термином «сексуальное насилие» частота его употребления не так высока. Наблюдается также диверсификация смыслов по отношению к тем, кто оказался в ситуациях насилия. Последний фактор особенно учитывается при разработке будущих программ действий. Постконфликтным ситуациям уделяется все больше внимания в резолюциях, притом отмечается рост значимости превентивных мер. Вопрос сексуального насилия при выполнении миротворческих мандатов был наиболее четко сформулирован в Резолюции 1888, которая одновременно установила мандат Специального представителя⁹. Более того, согласно заявлениям государств — членов ООН на Открытых дебатах и Предварительных дебатах, подтверждена эффективность внедрения программы борьбы с сексуальным насилием в миротворческие миссии¹⁰.

⁹ Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

¹⁰ Security Council Open Debate on Women, Peace and Security, October 2009 // Women's International League for Peace and Freedom. October 5, 2009. URL: <http://www.peacewomen.org/security-council/security-council-open-debate-women-peace-and-security-october-2009> (accessed: 03.09.2022).

Таблица 1

Контент-анализ резолюций Совета Безопасности ООН о сексуальном насилии в условиях конфликта

| Слово / Резолюция | | Резолюция СБ ООН 1820 (2008 г.) | Резолюция СБ ООН 1888 (2009 г.) | Резолюция СБ ООН 1960 (2010 г.) | Резолюция СБ ООН 2106 (2013 г.) | Резолюция СБ ООН 2467 (2019 г.) |
|------------------------------------|---------------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|---------------------------------|
| Число знаков (без пробелов) | | 10811 | 18338 | 13121 | 14738 | 30877 |
| Число страниц | | 5 | 7 | 5 | 6 | 10 |
| a | сексуальное насилие | 33 | 49 | 45 | 47 | 88 |
| | сексуальное и гендерное насилие | 0 | 0 | 1 | 3 | 7 |
| b | ООН | 12 | 26 | 14 | 14 | 20 |
| | миротворчество | 6 | 12 | 8 | 3 | 3 |
| c | имплементация | 2 | 6 | 2 | 12 | 12 |
| | предотвращение | 4 | 1 | 2 | 3 | 10 |
| | расширение прав и возможностей женщин | 0 | 2 | 0 | 0 | 4 |
| d | гражданское лицо | 14 | 16 | 8 | 6 | 8 |
| | пострадавшие | 0 | 1 | 0 | 7 | 17 |
| | жертва | 2 | 4 | 2 | 2 | 14 |
| | ребенок (дети) | 4 | 14 | 8 | 5 | 14 |

Источник: составлено авторами на основе: Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 03.09.2022); Resolution 2106 (2013) Adopted by the Security Council at its 6984th meeting, on 24 June 2013 // UN Security Council. June 24, 2013. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2106\(2013\)](https://undocs.org/en/S/RES/2106(2013)) (accessed: 03.09.2022); Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022); Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022); Resolution 2467 (2019) Adopted by the Security Council at its 8514th meeting, on 23 April 2019 // UN docs. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/118/28/PDF/N1911828.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

Мандаты ООН, закрепленные в резолюциях СБ ООН

Резолюция СБ ООН 1888 (2009 г.)¹¹ установила мандаты Офиса Специального представителя Генерального секретаря по сексуальному насилию в конфликтах (который руководит действиями ООН против сексуального насилия в конфликтах) и Группы экспертов по вопросам верховенства права и сексуального насилия в конфликтах (далее — «Группа»). Последняя играет важную роль для Бюро Специального представителя в оказании помощи правительствам в выполнении их обязательств. Кроме того, данная резолюция положила начало командированию со-

ветников по вопросам защиты женщин в миротворческие миссии. Такие нововведения свидетельствовали о том, что мировое сообщество теперь признает сексуальное насилие в условиях конфликта как проблему мира и безопасности, а не просто продукт гендерного неравенства.

Офис Специального представителя Генерального секретаря по сексуальному насилию в условиях конфликта отвечает за обеспечение последовательного и стратегического руководства, укрепляя существующие координационные механизмы ООН и участвуя в информационно-пропагандистской работе с правительствами, включая военных и судебных представителей, все стороны вооруженного конфликта (то есть государство и негосударственные вооруженные группы) и различные органы гражданского общества. Основным инструментом для достижения

¹¹ Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

этих целей является принятие совместных коммюнике или рамочных соглашений о сотрудничестве со странами-членами¹² или различными институтами¹³, включающих конкретные шаги национальных правительств по выполнению своих международных обязательств по борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта.

В этом контексте работа Группы экспертов имеет особое значение, поскольку она сосредоточена на оказании помощи национальным институтам в следующих областях, связанных с изучаемой проблемой:

- 1) уголовные расследования и преследования;
- 2) военная юстиция;
- 3) законодательная реформа;
- 4) защита жертв и свидетелей;
- 5) возмещение ущерба пострадавшим;
- 6) надзор за сектором безопасности¹⁴.

Группа имеет межведомственный характер, объединяя экспертов из Департамента операций по поддержанию мира (ДОПМ), Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и Программы развития ООН. Такой подход позволяет одновременно работать в рамках международных межправительственных организаций и напрямую взаимодействовать с миротворческими миссиями. Еще один институт, уполномоченный

учитывать вопросы сексуального насилия в политике, проведении операций и поддержке миротворческих и специальных политических миссий ООН, — советники по защите женщин при советниках по гендерным вопросам и подразделениях по правам человека.

Согласно данному подходу, ООН рассматривает сексуальное насилие не как побочный вопрос, а как проблему, которая непосредственно включена в мандаты различных миссий по поддержанию мира и миростроительству. Ввиду сложной и противоречивой природы этого явления меры по предотвращению и решению проблемы сексуального насилия разрабатываются с учетом конфликтной ситуации в стране, где развернута миссия.

Для понимания ситуации в странах, подверженных конфликтам, резолюция СБ ООН 1960 утвердила создание Института механизмов мониторинга, анализа и отчетности (MARA)¹⁵, который обеспечивает анализ актуальной информации о сексуальном насилии, включая изнасилования. Полученные данные служат основой для разрабатываемых впоследствии ответных мер. На глобальном уровне за реализацию и выполнение этого мандата отвечает Специальный представитель Генерального секретаря по вопросам сексуального насилия в условиях конфликта, а на национальном уровне — Специальный представитель Генерального секретаря (там, где есть миротворческие или политические миссии) или координатор-резидент / координатор по гуманитарным вопросам (там, где нет миротворческих или политических миссий). Тем не менее, несмотря на участие в процессе сбора информации как правительственных учреждений, так и институтов гражданского общества, отмечается дефицит достоверных данных, поскольку жертвы насилия, испытывая стыд или опасаясь стигматизации со стороны общества, шантажа или принуждения к молчанию, нередко предпочитают скрывать преступление.

¹² См., например: Communiqué conjoint entre la République centrafricaine et l'Organisation des Nations Unies: Prévention et lutte contre les violences sexuelles liées au conflit // L'ONU. 31 Mai 2019. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2019/05/joint-communication-of-the-central-african-republic-and-the-united-nations-on-prevention-and-response-to-crsv/20190531-Joint-Communique-of-Govt-of-CAR-and-UN.pdf> (accessed: 03.09.2022).

¹³ См., например: Framework of Cooperation Agreement // Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. June 18, 2021. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2021/06/frameworks-doc/framework-of-communication-of-the-inter-parliamentary/Framework-of-Cooperation-OSRSG-SVC-IPU.pdf> (accessed: 03.09.2022).

¹⁴ Teams of Experts Annual Report 2017 // Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. August 1, 2017. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/report/team-of-experts-annual-report-2017/> (accessed: 03.09.2022).

¹⁵ Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 03.09.2022).

Подходы государств к борьбе против сексуального насилия в конфликтах

Чтобы понять мотивы и отношение стран к сексуальному насилию в условиях конфликта, был проведен анализ заинтересованности стран в продвижении этого вопроса. В ходе анализа было охвачено 13 событий, включая участие стран в 8 Открытых дебатах СБ ООН по сексуальному насилию в условиях конфликта и пяти дебатах, предшествовавших принятию резолюций СБ ООН, начиная с 2008 г., когда была принята первая резолюция 1820 СБ ООН, и заканчивая 2019 г., когда эти вопросы обсуждались в связи с 10-й годовщиной мандата Специального представителя. Каждое из 193 государств — членов ООН получало 1 балл за участие в открытых дебатах, составление будущих резолюций или, в некоторых случаях, за инициативу в обсуждении вопроса. Анализ не включает качественное исследование (анализ национальных стратегий, финансирования Фонда в поддержку жертв сексуальной эксплуатации и насилия и т. д.), так как авторы

стремились выяснить, какая из стран больше заинтересована в продвижении исследуемой повестки дня. Было решено прибегнуть только к однобалльной системе, чтобы получить наиболее наглядные первичные результаты. Такой подход обеспечил отсутствие слишком больших различий между странами, учитывая ограниченный состав Совета Безопасности ООН. Государства с наивысшими баллами (от 9 до 18) отражены на карте (рис. 1). Такая визуализация позволяет отразить заинтересованность стран в рассматриваемой проблеме.

Есть только три страны, которые набрали сразу все 3 возможных балла: США, Великобритания и Германия. Они были инициаторами трех заседаний в 2008, 2013 и 2019 гг. соответственно. Однако важно отметить, что и Перу было инициатором Открытых дебатов 16 апреля 2018 г., но эта страна только однажды участвовала в разработке резолюции СБ ООН в 2009 г. и не принимала активного участия в дебатах по сексуальному насилию до 2018 г.

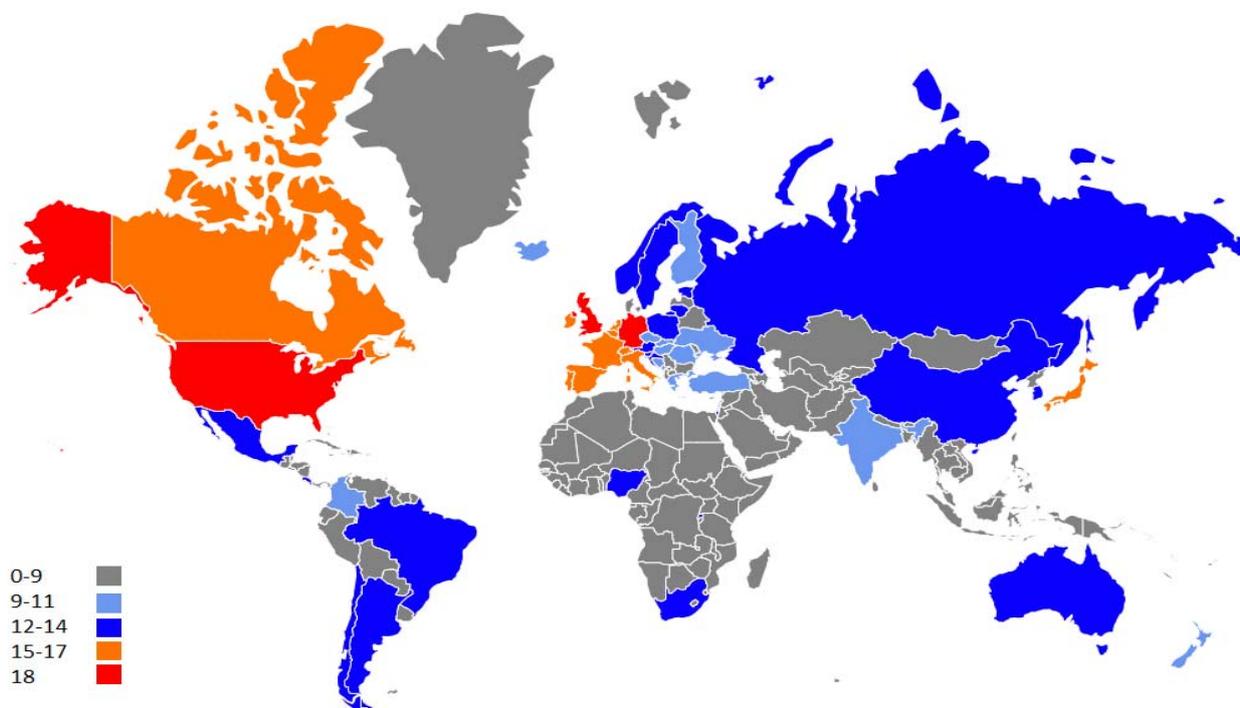


Рис. 1. Участие государств — членов ООН в продвижении проблемы сексуального насилия в конфликтах через Открытые дебаты

Примечание. Авторы проанализировали записи заседаний Совета Безопасности ООН по вопросам сексуального насилия в вооруженных конфликтах в 2008—2019 гг.

Источник: составлено авторами на основе: UN Security Council Meeting Records // Security Council Report. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/security-council-meeting-records/page/1 (accessed: 03.09.2022).

Как показал анализ, за последние 5 лет количество стран, вовлеченных в повестку сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта, увеличилось. Важно отметить, что вовлеченность стран возрастала с каждым годом. В 2019 г. практически все государства — члены ООН проявили интерес к продвижению повестки. Страны постепенно признают необходимость более специализированного подхода к этой проблеме. Однако чем выше это осознание, тем больше разногласий на этом пути.

Полученные результаты неожиданно подтверждают, что государства Африки и Ближнего Востока в относительно меньшей степени вовлечены в переговоры о сексуальном насилии, связанном с конфликтами. Эти выводы удивительны, поскольку, согласно данным, собранным мониторинговым агентством ООН, именно конфликты в этих странах сопровождаются высоким уровнем сексуального насилия¹⁶. Во время последних дебатов в 2019 г. представители африканских государств активно излагали свою точку зрения по этому вопросу. Средний балл, выставленный африканским странам, — 7, в то время как государства Ближнего Востока получили только 3 (лишь Сирия была достаточно активна и набрала 7 баллов). Можно предположить, что низкий уровень активности в арабском мире обусловлен культурными и конфессиональными факторами. В большинстве случаев государства с преобладающим мусульманским населением в рамках своей позиции подчеркивали роль религиозных деятелей в процессе предотвращения сексуального насилия и необходимость решения этого вопроса путем внутреннего регулирования.

Турция получила 11 баллов. Единственный раз она составляла проект резолюции в 2008 г. Турция отстаивала свою позицию, ссылаясь на Стамбульскую конвенцию¹⁷ и

указывая на ситуацию в Сирии и Мьянме, а также настаивая на необходимости укрепления национальных судебных систем. Предсказуемо, что основной проблемой для Турции в этом отношении был терроризм. Однако следует отметить, что в марте 2021 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган объявил о выходе Турции из Стамбульской конвенции¹⁸. Это событие вызвало широкую общественную реакцию, включая протесты феминисток, которые активно отстаивали свои права и права меньшинств в стране¹⁹. Причиной выхода стали содержащиеся в конвенции «неоднозначные определения», о чем также заявляла Российская Федерация²⁰.

Кластеризация стран по методу К-средних

Чтобы понять существующую систему противодействия сексуальному насилию, необходимо провести анализ того, почему эта система была разработана и как ее можно улучшить. Были изучены позиции всех 90 государств, участвующих в заседании СБ ООН 8649 в 2019 г.²¹ Встреча совпала с 10-й годовщиной мандата Специального представителя и стала крупнейшей встречей по данному вопросу. Для выявления существующих подходов были отобраны государства,

of-europe-convention-on-preventing-and-combating-violence-against-women-and-domestic-violence (accessed: 03.09.2022).

¹⁸ Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence // Council of Europe. May 11, 2011. URL: <https://rm.coe.int/168008482e> (accessed: 03.09.2022).

¹⁹ См.: WATCH: Hundreds protest in Istanbul as Erdogan withdraws Turkey from international treaty protecting women's rights // Russia Today. July 2, 2021. URL: <https://www.rt.com/news/528185-istanbul-convention-withdrawal-protests/> (accessed: 03.09.2022); Women protest Erdogan's withdrawal from Istanbul Convention on gender-based violence // France24. June 19, 2021. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20210619-women-protest-erdogan-s-withdrawal-from-istanbul-convention-on-gender-based-violence> (accessed: 03.09.2022).

²⁰ Conflict-related sexual violence: Report of the Secretary-General // United Nations Digital Library. 2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3799661> (accessed: 03.09.2022).

²¹ Ibid.

¹⁶ Gender Statistics // UN Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/unsd/gender/vaw/> (accessed: 03.09.2022).

¹⁷ The Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul Convention) // Council of Europe. 2012. URL: <https://www.coe.int/en/web/gender-matters/council->

пожелавшие принять участие в обсуждении итоговой резолюции СБ ООН. «Позиция» страны определялась на основе дискурс-анализа выступлений делегации на заседании. Нами выделено шесть основных линий противоречий, по которым была реконструирована позиция страны: 1) интерпретация термина; 2) основные проблемы, связанные с сексуальным насилием в условиях конфликта; 3) жертвы/пострадавшие от актов сексуального насилия; 4) базовый уровень действий; 5) причины, провоцирующие акты насилия; 6) основные институты, участвующие в решении проблемы. Некоторые страны (например, Индия) настаивают на поливариантности термина, поэтому их позиция не может быть воспринята однозначно. Такие страны все же были отнесены к определенной категории в зависимости от того, что доминировало в риторике их делегации. Некоторые страны представляли не только свою собственную позицию, но и позицию других государств. Например, делегация Канады выступала дважды (от своего имени и от имени 50 других государств). При определении позиции учитывалось только выступление Канады от своего имени.

Интерпретация термина

В данном параграфе раскрывается, какой смысл каждое государство вкладывает в понятие «сексуальное насилие в условиях вооруженного конфликта». Формы сексуального насилия могут существенно различаться. В некоторых конфликтах отмечаются такие его формы, как сексуальное рабство или нападение на женщин из определенных групп во время этнических или политических конфликтов; в других — сексуализированные попытки лиц, подозреваемых в сотрудничестве с повстанцами, тогда как в некоторых конфликтах имеют место все или почти все формы сексуального насилия (Wood, 2008; 2014). В рамках этого пункта были выделены восемь фраз, использованных государствами-членами для характеристики сексуального насилия в условиях конфликта: «1» — преступление против человечности или акт

геноцида; «2» — оружие/средство/тактика/стратегия войны; «3» — обычное преступление; «4» — нарушение прав человека; «5» — гендерное насилие; «6» — инструмент терроризма; «7» — инструмент угнетения и запугивания народов; «8» — военное преступление.

Проблемы, связанные с сексуальным насилием в условиях конфликта

Акты сексуального насилия — не только проблема мира и безопасности. Страны уделяют особое внимание причинам, которые их провоцируют. Соглашаясь с каждой из проблем, страны выделяют одну или несколько особенно острых. Авторам удалось проследить и выделить наиболее часто встречающиеся из них: «1» — стигматизация жертв насилия; «2» — изнасилование; «3» — дети, рожденные в результате изнасилования; «4» — политизация сексуального насилия; «5» — торговля людьми; «6» — внутренне перемещенные лица (ВПЛ); «7» — рабство; «8» — репродуктивное здоровье женщин.

Жертвы/пострадавшие от актов сексуального насилия

В научной литературе активно развиваются дебаты относительно того, против кого направлено сексуальное насилие в условиях конфликта (Brouwer & Ruiz, 2019). Многие государства отходят от традиционного видения только женщин и девочек как жертв, признавая уязвимость мужчин и мальчиков. В повестке дня сегодня возникает вопрос о необходимости обеспечения защиты представителей различных меньшинств. Некоторые страны (Коста-Рика, Ирландия, Бельгия и Канада) открыто выступили в защиту гендерных меньшинств. В настоящем исследовании было выделено пять групп: «8» — женщины и девочки; «7» — женщины и дети; «6» — женщины, девочки, мальчики и мужчины; «3» — гендерные меньшинства; «1» — другие меньшинства. Категория «другие меньшинства» включает в себя этнические и религиозные меньшинства.

Уровень противодействия

В данном разделе анализируется основной уровень действий государств: «8» — национальный или «1» — международный. Следует отметить, что государства не занимают однозначную позицию, так как, безусловно, действия на обоих уровнях имеют решающее значение в контексте решения проблемы сексуального насилия. Это скорее вопрос определения того или иного уровня как приоритетного. Страны, которые делают ставку на национальный уровень, настаивают на первоочередной ответственности правительств за контроль и предотвращение сексуального насилия. Инструментами регулирования могут выступать национальные и судебные органы, правовое регулирование, международное право и т. д. Государства, выделяющие международный уровень, апеллируют к институтам ООН, в том числе миротворческим операциям, другим межгосударственным (региональным) организациям, заявляют о необходимости использования механизма санкций и превентивных мер.

Причины, провоцирующие акты сексуального насилия

С ростом значения превентивных мер государства также стремятся найти причины, провоцирующие рост сексуального насилия. Выделяются следующие проблемы: «1» — безнаказанность; «2» — отсутствие мира и стабильности; «3» — отсутствие образования; «4» — терроризм/экстремизм; «5» — иностранная оккупация (только Иран); «7» — гендерное неравенство; «8» — ложное толкование религиозных догм (только Марокко).

Основные институты в решении проблемы

Последней точкой расхождения стал вопрос об основных институтах, способных эффективно бороться с изучаемой проблемой. Данный вопрос является наиболее противоречивым, по мнению исследователей, так как в некоторых случаях страны основывались на более чем одном институте одновременно.

В этом случае приоритет отдавался тому институту, который был назван делегацией первым. Авторы выделили следующие институты: «1» — гражданское общество и общественные организации; «2» — ООН; «3» — Африканский союз и субрегиональные сообщества; «4» — Интерпол (только Казахстан); «5» — Международный уголовный суд; «6» — национальные суды; «7» — религиозные лидеры; «8» — фонды.

Для определения сходства позиций стран авторы преобразовали все номинальные показатели (y) в числа по шкале от 1 до 8. Страны (x) были закодированы в соответствии с английским алфавитом от 1 до 90. Если какая-либо из переменных y не содержала данных, то она помечалась в базе данных как недоступная (NA, англ. *not available*) и не включалась в анализ.

Авторы выбрали метод кластеризации стран по методу k -средних для нахождения и минимизации общей внутрикластерной вариации. Данный метод определяет общую внутрикластерную вариацию как сумму квадратов расстояний между элементами и соответствующим центроидом. Все расчеты проводились с помощью специализированного программного обеспечения на основе следующей формулы, полученной из стандартного алгоритма Хартигана — Вонга (Hartigan & Wong, 1979):

$$tot.withinss = \sum_{k=1}^k W(Ck) = \sum_{k=1}^k \sum_{x_i \in C_k} (x_i - \mu_x)^2,$$

где k — количество групп, предварительно заданное аналитиком;

x_i — обозначение точки данных, принадлежащей кластеру Ck ;

μ_k — среднее значение точек, отнесенных к кластеру Ck ;

E — евклидово расстояние.

Результаты можно визуализировать в виде кластерной диаграммы, представленной на рис. 2.



Рис. 2. Уровень сближения позиций государств по решению проблемы сексуального насилия в конфликтах
 Источник: составлено авторами.

Полученные на основе проведенного анализа официальных документов кластеры стран отражают государства с наиболее схожими позициями по проблеме сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта. Размеры кластеров отражают процент дисперсии (Масштаб 1 (y) представляет номинальные показатели, а Масштаб 2 (x) — государства).

Следует также отметить, что во всем мире страны уделяют большое внимание (а) включению сексуального насилия в санкционный список; (б) гендерному образованию в военной подготовке и увеличению числа женщин в миротворческих и миростроительных миссиях; (в) приоритетности превентивных мер. Приведенная ниже таблица иллюстрирует позиции государств (табл. 2).

Такой интерес к расширению гендерного состава миротворческих операций ООН связан, во-первых, со спецификой стран (многие из них являются крупнейшими поставщиками миротворческого персонала), во-вторых, необходимостью реализации положений резолюции 1325 СБ ООН о расширении политического участия женщин, в том числе в ситуации разрешения конфликтов²², в-третьих, с пониманием того, что существует необходимость защиты гражданского населения не только от вооруженных групп, но и от некоторых представителей миротворческого контингента.

²² Security Council resolution 1325 on Women and peace and security // United Nations and the Rule of Law. 2000. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/security-council-resolution-1325-2000-on-women-and-peace-and-security/> (accessed: 03.09.2022).

Таблица 2

**Группы стран в зависимости
от направленности действий по борьбе
с сексуальным насилием на международном уровне**

| Страны, поддерживающие включение сексуального насилия в санкционный список (15) | Страны, поддерживающие включение гендерного образования в военную подготовку и увеличение числа женщин в миссиях по поддержанию мира и миростроительству (29) | Страны, настаивающие на приоритетности превентивных мер (7) |
|--|--|--|
| Руанда, Ирландия, Казахстан, Эфиопия, Перу, Италия, Фиджи, Словения, Нидерланды, Мексика, Аргентина, Катар, Канада, Доминиканская Республика, Германия | ОАЭ, Индия (гендерный паритет), Руанда, Чили, Парагвай, Пакистан, Коста-Рика (в процессе планирования операции), Гана, Ирландия, Казахстан, Камбоджа, Кения, Эквадор, Франция, Намибия, Дания, Финляндия, Норвегия, Исландия, Швеция, Фиджи, Греция (основное гендерное равенство), Мексика, Румыния, Катар, Австралия, Бразилия, Республика Корея, Сербия | Руанда, Эфиопия, Эквадор, США, Египет, Словения, Уругвай |

Источник: составлено авторами.

**Сексуальное насилие
в условиях конфликтов в контексте
миротворческой деятельности
МИНУСКА**

Что касается подхода ООН, то изучаемая повестка является многоаспектной проблемой, требующей участия множества субъектов: принимающих стран, страновых и гуманитарных команд ООН, неправительственных организаций и организаций гражданского общества. Департамент операций по поддержанию мира (ДОП) разработал специальную политику для осуществления превентивных и ответных мер в этой области. Основопологающими принципами операций являются «не навреди», конфиденциальность, информированное согласие, учет гендерных

аспектов, подход, ориентированный на жертв/пострадавших, а также обеспечение наилучших интересов ребенка. Там, где эти принципы соблюдаются, специальные действия включаются в оперативные мандаты исключительно в зависимости от ситуации в стране. Департамент определяет общие направления деятельности:

1) профилактику и защиту лиц, подвергающихся риску, совместно с заинтересованными сообществами, включая женские группы;

2) неотвратимость наказания за сексуальное насилие в конфликте, что достигается при координации работы с Группой экспертов;

3) информирование и осуждение актов сексуального насилия путем диалога со сторонами конфликта, национальными властями и гражданским обществом;

4) использование потенциала национальных субъектов для эффективного решения проблемы в тесном сотрудничестве с органами правосудия, правоохранительными и военными органами и организациями гражданского общества;

5) расширение прав и возможностей жертв/пострадавших через политические процессы и направление их на получение поддержки в соответствии с требованиями Гуманитарной рабочей группы²³.

Значительную роль в этом процессе играет созданный институт советников. Советники по защите женщин обеспечивают общее предметное руководство и координацию действий всех соответствующих компонентов миссии по предотвращению и реагированию, включая Институт мониторинга, анализа и отчетности (MARA).

В настоящее время борьба с сексуальным насилием в вооруженных конфликтах включена в деятельность большинства текущих миссий ООН, но некоторые из них имеют более сильный, специальный мандат, например Многомерная интегрированная миссия ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА),

²³ Handbook for UN field missions on preventing and responding to CRSV. New York : United Nations, 2020. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2020/06/2020.08-UN-CRSV-Handbook.pdf> (accessed: 05.01.2021).

Временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абее (ЮНИСФА), Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) и Многомерная интегрированная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА).

29 мая 2020 г. командир миротворцев МИНУСКА К. Монтейро де Кастро Араужо получила награду «Военный гендерный защитник года ООН»²⁴. Она провела комплексные семинары по подготовке инструкторов по гендерным вопросам, защите детей, защите гражданского населения, проблемам сексуального насилия и эксплуатации и надругательства для 53 старших координаторов, что по состоянию на февраль 2020 г. составляет 30 % военнослужащих Миссии, которые уже прошли базовую подготовку, проводимую координаторами²⁵. Учитывая этот успех, авторы решили рассмотреть эту операцию в качестве примера реализации мандата.

Совместное коммюнике ООН и Центральноафриканской Республики было подписано 12 декабря 2012 г.²⁶, став основой для дальнейшего политического взаимодействия по проблеме сексуального насилия в условиях конфликта. На сегодняшний день данная миссия представляет собой пример реализации последовательных усилий по усилению защиты женщин и девочек. В рамках МИНУСКА постоянное сотрудничество со Страновой группой ООН и Группой экспертов по вопросам верховенства права и сексуального

насилия в условиях конфликта²⁷ способствовало созданию в июне 2017 г. национального специализированного подразделения по расследованию случаев сексуального насилия, известного как Совместная группа быстрого реагирования и предотвращения сексуального насилия в отношении женщин и детей²⁸. Эта группа выступает смешанным подразделением, состоящим из жандармов, полицейских и гражданских лиц, и призвана бороться с насилием в отношении женщин и детей. Миссия находится в совместном ведении Министерства юстиции и Министерства общественной безопасности и является частью государственного института, поддерживающего расследование случаев сексуального насилия, поэтому она имеет такое большое значение в рамках борьбы с исследуемой проблемой. На сегодняшний день Миссия получила 341 жалобу, в том числе о 196 случаях сексуального и гендерного насилия. Команда также тесно сотрудничала с партнерами по Глобальному координационному механизму ООН по вопросам полиции, правосудия и исправительных учреждений в постконфликтных и других кризисных ситуациях для создания Специального уголовного суда Центральноафриканской Республики и разработки Правил процедуры и доказывания Суда и Стратегии защиты свидетелей и жертв²⁹.

На институциональном уровне основной механизм оказания помощи пострадавшим включает не только правовую защиту и сбор

²⁴ MINUSCA peacekeeper receives UN Military Gender Advocate of the Year Award // United Nations Peacekeeping. May 29, 2020. URL: <https://minusca.unmissions.org/en/minusca-peacekeeper-receives-un-military-gender-advocate-year-award> (accessed: 03.09.2022).

²⁵ Ibid.

²⁶ Joint Communiqué of the Government of the Central African Republic and the United Nations on addressing Conflict-Related Sexual Violence // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. December 12, 2012. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/joint-communicue/with-the-government-of-the-central-african-republic/> (accessed: 03.09.2022).

²⁷ Teams of Experts Annual Report 2017 // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. August 1, 2017. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/report/team-of-experts-annual-report-2017/> (accessed: 03.09.2022).

²⁸ L'UMIRR, une unité pour faire face aux violences sexuelles en République Centrafricaine // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. Avril 19, 2018. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/lumirr-une-unite-pour-faire-face-aux-violences-sexuelles-en-republique-centrafricaine/> (accessed: 03.09.2022).

²⁹ Teams of Experts Annual Report 2020 // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. May, 2020. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2020/05/2pager2020SPREAD.pdf> (accessed: 03.09.2022).

данных, но и участие военных в целях оказания первой помощи, обеспечения продовольствием, водой, одеждой, а также обеспечение безопасности (с использованием модели трансфера, сопровождения и передачи). Эта часть Миссии также отвечает за создание низовых справочных сетей, и в настоящее время в ней задействовано 14 733 военнослужащих³⁰.

В МИНУСКА сценарии, требующие принятия мер со стороны Миссии, включали инциденты изнасилования на несанкционированном блокпосту, угрозы выжившим и бесчеловечные действия, контроль и безопасность в лагерях ВПЛ / временных лагерях, готовящееся нападение (угроза массового убийства и массового изнасилования) на деревню и похищение, принудительный брак, сексуальное рабство и вымогательство. Такие мероприятия особенно актуальны для данной миссии, где были зафиксированы случаи изнасилования при обыске дома, принудительного аборта, принудительного брака, убийства и похищения, сексуального калечения, калечения женских половых органов, а также сексуального насилия над преступниками³¹.

Миротворческий персонал установил график патрулирования и участия в операциях для женщин и групп со смешанным участием. Это способствует более активному участию женщин и девочек в жизни общества. Можно также предположить, что такой подход способствует укреплению доверия общества к Миссии, поскольку уровень его осведомленности о ситуации указывает на расширение прав и возможностей женщин и укрепление гендерного равенства³².

³⁰ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Mission and Personnel Type: Experts on Mission, Formed Police Units, Individual Police, Staff Officer, and Troops As of: 31/05/2022 // UN Peacekeeping. May 31, 2022. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/06_mission_and_post_50_may_2022.pdf (accessed: 03.09.2022).

³¹ Module 1 — MINUSCA: Instructor notes and guidance // United Nations. URL: <https://resourcehub01.blob.core.windows.net/training-files/Training%20Materials/027%20STM-CRSV/027-001%20MINUSCA%20Instructor%20Notes%20and%20Guidances.pdf> (accessed: 03.09.2022).

³² Handbook for UN field missions on preventing and responding to CRSV. New York : United Nations, 2020. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/>

Обсуждение результатов

В то время как Офис Специального представителя и другие агентства ООН, казалось бы, имеют хорошо отлаженный механизм для решения проблемы сексуального насилия в условиях конфликта, его эффективность может быть снижена из-за концептуальных различий между странами — членами ООН, которые оказывают финансовую и иную поддержку существующим программам.

Во-первых, полученные кластеры определяют три уникальные «позиции государств». Однако на рис. 2 видно, что позиции стран различаются даже в пределах одного кластера, а в некоторых случаях пересекаются (например, позиция Австралии), что указывает на их неоднозначность. Некоторые пункты одинаковы для двух-трех стран. Такие результаты обусловлены прежде всего противоречивой природой исследуемого явления. Выявленные кластеры не связаны напрямую ни с геополитической близостью, ни с участием стран в общей межправительственной организации. Можно отметить существенную гетерогенность позиций членов Европейского союза (ЕС). Страны ЕС неравномерно распределены по категориям 2 и 3, в то время как страны Латинской Америки продемонстрировали различные подходы к данному вопросу. Наиболее крайние позиции занимают Марокко, Дания вместе с Норвегией и Швецией, Эквадор и Иордания, а также Либерия. Таким образом, мы наблюдаем высокий уровень дисперсии, что указывает на допустимость перехода некоторых стран в другие кластеры.

Данный сценарий возможен, но не для всех государств. В каждом из представленных кластеров мы видим «центральную» страну, составляющую ядро кластера. Представляется сложным дать общую характеристику каждой группы из-за высокой дисперсии линий противоречий.

Основополагающие черты первого кластера отражают наиболее «либеральный» подход. Государства данного кластера

<wp-content/uploads/2020/06/2020.08-UN-CRSV-Handbook.pdf> (accessed: 05.01.2021).

склонны подчеркивать необходимость развития механизма санкций. Это относится к заявлению Постоянного представителя Германии при ООН в ее письме от 11 апреля 2019 г. на имя Генерального секретаря ООН, в котором подчеркивается, что сексуальное насилие должно рассматриваться как отдельный критерий при включении лиц и организаций в санкционные списки³³. Этот вопрос широко обсуждался, поскольку любые санкционные меры, в том числе в рамках изучаемого вопроса, должны строго соответствовать мандатам СБ ООН. Это означает, что предлагаемые санкции должны выноситься на рассмотрение Совета в каждом конкретном случае.

Второй кластер является весьма противоречивым, поскольку в нем представлены страны с наиболее расходящимися взглядами. Наибольшее сближение наблюдается на уровне институтов. Страны этого кластера отдают приоритет судебным органам в борьбе с сексуальным насилием.

Третий кластер стран представляет наиболее закрытые подходы. Государства призывают национальные органы власти укреплять законодательство, чтобы способствовать привлечению к ответственности за сексуальное насилие, а в выступлениях представителей встречаются ссылки на активизацию действий на национальном уровне.

Во-вторых, результаты подтверждают наличие противоречий по основному вопросу о природе сексуального насилия. Эти противоречия также способствуют дальнейшей дифференциации позиций относительно методов и механизмов, необходимых для решения проблемы сексуального насилия в вооруженных конфликтах. Тем не менее большинство стран поддерживают позицию ООН и утверждают, что сексуальное насилие является оружием войны.

³³ Letter dated 11 April 2019 from the Permanent Representative of Germany to the United Nations addressed to the Secretary-General // United Nations Digital Library. April 11, 2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3800307> (accessed: 03.09.2022).

В то же время голосование по резолюции 2019 г. подтвердило, что существующие противоречия влияют на повестку дня. Два постоянных члена Совета Безопасности, Россия и Китай, воздержались и в ходе дебатов прямо указали на возможность наложения вето³⁴. Кроме того, Россия и КНР подготовили собственный проект резолюции, но считали нецелесообразным выносить его на голосование. Причины такого решения кроются в различиях в подходах и концептуальных основах, использованных в документах, что не позволило двум странам согласовать текст документа. Наиболее существенные противоречия касались расширения специальных мандатов институтов ООН, в то время как некоторые страны (в частности незападные) продвигают идею принятия ответственности на национальном уровне в отношении культурных и религиозных аспектов, включения сексуального насилия как отдельного критерия в санкционный список, а также определения объекта сексуального насилия. Этот факт и результаты исследования вызывают опасения, что противоречия между странами будут только усиливаться и тормозить процесс.

В-третьих, нашим приоритетом было показать, насколько разрозненными были позиции стран. Государства, акцентирующие внимание на слове «преступность», чаще используют судебные институты при разработке стратегии реагирования или профилактики сексуального насилия, в то время как государства, связывающие эту проблему с гендерным неравенством, в первую очередь настаивают на устранении неприемлемых социальных условий, в которых происходит конфликт. Страны руководствовались скорее социально-культурными установками, чем попытками продемонстрировать единство со своими коллегами по организации. Пример Экономического сообщества государств Центральной Африки (ЭСЦА), ЕС или Группы

³⁴ Security Council resolution 2467 (2019) [on sexual violence in armed conflict] // United Nations Security Council. 2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3801531?ln=fr> (accessed: 02.12.2022).

друзей также иллюстрирует этот момент, поскольку некоторые члены решили выразить по ряду вопросов собственные позиции, которые отличаются от «общей позиции». Государства могут расходиться даже в определении самого понятия «сексуальное насилие», от которого напрямую зависит дальнейшая разработка механизма реагирования. Нам удалось проследить тенденцию: государства, изначально рассматривающие проблему как военное или общее преступление, склонны ссылаться на необходимость активизации международных и/или национальных судебных институтов, в то время как государства, акцентирующие внимание на гендерной составляющей проблемы, более склонны доверять международным организациям и подчеркивают необходимость усиления миротворческих инициатив. В то же время сама проблема сексуального насилия подвергается существенной политизации (Agerberg & Kreft, 2020).

Наконец, система превентивных и ответных мер в миротворчестве сегодня достаточно развита и обширна: созданы специальные должности, отрабатываются различные сценарии, собирается статистика. При этом охват реализации такого мандата очень мал. Чем больше сообщений о случаях сексуального насилия в стране, тем больше вероятность включения этой проблемы в повестку дня (Hultman & Johansson, 2017), однако такой подход представляется не совсем уместным, поскольку статистика не может адекватно отразить реальную ситуацию.

Заключение

Полученные результаты позволили нам выявить наиболее инициативные государства в решении проблемы сексуального насилия, связанного с конфликтами. В статье также предпринята попытка выяснить основные точки расхождения в позициях государств, которые тормозят разработку наиболее эффективных контрмер. Эти различия в подходах стран к проблеме являются не просто вопросом политической воли, но и религиозных и культурных составляющих, исторического опыта. Различия прослеживаются в таких фундаментальных вопросах, как трактовка термина, основной уровень реализации ответных мер (национальный или глобальный), объект сексуального насилия, институты (такие как организации гражданского общества, ООН, Африканский союз и субрегиональные сообщества, Международный уголовный суд, национальные суды, религиозные лидеры и фонды). Подход стран и трансформация «коалиций» приводят к изменениям понятийного аппарата в тематических резолюциях СБ ООН, что подтверждает их контент-анализ. Эволюция термина и увеличение количества упоминаний операций ООН по поддержанию мира и миростроительству подтверждают гипотезу о значительной роли операций по поддержанию мира в противодействии проблеме. Результаты кейс-стади (МИНУСКА) показывают, что индивидуальные мандаты позволяют выработать поэтапное решение проблемы на местах.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2021
 Доработана после рецензирования / Revised: 20.02.2022
 Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Agerberg M., Kreft A.-K. Gendered Conflict, Gendered Outcomes: The Politicization of Sexual Violence and Quota Adoption // *Journal of Conflict Resolution*. 2020. Vol. 64, no. 2—3. P. 290—317. <https://doi.org/10.1177/0022002719859651>
- Bove V., Ruggeri A. Kinds of Blue: Diversity in UN Peacekeeping Missions and Civilian Protection // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46, no. 3. P. 681—700. <https://doi.org/10.1017/S0007123415000034>
- Brouwer A., Ruiz L. Male Victims and Female Perpetrators of Sexual Violence in Conflict // *Gender and War: International and Transitional Justice Perspectives* / ed. by S. Mouthaan, O. Jurasz. Cambridge : Intersentia, 2019. P. 169—208. <https://doi.org/10.1017/9781780688466.008>

- Buss D.* Seeing Sexual Violence in Conflict and Post-Conflict Societies: The Limits of Visibility // *Sexual Violence in Conflict and Post-Conflict Societies* / ed. by D. Buss, J. Lebert, B. Rutherford et al. New York : Routledge, 2017. P. 3—28. <https://doi.org/10.4324/9781315772950>
- Cohen D. K.* Explaining Rape during Civil War: Cross-National Evidence (1980—2009) // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, no. 3. P. 461—477. <https://doi.org/10.1017/S0003055413000221>
- Copelon R.* Toward Accountability for Violence against Women in War: Progress and Challenges // *Sexual Violence in Conflict Zones: From the Ancient World to the Era of Human Rights* / ed. by E. D. Heineman. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. P. 232—256. <https://doi.org/10.9783/9780812204346.232>
- Eboe-Osuji C.* International Law and Sexual Violence in Armed Conflicts. Leiden : Brill, 2012. <https://doi.org/10.1163/9789004227224>
- Green A. H.* The Commander’s Dilemma: Creating and Controlling Armed Group Violence // *Journal of Peace Research*. 2016. Vol. 53, no. 5. P. 619—632. <https://doi.org/10.1177/0022343316653645>
- Gutiérrez-Sanín F., Wood E. J.* What Should We Mean by “Pattern of Political Violence”? Repertoire, Targeting, Frequency, and Technique // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, no. 1. P. 20—41. <https://doi.org/10.1017/S1537592716004114>
- Hartigan J. A., Wong M. A.* Algorithm AS 136: A K-means Clustering Algorithm // *Journal of the Royal Statistical Society. Series C (Applied Statistics)*. 1979. Vol. 28, no. 1. P. 100—108. <https://doi.org/10.2307/2346830>
- Hultman L., Johansson K.* Responding to Wartime Sexual Violence: UN Peacekeeping and the Protection Agenda // *Global Responsibility to Protect*. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 129—146. <https://doi.org/10.1163/1875984X-00902002>
- Hultman L., Kathman J., Shannon M.* United Nations Peacekeeping and Civilian Protection in Civil War // *American Journal of Political Science*. 2013. Vol. 57, no. 4. P. 875—891. <https://doi.org/10.1111/ajps.12036>
- Johansson K., Hultman L.* UN Peacekeeping and Protection from Sexual Violence // *Journal of Conflict Resolution*. 2019. Vol. 63, no. 7. P. 1656—1681. <https://doi.org/10.1177/0022002718785003>
- Karim S., Beardsley K.* Ladies Last: Peacekeeping and Gendered Protection // *Gender, Peace and Security: Implementing UN Security Council Resolution 1325* / ed. by L. Olsson, T.-I. Gizelis. London : Routledge, 2015. P. 62—95. <https://doi.org/10.4324/9781315755694>
- Kathman J. D., Wood R. M.* Stopping the Killing during the “Peace”: Peacekeeping and the Severity of Postconflict Civilian Victimization // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 12, no. 2. P. 149—169. <https://doi.org/10.1111/fpa.12041>
- Kreft A.-K.* Responding to Sexual Violence: Women’s Mobilization in War // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56, no. 2. P. 220—233. <https://doi.org/10.1177/0022343318800361>
- Kreft A.-K.* The Gender Mainstreaming Gap: Security Council Resolution 1325 and UN Peacekeeping Mandates // *International Peacekeeping*. 2016. Vol. 24, no. 1. P. 132—158. <https://doi.org/10.1080/13533312.2016.1195267>
- Wood E. J.* Conflict-Related Sexual Violence and the Policy Implications of Recent Research // *International Review of the Red Cross*. 2014. Vol. 96, no. 894. P. 457—478. <https://doi.org/10.1017/S1816383115000077>
- Wood E. J.* Sexual Violence during War: Toward an Understanding of Variation // *Order, Conflict, and Violence* / ed. by S. Kalyvas, I. Shapiro, T. Masoud. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 321—351. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511755903.014>

Сведения об авторах: Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru
Андропова Анастасия Романовна — соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6598-0941; e-mail: andronova-ar@rudn.ru



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47

EDN: UUQCLB

Научная статья / Research article

Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды

Т.С. Денисова¹  , С.В. Костелянец^{1,2} 

¹Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
 tsden@hotmail.ru

Аннотация. В течение всего периода независимого развития, то есть с 30 июня 1960 г., Демократическая Республика Конго (ДРК) находилась в состоянии перманентной политической нестабильности. Страна пережила череду гражданских войн и локальных конфликтов, причинами которых, как и в других африканских странах, становились межэтнические и межконфессиональные противоречия, борьба за власть и доступ к природным ресурсам, неспособность правительств контролировать ситуацию на периферии и т. д. Особенностью конголезских конфликтов является неизменное вмешательство в них и в политику ДРК в целом внешних игроков, прежде всего сопредельных стран. Наибольшую роль в сохранении перманентной нестабильности в Конго сыграла Руанда. Это отмечается во многих работах российских и зарубежных исследователей, однако комплексный анализ исторических предпосылок и современных факторов влияния этой страны на ситуацию в ДРК африканистами проведен не был, и данная работа нацелена на восполнение этого пробела. Цель исследования — выявление политических и экономических мотивов присутствия руандийской армии на конголезской территории, исследование роли национальных лидеров двух государств: П. Кагаме, Л.-Д. Кабилы, Ж. Кабилы и Ф. Чисекеди — в политическом развитии Конго, а также причин вспыхнувшего в 2022 г. конфликта между ДРК и Руандой. Использован комплексный подход к рассматриваемым процессам и явлениям, а также принципы сравнительного анализа данных и критической оценки информации. Актуальность предмета исследования обусловлена как возрастанием политической нестабильности в Африке и в мире в целом, так и заметным ростом влияния стран Африканского континента на международные политические и экономические процессы.

Ключевые слова: ДРК, Руанда, внешняя политика, гражданские войны, конфликты, экономика войны

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России».

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Денисова Т.С., Костелянец С.В., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37—47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>

The Democratic Republic of the Congo: Political Instability and the Rwandan Factor

Tatyana S. Denisova¹  , Sergey V. Kostelyanets^{1,2} 

¹Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

²HSE University, Moscow, Russian Federation

tsden@hotmail.ru

Abstract. The Democratic Republic of the Congo (DRC) has been in a state of constant political instability since June 30, 1960, i.e., throughout the entire period of its independent development. The country has experienced a series of civil wars and local conflicts, the causes of which, as in other African countries, have been inter-ethnic and inter-confessional tensions, struggle for power and access to natural resources, inability of governments to control the situation in the periphery, etc. The peculiarity of the Congolese conflicts and DRC politics in general is the interference of external actors, primarily neighboring countries. Rwanda has played the greatest role in maintaining permanent instability in the DRC. This has been argued in numerous books and articles by Russian and foreign researchers, but Africanists have not yet carried out a comprehensive analysis of the historical background and contemporary factors of Rwanda's influence on the situation in the DRC, and the present paper aims at filling this gap. The purpose of the study is to identify the political and economic motives for the presence of the Rwandan army on the Congolese territory, to examine the role of national leaders of the two states — P. Kagame, L.-D. Kabila, J. Kabila, and F. Tshisekedi — in the political development of the DRC, as well as the reasons for the conflict that broke out in 2022 between the DRC and Rwanda. The paper applies a comprehensive approach to the processes and phenomena under consideration, using the principles of comparative data analysis and critical assessment of information. The relevance of the topic of research is due to both the increase in political instability in Africa and in the world as a whole, and the noticeable increase in the influence of African countries on international political and economic processes.

Key words: DRC, Rwanda, foreign policy, civil wars, conflicts, economy of war

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant 21-18-00123 “Analysis and modeling of African development in the context of Russia's foreign policy interests.”

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Denisova, T. S., & Kostelyanets, S. V. (2023). The Democratic Republic of the Congo: Political instability and the Rwandan factor. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 37—47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>

Введение

Демократическая Республика Конго (ДРК) — одно из наиболее политически нестабильных государств Африканского континента. В течение более чем 60 лет независимого развития в ДРК почти не прекращались гражданские войны и конфликты на локальном, национальном и региональном уровнях. Именно поэтому в подавляющей части работ как российских, так и зарубежных авторов по различным аспектам истории ДРК именно

проблемам перманентной политической нестабильности¹ уделялось особое внимание (Винокуров, 2003; Сидорова, 2011; 2013; 2015; 2017; 2019; Мазов, 2015; Кривушин, 2019; Точигин, 2021; Ngolet, 2011; Kisangani, 2012; Vjarnadóttir, 2017). Между тем особенностью конголезских конфликтов — и это обстоятельство отмечается в большинстве

¹ Демократическая Республика Конго : справочно-монографическое издание. Москва : Институт Африки РАН, 2014.

работ, хотя специального исследования по этой проблеме до сих пор не проводилось, — является неизменное участие в них сопредельных государств. В 1996—1997 гг. ДРК пережила конфликт, названный Первой конголезской войной, в которую были вовлечены армии Анголы, Бурунди, Руанды и Уганды. В 1998—2003 гг. во Второй конголезской войне участвовали по крайней мере девять африканских государств: Ангола, Бурунди, Замбия, Зимбабве, Республика Конго, Руанда, Судан, Уганда и Южно-Африканская Республика (ЮАР). С 1998 г. в восточных районах ДРК наблюдается постоянное присутствие вооруженных сил и повстанческих групп из Бурунди, Руанды и Уганды.

Наибольшую роль в эскалации конголезских конфликтов сыграла Руанда, которую с ДРК, среди прочего, объединяет совместное проживание предков современных конголезцев и руандийцев на нынешней территории Конго: тутси и хуту. Эти крупные этнические группы, говорящие на языке киньяруанда (в настоящее время один из официальных языков Руанды наряду с английским, французским и суахили), начали расселяться здесь еще в XVIII в. В 1910-е гг., когда колониальными державами были произвольно прочерчены границы в регионе Великих Африканских озер, эти народы были отрезаны от основного района своего проживания — Руанды, но сохранили с ней тесные политические, торговые и культурные связи (Vlassenroot, 2004). Известно, что в ходе демаркации африканских границ не учитывалось географическое распространение различных племенных сообществ по Африканскому континенту. Именно поэтому, например, тутси оказались на территориях ДРК, Руанды, Бурунди, Танзании и Уганды. Причем многие тутси идентифицировали себя со своей этнической группой, а не со страной проживания (Civil Wars of the World..., 2007), и это в известном смысле объясняет утверждения некоторых представителей нынешнего руандийского режима, преимущественно представленного тутси, о том, что Северное Киву является «продолжением Руанды» (Fofana, 2009, p. 36).

Действительно, история Руанды с 1994 г. позволяет предположить, что одной из главных задач действующего режима Поля Кагаме было обеспечение, в том числе на территории ДРК, выживания и процветания «нации» тутси, которые при правлении в Заире² Мобуту Сесе Секо (1965—1997 гг.) систематически лишались гражданства и, соответственно, возможности участия в активной экономической жизни и принятии политических решений. Это происходило даже несмотря на принятый в 1972 г. закон, разрешивший тутси иметь конголезское гражданство, то есть формально тутси считались гражданами, но без соответствующих прав, например на владение участком земли (Muraya & Ahere, 2014, p. 14).

Конголезско-руандийские отношения при режиме Л.-Д. Кабилы

После геноцида 1994 г. из Руанды в восточные районы Заира прибыло около 1,2 млн руандийских беженцев-хуту (Kisangani, 2012), спасавшихся от возмездия тутси, объединенных в военно-политическую организацию Руандийский патриотический фронт (РПФ) во главе с П. Кагаме. Этот приток усилил напряженность в отношениях между различными группами конголезцев, а также между прибывшими из Руанды хуту и местными жителями — тутси, что стало одной из предпосылок начала в 1996 г. Первой конголезской войны (Muraya & Ahere, 2014, p. 6), которую некоторые исследователи вполне правомерно считают «ответвлением руандийского геноцида» (Bjarnadóttir, 2017, p. 4).

Большинство беженцев обосновалось в восточно-конголезских городах: около 850 тыс. — в Гома, 200—300 тыс. — в Букаву и более 60 тыс. — в Увира, причем среди них оказались примерно 25 тыс. бывших солдат Вооруженных Сил Руанды (ВСР, *Forces Armées Rwandaises*) и около 40 тыс. ополченцев-интерахамбе, состоящих из представителей хуту, которые участвовали в актах насилия против тутси (Kisangani, 2000, p. 173).

² Заир — название Демократической Республики Конго с 27 октября 1971 г. по 17 мая 1997 г.

Недавние комбатанты-хуту развили на территории Конго активную военно-политическую деятельность, создав в провинциях Северное Киву и Южное Киву своего рода «хутуленд» — базу, с которой периодически совершали рейды на территорию Руанды, одновременно вступая в вооруженные столкновения с конголезцами-тутси, известными как *баньмуленге* (или *баньяруанда*). Волна межэтнических столкновений в Северном Киву поднялась во второй половине 1995 г., когда местные политики стали использовать хуту и тутси для разжигания соперничества как между этими двумя группами, так и между ними и другими общинами, проживающими на востоке ДРК (Vlassenroot & Arnould, 2016), где в результате начали создаваться многочисленные племенные ополчения, настроенные либо против Кигали, либо против Киншасы, но чаще сражавшиеся друг с другом.

В октябре 1996 г. власти Южного Киву потребовали от тутси покинуть Заир. Отказавшись, баньмуленге обратились за помощью к руандийскому правительству, и 17 октября в провинции началась полномасштабная война, быстро распространившаяся на весь восток страны, и в этом конфликте Мобуту Сесе Секо поддержал хуту. Баньмуленге, сформировавшие Альянс демократических сил за освобождение Конго (АФДЛ³, *Alliance des Forces Démocratiques pour la Libération du Congo*) во главе с конголезским политиком и революционером Лораном-Дезире Кабиллой, вынуждены были противостоять регулярной конголезской армии. Одной из целей АФДЛ стало свержение режима Мобуту. Когда в мае 1997 г. при поддержке Руандийских сил обороны (РСО) и угандийской армии отряды Альянса вошли в Киншасу, Мобуту бежал из страны, и 29 мая Л.-Д. Кабила был провозглашен президентом⁴.

По мнению некоторых исследователей, АФДЛ был создан для прикрытия вторжения

³ Число бойцов АФДЛ достигало 40 тыс., из них примерно половина были руандийскими солдатами (Vjarnadóttir, 2017, p. 30).

⁴ Демократическая Республика Конго : справочно-монографическое издание. Москва : Институт Африки РАН, 2014. См. также: (Сидорова, 2013; 2015; 2019).

в Заир Руанды и Уганды. Фактически действия Альянса предоставили Кигали возможность уничтожить тыловые базы руандийских хуту (Thom, 1999). Руандийские власти полагали, что теперь у них появился «свой» президент в Конго, который окончательно решит «проблему хуту», то есть уничтожит их ополчения, а заодно и угрозу с их стороны правительству в Кигали. Однако приход Л.-Д. Кабилы к власти ознаменовал начало нового этапа политического развития ДРК: конголезцы обвинили нового лидера в предательстве конголезских интересов и «продаже» обеих провинций Киву Руанде. В стране начали распространяться антируандийские настроения, и вооруженные ополчения «Майи-Майи», представленные множеством этнических групп, вступили в столкновения с подразделениями РСО, дислоцированными на территории Конго.

Между тем, несмотря на сохраняющуюся политическую нестабильность, Л.-Д. Кабиле удалось провести ряд экономических реформ и выплатить в июне 1998 г. Международному валютному фонду 1,5 млн долл. США задолженности, таким образом снискав доверие мирового сообщества к своему режиму. Окрыленный успехами, президент пожелал освободиться от влияния Руанды в восточных районах ДРК и 27 июля 1998 г. заявил о высылке из страны всех иностранных военных и гражданских чиновников, которые состояли преимущественно из руандийских тутси. Этим шагом он положил конец военному сотрудничеству, благодаря которому он пришел к власти⁵. Однако к этому времени как военнослужащие, так и представители бизнес-сообщества Руанды прочно обосновались на территории Конго — в районах добычи ценных полезных ископаемых, получая от их экспорта огромные доходы, от которых, естественно, не желали отказываться.

2 августа 1998 г. при поддержке Руанды против режима Л.-Д. Кабилы вспыхнуло

⁵ Rwanda in Congo: Sixteen Years of Intervention // African Affairs. July 9, 2012. URL: <https://africanarguments.org/2012/07/rwanda-in-congo-sixteen-years-of-intervention-by-william-macpherson> (accessed: 24.07.2022).

восстание его недавних соратников — армейских офицеров-тутси, послужившее началом Второй конголезской войны. 12 августа в Кигали было создано Конголезское объединение за демократию (КОД, *Rassemblement congolais pour la démocratie*), которое и стало главной силой, противостоявшей Киншасе⁶.

В свою очередь, Л.-Д. Кабила сформировал союз с вооруженной группой бурундийских хуту Силы защиты демократии (СЗД, *Forces pour la Défense de la Démocratie*) и Демократическими силами освобождения Руанды (ДСОР, *Forces Démocratiques de Libération du Rwanda*), объединившими бывшие Вооруженные Силы Руанды и ополчения хуту — интерахамве. Начались преследования тутси службой безопасности ДРК: аресты, присвоение или уничтожение имущества, в некоторых случаях убийства. Среди конголезцев распространялись слухи о том, что Руанда стремится полностью захватить богатый ресурсами регион Киву. Действительно, с осени 1998 г. КОД установило контроль над многими районами Южного Киву и стало осуществлять торговые операции в городах Гома, Букаву и Увира. Руандийское правительство использовало разговоры о предполагаемой резне, которую Л.-Д. Кабила якобы замыслил против конголезских тутси, как повод для вторжения: часть северо-востока Конго была оккупирована руандийскими, а также угандийскими и бурундийскими войсками, и с их помощью КОД начало наступление на Киншасу. В ноябре 1998 г. П. Кагаме, тогда вице-президент Руанды, впервые признал, что РСО оказывали помощь повстанцам во время Второй войны в Конго (Stearns, 2012, pp. 16—20).

В целях противодействия политической и экономической экспансии Руанды в восточных районах ДРК местные власти начали создавать собственные племенные ополчения, получившие известность как «Майи-Майи», главной целью которых было противодействие «господству тутси». Ополченцы сражались с руандийскими войсками, поддержи-

вавшими баньямуленге (Ngolet, 2011). С помощью «Майи-Майи» и армейских подразделений ряда африканских стран, поддержкой которых Л.-Д. Кабила смог заручиться, ему удалось остановить наступление на столицу.

В январе 1999 г. было подписан Виндхукский мирный договор, в июле 1999 г. — Лусакское соглашение о прекращении огня, а в 2000 г. правительством ДРК были достигнуты договоренности о мире с Руандой и Угандой, однако вооруженные столкновения между племенными ополчениями, а также между ополчениями и регулярной армией не прекратились. В обстановке перманентной нестабильности 16 января 2001 г. Л.-Д. Кабила был убит, и руководство страной взял на себя его сын Жозеф Кабила.

П. Кагаме и его военизированный режим

Некоторые исследователи рассматривают П. Кагаме как пример успешного «превращения солдата в государственного деятеля» (Prunier, 1998; Paris, 2004; From War to Democracy..., 2008). Между тем, фактически захватив в 1994 г. власть в результате победы повстанцев над правительственной армией⁷, как политический лидер он сохранил в своей практике милитаристский стиль руководства. С одной стороны, его правительство добилось впечатляющих успехов в области экономики, с другой — ему не удалось достичь полноценного единства страны, так как режим приобрел жестко авторитарный и даже репрессивный характер. В 2000 г. он стал главой государства и, получив на президентских выборах 2003 и 2010 г. более 90 % голосов⁸, продолжил жестоко преследовать своих оппонентов.

⁷ Хотя П. Кагаме с 1994 по 2000 г. формально был министром обороны и вице-президентом Руанды (в знак примирения президентом был «назначен» представитель руандийского большинства — хуту Пастёр Бизимунгу, в 2000 г. ушедший в отставку), политическая власть и контроль над армией были сосредоточены в его руках.

⁸ Elections in Rwanda // African Elections Database. URL: <https://africanelections.tripod.com/rw.html> (accessed: 01.07.2022).

⁶ UCDP Conflict Encyclopaedia. Uppsala Conflict Data Program. URL: <https://ucdp.uu.se/> (accessed: 22.07.2022).

Превращение руандийского лидера из повстанца в политика произошло одновременно с трансформацией ныне правящей партии Руандийский патриотический фронт (РПФ) из повстанчества в политическую организацию. Хотя Фронт был создан на территории Уганды руандийскими беженцами-тутси еще в конце 1980-х гг., именно под руководством П. Кагаме он стал дисциплинированной и эффективной боевой силой (Prunier, 1998, p. 132). РПФ был превращен в партию, чтобы недавние полевые командиры могли претендовать на министерские должности и депутатские мандаты. Однако его преобразование в политическую структуру не сопровождалось демилитаризацией Фронта, тем более что новые власти с самого начала столкнулись с военными угрозами со стороны бывших участников геноцида (Prunier, 1997, p. 322). Поскольку в своей деятельности РПФ опирался прежде всего на армию, отличительной чертой политического развития Руанды стало то, что постгеноцидное миростроительство здесь происходило на фоне дальнейшей милитаризации режима (Des Forges, 1999, pp. 699—701).

В 2003 г. по настоянию западных доноров Руанда провела первые общенациональные выборы. Прежде чем объявить о выдвижении своей кандидатуры, П. Кагаме формально вышел из рядов вооруженных сил и победил, получив 95 % голосов⁹. Тем не менее его мятежное прошлое давало о себе знать: после окончания в том же году Второй конголезской войны руандийский режим поддерживал военизированные формирования тутси в восточной части ДРК и — в нарушение эмбарго — предоставлял им оружие, бойцов и материальную помощь¹⁰. По сути, и Первая, и Вторая конголезские войны начались с вмешательства Руанды

⁹ Шленская С. М. Республика Руанда : справочник. Москва : Институт Африки РАН, 2012. С. 51.

¹⁰ Addendum to the Interim Report of the Group of Experts on the Democratic Republic of the Congo (S/2012/348) // ReliefWeb. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/addendum-interim-report-group-experts-democratic-republic-congo> (accessed: 01.07.2022).

в дела Заира — ДРК. РПФ так и не удалось привести к власти в Киншасе полностью лояльного Кигали лидера, но конфликты, в которые были втянуты и другие африканские страны, унесли жизни более чем 5 млн человек (Hensell & Gerdes, 2017), и в этом немалая «заслуга» восточного соседа Конго.

ООН и Африканский союз (АС) неоднократно обвиняли руандийские власти в серьезных нарушениях прав человека в ДРК, но Запад продолжал предоставлять Кигали большую помощь, нежели Киншасе, так как П. Кагаме пользовался всеобщим уважением за его вклад в прекращение геноцида и за усилия по экономическому восстановлению Руанды (Hensell & Gerdes, 2017).

Режим Ж. Кабилы (2001—2019 гг.) и характер его контактов с Кигали

Перманентная нестабильность в ДРК в значительной степени объясняется наличием здесь крупных месторождений меди, кобальта, колумбита-танталита, бокситов, железной руды, алмазов, золота и других полезных ископаемых, в доступе к которым заинтересованы различные группы местного населения, вооруженные, в том числе трансграничные, формирования и транснациональные корпорации. С конца 1990-х гг. почти все золото (98 %) и алмазы, экспортировавшиеся Угандой, Кенией, Танзанией, Бурунди и Центральноафриканской Республикой, были контрабандой вывезены из ДРК (All that Glitters is Not Gold..., 2014, p. 1). В свою очередь, Руанда в основном «специализируется» на олове, вольфраме и тантале.

В июле 2002 г. в Претории было подписано мирное соглашение между ДРК и Руандой, ознаменовавшее формальное окончание Второй войны. Однако это соглашение, как и ряд других, подписанных в 2002—2003 гг., привело лишь к выводу с конголезской территории значительной части иностранных войск и не положило конец насилию. Среди причин сохранявшейся нестабильности были непримиримая позиция правительства П. Кагаме, не желавшего лишаться доходов от экспорта конголезских минералов, —

с одной стороны, и продолжавшаяся деятельность в этих районах противостоявшей Кигали вооруженной группировки хуту ДСОР, получавшей поддержку Киншасы, — с другой (Reyntjens, 2009). Необходимо отметить, что ДСОР¹¹ с числом бойцов примерно в 2,5 тыс. действительно создавали и продолжают создавать угрозу безопасности в приграничных районах Руанды, осуществляя периодические рейды на эти территории и не скрывая своей цели свержения режима П. Кагаме¹². Для Руанды ДСОР были не просто одной из повстанческих группировок — именно ее боевики виновны в геноциде сотен тысяч тутси.

В свою очередь, опасения тутси по поводу их дальнейшей маргинализации привели к созданию в 2006 г. при поддержке руандийских властей повстанческой организации Национальный конгресс в защиту народа (НКЗН, *Congrès national pour la défense du peuple*) для противодействия ДСОР и обеспечения представительства тутси в конголезских органах власти. НКЗН быстро стал самым мощным вооруженным образованием в Киву, где смог установить политический и экономический контроль, сражаясь с местными ополчениями хуту.

В январе 2009 г. появилась надежда на военно-политическую стабилизацию на востоке ДРК, так как конголезско-руандийские переговоры привели к достижению договоренности о прекращении огня и интеграции бойцов НКЗН в Вооруженные Силы ДРК, однако перед президентскими и парламентскими выборами 2011 г. Киншаса попыталась ослабить мятежников путем установления контроля над контрабандой полезных ископаемых, что резко ограничило доходы

¹¹ ДСОР располагают сетью поддержки в различных африканских и европейских (в Германии, Бельгии, Франции и др.) странах, а также в США и Канаде. Финансируются за счет экспорта конголезских минералов, так как контролируют почти половину из полутора десятков вольфрамовых и танталитовых месторождений на востоке ДРК, и торговли пальмовым маслом и каннабисом.

¹² Democratic Republic of Congo: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. March 25, 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R43166> (accessed: 24.07.2022).

группировки. В ответ часть бойцов НКЗН дезертировала из армии и в 2012 г. создала вооруженную фракцию «Движение 23 марта» (М23) во главе с генералом Боско «Терминатором» Нтагандой — руандийцем-тутси, служившим в конголезской армии и организовавшим солдатский мятеж. В 2013 г. руандийские власти поддержали восстание М23, направленное против режима Ж. Кабилы¹³, и хотя оно было подавлено к декабрю того же года, повстанческая организация не распалась (Vlassenroot & Arnould, 2016, p. 7), а весной 2022 г. стала одним из наиболее активных игроков в конфликте между ДРК и Руандой.

Таким образом, после завершения в 2002 г. Второй войны напряженность в отношениях между ДРК и Руандой несколько раз перерастала в вооруженные столкновения. Отчасти этому способствовала и внешнеэкономическая ориентация Ж. Кабилы на Китай, в то время как П. Кагаме пользовался поддержкой Запада, также стремившегося расширить доступ к конголезским ресурсам, в том числе через Кигали¹⁴. Так, в середине 2010-х гг. Руанда, не добывающая колтан, превратилась в самого крупного в мире экспортера колумбито-танталового концентрата, применяемого в радиоэлектронике, поставив в 2014 г. на мировой рынок 2466 т этого металла на сумму в 134,5 млн долл. США¹⁵. В 2021 — первой половине 2022 г. Руанда выручила от продажи колтана около 250 млн долл. США¹⁶. Страна также экспортирует

¹³ Letter dated 26 June 2012 from the Chair of the Security Council Committee established pursuant to resolution 1533 (2004) concerning the Democratic Republic of the Congo addressed to the President of the Security Council // UN Security Council. June 26, 2012. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/730424> (accessed: 24.07.2022).

¹⁴ Шипилов А. Конфликт Конго и Руанды: крутой поворот политики Запада // РСМД. 14.10.2012. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/afrika/32285/?sphrase_id=85981901 (дата обращения: 13.07.2022).

¹⁵ Гончаров В. О положении дел в Демократической Республике Конго и вокруг нее // Международная жизнь. 26.03.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25776?ysclid=l6kdtllia9497097737> (дата обращения: 19.07.2022).

¹⁶ Uganda: Minister Oryem claims Kampala not backing any side in Rwanda-DRC dispute // The Africa

алмазы и золото, которых не добывает (Olsson & Congdon, 2003, p. 29). В результате район Кигали получил название «Мерси Конго» из-за высотных зданий, якобы построенных здесь на средства, вырученные от торговли конголезским сырьем¹⁷.

Правление Ф. Чисекеди и конголезско-руандийский конфликт 2022 г.

Феликс Чисекеди, бывший деятель оппозиции, стал президентом ДРК по итогам всеобщих выборов 2018 г. Среди целей режима, озвученных им в ходе предвыборной кампании и после избрания, наряду с обычными (борьба с коррупцией, реформа госаппарата, Вооруженных Сил (ВС) и др.) было заявлено и достижение политической стабильности в восточных районах путем улучшения отношений со странами-соседями, прежде всего с Руандой¹⁸. Действительно, между Киншасой и Кигали было подписано несколько соглашений, в том числе в сфере золотодобычи¹⁹.

Однако в годы правления Ф. Чисекеди уровень насилия в провинциях Киву не снизился — были убиты тысячи мирных жителей, и в мае 2021 г. президент ввел в Северном Киву «осадное положение» (ОП), практически аналогичное «чрезвычайному». Правда, ситуация даже обострилась, так как власти использовали ОП для запрещения массовых мероприятий и других злоупотреблений. Осенью 2021 г. возобновились

Report. June 28, 2022. URL: <https://www.theafricareport.com/217753/uganda-minister-oryem-claims-kampala-not-backing-any-side-in-rwanda-drc-dispute> (accessed: 24.07.2022).

¹⁷ Lezhnev S., Prendergast J. Rwanda's Stake in Congo. Understanding Interests to Achieve Peace // Enough. October 2013. URL: <https://enoughproject.org/files/Rwanda%E2%80%99s%20Stake%20in%20Congo%20-%20Understanding%20Interests%20to%20Achieve%20Peace.pdf> (accessed: 21.07.2022).

¹⁸ Democratic Republic of Congo: Background and U.S. Relations // Congressional Research Service. March 25, 2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R43166> (accessed: 24.07.2022).

¹⁹ В ДР Конго заявили о вторжении солдат Руанды // Красная весна. 19.10.2021. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/fcba422d> (дата обращения: 11.07.2022).

вооруженные действия М23, якобы поддержанные Руандой. Повстанцы требовали выполнения правительством Ф. Чисекеди Найробийского соглашения 2013 г., в соответствии с которым они должны были получить амнистию и возможность для тех, кто ранее бежал из ДРК, вернуться домой. 18 октября 2021 г. власти ДРК обвинили руандийскую армию во вторжении на территории шести деревень в Северном Киву. Представители Руандийских сил обороны заявили, что преследовали контрабандистов, которые пересекли границу в районе Рубаву²⁰, и, в свою очередь, упрекнули конголезских военных в поддержке ДСОР.

В марте 2022 г. М23 атаковала две позиции вооруженных сил ДРК вблизи границ с Угандой и Руандой²¹, в результате чего начались бои между повстанцами и подразделениями регулярной армии. Это нападение в сочетании с взаимными обвинениями Киншасы и Кигали привело к конфликту, вылившемуся в столкновения между вооруженными силами двух стран²². В мае ВС ДРК обстреляли район Мусанзе в Северной провинции Руанды, где несколько человек получили ранения. В конце мая были отменены авиарейсы между странами. В июне Киншаса и Кигали обвиняли друг друга в обстрелах, соответственно, Северного Киву и Западной провинции Руанды. 13 июня силы М23 захватили конголезский г. Бунагана, вынудив около 30 тыс. его жителей бежать в Уганду, и представитель оборонного ведомства ДРК заявил, что РСО участвовали в нападении, которое он назвал «вторжением Руанды»²³.

²⁰ В Руанде прокомментировали военное вторжение в ДР Конго // Красная весна. 19.10.2021. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/0e40c368> (дата обращения: 11.07.2022).

²¹ В Руанде обвинили Демократическую Республику Конго в похищении двух офицеров // Росбалт. 29.05.2022. URL: <https://www.rosbalt.ru/world/2022/05/29/1960024.html> (дата обращения: 19.07.2022).

²² Африканский союз выразил беспокойство кризисом в отношениях между ДР Конго и Руандой // ТАСС. 13.06.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14897033> (дата обращения: 19.07.2022).

²³ В ДР Конго заявили о вторжении солдат Руанды // Красная весна. 19.10.2021. URL:

15 июня тысячи демонстрантов организовали акцию протеста против действий Руанды в конголезском г. Гома. Протест быстро перерос в беспорядки: разъяренная толпа грабила магазины, принадлежавшие руандийцам, сжигала автомобили, и конголезский спецназ вынужден был применить слезоточивый газ, чтобы предотвратить столкновения на контрольно-пропускном пункте на границе с Руандой. В тот же день правительство Ф. Чисекеди приостановило действие всех соглашений, заключенных с Кигали, и потребовало от руандийских военнослужащих покинуть ДРК. 17 июня конголезский солдат пересек границу с АК-47 в руках и был застрелен руандийским полицейским. В ответ Киншаса закрыла границу с Руандой²⁴.

Каковы же истинные причины обострения отношений? Прежде всего, пообещав стабилизировать обстановку на востоке Конго, Ф. Чисекеди одновременно выразил намерение установить более жесткий контроль над добычей и экспортом полезных ископаемых и других товаров, что расходится с интересами Руанды, получающей большие доходы от контрабанды. Кроме того, в ноябре 2021 г. ДРК подписала с Угандой соглашение о начале совместной военной операции против исламистской группировки Союзные демократические силы (*Allied Democratic Forces*), позволившее Кампале разместить свои войска в ДРК, что не могло не встревожить правительство Руанды, у которого возникли опасения о подрыве его влияния в Конго²⁵. Возможно, именно поэтому Кигали и способствовала «возрождению» М23.

<https://rossaprimavera.ru/news/fcba422d> (дата обращения: 11.07.2022).

²⁴ DRC reopens border with Rwanda after temporary closure // Anadolu Agency. June 26, 2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/drc-reopens-border-with-rwanda-after-temporary-closure/2623170> (accessed: 22.07.2022).

²⁵ What is M23? How the violent rebel group linked to Rwanda could affect the UK deportation policy // iNews. June 24, 2022. URL: <https://inews.co.uk/news/world/what-is-m23-how-the-violent-rebel-group-linked-to-rwanda-could-affect-the-uk-deportation-policy-1702076> (accessed: 24.07.2022).

Политические интересы Руанды в ДРК сложны и неоднозначны. П. Кагаме неоднократно заявлял, что хочет воспрепятствовать дискриминации тутси, но поддержка его режимом многочисленных конголезских ополчений, напротив, усугубляет межэтническую вражду и делает тутси более уязвимыми. Неудивительно, что лидеры конголезских тутси неоднократно требовали от Кигали прекратить поддержку НКЗН и М23²⁶. В свою очередь, правительство Ф. Чисекеди попыталось замаскировать под конфликт с Руандой свою неспособность решить многочисленные внутренние проблемы ДРК, тем более что поводы к несогласию с Кигали у Киншасы есть. Так или иначе, но события весны 2022 г. показали, что отношения между двумя странами остаются напряженными и пока далеки от урегулирования.

Заключение

В академических кругах бытует представление о том, что конголезские конфликты являются неразрешимыми из-за сложности их причин: слабости государства, доступности стратегических полезных ископаемых, трансграничного расселения этнических групп и т. д. После официального окончания Второй Конголезской войны прошло почти 20 лет, и даже если в сфере безопасности и наблюдается некоторый прогресс, ситуация в целом остается нестабильной, и в этом немалую роль играют власти Руанды.

Страны с огромной территорией, такие как ДРК, часто сталкиваются с проблемами неэффективности центрального правительства, неспособного контролировать ситуацию, в том числе и военно-политическую, на периферии. В результате управление в отдаленных районах начинает осуществляться местными политическими «силачами», причем нередко, как в случае с Конго, при под-

²⁶ Lezhnev S., Prendergast J. Rwanda's Stake in Congo. Understanding Interests to Achieve Peace // Enough. October 2013. URL: <https://enoughproject.org/files/Rwanda%E2%80%99s%20Stake%20in%20Congo%20-%20Understanding%20Interests%20to%20Achieve%20Peace.pdf> (accessed: 21.07.2022).

держке соседних стран. Из-за огромных размеров территории и практического отсутствия инфраструктуры, прежде всего дорог, которые бы связывали восточные районы с центром, незащищенности населения из-за его изоляции от остальной части страны и неспособности получить доступ к социальным услугам приграничные регионы остаются уязвимыми перед внешним вмешательством, а их жители — зачастую более лояльными властям другой страны, в данном случае Руанды, намного меньшей по площади и численности населения, нежели Конго.

Наличие стратегических природных ресурсов в развивающихся странах в целом и ДРК в частности имеет огромный конфликтный потенциал. Большинство крупных месторождений полезных ископаемых в Конго расположено именно в восточных районах страны. Разработка этих ресурсов поддерживает различные вооруженные группы в финансовом отношении и создает стимулы для дальнейшего участия в конфликтах, в том

числе и армий соседних стран, осуществлявших на территории ДРК крупномасштабные грабежи. Провинции Киву были в эпицентре этих процессов, поскольку расположены недалеко от границ с Угандой и Руандой — стран, служащих каналами вывоза ценного конголезского сырья. Нежелание Кигали отказываться от экспортных доходов и стало одной из причин конфликта между ДРК и Руандой весной 2022 г.

Конфликты в восточных районах ДРК уходят своими корнями в отягощенную различными драматическими событиями историю всего региона Великих Африканских озер. Застарелая вражда между отдельными группами населения, как правило, заметно влияет на современные события, что и наблюдается в настоящее время как в Руанде, так и в ДРК. Возможно, должно смениться несколько поколений конголезцев и руандийцев, прежде чем «фактор Руанды» утратит свою конфликтность в контексте отношений между Киншасой и Кигали.

Поступила в редакцию / Received: 11.09.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 04.11.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Винокуров Ю. Н. Демократическая Республика Конго. Власть и оппозиция. Москва : Восточная литература, 2003.
- Кривушин И. В. Сто дней во власти безумия: руандийский геноцид 1994 г. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Мазов С. В. Холодная война в сердце Африки. СССР и конголезский кризис, 1960—1964. Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
- Сидорова Г. М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из дневника дипломата). Москва : Наука — Восточная литература, 2015.
- Сидорова Г. М. Военные конфликты в Демократической Республике Конго на рубеже XX—XXI веков и их особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2011. Т. 16, № 2. С. 81—89. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2011.2.11>
- Сидорова Г. М. Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго. Москва : Восточная литература, 2013.
- Сидорова Г. М. Интеграция Демократической Республики Конго в систему международных отношений // Экономические отношения. 2017. Т. 7, № 4. С. 375—386. <https://doi.org/10.18334/eo.7.4.38603>
- Сидорова Г. М. Президентские выборы в Демократической Республике Конго: борьба за власть // Азия и Африка сегодня. 2019. № 4. С. 36—40. <https://doi.org/10.31857/S032150750004381-1>
- Точигин М. Ю. О внутривосточной ситуации в Демократической Республике Конго и перспективах миссии ООН (МООНСДРК) // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. Т. 54, № 1. С. 46—51. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-54-1-46-51>
- All that Glitters is Not Gold: Dubai, Congo and the Illicit Trade of Conflict Minerals / ed. by A. Martin, B. Taylor // Partnership Africa Canada. 2014. P. 1—27. URL: <https://impacttransform.org/wp-content/uploads/2017/09/>

2014-May-All-That-Glitters-is-not-Gold-Dubai-Congo-and-the-Illicit-Trade-of-Conflict-Minerals.pdf (accessed: 24.07.2022).

- Bjarnadóttir E. S.* Conflict in the Democratic Republic of the Congo. A Study of “New Wars”: MA thesis. Reykjavík, 2017. URL: https://www.academia.edu/45160182/Conflict_in_the_Democratic_Republic_of_the_Congo_A_study_of_new_wars (accessed: 24.07.2022).
- Civil Wars of the World: Major Conflicts since World War II / ed. by K. DeRouen, U. Heo. Santa Barbara, CA : ABC-CLIO, 2007.
- Des Forges A.* Leave None to Tell the Story. New York : Human Rights Watch, 1999.
- Fofana I.* A Crisis of Belonging: Rwanda’s Ethnic Nationalism and the Kivu Conflict // Harvard International Review. 2009. Vol. 30, no. 4. P. 34—38.
- From War to Democracy: Dilemmas to Peacebuilding* / ed. by A.K. Jarstad, T.D. Sisk. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511755859>
- Hensell S., Gerdes F.* Exit from War: The Transformation of Rebels into Post-war Political Elites // Security Dialogue. 2017. Vol. 48, no. 2. P. 168—184. <https://doi.org/10.1177/0967010616677713>
- Kisangani E. F.* Civil Wars in the Democratic Republic of Congo, 1960—2010. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 2012.
- Kisangani E. F.* The Massacre of Refugees in Congo: A Case of UN Peacekeeping Failure and International Law // The Journal of Modern African Studies. 2000. Vol. 38, no. 2. P. 163—202. <https://doi.org/10.1017/s0022278x0000330x>
- Muraya J., Ahere J.* Perpetuation of Instability in the Democratic Republic of the Congo: When the Kivus Sneeze, Kinshasa Catches a Cold // Occasional Paper Series. 2014. No. 1. P. 1—46. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/185859/ACCORD-occasionalpaper-2014-1.pdf> (accessed: 24.07.2022).
- Ngolet F.* Crisis in the Congo. The Rise and Fall of Laurent Kabila. New York : Palgrave Macmillan, 2011.
- Olsson O., Congdon H.* Congo: The Prize of Predation // University of Gothenburg Working Papers in Economics. 2003. No. 97. P. 1—37. URL: <https://gupea.ub.gu.se/bitstream/handle/2077/2818/gunwpe0097rev.pdf> (accessed: 22.07.2022).
- Paris R.* At War’s End: Building Peace after Civil Conflict. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511790836>
- Prunier G.* The Rwanda Crisis: History of a Genocide. New York : Columbia University Press, 1997.
- Prunier G.* The Rwandan Patriotic Front // African Guerrillas / ed. by C. Clapham. Oxford : James Currey Publishers, 1998. P. 119—133.
- Reyntjens F.* The Great African War: Congo and Regional Geopolitics, 1996—2006. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511596698>
- Stearns J.* Dancing in the Glory of Monsters: The Collapse of the Congo and the Great War of Africa. New York : Public Affairs, 2012.
- Thom W. G.* Congo — Zaire’s 1996—97 Civil War in the Context of Evolving Patterns of Military Conflict in Africa in the Era of Independence // Journal of Conflict Studies. 1999. Vol. 19, no. 2. P. 93—123.
- Vlassenroot K.* Land and Conflict: The Case of Masisi // Conflict and Social Transformation in Eastern DR Congo / ed. by K. Vlassenroot, T. Raeymaekers. Gent : Academia Press Scientific Publishers, 2004. P. 81—102.
- Vlassenroot K., Arnould V.* EU Policies in the Democratic Republic of Congo: Try and Fail? // Security in Transition Working Papers. 2016. No. 6. P. 1—22. URL: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2016/03/FES_LSE_EU-Policies-in-the-Democratic-Republic-of-Congo_Vlassenroot_Arnould_2016-02-25.pdf?type=pdf (accessed: 22.07.2022).

Сведения об авторах: *Денисова Татьяна Сергеевна* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН; ORCID: 0000-0001-6321-3503; e-mail: tsden@hotmail.com

Костелянец Сергей Валерьянович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований Института Африки РАН; ORCID: 0000-0002-9983-9994; e-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-48-66

EDN: VAAHWL

Научная статья / Research article

Моделирование участия страны в урегулировании вооруженных конфликтов: кейс действий ФРГ в Мали

Ф.О. Трунов  

Институт общественной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Москва, Российская Федерация
 1trunov@mail.ru

Аннотация. В начале 2020-х гг. резко возросли вызовы сохранению присутствия стран Запада в зонах вооруженных конфликтов в Азии и Африке. Наиболее отчетливо это проявилось в Афганистане, заметные трудности наблюдались также в Сахаро-Сахельском регионе. С целью выявления причин этого автор обратился к ситуации в Мали, соотнося действия Германии в этой стране с выстроенной автором теоретико-практической схемой участия внешнего игрока в урегулировании вооруженного конфликта. Двигаясь к положению полновесного глобального игрока, ФРГ особенно заинтересована в создании стратегического присутствия в зонах нестабильности и чувствительна к его утрате. На первой стадии урегулирования ключевыми задачами видятся выведение за скобки процесса радикальных сил, особенно террористических группировок, и примирение умеренных сторон, то есть заинтересованных в сохранении института государства как такового. На второй стадии осуществляются полномасштабные международные усилия по миротворчеству и поддержанию мира. На третьей стадии происходит национализация урегулирования, то есть передача управления процессом органам власти и силам безопасности в зоне конфликта. Подробно изучаются формы, масштаб, географические особенности использования Германией военного инструментария и дипломатических возможностей в 2013—2019 гг. на первых двух стадиях урегулирования. Выявляются основные «узкие места» применяемого подхода, в том числе постоянное запаздывание с приложением достаточных усилий. Применительно к 2020—2021 гг. показывается наличие двух взаимоисключающих сценариев на фоне новой волны активизации террористических группировок на юге Мали: ускоренного перехода к национализации с вероятным отторжением поддержки Германии и Франции, и откладывания перехода к третьей стадии в свете усилий по сохранению присутствия западных стран в Мали.

Ключевые слова: нестабильность, поддержание мира, реформа сектора безопасности, Германия, Франция, Сахель, террористические группировки

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трунов Ф. О. Моделирование участия страны в урегулировании вооруженных конфликтов: кейс действий ФРГ в Мали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 48—66. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-48-66>

© Трунов Ф.О., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Modeling the Country's Participation in Armed Conflict Resolution: Case of Germany's Activity in Mali

Philipp O. Trunov  

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 ltrunov@mail.ru

Abstract. In the early 2020s, the challenges of maintaining a Western presence in the zones of armed conflicts in Asia and Africa increased dramatically. This was most evident in Afghanistan, while notable difficulties were also observed in the Sahara-Sahel region. In trying to understand the reasons for this, the author turned to the situation in Mali, trying to correlate the Germany's actions in Mali with the author's theoretical-practical scheme of participation of an outside actor in the resolution of an armed conflict. Reaching the position of a full-fledged global actor, Germany is especially interested in creating a strategic presence in the instability zones and is sensitive to its loss. At the first stage of the resolution, the key tasks are the bracketing of radical forces, especially terrorist groups, and the reconciliation of the moderate ones, which are interested in preserving the institution of the state as such. The second stage is the time for full-scale international peacekeeping. The third stage is the nationalization of the resolution, i.e. the transfer of control over the process to the authorities and security forces in the country of conflict's origin. The study explores the forms, scale, and geographical features of Germany's use of military tools and diplomatic capabilities in the first two stages of the 2013—2019 resolution. The main "bottlenecks" of the approach are identified, including the persistent delay in applying sufficient efforts and the determinism of this trend. For 2020—2021, two contradictory paths are shown against the background of a new wave of activation of terrorist groups in the south of Mali: an accelerated transition to nationalization with a possible withdrawal of German and French support, and a postponement of the third stage, linked to the preparations for the continued presence of Western countries in Mali.

Key words: instability, peacekeeping, security sector reform, Germany, France, Sahel, terrorist groups

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Trunov, Ph. O. (2023). Modeling the country's participation in armed conflict resolution: Case of Germany's activity in Mali. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 48—66. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-48-66>

Введение

В начале 2020-х гг. наблюдалось резкое сокращение «окна возможностей» для акторов Евроатлантического сообщества в вопросе сохранения стратегического присутствия в странах Азии и Африки, где имеют место вооруженные конфликты. Например, вопреки первоначальным шагам США по усилению группировки в составе миссии «Решительная поддержка» в Афганистане в 2017—2018 гг. администрация Д. Трампа в итоге пошла на переговоры с «Талибаном»¹, включенным в список террористических организаций (Glatz & Kaim, 2020). На фоне выхода США из многочисленных договоренностей в сфере международной безопасности двусторонняя

«сделка» с талибами от 29 февраля 2020 г.² стала едва ли не единственной и, как представляется, важнейшей из вновь заключенных при Д. Трампе. США действительно пошли по пути имплементации соглашения даже в условиях первой волны пандемии COVID-19. В 2020 г., заявляя о стремлении дистанцироваться от решений, принятых предыдущей администрацией, администрация Дж. Байдена, хотя и с колебаниями, но все же согласилась на выполнение условий документа.

² Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America // U.S. Department of State. February 29, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 21.07.2022).

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

Первоначальный срок вывода войск — 1 мая 2021 г. — был сдвинут на 11 сентября, а затем перенесен на начало июля 2021 г. Подобная спешка демонстрировала экстренный характер эвакуации войск США и их партнеров по миссии «Решительная поддержка».

Силовые смены власти в Мали в августе 2020 г. и особенно в мае 2021 г. поставили под вопрос сохранение здесь военного присутствия Франции и ее партнеров по ЕС. Содержательно и географически малийское направление являлось стержневым для целого ряда государств Запада, прилагавших усилия по стабилизации ситуации в странах Сахельской группы пяти (G5 Сахель), в которую входят Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер и Чад (Tull, 2017). Значимыми шагами стало свертывание в 2021—2022 гг. проводимых при ведущем участии Пятой республики миссий «Бархан» и «Такуба», хотя официальный Париж, как и ранее Белый дом на афганском направлении, активно изыскивал возможности для сохранения стратегического присутствия в регионе (Сидоров, 2021, с. 23—26; Филиппов, 2022, с. 41—43). Возник риск полного свертывания военно-тренировочной миссии ЕС в Мали (*EUTM Mali*) и вывода контингентов стран — участниц ЕС из состава сил Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА).

У Евroatлантического сообщества сохраняется достаточно широкий спектр географических направлений обеспечения влияния в зонах вооруженных конфликтов. Вместе с тем в большинстве случаев возможности для увеличения вариативности форм использования политического и особенно военного инструментария ограничены. В Сирии, учитывая критическое восприятие официальным Дамаском, опирающимся на поддержку РФ и Ирана, действий США и их партнеров, рост присутствия стран Запада весьма проблематичен (Lukas & Paradis, 2019; Чернега, 2022).

В свою очередь, в Йемене западные державы уже продолжительное время находятся на стадии выбора оптимальных форм влияния на ход вооруженного конфликта (Transfeld, 2022, р. 6). Подготовительный этап полноценного подключения к урегулированию в

этой стране растянут, как и в случае Ливии в 2010-е гг., где этот процесс начался только после проведения Берлинской конференции в 2020 г. (Lacher, 2021). Несмотря на первоначальные успехи по установлению режима прекращения огня и первые шаги к примирению, «точка невозврата» в урегулировании ситуации на ливийском направлении еще не пройдена — иллюстрацией этому служит срыв президентских выборов в стране в декабре 2021 г.

В Ираке, Сомали и Нигерии серьезным препятствием на пути урегулирования при ведущей поддержке стран — участниц НАТО и ЕС выступает отсутствие критического ослабления террористических группировок («Исламское государство» (ИГ)³, «Аш-Шабаб», «Западноафриканская провинция ИГ») и, как следствие, очередная волна их активизации в начале 2020-х гг.⁴ Существуют возможности по наращиванию присутствия государств — членов ЕС на территории Нигера, однако в случае утраты позиций в Мали это полностью не предотвратит критического ослабления влияния Запада в группе «G5 Сахель» в целом (Сидоров, 2022, с. 85—95).

В случае Афганистана реализация угрозы стратегического выхода нанесла наибольший разноплановый урон США и в целом группе англо-саксонских стран, а развитие ситуации в Мали — Франции. Проявляется также исключительная невыгодность *обеих* ситуаций для Германии. Так, Франция вносила весьма ограниченный вклад в функционирование миссии «Решительная поддержка», а США, в свою очередь, в принципе не выделяли войск для проведения операций «Сервал», «Бархан» и деятельности МИНУСМА. Соответственно, столкнувшись с существенными потерями на одном из этих направлений, официальный Париж и Белый дом де-факто не понесли крупных издержек на другом (исключая ущерб для Евroatлантического сообщества в целом).

³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁴ Brose E. Keine Stabilisierung ohne Risiko: Deutschland darf den Irak jetzt nicht allein lassen // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. 06.01.2020. URL: <https://www.baks.bund.de/de/keine-stabilisierung-ohne-risiko-deutschland-darf-den-irak-jetzt-nicht-allein-lassen> (accessed: 21.07.2022).

Напротив, в обоих случаях ФРГ к концу 2010-х гг. уверенно занимала второе место по объему вносимого вклада, в том числе военных усилий (Glatz & Kaim, 2020; Tull, 2019). Поэтому для германской стороны потери позиций были болезненны вдвойне. В реальности ситуация для официального Берлина была еще сложнее в условиях его последовательно отказа от силового использования бундесвера. Это резко сужало возможности по его применению в Ираке⁵ и особенно в Сомали, где весной 2018 г. ФРГ свернула участие в деятельности военно-тренировочной миссии ЕС (*EUTM Somalia*)⁶.

Следует отметить, что Германия находится в роли «восходящей» державы, то есть страны, движущейся к положению полноправного глобального игрока, но еще не достигшей и тем более не закрепившейся в этом статусе. Отсюда — особая чувствительность к вынужденному (то есть под влиянием обстановки в целом и решений партнеров по НАТО и ЕС в частности) демонтажу крупнейших для бундесвера механизмов военного присутствия в зонах нестабильности. В Афганистане руководство ФРГ вплоть до апреля 2021 г. всячески стремилось избежать вывода войск. Эта линия наблюдалась и в Мали — втором и на начало 2020-х гг. крупнейшем для Германии направлении применения войск для решения задач стабилизации. Даже в условиях сворачивания операций «Бархан» и «Такуба», обладающих четко выраженной силовой компонентой, весной 2022 г. Германия пошла не просто на сохранение, но и на наращивание своего присутствия в составе сил МИНУСМА⁷.

⁵ Brose E. Keine Stabilisierung ohne Risiko: Deutschland darf den Irak jetzt nicht allein lassen // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. 06.01.2020. URL: <https://www.baks.bund.de/de/keine-stabilisierung-ohne-risiko-deutschland-darf-den-irak-jetzt-nicht-allein-lassen> (accessed: 21.07.2022).

⁶ Somalia — European Union Training Mission Somalia // Bundeswehr. 2022. URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/eutm-somalia> (accessed: 21.07.2022).

⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 1—4.

Именно здесь ФРГ содержательно и хронологически наиболее полно использовала опыт участия в урегулировании вооруженных конфликтов, накопленный в 1990-е гг. на Балканах, а также в Афганистане, Ливане, Сомали и Демократической Республике Конго (ДРК).

Задача статьи — исследовать схему использования Германией военного и политического инструментария для стабилизации обстановки в Мали. В работах исследователей — зарубежных и в меньшей степени российских — уделяется достаточно большое внимание вопросам развития и урегулирования вооруженного конфликта в Мали (Сидоров, 2018; Филиппов, 2021), а также непосредственно участия Германии в урегулировании (Hanish, 2015; Müller & Vorrath, 2021; Tull, 2019). В основном изучаются конкретные аспекты этого участия, в то время как попыток теоретико-практического обобщения усилий Германии на этом направлении пока предпринято недостаточно. Методологически автор постарался выстроить трехфазную схему процесса урегулирования вооруженных конфликтов, стремясь вписать в нее действия ФРГ и оценить степень их эффективности.

К вопросу теоретизации схемы урегулирования вооруженного конфликта

Опираясь на собственные профильные разработки (Трунов, 2018), автор попытался предложить схему урегулирования вооруженного конфликта с фокусом на участие внешних игроков на каждой стадии процесса (табл. 1). Безусловно, данная схема не претендует на роль универсальной, однако автор постарался обобщить опыт вовлеченности стран Запада по борьбе с угрозами нестабильности в зонах происхождения конфликтов в 1990—2010-е гг.

Уместно выделить ряд принципиальных черт исследуемых явлений.

Во-первых, для растущего числа вспышек организованного насилия в Азии и Африке характерно участие террористических группировок в качестве стороны (или даже нескольких сторон) конфликта.

Таблица 1

Стадии урегулирования вооруженного конфликта: политическое и военное измерения

| Стадия | Ключевые задачи | | Сроки |
|---|---|--|--------------------|
| | Политико-дипломатические | Военные | |
| I <i>Старт</i> | <p>I-a. Предельное выведение за скобки урегулирования радикальных течений, особенно структур международного терроризма.</p> <p>I-b. Прекращение огня и начало переговоров о примирении между проправительственными и оппозиционными умеренными силами</p> | <p>I-1. Проведение боевых операций/силовых мер поддержки. Цель — нанесение незаконным вооруженным формированиям (НВФ) радикального толка человеческих потерь и материального ущерба; максимальное сокращение подконтрольных им территорий.</p> <p>I-2 и I-3. Подготовка и начало развертывания миротворческой и военно-тренировочной миссии, то есть реформирование сектора безопасности в стране происхождения конфликта</p> | Не более 1—1,5 лет |
| II <i>Плато междуна-родных усилий</i> | <p>II-a. Заключение и имплементация договоренностей между умеренными силами. Определение форм внешнего мониторинга, содействия и стимулирования миротворческого процесса.</p> <p>II-b. Последовательная дискредитация радикальных сил, их маргинализация в политическом и идеологическом отношениях</p> | <p>II-1. Запуск реформы сектора безопасности: институциональных преобразований, обучение / переподготовка кадров, при необходимости — оснащение. Принципиальное решение вопроса о количественных ориентирах личного состава для армии и правоохранительных органов. <i>Во взаимодействии с вновь реформируемыми силами безопасности страны происхождения конфликта:</i></p> <p>II-2. Развертывание международных сил для выполнения задач по миротворчеству и поддержанию порядка, то есть де-юре небоевых задач.</p> <p>II-3. При необходимости — работа силовой миссии внешних игроков по антитеррористической профилактике</p> | 5—7 лет |
| III <i>Национализация урегулирования</i> | <p>III-a. Передача управления процессом урегулирования местным органам власти. Для внешних игроков — определение форм органичного присутствия и влияния в зоне конфликта</p> | <p>III-1. Большую часть нагрузки по обеспечению мира и правопорядка берут на себя силы безопасности самой страны происхождения конфликта. <i>Это означает:</i> — полное или практически полное (с сохранением небольших групп мониторинга) свертывание международных миротворческих сил; — завершение деятельности или резкое сокращение численного состава боевых частей, подразделений, задействованных в силовой составляющей антитеррористической профилактики; — возможность сохранения военных инструкторов и советников с правом корректировки форм и объемов их использования</p> | Не определены |

Источник: составлено автором.

Эти группировки априори являются деструктивными силами, ставящими перед собой задачу разрушения государства как института власти в его традиционном понимании и реализации контрпроекта по созданию гомогенной общности. Это предполагает устранение или порабощение всех несогласных, а также установление полного контроля над территорией. Соответственно, успех урегулирования конфликта полностью зависит от полного военного разгрома террористических группировок и дискредитации их идеологии. Ключевым критерием умеренности стороны вооруженного конфликта видится ее принципиальная готовность к сохранению института государства как

такового и последующему отказу от применения насилия.

Во-вторых, желательно не допускать перехода конфликта в «застарелую» стадию. Под этим термином автор понимает ситуацию, когда на протяжении 10 лет и более наблюдается продолжение активных боевых действий и/или отчетливая деградация урегулирования. Переход этого временного рубежа, равного половине продолжительности жизни одного поколения, может привести к тому, что массовая усталость общества от вооруженного насилия начинает притупляться, переходя в апатию, смирение с нестабильностью, а также приспособление к нему тех, кто не покинул зону конфликта.

Соответственно, хронологически, с точки зрения характера, объема и сонаправленности прилагаемых усилий, особенно политико-дипломатических и военных, необходимо стремиться к оперативности и гибкости урегулирования. Исключительно важна постановка цели достижения самого урегулирования как окончательного результата, а не защиты эгоистичных национальных интересов по обеспечению стратегического присутствия, если эти цели противоречат друг другу.

Придать импульс преодолению причин конфликта может регулярная (не реже чем раз в 2—4 года) корректировка форм, масштаба, особенностей географии военного вклада внешних игроков на первых двух стадиях урегулирования и при переходе к третьей. Иначе говоря, на общее улучшение состояния больного (в данном случае государства) нацелена смена способа (тактики) лечения по мере привыкания организма и, как следствие, снижения эффективности прошлой методики.

В качестве итогового результата урегулирования следует рассматривать не только стабилизацию ситуации в зоне конфликта, но и достижение такого уровня дееспособности ее властей (как в центре, так и на местах) и сил безопасности, при котором они смогут *самостоятельно* обеспечивать порядок и безопасность, не опираясь на постоянное, весьма продолжительное или повторяющееся военное присутствие внешних игроков. В данном случае речь идет о развертывании частей и подразделений на всей или значительной части территории страны, пораженной конфликтом, решающем одну или несколько задач, среди которых антитеррористическая профилактика, миротворчество и поддержание мира. Присутствие иностранных военных инструкторов и советников сюда не относится, так как они могут находиться в стране как в ходе урегулирования, так и уже по его окончании — при переходе двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства или даже союзничества. В последних случаях реалиями мирного времени могут стать военные базы — территориально компактные сосредоточения войсковых сил, в том числе ранее используемых в составе международных миротворческих контингентов.

Хронологически длительным может быть применение миротворцев для «заморозки» вооруженных конфликтов, обычно межгосударственных либо между центром и регионом, стремящимися получить расширенные права. В этом случае войсковое развертывание осуществляется не на территории всего государства, а на узких (в несколько километров) линиях разделения сторон.

Первая стадия: чрезмерная осторожность Германии?

До начала 2010-х гг. положению в Сахаро-Сахельском регионе в целом и «туарегской проблеме» в частности со стороны ФРГ уделялось весьма ограниченное внимание (Klute, 2013). Ситуация начала меняться в условиях провозглашения независимого государства Азавад на севере Мали в апреле 2012 г. Отказав ему в признании, официальный Берлин был обеспокоен тенденцией радикализации сил антиправительственного лагеря — заметного укрепления влияния и потенциала «Ансар ад-дин» и «Аль-Каиды в исламском Магрибе»⁸, в том числе перехода в их ряды наиболее непримиримых туарегов (Lacher & Tull, 2013, pp. 1—4). Реакцией на это стала силовая операция Франции «Сервал» против НВФ террористического толка, начавшаяся 11 января 2013 г.

ФРГ заявила о политической поддержке этой операции сразу после объявления о ней. Решение о предоставлении военной помощи, одобренное Бундестагом по запросу правительства, было принято 19 февраля 2013 г., через месяц от начала операции⁹, что свидетельствует, во-первых, о приверженности Берлина концепции «стратегической сдержанности», то есть предельной минимизации использования германских войск в силовых формах (исключая случаи самообороны). Решение о направлении в Мали бундесвера, притом изначально лишь подразделений

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁹ Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Beteiligung an der EU-geführten militärischen Ausbildungsmission EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/12367. 19.02.2013. S. 4—6.

тыловой поддержки и военных инструкторов, было принято только после того, как войска Франции в ходе стремительного наступления нанесли безусловное поражение боевикам НВФ (Мезенцев, 2014, с. 6—8). С этого момента официальный Берлин был готов выполнять функции по «разгрузке» партнера, притом сразу на двух направлениях: оказание логистической поддержки войскам Франции и силам африканской международной миссии по поддержке Мали (АФИСМА)¹⁰, состоящей преимущественно из контингентов стран — участниц Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), и обучение кадров малийской армии под эгидой ЕС. Если в первом случае бундесвер использовался на всей территории Мали, включая очищаемые от радикалов северные провинции, то во втором — только в считавшихся спокойными западных и центральных районах¹¹.

Во-вторых, в Сахаро-Сахельском регионе в рассматриваемый момент ФРГ стратегически находилась в положении новичка, что одновременно определяло ее осторожность и в то же время ориентацию на Францию, которая, как бывшая метрополия, обладала весомым влиянием в Западной Африке. Однако эта связь не была абсолютной, что проявилось в сроках принятия решения о военной поддержке Пятой республики, а главное — в том, что Германия *в принципе* не была готова к применению бундесвера непосредственно в миссиях под французским национальным командованием («Сервал» в 2013—2014 гг. и «Бархан» в 2014—2021 гг.). ФРГ отдавала безусловное предпочтение использованию войск под эгидой международных структур, особенно региональных объединений — ЕС и Африканского союза (АС), миссия которого уже к июлю 2013 г. была переведена

под руководство ООН, но с сохранением масштабного участия стран — участниц Африканского союза¹².

Своими шагами Берлин стремился оказать всемерную поддержку функционированию «треугольника» ЕС — ООН — АС. Как минимум с начала 2010-х гг. этот формат рассматривался ФРГ в качестве опоры региональной безопасности в Африке (Barthel, 2011), одновременно создавая возможность для легализации стратегического проникновения самой Германии на континент, в том числе по линии ЕС и ООН. Одновременно ФРГ подчеркивала восприятие французских миссий в Мали и своего вклада в деятельность *EUTM Mali* и МИНУСМА как единого комплекса усилий, осуществляемого государствами Евросоюза и способствующего усилению оборонного потенциала объединения (Von Krause, 2019, p. 3).

В военном отношении в 2013—2015 гг. для ФРГ был характерен отказ не только от силового, но и в принципе войскового использования бундесвера. Вместе с тем впервые бундесвер был привлечен к участию сразу в двух миссиях вне зоны своей ответственности — в миротворческой миссии АС/ООН и военно-тренировочной миссии ЕС в Мали. Кроме того, подготовка кадров полиции, жандармерии и национальной гвардии осуществлялась специалистами сил международной полицейской миссии ЕС в Нигере (*EUCAP Sahel*)¹³.

До середины 2010-х гг. из военных миссий безусловное предпочтение отдавалось *EUTM Mali*. Так, предельная численность военнослужащих в ее составе была изначально больше, чем в случае МИНУСМА (180 против 150, при том что разноплановая ценность нескольких военных инструкторов обычно

¹⁰ Security Council authorizes deployment of African-led International Support mission in Mali for initial year-long period // UN Security Council. 2012. URL: <https://web.archive.org/web/20121226234231/https://www.un.org/News/Press/docs/2012/sc10870.doc.htm> (accessed: 21.07.2022).

¹¹ Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Beteiligung an der EU-geführten militärischen Ausbildungsmission EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/12367. 19.02.2013. S. 2—4.

¹² Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Beteiligung an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/13754. 05.06.2013. S. 3—5.

¹³ EUCAP Sahel Niger: European Union Capacity-Building — Civilian Mission // European External Action Service. November 30, 2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eucap-sahel-niger/eucap-sahel-niger-european-union-capacity-building-civilian-mission_en?s=364 (accessed: 21.07.2022).

выше, чем тылового подразделения). Уже к весне 2015 г. «потолок» для миссии ЕС был поднят почти вдвое (до 350 офицеров и солдат), а для сил ООН оставался неизменно низким¹⁴. Если в первом случае ФРГ сразу де-факто приняла на себя функции «рамочной нации», то есть неофициального координатора всей деятельности, вносящего наибольший удельный вклад¹⁵, то во втором — ее роль была сугубо вспомогательной.

Таким образом, следуя схеме, изложенной в табл. 1, Германия полностью отказалась от реализации компоненты *I-1* урегулирования, приняла минимальное участие в осуществлении этапа *I-2* и весьма активное — в мерах *I-3*. Почему?

Помимо уже указанных общих причин — приверженности принципу «стратегической сдержанности», недостатка опыта обеспечения позиций в регионе — существовал и ряд более частных. Подготовка кадров для армии Мали казалась предпочтительнее в имиджевом и практическом плане, поскольку демонстрировала ценность Германии как партнера для официального Бамако и возможность установить фактический контроль над его «военной машиной» в сотрудничестве с Францией и в целом партнерами по ЕС.

Представляется также, что ФРГ учитывала негативный опыт в Афганистане, где массовая подготовка личного состава вооруженных сил стартовала с очень большим запозданием (около десятилетия) после мандата сил по миротворчеству и поддержанию мира. Значима и еще одна детерминанта: ФРГ не была готова к полноценному наземному, то есть войсковому, использованию своих сил в Мали до достижения внутривосточных договоренностей о мире. С одной стороны, де-юре это могло быть оправдано, так как вопрос о легитимности миротворческого присутствия внешних игроков вставал еще до достижения перемирия. С другой — де-факто ФРГ в военном отношении не вносила существенного вклада в урегулирование на первой стадии,

¹⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3836. 28.01.2015. S. 3—5.

¹⁵ Ibid.

когда радикальные НВФ оказались наиболее ослаблены и еще не обладали достаточными возможностями для перехода к активным повстанческим действиям.

Отчасти это компенсировалось активным участием Германии в налаживании и поддержке внутрималийского диалога между официальным Бамако и умеренными туарегами, готовыми отказаться от идеи независимого Азавада и не связанными с террористическими группировками. Переговоры были организованы в Алжире, а ФРГ, действуя совместно с Францией, взяла на себя функции посредника, а по сути — организатора процесса примирения¹⁶. Договоренности о прекращении огня были достигнуты уже в июне 2014 г.¹⁷ Уже это создавало возможность для наращивания усилий Германии по линии МИНУСМА, однако этого не произошло. В целом по сравнению с компонентой *I-a* ФРГ приняла заметное участие в реализации составляющей *I-b* урегулирования (см. табл. 1).

Вторая стадия: неполная реализация потенциала Германии?

15 мая и 20 июня 2015 г. в Алжире были подписаны соглашения о мире¹⁸. В их основе лежала формула обнуления независимости Азавада, подразумевающая сохранение территориальной целостности Мали в обмен на предоставление расширенных прав ее северным провинциям, то есть федерализация страны¹⁹. Особое внимание уделялось осуществлению глубокой реформы сил безопасности (Tull, 2017, pp. 2—3). Только спустя полгода с момента имплементации внутрималийских договоренностей ФРГ согласилась направить в состав сил МИНУСМА наземные войсковые подразделения численностью

¹⁶ Ibid. S. 5.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Accord pour la Paix et la Reconciliation au Mali — Issu du Processus d'Alger // Peace Agreements Database. June 20, 2015. URL: <https://www.peaceagreements.org/viewdocument/2059> (accessed: 21.07.2022).

¹⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206. 06.01.2016. S. 4.

500 солдат и офицеров²⁰ (эквивалент «ядра» батальонной тактической роты), переброшенных в северные провинции Мали. Ко времени их появления там наблюдались существенные успехи в деле стабилизации ситуации, достигнутые не только Францией (уже в рамках операции «Бархан»), но и контингентом Нидерландов, на смену которому и пришли силы бундесвера (Hanish, 2015, pp. 1—2).

Вместе с тем процесс разоружения, демобилизации бывших бойцов Азавада и их реинтеграции в армию Мали отнюдь не был завершен, а практическая реализация принципа наделяния расширенными правами муниципальных органов власти еще не началась. В этой связи наращивание участия ФРГ в деятельности МИНУСМА выглядело вполне логичным, учитывая роль Германии как фактического гаранта соглашений о мире 2015 г. и установления в ходе переговоров продвинутых контактов как с Бамако, так и с лидерами умеренных туарегов, а также с другими представителями местных властей на севере страны. Действительно, увеличение военной нагрузки сочеталось с усилением давления со стороны ФРГ на руководство Мали в плане осуществления федерализации²¹.

Если в январе 2016 г. «потолок» германского контингента в составе миссии ООН возрос до 650 человек, то через год он увеличился до 1 тыс. военнослужащих²², а весной 2018 г. — до 1,1 тыс. солдат и офицеров²³.

²⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206. 06.01.2016. S. 5—7.

²¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Mali, Ibrahim Boubacar Keita in Bamako // Bundeskanzleramt. 09.10.2016. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-mali-ibrahim-boubacar-keita-847470> (accessed: 23.03.2022).

²² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/10819. 11.01.2017. S. 3—4.

²³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der

В дополнение к уже имевшимся функциям (по логистической поддержке МИНУСМА и мониторингу ситуации в зоне ее ответственности) ФРГ стала играть роль «рамочной нации» в вопросах функционирования и охраны Кэмп-Кастора — ключевой базы миссии МИНУСМА, а также ведения тактической разведки в интересах всей миссии. В последнем случае речь шла как о наземной, так и о воздушной активности. Для этого при ведущем участии бундесвера были созданы многосторонние подразделения с подключением около 10 государств — членов ЕС (в основном из Западной и Северной Европы), переброшены команды маловысотных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), произведенных в ФРГ, и один дальневисотный разведывательный БПЛА, взятый в лизинг у Израиля²⁴.

Мандат миссии МИНУСМА включал осуществление в тесной координации с армией Мали де-юре небоевой деятельности по поддержанию мира, то есть официально не содержал задачи по реализации мер антитеррористической профилактики (Tull, 2019, pp. 2—3). Основная нагрузка в их осуществлении ложилась на французские силы (в рамках операции «Бархан») и сами правительственные войска. Однако де-факто в процесс борьбы с отдельными боевиками и мелкими отрядами «Ансар ад-дин», «Исламского государства в Большой Сахаре» и их партнеров из числа структур организованной преступности были неизбежно вовлечены и контингенты МИНУСМА. Наиболее интенсивной соответствующая деятельность была в провинции Гао, прилегающей к юго-западным районам Мали и Буркина-Фасо. К началу 2020-х гг. здесь наблюдалась растущая активность НВФ радикального толка. Одновременно именно в муниципалитетах Гао действовала

Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098. 17.03.2018. S. 3—4.

²⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972. 03.04.2019. S. 4—7.

наиболее крупная группировка миротворцев МИНУСМА²⁵, включающая значительную часть контингента бундесвера.

На практике, однако, эффект от наращивания усилий ФРГ по линии МИНУСМА выглядел двойственным.

С одной стороны, между 2016 и 2018 гг. Германия стала полноценной страной — участницей миссии ООН, приняв на себя ведущую роль сразу в нескольких ответственных сегментах ее деятельности. В этот период «потолок» численности контингента был увеличен более чем в семь раз, а ежегодное финансирование достигло почти 270 млн евро²⁶.

С другой стороны, запаздывание в полной мере проявилось и на данном этапе участия ФРГ в урегулировании. Рост ее активности в МИНУСМА произошел между третьим и седьмым годами функционирования миссии — в ситуации, когда вторая стадия данного процесса (см. табл. 1) уже давно стартовала. Причем не следует преувеличивать реальную ценность вклада ФРГ. В количественном отношении он составлял менее 10 % к общей численности МИНУСМА. Порядка 50 % германского контингента составляли команды обслуживания и управления БПЛА, охрана базы Кэмп-Кастор и тыловые подразделения. Следовательно, «в поле» германская сторона выделяла лишь примерно половину своих сил, то есть именно тех 500 военнослужащих, которые были определены для этого в 2016 г. и не получили существенного усиления в рамках приращений 2017—2018 гг.

С 2019 г. общий «потолок» для МИНУСМА оставался неизменным, что отражало способность ФРГ использовать в Мали лишь чуть более 1 тыс. военнослужащих, что существенно меньше, чем в Афганистане

²⁵ Unterrichtung durch die Bundesregierung, Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080. 25.03.2020. S. 5, 11—12.

²⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098. 17.03.2018. S. 3—4.

в 2000 — начале 2010-х гг. Как представляется, это обусловлено не столько меньшей значимостью малийского направления для внешней политики ФРГ, сколько вынужденным сокращением присутствия вне зоны ответственности НАТО вследствие выделения Берлином существенных дополнительных сил для создаваемых с середины 2010-х гг. ротационных группировок альянса в Европе для «сдерживания» РФ.

Учитывая площадь провинций Гао и Кидаль (170,6 и 151,4 тыс. кв. км), на один «активный штык» германского контингента приходилось более чем 320 кв. км территории. Учитывая, что силы бундесвера практически не участвовали в боевых действиях на территории провинции Томбукту (409 тыс. кв. км), роль ФРГ в стабилизации обстановки на севере Мали следует признать точечной, поскольку там основная нагрузка лежала на контингентах стран — участниц АС в МИНУСМА, Франции и самих правительственных войсках.

Количественная нехватка военных усугублялась тем, что германский контингент, стремясь минимизировать потери во избежание отзыва мандата Бундестага, часто использовал одни и те же или близкие маршруты, притом примерно в одно и то же время, как правило, дневное (Tull, 2019, pp. 2—4). Эта шаблонность облегчала возможность просачивания, перегруппировки и создания схронов боевиками НВФ.

Указанные «узкие места» своей деятельности Германия стремилась компенсировать «умной», то есть технико-технологически сложной поддержкой партнеров в чувствительных сегментах (разведка, логистика, функционирование базы Кэмп-Кастор), используя соответствующую ограниченность возможностей стран — участниц АС и самой Мали. Одновременно Берлин продолжал исключать возможность как формального присоединения к операции «Бархан» (хотя после подключения Великобритании и Эстонии она стала многосторонней), так и боевого использования бундесвера в принципе. Тем самым ФРГ вносила ограниченный вклад в реализацию составляющей II-2 урегулирования и отказывалась от участия в осуществлении

компоненты II-3 (см. табл. 1). Это происходило именно на второй стадии урегулирования, то есть тогда, когда усилия внешних игроков по объему, географическому охвату и эффективности должны были быть максимальными.

Стагнация наблюдалась и в случае трека II-1. Продолжая играть роль «рамочной нации» в деятельности *EUTM Mali*, ФРГ, однако, вплоть до начала 2020 г. не увеличивала предельную численность своих военных инструкторов в составе миссии ЕС²⁷. Более того, в середине 2010-х гг. наблюдалось даже их временное сокращение. Причины этого усматриваются в уверенности Берлина в успехе деятельности военно-тренировочного механизма ЕС, а также немногочисленности армии самой Мали. Так, к началу 2020-х гг. она располагала 20 тыс. человек, включая небоевые части²⁸, что составляло эквивалент одной дивизии, и это количество почти не увеличилось с середины 2010-х гг., когда контингент насчитывал примерно 17 тыс. военнослужащих.

Указанный масштаб национальных вооруженных сил с учетом площади Мали (свыше 1 240 тыс. кв. км) и численности населения (около 39 млн человек в 2020 г., то есть вооруженные силы составляли менее 0,05 % от всех граждан страны) едва ли мог обеспечить мир и безопасность в стране даже в условиях мирного времени, не говоря уже о ситуации незавершенности урегулирования и фактической деградации этого процесса. Ответственность за отсутствие прогресса в урегулировании и реализации широкого комплекса необходимых мер со стороны ФРГ, учитывая ее ведущую роль в *EUTM Mali*, на наш взгляд, лежит именно на Франции и Германии.

С малийскими военными не были проработаны и согласованы технические требования к перспективному облику вооруженных

сил, их численность, необходимая для обеспечения порядка и мира в стране. Вместе с тем такие расчеты должны быть произведены, учитывая наличие еще с 2014 г. института военных советников (параллельно с работой сил инструкторов в составе *EUTM Mali*) из Франции и Германии при штабах и частях армии Мали²⁹. Довольно медленно продвигалась реинтеграция в состав вооруженных сил африканского государства бывших комбатантов из числа туарегов, имевших боевой опыт, равно как и набор новобранцев в северных провинциях в целом, что отражало «пробуксовку» процесса федерализации³⁰.

В военно-организационном плане нехватка сил проявлялась в том, что высшим уровнем войсковой единицы оставался батальон, что не способствовало повышению эффективности антитеррористической борьбы в провинциях.

Существенные проблемы наблюдались и в деятельности самой миссии *EUTM Mali*. Через ее учебные центры к весне 2020 г. прошли порядка 14 тыс. военнослужащих³¹, что даже номинально составляло 70 % от общей численности войск Мали. Реально этот показатель был намного ниже, достигая порядка 45—50 %. Дело в том, что ряд вновь обученных частей направлялись на повторный курс переподготовки, демонстрируя недостаточную боеспособность, а в отчетах *EUTM Mali* они фиксировались как вновь набранные военнослужащие³². Кроме того, часть прошедших обучение военнослужащих уволилась в запас. Соответственно, германо-французский

²⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/8971. 03.04.2019. S. 3.

²⁸ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080. 25.03.2020. S. 11.

²⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3836. 28.01.2015. S. 5.

³⁰ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080. 25.03.2020. S. 11—12.

³¹ Ibid. S. 13.

³² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3836. 28.01.2015. S. 5.

тандем не смог обеспечить полномасштабную реорганизацию кадровой армии Мали, а следовательно, установление над ней неофициального контроля, что подтвердили силовые смены власти 2020 и 2021 гг.

Не менее важна и эффективность использования властями в Бамако результатов подготовки (первичный курс (15 месяцев) включал комплекс мер по внутренней реорганизации, собственно боевому обучению и повышению политической сознательности). Сколоченные группы батальонного уровня использовались распыленно — мелкими подразделениями (Сидоров, 2018), что существенно снижало их возможности по нанесению ударов необходимой силы по НВФ радикального толка. Таким образом, реализовывалась порочная практика действий «растопыренными пальцами» на фоне острой нехватки войск. Этим власти в Бамако, стремясь избежать повторения антиправительственного выступления военных, в итоге добились прямо противоположного результата.

Почему Франция и Германия не поставили вопрос о создании более многочисленных сил безопасности в Мали? Очевиден фактор сопротивления малийского руководства, боявшегося чрезмерного усиления военных и, по всей видимости, во многом полагававшегося на поддержку внешних игроков. Однако не исключено, что и последние не стремились форсировать процесс значительного роста кадров армии Мали.

Помимо сложности их набора (особенно на севере) можно также предположить стремление сохранить условия для увеличения сроков своего военного присутствия в Мали, Сахаро-Сахельском регионе и в Африке в целом. Очевидно, что при численности в 20 тыс. человек и небольшом увеличении этого показателя правительственные войска в принципе не могли обеспечить безопасность страны, физически нуждаясь в сохранении сил МИНУСМА. Так, без развертывания контингента ФРГ в Гао, где обстановка оставалась напряженной, не могла быть осуществлена переброска подкреплений на юго-запад страны, где ситуация резко ухудшалась (Tull, 2019, pp. 2—3).

Возможности по дальнейшему усилению сил армии Мали в этих провинциях также зависели от зарубежных партнеров — прежде всего Германии — и масштабов подготовки кадров миссией *EUTM Mali*. Вместе с тем следует признать наличие объективных сложностей перехода к более многочисленным вооруженным силам, что с высокой долей вероятности привело бы к резкому снижению и без того невысокого уровня боеспособности войсковых единиц Мали.

Указанные проблемы были напрямую связаны с «пробуксовкой» процесса политического урегулирования, что иллюстрировало недостаточность вклада ФРГ в реализацию составляющей *II-a*. Меры германской дипломатии, направленные на стимулирование руководства в Бамако по предоставлению расширенных прав муниципалитетам на севере, не приводили к заметным результатам³³.

Неосуществленность принципа федерализации дискредитировала не только власти страны, но и сам процесс урегулирования. Если выборы президента Мали 2013 г. были проведены лишь в ряде провинций, то в июле-августе 2018 г. они состоялись уже в масштабах всего государства. Однако это не привело к той легитимизации верховной власти, на которую надеялись в Берлине и Париже³⁴, что показала силовая смена власти в Бамако в августе 2020 г. Тем самым под сомнение была поставлена разноплановая деятельность стран — участниц ЕС по распространению на малийской политической почве принципов западной демократии³⁵, а также обеспечению широких рамочных условий для своего стратегического закрепления в Сахаро-Сахельском регионе.

³³ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Mali, Keïta in Berlin // Bundeskanzleramt. 08.02.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-mali-keita-1578816> (accessed: 23.03.2022).

³⁴ Ibid.

³⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804. 21.04.2021. S. 2—6.

Главной причиной выступления малийских военных в августе 2020 г. было глубокое неудовлетворение результатами антитеррористической борьбы на территории страны. Изначально всю вину за это возлагали на прежнюю администрацию во главе с И.Б. Кейтой. Однако постепенно офицерство, утвердившееся у власти, начало обращать внимание и на роль стран Запада. Почему?

Становился все более очевидным провал деятельности ФРГ по треку *II-b* (см. табл. 1). Ситуация на севере Мали, особенно в провинции Гао, была далекой от стабилизации³⁶. Однако главная угроза возникла в юго-западной части страны, то есть вновь вблизи Бамако. Здесь наблюдались восстановление и активизация боевиков радикальных НВФ, особенно из «Ансар ад-дин» и «Исламского государства в Большой Сахаре» (Tull, 2021, pp. 2—3), вступивших в симбиотические связи с силами организованной преступности³⁷. Притом данный очаг нестабильности приобрел трансграничный характер, перекинувшись на часть территорий Буркина-Фасо (Müller & Vorrath, 2021, p. 88). Причиной для этого послужила не только количественная и качественная недостаточность военных усилий стран Запада, но и ограниченность мер политико-идеологического характера по консолидации этноплеменных групп юга Мали и развенчанию привлекательности псевдоидеологов террористов.

Урегулирование в начале 2020-х гг.: взаимоисключающие сценарии перехода к третьей стадии процесса

В начале 2020-х гг. заметной стала деградация процесса урегулирования в Мали. При этом уровень ответственности за ошибки в урегулировании в Мали и других странах «G5 Сахель», допускаемые странами Запада, до начала 2020-х гг. у Германии был существенно ниже, чем у Франции. Для борьбы

с радикальными НВФ в качестве ключевых рассматривались именно операции «Сервал» (2013—2014 гг.) и «Бархан» (2014—2021 гг.), проводимые Пятой республикой, а также «Такуба» (2020—2022 гг.), в которой Франция выступала как «рамочная нация». К концу 2010-х гг. в Сахаро-Сахельском регионе находилось 5,1 тыс. французских военных (Сидоров, 2021) против 1,3—1,4 тыс. германских, то есть вчетверо больше. Соответственно, наибольшую ответственность за восстановление потенциала радикальных НВФ, их перегруппировку и активизацию несла именно Франция. Все это вновь превращало территорию Мали в полноценный очаг нестабильности (Филиппов, 2022).

К числу военных ошибок, допущенных в ходе проведения операции «Такуба», относились распыление сил, недостаточная степень практической координации усилий с правительственными войсками, незавершенность разгрома уже ослабленных отрядов радикальных НВФ (Сидоров, 2018; 2021). Одной из причин этого признавалась нехватка войск: вся группировка, действующая на территории не только Мали, но и всех стран «сахельской пятерки», была эквивалентна одной усиленной бригаде (Сидоров, 2021).

Не до конца продуманной оказалась и система взаимоотношений с различными силами, заинтересованными в победе над радикальными НВФ, в частности вновь пришедшими к власти военными. Необходимо, однако, подчеркнуть, что ответственность за перечисленные неудачи лежала главным образом на ФРГ, которая, во-первых, ограничила свои военные усилия тогда, когда они были наиболее необходимы (во второй половине 2010-х гг.), а во-вторых, не побуждала партнера по тандему обращать больше внимания на особенности внутривнутриполитической обстановки в Мали.

Следует подчеркнуть, что германская сторона осознала важнейшие пробелы в своей деятельности и необходимость учета внутривнутриполитической обстановки *еще до силовой смены* власти в Мали в августе 2020 г. Отправной точкой можно считать опубликование 25 марта 2020 г. отчета федерального правительства о ситуации в Мали, в котором

³⁶ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080. 25.03.2020. S. 5—6.

³⁷ Ibid.

освещалась достаточно неприглядная картина деградации мирного урегулирования и суммировались результаты многолетней (с 2013 г.) активности ФРГ в этой африканской стране³⁸. Показателен момент публикации документа — конец марта 2020 г., то есть время наступления первой волны COVID-19, оказавшей наибольшее влияние на частичное «замораживание» мирополитических процессов. Факт обращения к проблеме Мали в ситуации, когда сама Германия столкнулась с острейшими социально-экономическими проблемами, отражал исключительную значимость данного вектора для внешней политики ФРГ. В условиях COVID-19 с марта 2020 г. правительство было вынуждено пойти на временную частичную эвакуацию своих контингентов (Major, Schulz & Vogel, 2020, pp. 2—5), что ослабило контроль над ситуацией в Мали в целом и ее вооруженными силами в частности. Однако уже летом 2020 г. все подразделения и инструкторы были возвращены назад, а «потолок» германского персонала миссии *EUTM Mali* еще в мае 2020 г. был поднят до 450 человек³⁹. В этом проявилось запоздалое стремление Германии охватить системой обучения уже всю армию Мали и подготовиться к ее возможному росту.

Деградация урегулирования привела к возникновению сразу двух во многом противоречащих друг другу вариантов выхода из тупика.

Первый вариант — переход к ускоренной национализации процесса — отстаивала наиболее решительная часть малийского офицерства, все менее заинтересованная в поддержке миротворчества со стороны стран Запада, в частности Германии. После силовой

³⁸ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080. 25.03.2020. S. 1—17.

³⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali) // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19002. 06.05.2020. S. 3.

смены власти в августе 2020 г. военные согласились на создание переходных гражданских властей во главе с президентом Б. Ндау. Означало ли это следование сценарию 2012 г., когда произошло отстранение от власти офицерами тогдашнего президента Д. Траоре, что в итоге привело к сближению с Францией и странами — участницами ЕС в целом?

Уже изначально проявилось значимое отличие — согласившись на созыв нового правительства, военные стали его частью. Лидер переворота А. Гоита стал вице-президентом, сохраняя контроль над ситуацией и отнюдь не собираясь от него отказываться, как это было в ходе событий 2012 г. Менее чем через год, 23—24 мая 2021 г., был осуществлен очередной переворот, приведший к отстранению от власти переходного правительства во главе с Б. Ндао, подозреваемого в попытке договориться с радикальными НВФ. В этот раз управление полностью сосредоточилось в руках военных во главе с А. Гоита, ставшим временным президентом. В отличие от ситуации, сложившейся к осени 2020 г., повторное открытое возвращение малийских военных к власти сопровождалось заметным ростом негатива по отношению к военному присутствию стран Запада в Мали.

Второй, альтернативный, вариант предполагал наращивание усилий стран Запада в преддверии перехода к национализации мирного урегулирования. Однако де-факто в условиях начала 2020-х гг. перспектива национализации урегулирования оставалась весьма неопределенной и требующей сохранения роли Парижа и Берлина как внешних гарантов безопасности и стабильности Мали. На практике это означало продолжение иностранного военного присутствия и даже наращивание активности и численности личного состава некоторых миссий.

Изначально — между весной 2020 г. и маем 2021 г., когда в Бамако произошел очередной переворот, — официальный Париж пытался реализовать второй вариант, иллюстрацией чего стал запуск боевой миссии «Такуба» с участием Канады, Великобритании и ряда стран ЕС. В целом ФРГ разделяла такой подход партнера по тандему, пойдя на

увеличение финансирования деятельности МИНУСМА, а в случае *EUTM Mali* — и «потолка» личного состава, достигшего отметки в 600 инструкторов и советников⁴⁰, что стало рекордом в практике применения бундесвера. Этот шаг был направлен на повышение контроля над вооруженными силами Мали и их отдельными частями и подразделениями. Однако, как и в случае миссии «Бархан», Берлин отказался от предоставления войск для операции «Такуба»⁴¹. Это обусловлено тем, что подобный шаг позволял германской стороне не только снять вопрос о боевом применении своих войск, но и продемонстрировать независимость от политики Франции на случай, если она решит свернуть операцию.

Не менее важной была другая задача (разумеется, не декларируемая): на фоне растущего недовольства внутри Мали военным присутствием Франции было необходимо минимизировать негатив в адрес пребывания бундесвера в стране.

Примечательно, что реакция ФРГ на силовую смену власти 19—21 августа 2020 г. в Мали была более сдержанной, чем у Франции. Требуя освободить из-под ареста И.Б. Кейту и министров, германская сторона в принципе не стала ставить вопрос о свертывании своего присутствия. Более того, в ходе специальных слушаний в Бундестаге федеральное правительство уже в апреле 2021 г. обеспечило поддержку его сохранения⁴².

Германия придерживалась избранной тактики и летом 2021 г. — весной 2022 г., когда Париж, хотя и не без колебаний, принял решение о прекращении операций «Бархан»

⁴⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804. 21.04.2021. S. 3—4.

⁴¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 7.

⁴² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union EUTM Mali // Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804. 21.04.2021. S. 3—4.

и «Такуба». Следует подчеркнуть, что новые власти Мали стали демонстрировать негативное отношение к иностранному военному присутствию не только в отношении Франции, но и Германии. Так, правительство начало препятствовать прибытию дополнительных единиц военной техники, был также введен запрет на использование БПЛА бундесвера в ночное время⁴³. Для ФРГ с учетом ее приверженности концепции «стратегической сдержанности» еще большей трудностью становился вывод французских частей, непосредственно проводивших активные боевые действия против радикальных НВФ⁴⁴ и создававших своеобразный «щит», который прикрывал де-юре несилую активность бундесвера.

Осенью 2021 г. германская сторона активно изыскивала возможности для сохранения присутствия в Мали — в частности, на высшем уровне был инициирован контакт с А. Гоита⁴⁵. В целом, однако, в ходе «смены вех» — окончания «эры» А. Меркель в декабре 2021 г. — наблюдалась склонность к выводу войск на фоне непреклонности властей Мали по данному вопросу. Однако к середине апреля 2022 г. все более отчетливо стало проявляться намерение *сохранить* присутствие бундесвера в Мали. Впервые данный подход был обозначен главой МИД ФРГ А. Бербок в ходе ее визита в Мали и Нигер⁴⁶,

⁴³ Глава Минобороны ФРГ поставила под сомнение дальнейшее пребывание солдат Бундесвера в Мали // ТАСС. 15.02.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13707449> (дата обращения 23.03.2022).

⁴⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 5—7.

⁴⁵ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem malischen Übergangspräsidenten Assimi Goïta // Bundeskanzleramt. 30.09.2021. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-malischen-uebergangspraesidenten-assimi-goita-1964498> (accessed: 23.03.2022).

⁴⁶ Klimakrise und Stabilisierung im Sahel — Reise von Außenministerin Baerbock nach Mali und Niger // Auswärtiges Amt. 14.04.2022. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/>

а в окончательном виде сформулирован в виде одобренного Бундестагом 11 мая 2022 г. запроса правительства ФРГ. «Потолок» контингента бундесвера в составе миссии МИНУСМА был поднят до 1,4 тыс. военнослужащих⁴⁷ (на 27 %) с возможностью кратковременного (де-юре обусловленного ротацией) превышения, а финансирование с 1 июня 2022 г. на год превысило 453 млн евро⁴⁸.

Направленные дополнительно 300 солдат и офицеров в основном служили в подразделениях транспортной авиации и медицинской службы, так как ранее эти задачи в интересах бундесвера решались французскими войсками⁴⁹. При этом заявлялось, что контингент бундесвера, особенно в условиях ликвидации боевого прикрытия со стороны Франции, нуждается в помощи партнеров для обеспечения безопасности⁵⁰. Иными словами, в новых реалиях ФРГ не отошла от концепции «стратегической сдержанности».

Еще 5 апреля 2022 г., до поездки главы МИД ФРГ в Мали, Германия стала одним из инициаторов временного прекращения деятельности *EUTM Mali* при условии сохранения возможности ее возобновления⁵¹. Решение Бундестага от 11 мая 2022 г. зафиксировало неизменность данной позиции под предлогом неприятия использования малийских военных, вновь обученных миссией ЕС, в тесном сотрудничестве с группой «Вагнера», приглашенной новыми властями Мали⁵². Это было обусловлено желанием малийского руководства найти более эффективную замену

институту военных инструкторов из стран ЕС, прежде всего Германии и Франции.

В свою очередь, Париж и Берлин крайне негативно восприняли прибытие в Мали группы «Вагнера», означавшее утрату собственных позиций в контексте развития новой холодной войны между Евроатлантическим сообществом и Россией. Вынужденная специальная военная операция России на Украине была использована как повод для ужесточения критики участия группы «Вагнера» в борьбе с международным терроризмом на малийской территории и одновременно — для лоббирования в Бундестаге решения о сохранении присутствия бундесвера на Африканском континенте⁵³.

Помимо резко активизировавшегося стремления к «сдерживанию» РФ в Западной и Северной Африке еще одной причиной принятого решения была болезненность утраты Германией своих стратегических позиций в Афганистане весной-летом 2021 г. и стремление не допустить повторения этого сценария в Мали, где на начало 2020 г. располагался *последний* достаточно крупный наземный контингент Германии вне зоны ответственности НАТО⁵⁴.

Примечательно, что, временно свернув миссию *EUTM Mali*, официальный Берлин сохранял на территории Мали своих военных инструкторов из ее состава после 5 апреля 2022 г.⁵⁵ Это свидетельствовало об обращении ФРГ к тактике Пятой республики. Под влиянием критического отношения нового руководства Мали к иностранному военному присутствию происходила ликвидация военных механизмов, в которых де-юре и де-факто определяющую роль играли страны Запада. К таким механизмам относились не только миссии «Бархан» и «Такуба», но и *EUTM Mali*. При этом военные из состава этих миссий стремились остаться насколько можно дольше в прежних районах дислокации, постепенно переводясь в сопредельный

regionaleschwerpunkte/afrika/baerbock-mali-niger/2522296 (accessed: 23.03.2022).

⁴⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 7.

⁴⁸ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 4.

⁴⁹ Ibid. S. 8.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. S. 9.

⁵² Ibid. S. 5.

⁵³ Ibid. S. 5—10.

⁵⁴ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. 02.05.2022. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 23.03.2022).

⁵⁵ Ibid.

Нигер⁵⁶, в ожидании возобновления военного присутствия в новых формах.

С германскими инструкторами из *EUTM Mali* ситуация была еще удобнее: они могли свободно находиться в расположении германского контингента в составе МИНУСМА, что позволяло ФРГ сохранять военное присутствие даже в условиях критического отношения к этому официального Бамако.

Географически практически все усилия были сосредоточены на севере Мали, что объяснялось рядом причин.

Де-юре основной задачей Германии в рамках МИНУСМА оставалось участие в реализации алжирских договоренностей 2015 г.⁵⁷, то есть сохранение интегрированными в единое государство провинций Гао, Кидаль и Томбукту при условии предоставления им автономии. На фоне деградации отношений с новыми центральными властями ФРГ стремилась опереться на наработанные связи с муниципальными властями провинций, в том числе используя факт их недовольства медленной передачей расширенных полномочий со стороны официального Бамако.

Кроме того, вследствие географической близости на севере Мали ФРГ рассчитывала использовать поддержку Нигера, с руководством которого у самой Германии и стран Запада в целом (прежде всего Франции) был достигнут высокий уровень взаимного доверия. В частности, туда передислоцировалась значительная часть войск Пятой республики, ранее используемая в Мали, а сама ФРГ была вовлечена в подготовку кадров нигерских армии и полиции, особенно спецназа⁵⁸.

Тем не менее ключевыми причинами все же следует признать, во-первых, неготовность втянуть бундесвер в борьбу с сильными

отрядами «Исламского государства в Большой Сахаре», все активнее действующими на юге Мали и сопредельных районах Буркина-Фасо⁵⁹; во-вторых, стремление ФРГ избежать боестолкновений своего контингента с группой «Вагнера» и вследствие этого — резкой эскалации напряженности в отношениях с новым руководством Мали.

В целом контингент бундесвера в составе МИНУСМА рассматривался в качестве *опоры* для ожидаемого восстановления масштабного разнопланового военного присутствия стран Запада в Мали при условии изменения позиции малийского руководства или его смены. При таком сценарии Франция как минимум формально могла бы следовать в фарватере политики Германии.

С точки зрения процесса урегулирования ФРГ считала преждевременным переход к его национализации, то есть стадии *III*, ссылаясь на факт деградации внутривластной обстановки. Логично, что собственная ответственность за это ни Германией, ни Францией не признавалась. Силловые смены власти в Бамако, в целом поддержанные жителями Мали, демонстрировали заинтересованность общества, в том числе военных, в повышении эффективности борьбы с международным терроризмом, прежде всего посредством *мализации* данного процесса. Закономерно в этой ситуации и приглашение малийским правительством группы «Вагнера» как альтернативы деятельности стран Запада, допустивших ухудшение обстановки.

В этой связи решения официального Берлина от мая 2022 г. могут быть восприняты как меры по искусственному затягиванию перехода к национализации малийского урегулирования. В основе лежит не только и не столько стремление исправить собственные ошибки, допущенные на более ранних этапах, но сохранить стратегические позиции в Мали, без чего невозможно обеспечение интересов в странах «G5 Сахель» в целом.

⁵⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 8—10.

⁵⁷ I Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA) // Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761. 11.05.2022. S. 5.

⁵⁸ Ibid. S. 9.

⁵⁹ Ibid. S. 5.

Заключение

На фоне резко возросшей в условиях глобализации степени взаимозависимости урегулирование любого вооруженного конфликта должно являться предметом обеспокоенности и забот всего мирового сообщества. Конкретно в случае Мали ключевая ответственность за неудачи, равно как и за успехи действий внешних игроков в середине — второй половине 2010-х гг., лежала именно на Франции и Германии. Последняя, наращивая усилия по различным направлениям, неизменно проявляла гибкость в выборе форм, объемов и характера сотрудничества с Пятой республикой, в целом постепенно отказываясь от ориентации на партнера в ходе малийского урегулирования.

Вместе с тем в целом Берлину и Парижу удавалось добиться синхронизации усилий, гармонизации целей и задач в Мали. На данном направлении они, *во-первых*, приняли на себя направляющую роль от Евроатлантического сообщества в целом, так как группа англо-саксонских стран, особенно США, существенно меньше вовлечена в стабилизацию обстановки в Мали; участвующие в этом малые и средние страны ЕС находятся в положении ведомых (Нидерланды — с 2016 г.).

Во-вторых, Германия и Франция противились расширению вклада России в урегулирование в Мали (в том числе посредством использования группы «Вагнера»).

Не исключено, что восприятие участия КНР в МИНУСМА, которое было позитивным еще в то время, когда германо-французский тандем полноценно не подключился к участию в новой холодной войне на Дальнем Востоке, будет становиться все более негативным (Stanzel, 2021, pp. 7—20).

В-третьих, Франция, как и Германия, стремилась выступать в роли координатора региональных игроков из числа заинтересованных стран — участниц Африканского союза. Принятие Германией на себя функций «рамочной нации» во многих чувствительных сегментах деятельности МИНУСМА и активности *EUTM Mali* среди прочего отражало стремление играть роль направляющего элемента в «треугольнике» ЕС — ООН — АС.

В чем основная причина неудач ФРГ на малийском направлении? На наш взгляд, она усматривается в стремлении поставить национальные интересы выше самой цели урегулирования. В 2013—2019 гг. это проявилось в недостаточности прилагаемых Германией усилий — в плане объема мер, а также их несвоевременности, а именно запаздывания, — особенно в военной сфере, в начале 2020-х гг. — уже в нежелании признать возможность национализации урегулирования без полномасштабного участия самой Германии. Несмотря на сопротивление этому сценарию, вероятность его реализации в реалиях весны-лета 2022 г. остается высокой.

Поступила в редакцию / Received: 11.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 24.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Мезенцев С. В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3—28.
- Сидоров А. С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79—108. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.04>
- Сидоров А. С. Стратегический тупик в Сахеле: от встречи в По до встречи в Нджамене // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 62. С. 22—27.
- Сидоров А. С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 116—137.
- Трунов Ф. О. Политика ФРГ в сфере урегулирования вооруженных конфликтов. Москва : Кучково поле, 2018.
- Филиппов В. Р. Азавад — самопровозглашенное государство туарегов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 1. С. 214—227. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-11>

- Филиппов В. П. Операция «Бархан»: бесславное завершение? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 1. С. 40—47. <https://doi.org/10.31857/S032150750018297-8>
- Чернега В. Н. Сирия и Ливия в «державной» политике Франции // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 109—133. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.05>
- Barthel D. Die neue Sicherheits- und Verteidigungsarchitektur der Afrikanischen Union. Eine völkerrechtliche Untersuchung. Heidelberg : Springer, 2011. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-20034-2>
- Glatz R. L., Kaim M. Mandat verlängern — Abzug vorbereiten // SWP-Aktuell. 2020. No. 18. P. 1—4. <https://doi.org/10.18449/2020A18>
- Hanish M. A New Quality of Engagement. Germany's Extended Military Operation in Northern Mali // Security Policy Working Paper. 2015. No. 8. P. 1—5. URL: <https://www.baks.bund.de/en/working-papers/2015/mali-a-new-quality-of-engagement> (accessed: 23.03.2022).
- Klute G. Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie des Krieges und der Gewalt. Mit einem Geleitwort von Trutz von Trotha. Köln : Rüdiger Köppe Verlag, 2013.
- Lacher W. Unser schwieriger Partner. Deutschlands und Frankreichs erfolgloses Engagement in Libyen und Mali. Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2021. <https://doi.org/10.18449/2021S03>
- Lacher W., Tull D. M. Mali: Beyond Counterterrorism // SWP-Comment. 2013. No. 7. P. 1—7. URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/mali-beyond-counterterrorism> (accessed: 23.03.2022).
- Lukas S., Paradies M. Ein schwieriger Wiederaufbau: Perspektiven europäischer Initiativen in Syrien // Arbeitspapier Sicherheitspolitik. 2019. No. 2. P. 1—4. URL: <https://www.baks.bund.de/en/node/1609> (accessed: 23.03.2022).
- Major C., Schulz R., Vogel D. Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement // SWP-Aktuell. 2020. No. 51. P. 1—8. <https://doi.org/10.18449/2020A51>
- Müller M., Vorrath J. Between War and Peace: How to Raise Germany's Profile in Crisis Prevention in Sub-Saharan Africa // German Foreign Policy in Transition / ed. by G. Maihold, S. Mair, M. Müller, J. Vorrath, C. Wagner. Berlin : SWP, 2021. P. 87—90.
- Stanzel A. Chinas Weg zur Geopolitik // SWP-Studie. 2021. No. 26. P. 1—39. <https://doi.org/10.18449/2021S26>
- Transfeld M. Three Scenarios for the Yemen War // SWP-Comment. 2022. No. 6. P. 1—6. <https://doi.org/10.18449/2022C06>
- Tull D. M. Mali und G5: Ertüchtigung des Sicherheitssektors // SWP-Aktuell. 2017. No. 76. P. 1—4. URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/mali-und-g5-ertuechtigung-des-sicherheitssektors> (accessed: 23.03.2022).
- Tull D. M. UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. 2019. No. 23. P. 1—4. <https://doi.org/10.18449/2019C23>
- Tull D. M. Operation Barkhane im Sahel // SWP-Aktuell. 2021. No. 6. P. 1—4. <https://doi.org/10.18449/2021A06>
- Von Krause U. Die Bundeswehr als Teil einer Europäischen Armee: Realistische Perspektive oder unrealistische Vision? // Arbeitspapier Sicherheitspolitik. 2019. No. 18. P. 1—5. URL: <https://www.baks.bund.de/de/arbeitspapiere/2019/die-bundeswehr-als-teil-einer-europaeischen-armee-realistische-perspektive-oder#:~:text=Dabei%20kommt%20es%20zu%20dem,kompatible%20rechtliche%20Bestimmungen%20%E2%80%93%20unrealistisch%20ist> (accessed: 23.03.2022).

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; ORCID: 0000-0001-7092-4864; e-mail: 1trunov@mail.ru



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87

EDN: USAWTB

Обзорная статья / Review article

Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля

С.О. Идахоса¹  , Е.М. Савичева¹ , С.А. Ихидеро² , К.М. Адебайо³ ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Университет Эмброуза Алли, Экпома, Нигерия³Независимый исследователь, Москва, Российская Федерацияidahosa8@gmail.com

Аннотация. Географическая область Сахель представляет особый интерес при изучении проблем региональной безопасности, которые на протяжении десятилетий оказывают негативное воздействие на политическое, экономическое и социальное взаимодействие в Африке. В регионе наблюдается массовый всплеск насилия со случаями смертельного исхода, а группировки боевиков продолжают расширять свою деятельность, продвигаясь на юг и угрожая прибрежным районам Западной Африки. В исследовании рассмотрены вопросы безопасности регионов Сахель и Липтако-Гурма, включающих сопредельные государства с общими историко-географическими корнями. Авторы обращаются к теории комплексов региональной безопасности (ТКРБ) Б. Бузана и О. Вейвера в качестве основы для дискурса об угрозах безопасности и их динамике в регионе. Положения данной теории вносят большой вклад в понимание ситуации с безопасностью в регионе Липтако-Гурма. Сложное переплетение вызовов и угроз в регионе свидетельствует о невозможности противодействия им со стороны отдельных государств, а требует более широкого комплексного подхода. Отмечается, что возникшая напряженность между Францией и Мали в связи с выходом Мали из состава «Сахельской пятерки» (G5 Sahel) ведет к усилению нестабильности в регионе. Выявлено, что региональный характер угроз безопасности во многом определяется географической близостью стран, которая предполагает тесное взаимодействие в сфере безопасности. Также показано, что национальная безопасность любого государства региона не может быть обеспечена в отрыве от безопасности его соседей. Таким образом, взаимная заинтересованность могла бы способствовать формированию более широкой региональной инициативы в области безопасности, которая сплотила бы их в борьбе с общей угрозой — терроризмом.

Ключевые слова: теория комплекса региональной безопасности, ТКРБ, Сахель, Липтако-Гурма, отсутствие безопасности, региональная безопасность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Идахоса С. О., Савичева Е. М., Ихидеро С. А., Адебайо К. М. Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 67—87. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87>

© Идахоса С.О., Савичева Е.М., Ихидеро С.А., Адебайо К.М., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Regional Security Complex and Threat Dynamics of the Sahelian States

Stephen O. Idahosa¹  , Elena M. Savicheva¹ ,
Solomon I. Ikhidero² , Kafilat M. Adebayo³ 

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

²Ambrose Alli University, Ekpoma, Nigeria

³Independent researcher, Moscow, Russian Federation

idahosa8@gmail.com

Abstract. The geographic area of the Sahel is of particular interest when examining regional security issues that have negatively affected political, economic and social interaction on the African continent for decades. The region has seen a massive upsurge in lethal violence, and militant groups continue to expand their activities southward, now threatening coastal West Africa. The paper examines the links between the growing dynamics of the Sahel and the security of Liptako-Gourma, composed of groups of contiguous states rooted in historical and geographical environments. The paper empirically applies the Barry Buzan and Ole Wæver's "Regional Security Complex Theory" (RSCT) as a framework for studying the discourse of security threats and the dynamics of security challenges in the region. The application of RSCT theory makes a significant contribution to understanding these regional security issues in the Liptako-Gourma region. The complex links between threats demonstrate the likely impossibility of addressing these threats in isolation, and the need for a broader approach. The study interprets the current relationship between France and Mali in relation to Mali's withdrawal from the G5 Sahel Force as hostile. The authors argue that the regional nature of the security threats strongly supports the claim that geographic proximity is a major contributor to security interactions. The paper also reveals that the individual security of each state cannot be separated from that of its neighbors. Therefore, it is suggested that mutual interests could contribute to a stronger regional security initiative that integrates the fight against a common threat such as terrorism.

Key words: Regional Security Complex Theory, RSCT, Sahel region, Liptako-Gourma region, insecurity, regional security

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Idahosa, S. O., Savicheva, E. M., Ikhidero, S. I., & Adebayo, K. M. (2023). Regional security complex and threat dynamics of the Sahelian states. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 67—87. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87>

Введение

Регион Сахель вызывает особый интерес при изучении проблематики региональной безопасности, угрозы которой на протяжении десятилетий негативно влияют на политическое, экономическое и социальное взаимодействие в Африке. Данная территория является очагом двух групп конфликтов, сконцентрированных в регионе Липтако-Гурма и бассейне озера Чад; эти конфликты характеризуются проявлениями политического насилия и угрозами региональной безопасности, которые могут иметь самые серьезные и долгосрочные последствия (Bisson, 2020).

Исследование, проведенное в статье, ограничивается регионами Сахель и Липтако-Гурма. В странах Сахеля, включая регион Липтако-Гурма (Буркина-Фасо, Мали и Нигер), в сельских трансграничных областях население периодически подвергается нападениям. Поскольку данная зона характеризуется значительными проблемами экономического характера, а также террористической активностью и сложностями в обеспечении безопасности, была создана «Сахельская пятерка» (*G5 Sahel*), а в качестве партнеров для устранения угроз безопасности выступают Франция, другие страны Европейского союза (ЕС) и Соединенные Штаты.

Идея международного сотрудничества в области безопасности и коллективной обороны не является чем-то новым, поскольку созданные на таких принципах альянсы объединяют государства на основе взаимных обязательств в области безопасности и обороны. «Сахельская пятерка», создание которой способствовало наращиванию совместных усилий, предпринимаемых странами-участницами в сфере безопасности, стала неотъемлемой частью коллективного подхода к обеспечению безопасности в регионе (Buzan & Wæver, 2003).

Для анализа структуры международной безопасности используется регионалистский подход. Согласно этому подходу, регионы, рассматриваемые как группировки сопредельных государств с общим историко-географическим фоном, характеризуются весьма сильной взаимозависимостью в вопросах безопасности, проистекающей из того обстоятельства, что «в наибольшей степени политические и военные угрозы ощущаются на близком расстоянии» (Buzan, 1991).

Что касается стран Сахеля, то важно отметить следующие факторы:

— эти страны расположены в относительной близости от Европы;

— Сахель является районом, откуда идут потоки нелегальной миграции или через который они проходят транзитом;

— страны Сахеля рассматриваются как потенциальный источник международного терроризма.

Вовлеченность внешних игроков усиливается независимо от проводимой странами региона политики в сфере безопасности или от того, насколько эти государства подвергаются вызовам и угрозам. Такая вовлеченность внерегиональных акторов, обеспечивающих безопасность, тем не менее, предполагает постепенную передачу рычагов воздействия на ситуацию региональным игрокам (Osland & Erstad, 2020).

Регион Липтако-Гурма расположен в трансграничной зоне Буркина-Фасо, Мали и Нигера. На границе Буркина-Фасо и Нигера в начале XIX в. был создан эмират Липтако. В настоящее время существуют различные

подходы к включению той или иной области в состав Липтако-Гурма. По данным «Управления Липтако-Гурма» (LGA), в границы этого региона, расположенного на площади 370 тыс. кв. км¹, включены следующие области: восемь регионов Буркина-Фасо (Центр, Центр-Восток, Центр-Юг, Центр-Север, Восток, Центральное плато, Север, Сахель); четыре региона Мали (5-й регион (Мопти), 6-й регион (Томбукту), 7-й регион (Гао) и 8-й регион (Кидаль)); два региона и одна городская община Нигера (Тиллабери, Доссо и столичный округ Ниамей) (рис. 1).

После деколонизации за регионом, включающим три вышеназванных государства, закрепились названия «зона трех границ» и «треугольник конфликта»². В 1970-х и 1980-х гг. данная территория нередко упоминалась в новостях в связи с сильными засухами, последствия которых ощущаются до сих пор³.

Таким образом, в статье предпринята попытка ответить на вопрос: каким образом географическое расположение сахельских стран породило проблемы в области безопасности?

Теоретическое обоснование

В качестве методологической основы используется теория комплексов региональной безопасности (ТКРБ), которая фокусируется на межсубъектном конструировании этой сферы государственными акторами и силами, обеспечивающими безопасность; при этом в качестве главного источника проблем безопасности подчеркивается географическая близость (Buzan & Wæver, 2003, pp. 45—46).

¹ Zones d'intervention // Autorité de développement intégré des Etats du Liptako-Gourma. URL: <https://www.liptakogourma.org/zones-dintervention/> (accessed: 21.07.2022).

² Ibid.

³ Study on Border Community Perception of Border Security and Management in the Liptako-Gourma Region // International Organization for Migration. 2021. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/Perception-Study-Liptako-Gourma.pdf> (accessed: 21.07.2022). См. также: (Assanvo et al., 2019).

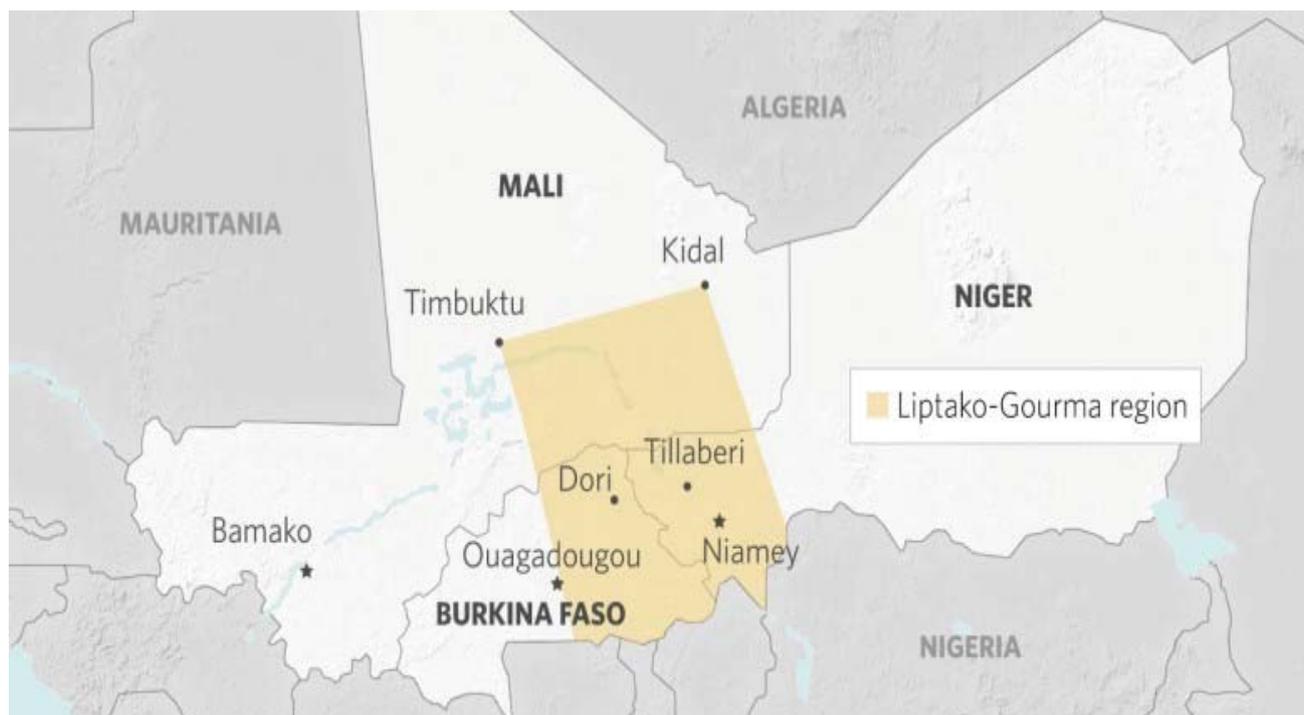


Рис. 1. Регион Липтако-Гурма

Источник: In the Sahel, a Counterterrorism Force Fights for More Than Funding // Stratfor Worldview. December 22, 2017.

URL: <https://worldview.stratfor.com/article/sahel-counterterrorism-force-fights-more-funding> (accessed: 21.07.2022).

Теория комплексов региональной безопасности Барри Бузана была предложена в первом издании его книги «Люди, государства и страх» (Buzan, 1983). Такой подход дает теоретическое обоснование для выделения регионов по степени географической близости и дружественных либо враждебных отношений между государствами, входящими в предполагаемый регион. Подтверждение этой теории содержалось во втором издании книги «Люди, государства и страх» (Buzan, 1991), затем модифицированная версия ТКРБ была представлена Б. Бузаном, О. Вейвером и Я. де Вильде в 1998 г. (Buzan, Wæver & Wilde, 1998) и Б. Бузаном и О. Вейвером в 2003 г. (Buzan & Wæver, 2003). Таким образом, географический фактор, влекущий угрозы безопасности, трактуется с учетом положений ТКРБ. Географическая близость в данном случае предопределяет взаимозависимость геополитических интересов международных акторов, что подтверждает логику транснационального характера угроз.

В этой связи выбор примеров, подтверждающих данную теорию, прежде всего

продиктован географическим расположением и общими границами. Представленное в статье исследование ограничено ареалом Буркина-Фасо — Мали — Нигер. В рамках региона Липтако Нигер имеет самую протяженную границу с Мали и Буркина-Фасо. Учитывая серьезные вызовы безопасности в регионе, предполагается, что указанные обстоятельства предопределили складывание определенной модели региональной безопасности и взаимозависимости акторов в данной области.

Страны Сахельского региона признают, что их безопасность не может быть гарантирована вне коллективного подхода к снижению уровня угроз. Сотрудничество в области безопасности рассматривается как инструмент борьбы с трансграничной преступностью и является ключевым направлением совместной деятельности в регионе. Это стало основой для формирования региональных органов обеспечения безопасности — сил «Сахельской группы пяти» и Многонациональной совместной целевой группы (МСЦГ).

Одно из основных положений данного исследования заключается в том, что вызовы

и угрозы в отношении рассматриваемых стран носят транснациональный характер и обусловлены общей географией соседствующих государств. Взаимодействие Нигера, Мали и Буркина-Фасо, в первую очередь, определяется такими угрозами безопасности, как исламистский радикализм, незаконный оборот наркотиков и терроризм. В этой связи анализ положения в Буркина-Фасо, Мали и Нигере проводится в контексте общей ситуации в регионе Сахеля. Такой контекст обусловлен взаимосвязанным характером вопросов безопасности данных стран, решение которых невозможно вне коллективного подхода к устранению угроз, что способствовало формированию комплексного подхода к обеспечению региональной безопасности «Группой пяти». Кроме того, в контексте формирующейся модели ЕС, Франция и США становятся также одними из ведущих акторов в сфере региональной безопасности.

Цель исследования заключается в изучении проблем региональной безопасности в зоне Сахеля с акцентом на географический фактор, который детерминирует взаимозависимость сахельских стран в снижении уровня угроз.

Теория комплексов региональной безопасности

ТКРБ предлагает своего рода схему для структурирования и анализа взаимовлияния в сфере безопасности в региональном контексте, когда близкое географическое расположение оказывается фактором первостепенной важности (Wæver, 2012). Комплекс региональной безопасности (КРБ) часто определяется как «группа составляющих его единиц, угрозы которым взаимосвязаны настолько, что отдельный анализ либо отдельное решение вопросов их безопасности невозможно» (Reynolds, 2009). Ключевой принцип, лежащий в основе ТКРБ, подразумевает, что «большинство политических и военных угроз легче распространяются на короткие расстояния, чем на значительные, а отсутствие безопасности обычно связано с близким расположением субъектов» (Buzan & Wæver,

2003, p. 11). Несмотря на то, что проблемы глобальной безопасности доминируют над региональными вызовами, последние не исчезают с повестки дня (Buzan & Wæver, 2003, p. 11).

Основными структурными особенностями ТКРБ являются дифференциация акторов и их количество, модели дружественных либо недружественных отношений и баланс сил (Buzan & Wæver, 2003, p. 13). Также комплексы определяются через «характеристику субъектов, взаимодействующих в области безопасности» (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 34). Часто основным фактором в определении комплекса выступает «высокий уровень угрозы / страха, взаимно ощущаемый двумя или более государствами» (Buzan, 1991). Государства, однако, могут иметь различные общие или близкие интересы, поскольку взаимозависимость необязательно должна быть априори конфликтной (Buzan, 1991, p. 208). Такие модели остаются весьма долговременными, что объясняется их структурной, исторической и географической природой (Buzan & Wæver, 2003, p. 45).

Согласно Б. Бузану и О. Вейверу, после окончания холодной войны в Африке к югу от Сахары сформировались следующие кластеры безопасности: два региональных комплекса безопасности, один предкомплекс (двусторонние отношения в области безопасности с потенциалом объединения в КРБ) и один протокомплекс (взаимозависимость в вопросах безопасности в определенном регионе, однако с недостаточной динамикой для формирования КРБ) (Da Silva, 2012, p. 3). Подкомплексы являются характерными моделями взаимозависимости в области безопасности, включенными, однако, в более широкую модель, определяющую КРБ в целом (Walsh, 2020). Как представляется, подобный анализ не лишен недостатков, поскольку он не содержит данных об интенсивной динамике в области безопасности за последние десятилетия в Африке, включая зону Сахеля. В соответствии с определением КРБ как «группы государств, безопасность которых не может рассматриваться по отдельности», регион Липтак-Гурма оценивается в данном исследовании в качестве КРБ.

Эмпирическое применение ТКРБ

Развитие КРБ в определенной географической области возможно при наличии сформированных межсубъектных угроз безопасности (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 19). Угрозы безопасности внутри КРБ могут быть асимметричными, поскольку противодействие им со стороны прочих акторов не является гарантированным или они могут не рассматриваться как приоритетные. Формирование комплексов объясняется социальным конструктивистским подходом к пониманию процесса, при котором проблемы становятся угрозой безопасности (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 72).

Изучение дискурса и политических взаимодействий позволяет анализировать возникновение угроз безопасности (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 25). По этой причине учет таких структурных факторов, как эволюция взаимозависимости в сфере безопасности, силы обеспечения безопасности, демографические изменения и др., представляется необходимым для акцентирования формирующейся «структуры» отношений в области безопасности. Поскольку модели построения безопасности являются основными элементами, определяющими КРБ, следует дать общее представление о динамике угроз безопасности для региона.

Обзор ситуации в области безопасности в Сахеле: динамика угроз в регионе Липтако-Гурма

В Сахеле наблюдается ухудшение ситуации в плане безопасности. Имеет место всплеск массового насилия, а группировки боевиков продолжают действовать на юге и в настоящее время угрожают прибрежным районам Западной Африки⁴. За последние годы мир стал свидетелем «перекройки» геополитической карты и конфигурации сил, обеспечивающих безопасность в Сахеле. Данный регион является ярким примером территории,

⁴ Berger F. West Africa: Shifting strategies in the Sahel // The Africa Report. October 1, 2019. URL: <https://www.theafricareport.com/17843/west-africa-shifting-strategies-in-the-sahel/> (accessed: 21.07.2022).

страдающей от многочисленных форм насилия, слабого управления и нестабильности. Ответственность за региональную безопасность и стабильность ранее брали на себя авторитарные государственные режимы, которые в настоящее время во многом потеряли контроль в этой сфере из-за деятельности организованной преступности, террористических группировок и т. д. В некоторых странах, тем не менее, руководству удавалось добиться определенной стабильности⁵.

Три из десятка стран, наиболее пострадавших от терроризма в 2021 г., находятся в Сахельском регионе. В Нигере, Мали и Буркина-Фасо зафиксировано значительное увеличение числа погибших в результате террористических актов — 81, 174 и 74 человека соответственно⁶. За последние пять лет в Центральном Сахеле значительно участились террористические атаки, преимущественно на стыке границ Буркина-Фасо, Мали и Нигера. Рост терактов сопровождается вторжением джихадистских группировок, таких как «Исламское государство в Западной Африке» (*Islamic State in West Africa, ISWA*) и «Джама'ат наср аль-ислам валь муслимин»⁷ (рис. 2). Рост влиятельных групп ополчения, заполнивших брешь в безопасности Ливии, бросает вызов власти нового правительства, а также создает для стран Сахеля дополнительные риски новой волны гражданских конфликтов и ухудшения экономических условий⁸.

⁵ См.: Threats to International Peace and Security — Security Council, 9131st meeting // Security Council Report. December 19, 2014. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_pv_7351.pdf (accessed: 21.07.2022); Vogler S. Security Challenges in Libya and the Sahel // CNA Workshop Report. December 2012. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/dcp-2012-u-003450-final.pdf (accessed: 21.07.2022).

⁶ Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March 2022. P. 59. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-04112022.pdf> (accessed: 21.07.2022).

⁷ Ibid.

⁸ Vogler S. Security Challenges in Libya and the Sahel // CNA Workshop Report. December 2012. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/dcp-2012-u-003450-final.pdf (accessed: 21.07.2022).

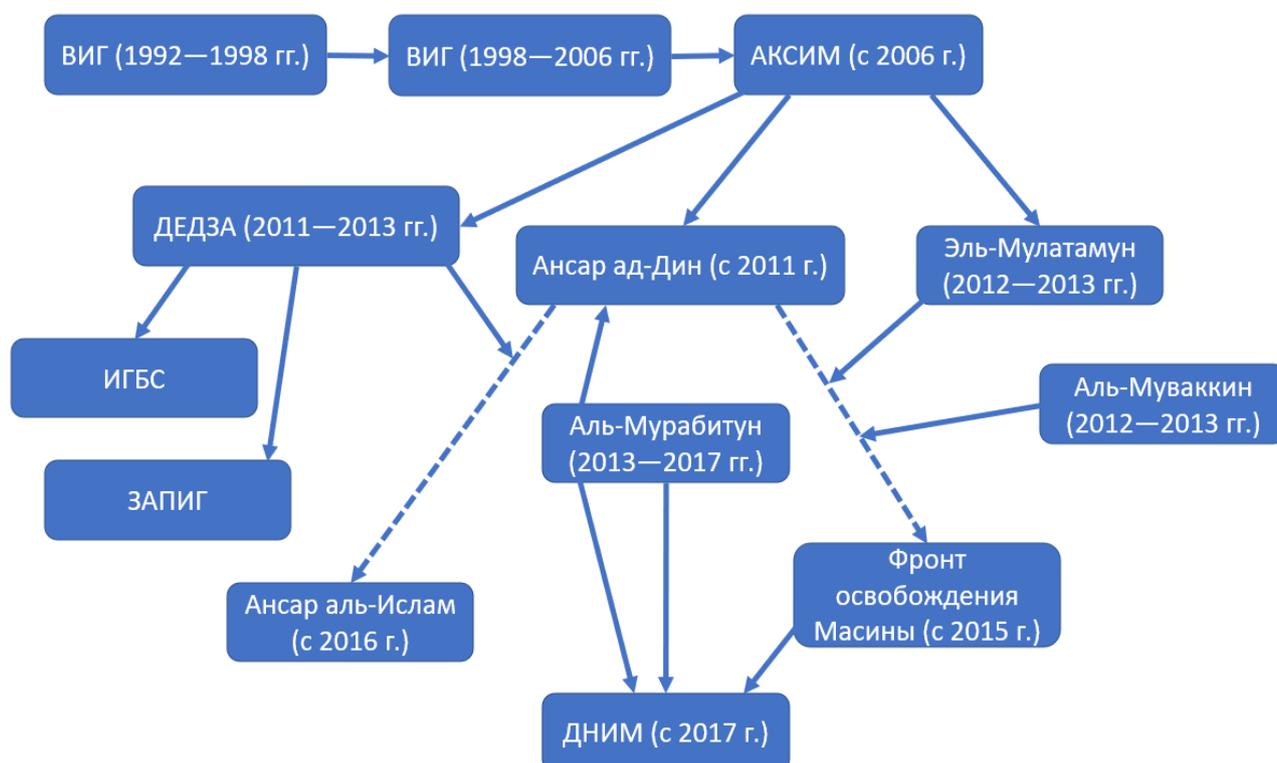


Рис. 2. Эволюция салафитско-джихадистских группировок в Сахеле

Источник: Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March 2022. P. 50. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-04112022.pdf> (accessed: 21.07.2022).

Очевидно, что прибыль, получаемая от похищения людей с целью выкупа, явилась ключевым фактором существования и роста многих террористических групп, действующих в этом регионе (Макрах & Idahosa, 2021).

В регионе Липтако-Гурма кризисные явления связаны с растущим уровнем бедности, межобщинной напряженностью, слабостью государственных институтов, а также насилием вследствие усиления организованной преступности и роста негосударственных вооруженных формирований. По некоторым оценкам, только в 2019 г. кризис привел к гибели 4000 человек и вызвал значительную миграцию населения в трех пострадавших странах региона. По состоянию на 20 августа 2020 г., перемещение затронуло 1 551 160 человек, в том числе 1 383 895 лиц, перемещенных внутри региона (89 % перемещенного населения) и 167 265 беженцев (11 % перемещенного населения). 67 % переселенцев (1 032 698 человек) находились в Буркина-Фасо, 16 % проживали в Мали (256 470 человек), 13 % —

в Нигере (199 012 человек), 4 % — в Мавритании (62 980 человек)⁹.

В Сахеле самый высокий уровень бедности долгое время наблюдался в регионе Липтако-Гурма, который считается чуть ли не одним из самых бедных в мире. По данным Всемирного банка, в Нигере в регионе Тиллабери уровень бедности составил 56 %, что выше среднего по стране на 48,2 %. В Буркина-Фасо в Сахельском регионе уровень бедности на 21 % выше, чем в среднем по стране (40 %). По сравнению со средним показателем бедности в Мали (40 %) доля бедного населения была значительно выше в Мопти (около 58—62 %), а также в Менеке и Гао (около 49—57 %). В целом по региону Липтако-Гурма уровень бедности на севере

⁹ Displacement Tracking Matrix (DTM). Central Sahel & Liptako Gourma Crisis — Monthly Dashboard #8 // International Organization for Migration. August 20, 2020. URL: https://displacement.iom.int/system/tdf/reports/LGC_Monthly_Dashboard_August_2020_v3.pdf?file=1&type=node&id=9448 (accessed: 21.07.2022).

оценивается в 70,4 %¹⁰. Во всех трех странах Липтако-Гурма уровень бедности значительно выше в сельских районах, чем в городских¹¹.

Согласно Глобальному индексу терроризма, в 2007—2020 гг. общее количество инцидентов и смертей от террористических актов в Буркина-Фасо, Мали и Нигере, а также изменение числа жертв терактов в трех странах за период 2020—2021 гг. увеличивалось экспоненциально (рис. 3 и 4).

Указанные обстоятельства вызвали значительную миграцию в Сахельском регионе. Для ЕС, который также является важным региональным актором, вопросы миграции за последние два десятилетия стали вызовом, подтолкнувшим Брюссель к выработке политических решений. В то же время обеспечение безопасности миграции стало проблемой для стран Сахеля. Взаимосвязь между безопасностью и миграцией, а в более широком смысле — между миграцией, безопасностью человека и государства стали предметом академических дебатов, что нашло отражение в целом ряде исследований (Schmidthäussler & Niemann, 2014; Bianculli et al., 2021). Общее понимание природы и интенсивности подобных угроз, осмысление вызовов, с которыми сталкиваются страны Сахеля, способствуют оценке растущих рисков в проведении политических и экономических реформ в странах региона, а также затрагивают политику крупных держав (США, европейских стран) в регионе (Soug, 2015).

Региональная безопасность и динамика угроз: Буркина-Фасо, Мали, Нигер

Регион на стыке границ Буркина-Фасо, Нигера и Мали подвергся наибольшему количеству террористических атак. Заметим, что угрозы в регионе распространяются достаточно быстро, что приводит к росту взаимозависимости региональных кластеров безопасности. Согласно Т. Карсу (Kahrs,

¹⁰ Community-Based Recovery and Stabilization Project for the Sahel (P173830) // The World Bank. October 8, 2020. URL: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P173830> (accessed: 21.07.2022).

¹¹ Ibid.

2004), Б. Бузану и О. Вейверу (Buzan & Wæver, 2003), «ключевая идея в теории комплексов региональной безопасности заключается в том, что, поскольку большинство угроз распространяется легче на короткие расстояния, чем на значительные, взаимозависимость в этой сфере обычно проявляется в региональных кластерах — комплексах безопасности. Уровень взаимозависимости в области безопасности более интенсивен между субъектами внутри таких комплексов, чем между субъектами за их пределами». Динамика угроз безопасности в регионе Сахеля, бесспорно, требует совместных усилий в этой области и интенсивного взаимодействия субъектов в рамках региона, это и есть региональный кластер — комплекс безопасности.

К 2019 г. число жертв терроризма в Буркина-Фасо значительно увеличилось в годовом исчислении (+590 %)¹². По сравнению с 2020 г. в 2021 г. количество зарегистрированных смертей, причиной которых стал терроризм, увеличилось на 11 %. Более 50 % из 732 погибших были гражданскими лицами. В 2018 г. было зарегистрировано в общей сложности 167 происшествий, в результате которых погибло 506 человек. В 2020 г. число инцидентов возросло до 476 и привело к гибели 1046 человек¹³. Международная кризисная группа отметила ухудшение ситуации в Нигере, где джихадистские группировки активизировали нападения в таких регионах, как Тиллабери и Диффа, где число жертв составило более 50 человек¹⁴.

¹² Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March 2022. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-04112022.pdf> (accessed: 21.07.2022).

¹³ Niger: Democratic progress hindered by increasing insurgency // The Africa Report. January 18, 2021. URL: <https://www.theafricareport.com/59827/niger-democratic-progress-hindered-by-increasing-insurgency/> (accessed: 21.07.2022).

¹⁴ CrisisWatch: Tracking Conflict Worldwide // International Crisis Group. 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/april-alerts-and-march-trends#niger> (accessed: 21.07.2022).



Рис. 3. Общее число происшествий и смертей в результате терактов в Буркина-Фасо, Мали и Нигере в 2007—2020 гг.

Источник: Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March 2022. P. 59. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-04112022.pdf> (accessed: 21.07.2022).

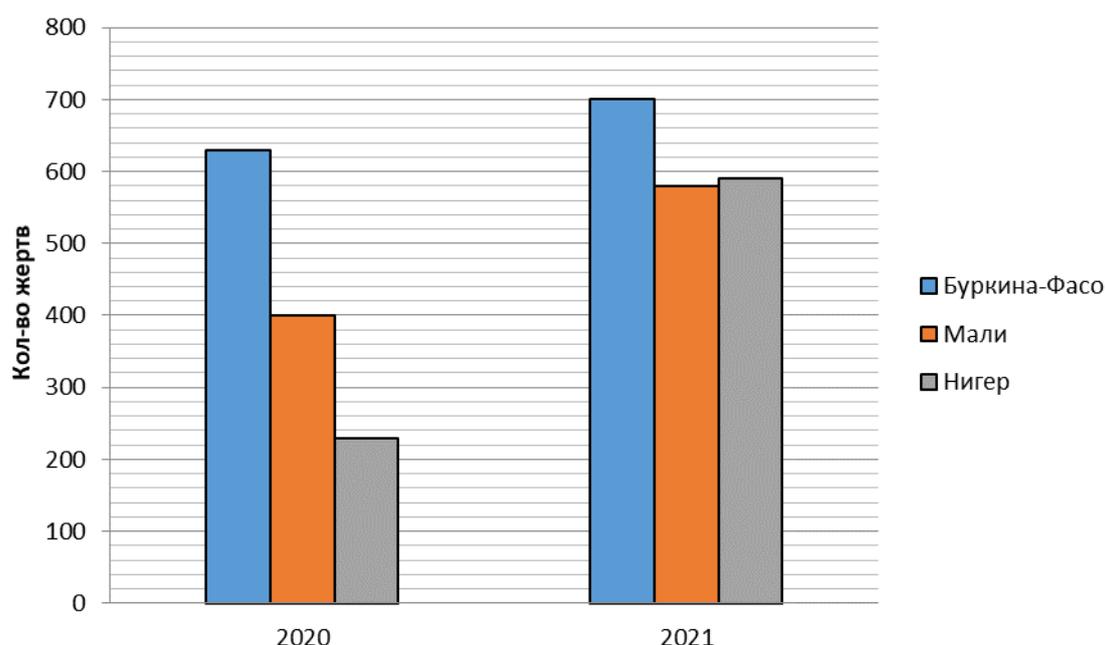


Рис. 4. Изменение показателей смертности в результате терактов в Буркина-Фасо, Мали и Нигере в 2020—2021 гг.

Источник: Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March 2022. P. 46. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-04112022.pdf> (accessed: 21.07.2022).

Таким образом, у государств региона возник консенсус в отношении террористической деятельности, религиозного и политического радикализма, которые определены как угрозы национальной безопасности. Существование спорных и легко проницаемых межгосударственных границ облегчает незаконное передвижение и нелегальную торговлю. Добавим к этому недостаточное развитие потенциала государственных институтов, а также трудности, испытываемые правительствами с мобилизацией ресурсов. Все эти факторы в совокупности существенно увеличивают рост внутренней нестабильности. В результате высокий уровень внутренней незащищенности приводит к высоким показателям региональной нестабильности, а общие проблемы разделяют практически все государства региона. Приведенный выше аргумент Б. Бузана можно подтвердить тезисом о «проницаемых границах, облегчающих незаконное передвижение в регионе и создающих в нем угрозы»; отсюда становится понятно, почему опасения по поводу безопасности, озвученные одним государством, часто отражаются на соседних государствах в относительно короткие сроки (Roehrs, 2005).

Государственные перевороты являются еще одним фактором, связывающим данные государства в контексте угроз безопасности. За последнее десятилетие Мали постепенно превратилось в эпицентр региональной конфликтности и нестабильности ввиду ухудшения социально-экономических и политических условий. Президент Ибрагим Бубакар Кейта был свергнут в результате государственного переворота в августе 2020 г. В мае 2021 г. те же силы лишили власти гражданских лидеров переходного периода, которых они поставили вместо свергнутого президента¹⁵. До переворота 2022 г. в Буркина-Фасо неоднократно происходили попытки захвата власти. Например, кровавый государственный переворот был осуществлен капитаном Блезом Компаоре 15 октября 1987 г.¹⁶;

¹⁵ Crisis in Mali // Congressional Research Service. May 23, 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10116.pdf> (accessed: 21.07.2022).

¹⁶ Brooke J. A Friendship Dies in A Bloody Coup // The New York Times. October 26, 1987. URL:

попытка захвата власти была организована в 1989 г. Жан-Батистом Букари Лингани и Анри Зонго, еще одна попытка была предпринята в октябре 2003 г. Бывший президент Компаоре был окончательно свергнут в 2014 г.¹⁷, за этим последовали неудавшиеся перевороты 16 сентября 2015 г.¹⁸ и 8 октября 2016 г.¹⁹ 23 января 2022 г. в результате государственного переворота²⁰, возглавляемого военным офицером Полем-Анри Сандаого Дамибой²¹, был свергнут бывший президент Рош Марк Кристиан Каборе²². Следом два государственных переворота произошли в соседнем Мали, а в Нигере — попытка государственного переворота²³. Все это вписывается в более широкую динамику, наблюдаемую на региональном уровне.

Определение комплексов безопасности и управление ими проще при наличии четких

<https://www.nytimes.com/1987/10/26/world/a-friendship-dies-in-a-bloody-coup.html> (accessed: 21.07.2022).

¹⁷ Burkina Faso Announces a Transitional Government // Al Jazeera. November 23, 2014. URL: <http://america.aljazeera.com/articles/2014/11/23/burkina-faso-transitionalgovernmentmilitaryincluded.html> (accessed: 21.07.2022).

¹⁸ Military detains Burkina Faso's president, prime minister weeks ahead of landmark vote // U.S. News & World Report. September 16, 2015. URL: <https://www.usnews.com/news/world/articles/2015/09/16/military-detains-burkina-faso-leaders-weeks-before-vote> (accessed: 21.07.2022).

¹⁹ Burkina Faso: Coup attempt thwarted, says government // Al Jazeera. October 22, 2016. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/10/22/burkina-faso-coup-attempt-thwarted-says-government/> (accessed: 21.07.2022).

²⁰ Burkina Faso's writer-colonel coup leader starts a new chapter in country's history // France 24. January 25, 2022. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20220125-burkina-faso-s-writer-colonel-coup-leader-starts-a-new-chapter-in-country-s-history> (accessed: 21.07.2022).

²¹ Who is Paul-Henri Damiba, leader of the Burkina Faso coup? // Al Jazeera. January 25, 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/25/burkina-faso-coup-leader-paul-henri-sandaogo-damiba> (accessed: 21.07.2022).

²² Burkina Faso president reportedly detained by military // BBC News. January 24, 2022. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-60109234> (accessed: 21.07.2022).

²³ Demuyneck M., Coleman J. D. J. Political Upheaval and Counterterrorism in Burkina Faso: Between a Rock and a Hard Place // International Centre for Counter-Terrorism. February 1, 2022. URL: <https://icct.nl/publication/political-upheaval-and-counter-terrorism-in-burkina-faso/> (accessed: 21.07.2022).

закономерностей фрагментации между государствами (Roehrs, 2005). Однако применительно к сахельским государствам региона Липтако-Гурма закономерности фрагментации не совсем ясны, а основы отношений и взаимодействия между государствами неоднозначны. Этого вполне достаточно для образования комплексов безопасности между целым рядом государств, и укрепление социально-политической структуры оказывается в интересах всех государств Сахельского региона.

Теория комплексов региональной безопасности: перспективы региона Липтако-Гурма

На основе ТКРБ предлагается профильный подход к концептуализации безопасности в регионе Липтако-Гурма. Стандартный комплекс региональной безопасности состоит из двух или более государств, которые разделяют задачи военной и политической безопасности (в нашем случае — регион Липтако-Гурма и «Сахельская группа пяти»). «Сахельская пятерка», созданная в 2014 г. пятью государствами, является межправительственной организацией, в состав которой входят Буркина-Фасо, Чад, Мали, Мавритания и Нигер. Трансграничные совместные силы этих государств нацелены на борьбу с терроризмом и транснациональными преступными сетями, поддержание мира и безопасности, а также создание условий для развития и сотрудничества.

Структура сахельского комплекса региональной безопасности включает четыре ключевых компонента. Первый — это границы комплекса, ведь КРБ отражает определенные взаимоотношения между несколькими государствами в геополитическом контексте (Buzan & Wæver, 2003). В результате отношения между государствами внутри такого комплекса укрепляются благодаря взаимной осведомленности о положении дел у соседа и близкому расположению. Таким образом, важно четкое определение границ и значимость локальных факторов при анализе безопасности. Второй — это расположение составляющих единиц (комплекс безопасности требует существования двух или более государств). Третий — это сами

составляющие единицы, а четвертый — это уровень взаимодействия — дружественные либо недружественные отношения.

Структура комплекса региональной безопасности: граница

Комплексы региональной безопасности по своей природе являются географически обусловленными, состоящими из соседних субъектов, порой изолированных друг от друга естественными барьерами (океанами, пустынями, горными хребтами). Государства рассматриваемого в данной работе региона Липтако-Гурма — Буркина-Фасо, Мали и Нигер — являются соседями, но вместе с тем они разделены естественными преградами. Например, протяженность крупнейшей реки в регионе — Нигера — составляет 1693 км. Например, в Мали ее называют жизненной транспортной артерией страны, источником продовольствия, питьевой воды и ирригационных ресурсов.

Липтако, будучи исторически сформировавшимся регионом Западной Африки, в настоящее время включает восточную часть Буркина-Фасо, юго-запад Нигера и юго-восточную часть центра Мали. Коренным населением Липтако являются гурма, сейчас меньшинство в каждой из трех стран, а также народности мосси и сонгаи. Именно от названия народности гурма происходит общее название всего региона. К крупным городам Липтако относятся Диагуру и Тера в Нигере, а также Дори, Коала и Арибинда в Буркина-Фасо (Jefferson, 1982).

Граница, отделяющая данные страны от соседей, определяется историко-географическими факторами (Buzan & Wæver, 2003, p. 45), а также разноплановыми конфликтами, общими и схожими интересами (Buzan, 1991, p. 208). Такая ситуация отражает конфликтную динамику между государствами региона Сахель — Липтако-Гурма (Buzan & Wæver, 2003). В результате отношения между странами в условиях разнопланового характера конфликтов усиливаются хорошей информированностью друг о друге, неким сходством и географической близостью.

Социальная и историческая близость приводят к взаимозависимости, что является

подходящим основанием для проведения исследований взаимосвязи и взаимовлияния в «треугольнике взаимоотношений» в приграничных районах, построенных на культурном взаимодействии²⁴. Данная область характеризуется наличием здесь различных сообществ и социально-профессиональных групп с взаимодополняющим, а иногда и конфликтным характером отношений.

Каждая из стран ареала Сахель — Липтако-Гурма представляет собой территорию, которая определяется не только границами, но и такими факторами, как этнические группы, языки, традиции и верования. Карта данного региона (см. рис. 1) демонстрирует обманчиво четкие государственные границы, которые, однако, оспариваются реальностью проницаемых границ, позволяющих товарам и людям перемещаться между государствами, придавая региону некий «лоскутный» характер. Такая подвижность и проницаемость приводят к тому, что проблемы и события часто резонируют за пределами государственных границ (Giroux, Lanz & Sguaitamatti, 2009).

В ряде исследований, посвященных региону, рассматриваются случаи трансграничных столкновений скотоводов²⁵. Рост числа угроз происходит и из-за этнического фактора и бывает связан с различными этническими группами, например, такими, как фулани. Фулани, численность которых оценивается в 25 млн человек, проживают в 21 африканской стране, в то время как их наибольшая концентрация наблюдается в регионе Сахель в Западной Африке (McGregor, 2017). В Буркина-Фасо, Мали и Нигере численность фулани составляет примерно 3 млн в Мали (из 18,5 млн

жителей)²⁶, 1,6 млн в Нигере (из 21 млн)²⁷ и 1,2 млн в Буркина-Фасо (из 19 млн)²⁸.

Около трети фулани продолжают вести традиционный полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, что все чаще приводит их к конфликту с оседлыми земледельцами в условиях возросшей нагрузки на такие ресурсы, как пастбища и вода. Обычно фулани вооружены для защиты стад от угонщиков. Таким образом, реальность такова, что граница, разделяющая страны, неотделима от разноплановых конфликтов между представителями сопредельных государств.

Структура комплекса региональной безопасности: составляющие элементы, близкое расположение, угрозы

Согласно ТКРБ, «большинство политических и военных угроз легче распространяется на небольшие расстояния, чем на значительные, а отсутствие безопасности обычно связано с близким расположением субъектов» (Buzan & Wæver, 2003, p. 11). Как отмечалось выше, КРБ часто определяется как группа акторов (в данном случае Буркина-Фасо, Мали и Нигер), «угрозы которым взаимосвязаны настолько, что отдельный анализ либо решение вопросов их безопасности невозможны» (Reynolds, 2009). У субъектов (в нашем случае — государств Буркина-Фасо, Мали и Нигер) сформировались межсубъектные угрозы безопасности в определенной географической области (Buzan, Wæver & Wilde, 1998, p. 19), в частности Липтако-Гурма, а близкое географическое расположение стало фактором первостепенной важности (Wæver, 2012).

Область Липтако-Гурма на стыке границ Буркина-Фасо, Нигера и Мали подверглась наибольшему количеству терактов, на ее долю пришлось 72 % всех нападений в 2021 г.²⁹

²⁴ Navigating Borderlands in the Sahel. Border security governance and mixed migration in Liptako-Gourma // MMC Research Report. November 2019. URL: https://mixedmigration.org/wp-content/uploads/2019/12/083_navigating_borderlands.pdf (accessed: 21.07.2022).

²⁵ См.: Ending Nigeria's herder-farmer crisis: The livestock reform plan // International Crisis Group. May 4, 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/crisiswatch/april-alerts-and-march-trends#niger> (accessed: 21.07.2022); Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March 2020. URL: <https://visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (accessed: 21.07.2022). См. также: (Brottem & McDonnell, 2020).

²⁶ Africa: Mali // CIA. The World Factbook. 2022. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/mali/> (accessed: 21.07.2022).

²⁷ Africa: Niger // CIA. The World Factbook. 2022. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/niger/> (accessed: 21.07.2022).

²⁸ Africa: Burkina Faso // CIA. The World Factbook. 2022. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/burkina-faso/> (accessed: 21.07.2022).

²⁹ Global Terrorism Index 2022: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. March

В июне 2021 г. произошло трагическое по своим результатам происшествие — не менее 160 человек было убито, в том числе 20 детей, и 40 ранено при штурме боевиками деревни вдоль северной границы Буркина-Фасо с Нигером (известно, что это был опорный пункт джихадистов)³⁰.

Случаи насилия и вражды между фермерами и скотоводами имеют место повсеместно в регионе. Присутствие исламистских вооруженных группировок повлекло усиление напряженности между общинами. В Буркина-Фасо и Мали представителей фулани вербовали в ряды вооруженных группировок, что сформировало негативное мнение обо всей общине фулани. Негодование и недоверие к фулани усиливалось по мере того, как участились случаи нападения со стороны исламистских вооруженных группировок, приведшие к распространению насилия из городов в сельские районы³¹.

Буркина-Фасо, Мали и Нигер пережили одни из самых кровавых террористических актов, совершенных африканскими радикальными исламистами и другими воинствующими формированиями, которые пользуются проницаемостью границ и слабостью властных структур для свободного передвижения между странами, контрабанды оружия и людей. Таким образом, анализ показывает, что вызовы и угрозы легко распространяются на небольшое расстояние, а недостаточная безопасность часто ассоциируется с географической близостью конфликтующих субъектов.

Структура комплекса региональной безопасности: модели дружественного и недружественного отношения и баланс сил

Б. Бузан и О. Вейвер подчеркивают важность моделей дружественного и недружественного поведения, а также баланса сил

2022. P. 23. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-04112022.pdf> (accessed: 21.07.2022).

³⁰ Ibid.

³¹ Conflict and displacement in Mali, Niger and Burkina Faso // ACAPS Briefing note. March 22, 2019. URL: <https://reliefweb.int/report/burkina-faso/conflict-and-displacement-mali-niger-and-burkina-faso-briefing-note-22-march> (accessed: 21.07.2022).

(Buzan & Wæver, 2003, p. 53). КРБ представляют собой подструктуру международной системы. Комплекс включает особые отношения между его элементами, и безопасность внутри него либо поддерживается, либо ослабевает в зависимости от баланса сил. Важны исторические связи между государствами; недостаточно оценить баланс сил, чтобы предсказать модели конфликтов.

Модели дружественных и недружественных отношений между государствами могут быть использованы для оценки ситуации в регионе с фокусом на сферу безопасности (Stivachtis, 2018). Различия в балансе сил в КРБ, а также уровни дружественного и недружественного отношения коррелируют с различиями в политике. Увеличивающееся влияние комплекса и дружественные отношения могут обеспечить коллективную безопасность, в то время как значительное влияние комплекса и недружественные отношения порождают конкуренцию и могут привести к конфликту (Burgess, 2021).

Выбор модели дружественного или недружественного поведения в отношении друг друга обусловлен множеством обстоятельств — от пограничных споров и идеологических разногласий до исторических причин, как позитивных, так и негативных, что невозможно было бы предвидеть исходя из простого изучения баланса сил (Buzan, 1991, p. 190). Страны региона Сахель — Липтако-Гурма не только сталкиваются со схожими проблемами (в ТКРБ — это признак дружественных отношений), вызванными контрабандой и терроризмом, бедностью и отсутствием национальной сплоченности, но и сотрудничают в рамках «Группы пяти» (хотя Мали приняла решение о выходе из группы в мае 2022 г.³²). «Дружественные отношения», по Б. Бузану, — это межгосударственные отношения, варьирующиеся от подлинной дружбы до ожидания защиты или поддержки; надежность и

³² См.: Mali government pulls military out of regional G5 Sahel force // Al Jazeera. May 16, 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/5/16/mali-government-pulls-military-out-of-regional-g5-sahel-force> (accessed: 21.07.2022); Mali's withdrawal from G5 Sahel, Joint Force 'a setback' for the region // UN News. May 18, 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/05/1118582> (accessed: 21.07.2022).

дружественные отношения могут обеспечить большую коллективную безопасность. Так, «Сахельская группа пяти» оправдывает ожидания защиты и поддержки со стороны участников Группы, и это свидетельствует о «дружественных отношениях» внутри объединения.

Анализ теории КРБ показывает, что уровень взаимодействия между членами одного и того же комплекса высок, в то время как уровень взаимодействия между членами разных комплексов сравнительно низок. Как отмечалось выше, уровень враждебности между странами коррелируется с различиями в проводимой политике. Например, недружественное отношение к Нигеру вполне объяснимо, поскольку президент Мохаммед Базум стал предпочтительным союзником Запада в контртеррористических операциях, проводимых западными державами в Мали. Местный антифранцузский протест против «неоколониализма» имел побочный эффект в Ниамее, особенно после объявления в феврале 2022 г. о переброске возглавляемых Францией сил из Мали в Нигер³³. Результатом такого решения стали недружественные отношения между странами.

При первом прибытии в Мали девять лет назад французские войска были встречены достаточно тепло, поскольку ожидалось решение проблемы терроризма при поддержке Франции как одной из передовых военных держав. Однако вместе с тем наблюдался постоянный рост числа терактов, а также числа малийцев, присоединившихся к повстанческим группировкам. Угрозы, исходившие от исламистских боевиков, распространились и на другие страны — Буркина-Фасо и Нигер, где повстанцы совершают нападения со своих баз в Сахаре. После неуклонного увеличения числа терактов присутствие войск бывшей колониальной державы стали называть «оккупацией»; появилось и мнение об уходе Франции из страны по причине отсутствия результата контртеррористической деятельности³⁴. По мнению

Б. Бузана, растущая сложность ситуации и вражда порождают большую конкуренцию и могут привести к конфликту и отсутствию сотрудничества (как в ситуации с Мали, покинувшей «Группу пяти»).

Силы, обеспечивающие региональную безопасность

С 2012 г. регион Сахеля приобрел известность как источник транснациональных угроз безопасности — терроризма и нелегальной миграции. В 2015 г. ситуация усугубилась в связи с так называемым европейским кризисом беженцев. В противостоянии данным угрозам внешние заинтересованные стороны полагаются на поддержку и сотрудничество сахельских государств (Osland & Erstad, 2020). В последние годы наблюдается беспрецедентное международное внимание к зоне Сахеля, в результате чего сахельский комплекс безопасности характеризуется взаимодействием на нескольких уровнях — национальном, региональном и международном, при этом сахельские страны испытывают различную степень внешнего вмешательства (Osland & Erstad, 2020).

В этом контексте потенциальные «ловушки» международного вмешательства тесно связаны с тем, что Барри Бузан называет «перекрытием». Он утверждает, что региональные структуры могут оказаться в состоянии «перекрытия», когда возникают пространства, где присутствие великих держав настолько интенсивно, что подавляет всю динамику местной безопасности (Buzan & Wæver, 2003, p. 44).

США начали контртеррористическую политику с реализации небольших задач в Западной Африке, а также запустили Пансахельскую инициативу Магриба в конце 2002 г., со временем превратив свою деятельность в более крупную Транссахарскую контртеррористическую инициативу (ТСКТИ, 2005 г.) и Транссахарское контртеррористическое партнерство (ТСКТП, 2008 г.)³⁵.

³³ Niger: Democratic progress hindered by increasing insurgency // The Africa Report. January 18, 2021. URL: <https://www.theafricareport.com/59827/niger-democratic-progress-hindered-by-increasing-insurgency/> (accessed: 21.07.2022).

³⁴ Why are French troops leaving Mali, and what will it mean for the region? // BBC. April 26, 2022. URL:

<https://www.bbc.com/news/world-60419799> (accessed: 21.07.2022).

³⁵ Warner L. A. The Trans Sahara Counter Terrorism Partnership. Building Partner Capacity to Counter Terrorism and Violent Extremism // CAN Strategic Studies Division. March 2014. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/crm-2014-u-007203-final.pdf (accessed: 21.07.2022).



Рис. 5. Военные базы США в Африке

Источник: (Busch, 2013).

Мероприятия были нацелены на дипломатическую поддержку, а также борьбу с распространением исламистского экстремизма военными средствами в девяти странах: Чад, Мали, Мавритании, Нигере, Марокко, Алжире, Тунисе, Сенегале и Нигерии (Буркина-Фасо присоединилась в 2009 г.). В то же время цели США заключаются в наращивании военного потенциала и многонациональном региональном сотрудничестве. ТСКТП мобилизует ресурсы США из различных источников, среди которых Госдепартамент, Министерство обороны и Агентство США по международному развитию (Idahosa, Degtrev & Abidoeye, 2018).

С момента основания Африканского командования (АФРИКОМ) США в 2007 г.³⁶ военное присутствие Вашингтона на континенте постепенно расширялось с 2000 военнослужащих, базировавшихся в основном

³⁶ U.S. Africa Command (AFRICOM) // Council on Foreign Relations. May 2, 2007. URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2018/04/28/605662771/the-military-doesnt-advertise-it-but-u-s-troops-are-all-over-africa> (accessed: 21.07.2022).

в Джибути, до приблизительно 6000 в 2017 г.³⁷ и 7200 — к концу 2018 г.³⁸ По оценкам министра обороны США Джима Мэттиса, к апрелю 2018 г. только в Нигерии, Нигере и Мали находилось более 1000 военнослужащих США³⁹. На рис. 5 приведена карта военного присутствия США в регионе в настоящее время.

В Нигере в 2013 г. американские силы были развернуты в числе 100 человек для «оказания поддержки в сборе разведанных и... содействия обмену разведанными». В ноябре 2017 г. был подписан меморандум

³⁷ Watson K. Where does the U.S. have troops in Africa, and why? // CBS News. October 23, 2017. URL: <https://www.cbsnews.com/news/where-does-the-u-s-have-troops-in-africa-and-why/> (accessed: 21.07.2022).

³⁸ Browne R. US to reduce number of troops in Africa // CNN. November 15, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/15/politics/us-reduce-troops-africa/index.html> (accessed: 21.07.2022).

³⁹ Myre G. The Military Doesn't Advertise It, But U.S. Troops Are All Over Africa // NPR. April 28, 2018. URL: <https://www.npr.org/sections/parallels/2018/04/28/605662771/the-military-doesnt-advertise-it-but-u-s-troops-are-all-over-africa> (accessed: 21.07.2022).

о взаимопонимании с Нигером о разрешении полетов вооруженных беспилотных летательных аппаратов. К 2018 г. численность американских военных возросла до 800 военнослужащих⁴⁰. По состоянию на август 2018 г., в Камеруне находилось 300 военнослужащих США с целью проведения разведывательных операций и поддержки многонациональной объединенной оперативной группы в борьбе с «Боко Харам», которая также использует беспилотники для сбора информации в прилегающих районах⁴¹.

В апреле 2018 г. группа из 12 американских солдат выполнила задачу по обучению нигерийских солдат. В мае 2014 г. США направили 80 офицеров в Чад для оказания помощи в поисках нигерийских школьников, похищенных «Боко Харам». В начале 2017 г. около 2000 военнослужащих США приняли участие в военных учениях в Чаде вместе с региональными силами. В ходе операции Сил специального назначения Армии США в Мали была проведена оценка целесообразности обучения малийских сил для борьбы с терроризмом и предоставления разведанных посольству США в Бамако о группах боевиков в Мали для защиты персонала посольства от нападений. В ноябре 2018 г. в Пентагоне объявили об одобрении плана по сокращению численности американских войск, проводивших контртеррористические операции в Африке. Однако в настоящее время какие-либо свидетельства реализации данной стратегии отсутствуют⁴².

⁴⁰ Gibbons-Neff T., Schmitt E. After Deadly Raid, Pentagon Weighs Withdrawing Almost All Commandos from Niger // The New York Times. September 2, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/02/world/africa/pentagon-commandos-niger.html> (accessed: 21.07.2022).

⁴¹ Kimmons S. Small Army Post Supports Counterterrorism Fight in Africa // U.S. Department of Defence. December 11, 2017. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1393481/small-army-post-supports-counterterrorism-fight-in-africa/> (accessed: 21.07.2022).

⁴² См.: Browne R. US to reduce number of troops in Africa // CNN. November 15, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/15/politics/us-reduce-troops-africa/index.html> (accessed: 21.07.2022); Idrees A. Pentagon to cut hundreds of troops in Africa as U.S. focuses on China, Russia // Reuters. November 15, 2018. URL: <https://reuters.com/article/commoditiesNews/idAFL2N1XP1M8> (accessed: 21.07.2022).

Франция является единственной страной, обеспечивающей безопасность на законных основаниях в своих бывших колониях и прочих странах Африки к югу от Сахары. Ее уровень влияния на эти страны выше, чем в любом другом регионе мира (Charbonneau, 2016; Idahosa, Degterevev & Abidoeye, 2018; Tafotie & Idahosa, 2016). По мнению некоторых экспертов, подобный уровень обеспечения безопасности и влияния в странах Африки к югу от Сахары был достигнут благодаря коррупционным связям между политическими элитами Франции и ряда африканских государств с целью гарантии сотрудничества с Францией при необходимости (Филиппов, 2017; Трунов, 2022).

Франция принимает непосредственное участие в борьбе с терроризмом в регионе Сахеля в рамках операции «Бархан», совместно с объединенными силами «Группы пяти», а также взаимодействует с другими европейскими странами и ООН. Операция «Бархан» нацелена на предоставление государствам региона возможности самостоятельно обеспечивать собственную безопасность. Предусматривается поддержка вооруженных сил «Сахельской группы пяти» в борьбе с террористами и негосударственными вооруженными формированиями, предотвращении их деятельности, а также восстановлении запрета боевых действий на неконтролируемых территориях в Сахеле⁴³. Возглавляемые Францией контртеррористические силы борются с распространением джихадистской угрозы в Сахеле (Idahosa & Abiodun Bakare, 2022). Операция «Бархан» в регионе Липтако началась в 2017 г. после активизации террористов ИГИЛ⁴⁴ в приграничных регионах. В апреле 2019 г. в рамках операции «Бархан» возникла новая база в малийском городе Госси, а контртеррористические силы совместно с силами Мали и Буркина-Фасо приняли участие в многочисленных совместных операциях по обеспечению безопасности. Несмотря на усиленное французское

⁴³ Operation Barkhane // Ministère des Armées de la République Française. November 11, 2015. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane> (accessed: 21.07.2022).

⁴⁴ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

присутствие в данной области, военные успехи Франции в регионе остаются ограниченными.

В ноябре 2019 г. министр обороны Франции объявил о создании международных специальных сил «Такуба» с целью консультирования, оказания помощи и сопровождения малийских вооруженных сил во взаимодействии с партнерами «Сахельской группы пяти»⁴⁵. Это, безусловно, ставило под сомнение наличие непосредственно африканских сил по противодействию угрозам в Сахеле, ведь французский персонал, участвующий в операции «Бархан» объединился с силами «Группы пяти» в Сахеле. Президент Франции Эмманюэль Макрон сначала пригрозил вывести свои войска из региона, но позже пообещал направить дополнительно 600 солдат для присоединения к уже находящимся там 4500⁴⁶. Однако отношения между Мали и Францией резко ухудшились, что в конечном итоге привело к выводу французских сил из Мали и прекращению операции «Бархан». Франция наряду с другими государствами ЕС, а также Канадой, объявила о выводе своих войск и военных ресурсов из Мали.

Помимо США и Франции большие усилия в рамках стабилизации региональной ситуации предпринимал и Европейский союз. После участвовавших в нападении на представителей стран Запада в 2010—2011 гг. в регионе Сахеля и падения режима Муаммара Каддафи в 2011 г. в Ливии Европейский союз столкнулся с рядом проблем, которые вызвали политическую нестабильность, отсутствие безопасности и гуманитарные проблемы в Сахеле. Непосредственная близость Сахельского региона к Европе предопределила гораздо больший (Sour, 2015) геополитический интерес государств —

⁴⁵ Çonkar A. B. Development and Security Challenges in The Sahel Region. Report of Mediterranean and Middle East Special Group (GSM) // NATO Parliamentary Assembly. December 2020. URL: https://www.nato-pa.int/download-file?filename=/sites/default/files/2021-02/042%20GSM%2020%20E%20rev%20%20fin%20%20-%20DEVELOPMENT%20AND%20SECURITY%20CHALLENGES%20IN%20THE%20SAHEL%20REGION_0.pdf (accessed: 21.07.2022).

⁴⁶ Maclean R. Crisis in the Sahel Becoming France's Forever War // *The New York Times*. March 29, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/29/world/africa/france-sahel-west-africa-.html> (accessed: 21.07.2022).

членов ЕС к Сахелю⁴⁷. Согласно Глобальной стратегии Евросоюза, ЕС «будет инвестировать в мир и развитие Африки для своей собственной безопасности и процветания»⁴⁸.

Стратегия ЕС в Сахеле включает четыре вектора: развитие, безопасность, политику и военный фактор (рис. 6) — и осуществляется согласно положениям, сформулированным в документах для поддержания безопасности и стабильности в регионе в рамках трех задач Общей политики безопасности и обороны (ОПБО). В марте 2011 г. ЕС принял двухстороннюю стратегию безопасности и развития в Сахеле для Мали, Мавритании и Нигера. В 2014 г. была инициирована Миссия Европейского союза по наращиванию потенциала в Мали (*the European Union Capacity Building Mission in Mali, EUCAP Sahel Mali*). В начале 2015 г. Совет ЕС начал выполнять вторую задачу гражданского характера для поддержки малийских сил внутренней безопасности в обеспечении конституционного и демократического порядка. Миссия *EUCAP Sahel Niger* выполняет задачу гражданского характера, определенную в 2012 г. с целью оказания помощи этой стране в борьбе с терроризмом и организованной преступностью⁴⁹.

Также в 2013 г. была развернута миссия *EUTM Mali* — военная обучающая миссия ЕС в Мали, нацеленная на укрепление потенциала сил внутренней безопасности в борьбе с терроризмом и организованной преступностью и поддержку правительств Мали и Нигера в контроле над миграционными потоками, а также обеспечении безопасности границ⁵⁰.

⁴⁷ Lebovich A. Halting ambition: EU migration and security policy in the Sahel // European Council on Foreign Relations. September 25, 2018. URL: https://ecfr.eu/publication/halting_ambition_eu_migration_and_security_policy_in_the_sahel/#a2 (accessed: 21.07.2022).

⁴⁸ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European's Union Foreign and Security Policy // European External Action Service. June 2016. P. 36. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (accessed: 21.07.2022).

⁴⁹ Annual Report on the Sahel Regional Action Plan // Council of the European Union. December 23, 2016. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5009-2017-INIT/en/pdf> (accessed: 21.07.2022).

⁵⁰ Biscop S. The EU Global Strategy: Realpolitik with European Characteristics // Egmont Security Policy Briefs, June 2016. URL: <https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2016/06/SPB75.pdf?type=pdf> (accessed: 21.07.2022).

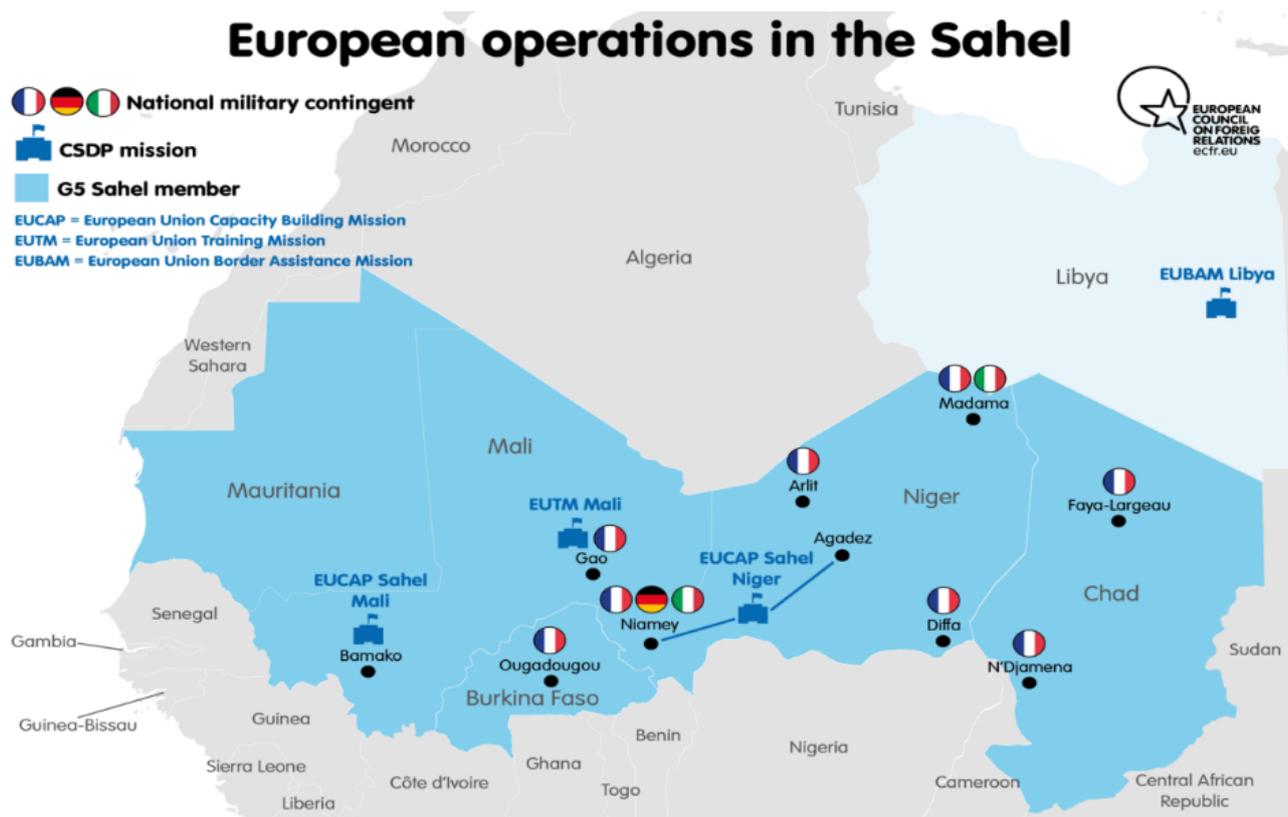


Рис. 6. Европейские операции в Сахеле

Источник: Lebovich A. Halting Ambition: EU Migration and Security Policy in the Sahel // European Council on Foreign Relations. September 25, 2018. URL: https://ecfr.eu/publication/halting_ambition_eu_migration_and_security_policy_in_the_sahel/#a2 (accessed: 21.07.2022).

Однако важно отметить возможный выход Европейского союза (а именно EUTM Mali) из Мали⁵¹. Перечисленные три задачи ОПБО в регионе были адаптированы с учетом новых приоритетов ЕС⁵² в рамках более широкой трансформации подобных задач (Venturi, 2019).

В контексте партнерства Африки и ЕС в апреле 2016 г. Европейская комиссия приняла решение о финансировании в размере 50 млн евро из Африканского фонда мира (АФМ) Многонациональной совместной целевой группы Комиссии по бассейну озера Чад для борьбы с «Бoko Харам»⁵³. Это решение было

поддержано Советом мира и безопасности Африканского союза (АС). С целью преодоления «кризиса беженцев» ЕС переформатировал *EUCAP Sahel Niger* под задачу по ограничению миграционных потоков (Davitti & Ursu, 2018). Операции EUCAP в Сахеле сосредоточены на миграции и укреплении пограничной безопасности Нигера, а также повышении эффективности работы полиции⁵⁴.

ЕС потратил миллионы евро на стратегию развития и безопасности в Сахеле; например, 147 млн евро было потрачено на

⁵¹ Tull D. M. Calling Time on the EU Mission to Mali // *Internationale Politik Quarterly*. May 9, 2022. URL: <https://ip-quarterly.com/en/calling-time-eu-mission-mali> (accessed: 21.07.2022).

⁵² Annual Report on the Sahel Regional Action Plan // Council of the European Union. December 23, 2016. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5009-2017-INIT/en/pdf> (accessed: 21.07.2022).

⁵³ Joint Communiqué by Federica Mogherini, EU High Representative and Vice-President; Neven Mimica, EU

Commissioner for International Cooperation and Development; and Smail Chergui, AU Commissioner for peace and security // African Union, Peace and Security Department. August 1, 2016. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/joint-communique-eng.pdf> (accessed: 21.07.2022).

⁵⁴ “The Sahel is a strategic priority for the EU and its member states”: Council adopts conclusions // Council of the EU. May 13, 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/05/13/the-sahel-is-a-strategic-priority-for-the-eu-and-its-member-states-council-adopts-conclusions/> (accessed: 21.07.2022).

финансирование Объединенных сил «Сахельской группы пяти»⁵⁵. В то время как в 2014—2020 гг. государства — члены ЕС предоставили странам Сахеля G5 поддержку в области сотрудничества в целях развития в размере 8 млрд евро, через целевой фонд ЕС для региона было направлено 930 млн евро. Распределение помощи из Европейского фонда развития странам «Группы пяти» в 2014—2020 гг. выглядит следующим образом: 686 млн евро выделено Нигеру, 628 млн евро — Буркина-Фасо, 664 млн евро — Мали, 542 млн евро — Чаду и 160 млн евро — Мавритании⁵⁶.

Заключение

Проведенное исследование позволило проследить динамику угроз безопасности в регионе Сахеля. «Сахельская группа пяти» стала своего рода связующим звеном во взаимодействии государств, имеющих общую границу, в сфере обеспечения региональной безопасности.

Применение теории КРБ способствовало более глубокому пониманию ситуации, сложившейся в области безопасности в зоне Сахеля. Общие угрозы, взаимосвязь и взаимозависимость процессов в этой сфере указывают на необходимость более широкого, коллективного подхода к противостоянию возникающим вызовам. Региональный характер угроз безопасности доказывает, что географическая близость является одним из основных факторов, способствующих взаимодействию в области безопасности, а безопасность каждого государства неотделима от безопасности соседей. Несмотря на всю важность ТКРБ, следует отметить, что с ростом региональной нестабильности, международного терроризма и других угроз безопасность региона не ограничивается исключительно региональными комплексами.

⁵⁵ “The Sahel is a strategic priority for the EU and its member states”: Council adopts conclusions // Council of the EU. May 13, 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/05/13/the-sahel-is-a-strategic-priority-for-the-eu-and-its-member-states-council-adopts-conclusions/> (accessed: 21.07.2022).

⁵⁶ Ibid.

Как общие, так и конкурирующие интересы могут создать условия для формирования более широкой региональной инициативы в области безопасности, которая объединит борьбу с общей угрозой, например с терроризмом. В этом случае обеспечение безопасности в Сахеле может рассматриваться как взаимный интерес государств-соседей.

В статье рассмотрено присутствие таких акторов, как США, Франция и ЕС в Сахельском регионе и их влияние на динамику безопасности. Эти державы способны в значительной степени преодолевать логику географии и взаимозависимости в сфере безопасности. Международное военное присутствие, вероятно, предотвратит захват территории повстанцами или террористическими группами. Однако необходимо подчеркнуть, что рост присутствия внешнего военного контингента не обусловил снижение угрозы терроризма и уровня нестабильности в регионе. Риск иностранного военного вмешательства заключается в том, что оно может продлить существующее положение вещей.

Что касается «дружественных» и «недружественных» отношений в контексте ТКРБ, то «модели мира и вражды» между государствами (Буркина-Фасо, Мали и Нигером) дают основание для оценки самого существования комплекса региональной безопасности. По мнению авторов, причиной обострения отношений между Мали и Францией с последующей просьбой к Франции покинуть Мали, а также причиной выхода Мали из сил безопасности «Сахельской группы пяти» и из сотрудничества по борьбе с торговлей людьми, терроризмом и т. д., несмотря на общие проблемы, разделяемые Буркина-Фасо, Нигером и Мали, стало «недружественное» поведение. «Вражда», согласно Б. Бузану, обозначает межгосударственные отношения, обусловленные подозрительностью и страхом. В связи с этим возникает вопрос: является ли причиной выхода Мали из формирования сил безопасности и сотрудничества «Сахельской группы» страх перед возможно недружественным отношением Франции?

ТКРБ позволяет вести научный дискурс по проблемам безопасности внутри некоего регионального комплекса, делая выводы, связанные с противостоянием и устранением угроз региональной безопасности. Таким

образом, наше исследование позволяет не только осознать возникающие риски в Сахеле и проследить их динамику, но и перевести теорию КРБ в эмпирическую плоскость.

Поступила в редакцию / Received: 21.11.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 02.06.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Трунов Ф. О. Постколониальный французский Сахель: стратегическое проникновение ФРГ // Политическая наука. 2022. № 1. С. 205—223. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.01.09>
- Филиппов В. П. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 402—415. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415>
- Assanvo W., Dakono B., Théroux-Bénoni L.-A., Maïga I. Violent Extremism, Organised Crime and Local Conflicts in Liptako-Gourma // ISS West Africa Report. 2019. No. 26. P. 1—24. URL: <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war-26-eng.pdf> (accessed: 21.07.2022).
- Bianculli A. C., Bradley M., Kissack R., Triviño-Salazar J. C. Security — Migration Nexus // GLOBE — The European Union and the Future of Global Governance. 2021. P. 1—82. URL: https://www.globe-project.eu/security-migration-nexus_11426.pdf (accessed: 21.07.2022).
- Bisson L. When Pandemic Meets Poverty: Pandemonium for Pastoralists in the Sahel // CRU Policy Brief. 2020. P. 1—8. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2020-07/PB_When_pandemic_meets_poverty.pdf (accessed: 21.07.2022).
- Brottem L., McDonnell A. Pastoralism and Conflict in the Sudano-Sahel: A Review of the Literature // Search for Common Ground. 2020. P. 1—46. URL: https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2020/08/Pastoralism_and_Conflict_in_the_Sudano-Sahel_Jul_2020.pdf (accessed: 21.07.2022).
- Burgess S. Regional Security Complexes and African Foreign Policies // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2021. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2847145/regional-security-complexes-and-african-foreign-policies/> (accessed: 21.07.2022).
- Busch G. K. The Logistics of the War in the Sahel // Stability: International Journal of Security and Development. 2013. Vol. 2, no. 2. P. 1—1. URL: <https://www.stabilityjournal.org/articles/10.5334/sta.bh/> (accessed: 21.07.2022).
- Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. London : Harvester Wheatsheaf, 1983.
- Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. 2nd edition. London : Harvester Wheatsheaf, 1991.
- Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Charbonneau B. France and the New Imperialism. Security Policy in Sub-Saharan Africa. London : Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315582948>
- Da Silva I. C. Southern Africa Regional Security Complex: The Emergence of Bipolarity? // AISA Occasional Paper. 2012. No. 15. P. 1—50. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/169932/CASTELLANO-2012-AISA-Southern_Africa_RSC.pdf (accessed: 21.07.2022).
- Davitti D., Ursu A.-E. Why Securitising the Sahel Will Not Stop Migration // FMU Policy Brief. 2018. No. 2. P. 1—5. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2018-01/PB_Why_securing_Sahel_won%27t_stop_migration.pdf (accessed: 21.07.2022).
- Giroux J., Lanz D., Sguaitamatti D. The Tormented Triangle: The Regionalisation of Conflict in Sudan, Chad and the Central African Republic // Crisis States Working Paper. 2009. No. 47. P. 1—26. URL: <https://reliefweb.int/report/sudan/tormented-triangle-regionalisation-conflict-sudan-chad-and-central-african-republic> (accessed: 21.07.2022).

- Idahosa S. O., Abiodun Bakare I.* Conceptualisation of Regional Instability in Sahel: Modelling ABM — AfriLand-Rebel Approach // *Journal of Contemporary African Studies*. 2022. Vol. 40, no. 2. P. 190—205. <https://doi.org/10.1080/02589001.2020.1796946>
- Idahosa S. O., Degterev D. A., Abidoye R. O.* Strategic Fight Against Terrorism: A Narrative of Its Implication in the Sahel Region // *International Journal of Engineering & Technology*. 2018. Vol. 7, no. 4.38. P. 727—731. <https://doi.org/10.14419/ijet.v7i4.38.25774>
- Jefferson A. W.* Liptako Speaks: History from Oral Tradition in Africa. By Paul Irwin. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981. 250 pp. Hardbound, \$18.50 // *The Oral History Review*. 1982. Vol. 10, no. 1. P. 172—174. <https://doi.org/10.1093/ohr/10.1.172>
- Kahrs T.* Regional Security Complex Theory and Chinese Policy towards North Korea // *East Asia*. 2004. Vol. 21, no. 4. P. 64—82. <https://doi.org/10.1007/s12140-004-0004-0>
- Makpah O. J., Idahosa S. O.* The Dilemma of Recurrent Insurgency the Security Situation in Nigeria: Boko Haram in Perspective // *Sovremennaja Nauchnaja Mysl*. 2021. No. 3. P. 126—139.
- McGregor A.* The Fulani Crisis: Communal Violence and Radicalization in the Sahel // *CTC Sentinel*. 2017. Vol. 10, no. 2. P. 34—42. URL: <https://ctc.usma.edu/the-fulani-crisis-communal-violence-and-radicalization-in-the-sahel/> (accessed: 21.07.2022).
- Osland K. M., Erstad H. U.* The Fragility Dilemma and Divergent Security Complexes in the Sahel // *The International Spectator*. 2020. Vol. 55, no. 4. P. 18—36. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1833474>
- Reynolds J. D. A.* An Empirical Application of Regional Security Complex Theory: The Securitization Discourse in China's Relations with Central Asia and Russia [thesis]. Budapest : Central European University, 2009. URL: https://www.etd.ceu.edu/2009/reynolds_julius.pdf (accessed: 21.07.2022).
- Roehrs P.* Weak States and Implications for Regional Security: A Case Study of Georgian Instability and Caspian Regional Insecurity // *RIEAS Research Paper*. 2005. No. 97. P. 1—57. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/31842/rieas097.pdf> (accessed: 21.07.2022).
- Schmidthäussler N., Niemann A.* The Logic of EU Policy-Making on (Irregular) Migration: Securitisation or Risk? // *Mainz Papers on International and European Politics (MPIEP)*. 2014. No. 1. P. 1—35. URL: <https://international.politics.uni-mainz.de/files/2014/07/mpiep06.pdf> (accessed: 21.07.2022).
- Sour L.* Strategy of Securitization in African Sahel: Regional Arrangements and Transnational Security Challenges // *International Journal of Political Science*. 2015. Vol. 1, no. 2. P. 6—18.
- Stivachtis Y. A.* Introduction // *Conflict and Diplomacy in the Middle East. External Actors and Regional Rivalries* / ed. by Y. A. Stivachtis. Bristol : E-International Relations, 2018. P. 1—15. URL: <https://www.e-ir.info/publication/conflict-and-diplomacy-in-the-middle-east-external-actors-and-regional-rivalries/> (accessed: 21.07.2022).
- Tafotie J. R., Idahosa S. O.* Conflicts in Africa and Major Powers: Proxy Wars, Zones of Influence or Provocative Instability // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2016. Vol. 16, no. 3. P. 451—460.
- Venturi B.* An EU Integrated Approach in the Sahel: The Role for Governance // *Governance and Security in the Sahel: Tackling Mobility, Demography and Climate Change* / ed. by B. Venturi. Rome : Foundation for European Progressive Studies / Istituto Affari Internazionali, 2019. P. 101—124. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788833652054.pdf> (accessed: 21.07.2022).
- Wæver O.* Aberystwyth, Paris, Copenhagen: The Europeaness of New “Schools” of Security Theory in an American Field // *Thinking International Relations Differently* / ed. by A. Tickner, D. L. Blaney. London : Routledge, 2012. P. 48—71.
- Walsh B.* Revisiting Regional Security Complex Theory in Africa: Museveni's Uganda and Regional Security in East Africa // *African Security*. 2020. Vol. 13, no. 4. P. 300—324. <https://doi.org/10.1080/19392206.2021.1873507>

Сведения об авторах: *Идахоса Стефан Осахерумвен* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9085-0070; e-mail: idahosa8@gmail.com

Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8617-3508; e-mail: savicheva-em@rudn.ru

Ихидеро Соломон Айджевайнен — доктор наук, преподаватель кафедры религиозного управления и культурологии Университета Эмброуза Алли, Экпома, Нигерия; ORCID: 0000-0002-5375-4952; e-mail: solomonikhidero@yahoo.com

Адебайо Кафилат Мотунрайо — кандидат исторических наук, независимый исследователь; ORCID: 0000-0002-6080-4276; e-mail: adebayokafilat1@gmail.com

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104

EDN: VCNXUU

Научная статья / Research article

Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа

О.С. Чикризова  , Н.В. Ивкина Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Актуальность исследуемой темы обусловлена не ослабевающим уже в течение ряда лет интересом международного сообщества к борьбе за лидерство между Ираном и Королевством Саудовская Аравия (КСА), развернувшейся на Ближнем Востоке. Растущие опасения КСА и ее геополитических союзников в лице США и малых аравийских монархий, связанные с усиливающимся влиянием Ирана на военно-политическую обстановку в Сирии и Ираке, воскресили в международном дискурсе вопрос о реальности или невозможности создания так называемого «шиитского полумесяца» под эгидой Тегерана. Идея заключается в объединении государств Ближнего и Среднего Востока, в которых мусульмане-шииты составляют подавляющее большинство или значительное меньшинство населения, что позволило бы обеспечить Ирану решительную победу в гонке за доминирование в регионе. Однако до сих пор вне поля зрения исследователей оставался вопрос количественной оценки реальных ресурсов государств, включаемых в состав «шиитского полумесяца». В этой связи целью исследования является доказательство отсутствия экономических и военно-политических предпосылок для формирования «шиитского полумесяца» посредством использования метода количественных показателей с привлечением баз данных, рейтингов и индексов и сетевого анализа поставок обычных вооружений внутри «суннитского» и «шиитского» блоков государств. Эмпирически исследование опирается на базы данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Регистра обычных вооружений ООН, Стокгольмского института мира (SIPRI), рейтинги Doing Business, Human Capital, Global Firepower и др. Теоретико-методологической базой исследования послужил конструктивный реализм, учитывающий как количественные показатели, так и идеологические и ценностные установки государства при анализе международных отношений. Исследование показало, что «шиитский полумесяц» является сугубо пропагандистским конструктом, который не может стать реальным межгосударственным объединением.

Ключевые слова: шиитский полумесяц, суннитские государства, Иран, экономические показатели, военный потенциал, количественный анализ, Ближний Восток

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы благодарят анонимных рецензентов за высказанные замечания, позволившие существенно улучшить содержание исследования.

© Чикризова О.С., Ивкина Н.В., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Чикризова О. С., Ивкина Н. В. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 88—104. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104>

The Problem of the “Shi’a Crescent” in the Middle East: A Quantitative Analysis

Olga S. Chikrizova  , Natalia V. Ivkina 

Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The relevance of this research is due to the unabated interest of the international community in the struggle for regional leadership between Iran and the Kingdom of Saudi Arabia (KSA), which has unfolded in the Middle East for a number of years. The growing concerns of the KSA and its geopolitical allies, the United States and the small Arabian monarchies, related to the increasing influence of Iran on the military-political situation in Syria and Iraq, have raised in international discourse the question of the reality or impossibility of creating the so-called “Shi’a crescent” under the auspices of Tehran. The idea is to unite the states of the Middle East, in which Shi’a Muslims constitute the vast majority or a significant minority of the population, which would ensure Iran’s decisive victory in the race for dominance in the region. However, until now, the question of a quantitative assessment of the real resources of the states included in the “Shi’a crescent” has so far remained out of researchers’ sight. In this regard, the aim of this article is to prove the absence of economic and military-political prerequisites for the formation of the “Shi’a crescent” by using the method of quantitative indicators from databases, rankings and indices and a network analysis of conventional arms supplies within the “Sunni” and “Shi’a” blocs. The databases of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD), the World Trade Organization (WTO), the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), the United Nations Register of Conventional Arms, the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), Doing Business, Human Capital, Global Firepower, Global Terrorism, and Global Peace rankings, as well as World Bank statistical reports served as an empirical basis for the research. The theoretical and methodological basis of the study was constructive realism, which takes into account both quantitative indicators and the ideological and value attitudes of the state in the analysis of international relations. The study showed that the “Shi’a crescent” is a purely propaganda construct, and cannot become a real interstate association.

Key words: Shi’a crescent, Sunni states, Iran, economic indicators, military potential, quantitative analysis, Middle East

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The authors thank the anonymous reviewers for their comments, which allowed to significantly improve the content of the study.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Chikrizova, O. S., & Ivkina, N. V. (2023). The problem of the “Shi’a crescent” in the Middle East: A quantitative analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 88—104. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-88-104>

Введение

В последние годы тема формирования «шиитской дуги», или «шиитского полумесяца», контролируемого Тегераном и призванного якобы дестабилизировать как страны

Запада, так и их суннитских союзников в арабском мире, стала очень актуальной и обострилась почти до неистовства. Это связано с продолжающейся политической нестабильностью в Ливане и Ираке, гражданской

войной в Сирии, ростом шиитского политического активизма в странах Персидского залива и неспадающей напряженностью вокруг Ирана. Однако насколько опасения суннитской части «мира ислама» обоснованы? Действительно ли так называемый «шиитский полумесяц» является реальностью современной мировой политики? Или мы наблюдаем очередную аргумент в антииранской полемике, не имеющий под собой реальных оснований?

Рост антишиитских настроений в регионе Ближнего и Среднего Востока спровоцирован все более возрастающим влиянием шиитов в различных странах региона, в частности в Ираке, что проявляется как на правительственном уровне, так и на уровне нетрадиционных акторов. Речь идет о шиитских негосударственных вооруженных организациях, которые проявили себя в борьбе против ДАИШ (ИГИЛ, ИГ, «Исламское государство»)¹ и других террористических группировок².

Еще одним фактором, способствующим росту влияния шиитов на Ближнем и Среднем Востоке, является приверженность Ирана своему традиционному внешнеполитическому курсу, которому свойственны независимость от конъюнктурных изменений международной обстановки и каких-либо партнерских обязательств, к которым неизменно приводит членство в военно-политических блоках, а также следование собственным непреложным принципам, базирующимся на шиитском исламском менталитете.

Также следует подчеркнуть, что в суннитском мире опасения вызывает непрекращающийся рост шиитского активизма, что обусловлено, помимо прочего, активным развитием шиитской политической мысли и возрастающей активностью шиитских политических партий и движений.

Понятие «шиитская дуга», впервые использованное саудовским клириком Сефром аль-Хавали в 1992 г., а затем подхваченное королем Иордании Абдаллой II в 2004 г. (то есть суннитской стороной)³, достаточно часто

появляется в публицистических статьях, а также в серьезных научных публикациях российских (Куршаков, 2012; Пуховая, 2013; Дружиловский, 2016; Сарабьев, 2019; Хазанов, Гасратян, 2021; Шумилин, 2021; Комлева, 2022) и зарубежных (Thual, 2007; Pahlavi, 2008; Nisan, 2009; Louër, 2009; 2019, pp. 98—99; Mabon, 2019; Balanche, 2021) авторов. Тема «шиитского полумесяца» основывается на грубой констатации географической непрерывности территории проживания шиитов: от севера Индии и Пакистана⁴ через Афганистан к Ирану, югу Ирака, Сирии и Ливану. Речь также идет об угрозах производству и движению ближневосточных углеводородов, поскольку многие из шиитских общин проживают непосредственно вблизи месторождений, на которых добываются и с которых транспортируются углеводороды в страны Запада.

Большинство исследователей ищут «шиитский фактор» во внешней политике Исламской Республики Иран, вспоминая, что после Исламской революции 1978—1979 гг. Тегеран сделал основой своей деятельности на международной арене «экспорт» революции в государства «мира ислама» (Mervin, 2007). Однако мало кто упоминает тот факт, что в выступлениях, заявлениях и трудах идеолога иранской революции аятоллы Р.М. Хомейни никогда не говорилось о ее шиитском характере. Напротив, он всегда акцентировал

Religious State // Washington Post. December 8, 2004. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A43980-2004Dec7.html> (accessed: 14.08.2021).

⁴ В Индии, как и в Пакистане, шииты составляют 15—20 % мусульманского населения страны, что делает их одним из значительных конфессиональных меньшинств в данных странах. См.: Mapping the Global Muslim Population // Pew Research Center. October 7, 2009. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (accessed: 10.05.2022); Pakistan 2021 International Religious Freedom Report // U.S. Department of State. 2022. P. 4. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/PAKISTAN-2021-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf> (accessed: 10.05.2022). Указанные государства также сталкиваются с суннито-шиитским противостоянием во внутренней политике, а также оказываются вовлеченными в глобальное суннито-шиитское противостояние. Однако данный вопрос выходит за рамки нашего исследования.

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

² Подробнее см.: (Чикризова, 2021).

³ Wright R., Baker P. Iraq, Jordan See Threat to Election from Iran: Leaders Warn against Forming

внимание на общеисламском содержании революции, стремясь убедить всю мусульманскую умму в следующем: несмотря на то, что первая в истории исламская революция была осуществлена силами шиитов, провозглашенное в Иране государство является именно «исламским» в том смысле, который вкладывают в это слово все мусульмане⁵, независимо от течения или мазхаба.

Авторы выявили недостаток исследований, анализирующих ресурсный потенциал шиитских государств, которые принято включать в «шиитский полумесяц». Следовательно, большинство выводов о реальности или эфемерности «шиитского полумесяца» в мировой политике представляются недостаточно обоснованными, поскольку не подтверждаются количественными данными. Представленное исследование призвано заполнить эту лакуну.

Теоретическое и методологическое обоснование исследования

В условиях неопределенности существования «шиитского полумесяца», а также при наличии сложных и противоречивых тенденций на Ближнем Востоке определенный интерес представляют взгляды исследователей, рассматривающих систему международных отношений как совокупность действий акторов, характеризующихся непредсказуемым поведением. Такие взгляды присущи одному из направлений реалистической парадигмы — конструктивному реализму. В отличие от классиков, конструктивный реализм упор делает не только на экономические, политические и военные показатели стран, но и качественный анализ измерения роли идеологии (Lobell, 2017), религии, национальной идентичности (в значении системы государственных идей) посредством исследования зависимых и независимых переменных (Barkin, 2010; Donnelly, 2008). В качестве таких переменных могут выступать государственные

интересы, экономические и инвестиционные показатели, система ценностей и др. Сочетание количественных и качественных показателей потенциала стран «шиитского блока» позволяет оценить перспективу появления «шиитского полумесяца».

Методология, используемая конструктивными реалистами, базируется на индуктивной теории, основанной на исследовании культурной или иной ценностно-ориентированной идентичности. При этом перед авторами стоит инверсионная задача: доказать, что страны, составляющие ядро «шиитского полумесяца», несмотря на наличие общих взглядов на религиозный фактор, не имеют реальных внутри- и внешнеполитических ресурсов для противостояния суннитскому блоку государств. В качестве задач исследования выступает не только изучение потенциала шиитских стран, но и поиск доказательств наличия или отсутствия внутриблоковых связей.

Новизна исследования заключается в том, что для оценки потенциала стран «шиитского полумесяца» за основу были взяты данные, полученные из рейтингов и индексов. Так называемая рейтинговая сила (*charts power*) дает возможность сформировать верифицированную систему взглядов на потенциал рассматриваемых государств в силу того, что ряд стран Ближнего Востока не публикуют в открытых источниках данные о своем экономическом и военном потенциале. Кроме того, именно с помощью рейтингов и индексов можно анализировать поведение государства, производить системный мониторинг и, получив числовые показатели, ранжировать группы стран для сравнения (Kelley & Simmons, 2015, p. 55).

Исследование разделено на два взаимозависимых блока. Первый блок представлен базами данных, в которых отражены показатели ВВП, динамика экспорта и импорта товаров, объем внешнего долга, объемы добычи нефти стран так называемого «шиитского полумесяца» и суннитской группы стран. С помощью метода сравнения оценивается потенциал каждой группы и выявляются возможные конкурентные преимущества. Второй блок представлен рейтингами / индексами,

⁵ См.: Хомейни Р. М. Исламское правление. Алматы : Атамура, 1993; Imam Khomeini's Last Will and Testament. 1989. URL: <https://www.al-islam.org/printpdf/book/export/html/39086> (accessed: 01.02.2021).

в основе своей ранжирующими страны мира по тому или иному принципу. Для сравнительного анализа выбраны экономические рейтинги и индексы безопасности. С их помощью предполагается оценить совокупное место стран «шиитского полумесяца» и суннитского блока в мировой экономической системе и системе безопасности.

Обоснование «шиитского блока» государств

Отбор государств для «шиитского блока» представлял довольно сложную задачу, поскольку в мире существует лишь несколько государств с подавляющим большинством шиитского населения, однако далеко не все эти страны стремятся подчеркивать свою конфессиональную идентичность на международной арене. В этой связи по ходу исследования по ряду государств будут сделаны оговорки.

Включение в государства «шиитского блока» таких государств, как Иран (90—95 % шиитов), Ливан (45—55 % шиитов) и Сирия (15—20 % шиитов)⁶, обусловлено тем, что большинство авторов, рассуждающих о «шиитском полумесяце», включают в него именно указанные страны по причине тесных отношений между политическим руководством этих государств, а также доминированием там мусульман-шиитов во всех странах, кроме Сирии, где алавиты (одно из ответвлений шиизма) являются этноконфессиональным меньшинством, однако в правительстве и вооруженных силах в настоящее время доминируют именно алавиты.

Также в «шиитский блок» вошли государства, где большинство населения составляют шииты — Ирак (45—55 %) и Бахрейн (65—75 %)⁷. Более того, Ирак можно назвать центром шиитского ислама, так как именно на иракской территории находятся две

⁶ Lipka M. The Sunni-Shia Divide: Where They Live, What They Believe and How They View Each Other // Pew Research Center. June 18, 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/06/18/the-sunni-shia-divide-where-they-live-what-they-believe-and-how-they-view-each-other/> (accessed: 02.02.2021).

⁷ Ibid.

главные святыни для шиитов — города Кербела и Неджеф; в этих же городах сложились авторитетные школы шиитского богословия.

Включение Йемена (35—40 % шиитов⁸) в блок шиитских государств обусловлено тем, что в академической и политической среде широко распространено мнение, что Тегеран оказывает поддержку йеменскому политическому движению хуситов «Ансар Аллах» (Bröning, 2008; Itzhakov, 2018), состоящему из шиитов-зейдитов⁹. При этом обвинения в адрес Тегерана не подкрепляются убедительными фактами и документальными свидетельствами. В этой связи одной из второстепенных задач данного исследования будет поиск доказательств или опровержений связи Ирана с йеменскими хуситами.

Обоснование «суннитского блока» государств

Учитывая тот факт, что количество государств, где сунниты составляют большинство населения, значительно больше, чем стран с шиитским большинством, авторы были вынуждены определиться с составом «суннитского блока», исключив из его состава ряд государств, имеющих солидный вес в «мире ислама» (например, Кувейт и Иорданию). Это было необходимо для того, чтобы блоки были сопоставимы по количеству государств. В противном случае перевес «суннитского блока» объяснялся бы простым демографическим доминированием суннитов в мире, что делало бы сравнительный анализ двух блоков нерелевантным.

Для блока суннитских государств нами были отобраны страны, входящие в так называемую «суннитскую НАТО» (очередной симулякр, анализ которого, правда, выходит за рамки данного исследования) и активно противодействующие в Йемене зейдитскому

⁸ Mapping the Global Muslim Population // Pew Research Center. October 7, 2009. URL: <https://www.pewforum.org/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/> (accessed: 02.02.2021).

⁹ Зейдизм (аз-зайдийа) — общее название религиозно-политических группировок, признавших имамат Зайда ибн Али, наиболее умеренная ветвь шиизма. Выделилось в 30-е гг. VIII в.

движению «Ансар Аллах». Такой выбор обусловлен антишиитской направленностью коалиции стран, выступающих в Йемене под руководством Саудовской Аравии. В частности, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар и Египет были включены в блок суннитских государств на том основании, что указанные государства принимали активное участие в операциях «Буря решимости» и «Возрождение надежды» в ходе вторжения в Йемен с целью свержения власти хуситов.

Пакистан, заявивший о своей поддержке данных операций и заинтересованности играть роль посредника в урегулировании йеменского кризиса, включен в данный блок также на том основании, что, согласно Конституции (1973), ислам является государственной религией Исламской Республики Пакистан (ст. 2)¹⁰. Это проявляется во внешней политике в стремлении Исламабада утвердиться в качестве одного из лидеров «мира ислама». Большинство экспертов по Пакистану отмечают, что ислам занимает центральное место в «идеологическом мировоззрении» Исламабада¹¹, ставя вопросы исламской солидарности, содействия сохранению единства мусульманской уммы ключевыми для внешней политики Пакистана. Исламабад активно сотрудничает с суннитскими странами, особенно Саудовской Аравией, по вопросам безопасности; именно пакистанский генерал Рахиль Шариф возглавил Исламский военный альянс по борьбе с терроризмом (*The Islamic Military Alliance to Fight Terrorism*, IMAFT), созданный в 2017 г. по инициативе Королевства Саудовская Аравия¹². Таким

¹⁰ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. 1973 // Law & Justice Commission of Pakistan. URL: <http://www.ljcp.gov.pk/Menu%20Items/1973%20Constitution/constitution.htm> (accessed: 10.05.2022).

¹¹ См., например: Karim U. Pakistan's Foreign Policy Outlook: Islamic Solidarity and the Uyghur Question // RUSI. June 8, 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/pakistans-foreign-policy-outlook-islamic-solidarity-and-uyghur-question> (accessed: 10.05.2022).

¹² Kapila S. 'Sunni Muslim NATO Alliance' 2017 Commanded by Former Pak Army Chief Reviewed // Indian Defence Review. May 15, 2017. URL: [http://www.indiandefencereview.com/sunni-muslim-nato-](http://www.indiandefencereview.com/sunni-muslim-nato-alliance-2017-commanded-by-former-pak-army-chief-reviewed/)

образом, Пакистан очень органично вписывается в дизайн нашего исследования.

Арабская Республика Египет (АРЕ) традиционно является одним из ведущих и мощнейших государств Ближнего Востока и Северной Африки, его нередко именуют «головой арабского мира». После контрреволюции 2013 г., в ходе которой был свергнут режим М. Мурси и ассоциации «Братья-мусульмане»¹³, Египет во главе с президентом А. ас-Сиси приступил к реализации задачи по возрождению былого могущества страны на региональной арене, что и послужило импульсом для все более широкого вовлечения АРЕ в борьбу за доминирование на Ближнем Востоке и контртеррористическую деятельность. Делая ставку на партнерство со странами Запада и их сателлитами в Ближневосточном регионе, Египет естественным образом оказался участником антихуситской коалиции.

Королевство Марокко, в свою очередь, называют «витриной Запада» в Северной Африке за тесные связи с США, Францией и другими европейскими государствами. Кроме того, в последние годы Марокко активизировало деятельность по имплементации концепции «духовной безопасности», которая строится на защите «„доктринального единства“ марокканского ислама», которому, в свою очередь, угрожает рост влияния шиитского политического активизма в Королевстве (Чикризова, Морозова, 2020). Это дает нам основание включить Марокко в состав «суннитского блока» государств.

Объединенные Арабские Эмираты в исследовательской литературе последнее время все чаще позиционируются как набирающий силу лидер Ближневосточного региона. Если экономический потенциал страны не вызывает сомнений, то о росте политических амбиций ОАЭ свидетельствует возрастающая активность государства в региональных процессах, таких как сирийский кризис, гражданская война в Йемене, а также дипломатическая

[alliance-2017-commanded-by-former-pak-army-chief-reviewed/](http://www.indiandefencereview.com/sunni-muslim-nato-alliance-2017-commanded-by-former-pak-army-chief-reviewed/) (accessed: 12.01.2023).

¹³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

блокада Катара (2017 г.). Кроме того, включение ОАЭ в блок суннитских стран может быть обосновано также тем, что у этого арабийского государства существует давний территориальный спор с Исламской Республикой Иран за острова Абу Муса, Большой и Малый Томб, принадлежность которых Арабским Эмиратам оспаривается Тегераном.

Включение в состав суннитского блока Турции обусловлено тем, что она активно вовлечена в борьбу за региональное лидерство против Ирана и Саудовской Аравии, о чем свидетельствует активное вмешательство Анкары в сирийский кризис и гражданскую войну в Ливии. Существует мнение о том, что начало процесса сплочения шиитов вокруг Ирана положил сирийский кризис, который был воспринят шиитами как угроза их существованию (Balanche, 2021).

Кроме того, памятуя о своем недавнем имперском прошлом, Турция нередко апеллирует к тому, что в течение нескольких веков именно османский султан владел титулом халифа исламского мира (точнее, его суннитской части), а в настоящее время Турции успешно удается гармонично сочетать умеренный ислам и демократические принципы в своей политической системе. Это делает турецкую модель привлекательной для многих ближневосточных государств, а исследователям позволяет рассматривать Турцию в качестве неотъемлемой части «суннитского блока».

Разумеется, авторы не утверждают, что «суннитская НАТО» существует; более того, целесообразно указать на наличие многочисленных проблем в двусторонних отношениях некоторых стран, включенных в этой статье в «суннитский блок» (главным образом речь идет о саудовско-катарских, саудовско-турецких, турецко-египетских противоречиях). Не является для нас секретом и взаимодействие некоторых суннитских стран с государствами, включенными в «шиитский блок» (экономические контакты ОАЭ и Ирана, взаимодействие Турции и Ирана по сирийскому кризису). Однако в задачи авторов не входил поиск ответа на вопрос, существует ли альянс суннитских государств как единый актер

мировой политики, поскольку это требует отдельного исследования. Тем не менее в рамках данной статьи будут сделаны некоторые выводы, которые могут послужить основанием для дальнейших научных изысканий по проблеме «суннитской НАТО» с использованием методологии и инструментария, примененных для оценки возможности / невозможности создания «шиитского полумесяца».

Экономические и военные показатели «шиитского» и «суннитского» блоков

Для того чтобы доказать или опровергнуть существование «шиитского блока», необходимо определить совокупный потенциал стран, включаемых в «шиитский полумесяц», и уточнить возможность их совокупной конкуренции с «суннитским блоком». В связи с этим можно использовать материалы, статистические показатели баз данных Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также показатели Всемирного банка и др. (табл. 1 и 2).

Опираясь на материалы баз данных, можно сделать следующие промежуточные выводы.

Совокупный потенциал суннитских стран по уровню ВВП в 2 раза превышает аналогичный показатель «шиитского блока». При этом и внешний долг «суннитского блока» больше, так же как и экспортно-импортные показатели, что свидетельствует об их большей вовлеченности в мировую экономику. Это подтверждает теоретический тезис конструктивного реализма о том, что наличие прочных связей между отдельными государственными единицами увеличивает потенциал их вовлеченности в отдельные экономические системы.

Исходя из данных табл. 2 по внешнеторговым партнерам стран «шиитского» и «суннитского» блоков, видно, что суннитские страны более открыты к взаимодействию с сильнейшими экономиками мира, а также не исключают сотрудничества и со странами противоположного лагеря.

Таблица 1

Сравнительные показатели экономического потенциала «суннитского» и «шиитского» блоков в 2021 г.

| Страна | ВВП, млн долл. США | Общая сумма внешнего долга, млн долл. США | Производство нефти, млн т | Экспорт товаров, млн долл. США | Импорт товаров, млн долл. США |
|--------------------------|--------------------|---|---------------------------|--------------------------------|-------------------------------|
| «Суннитский блок» | | | | | |
| Марокко | 130 255 | 65,414 | н/д | 35 843 | 58 034 |
| ОАЭ | 418 279 | 237,6* | 164,4 | 425 160 | 347 529 |
| КСА | 830 325 | 205,1* | 515,0 | 276 179 | 152 850 |
| Катар | 185 666 | 167,8* | 73,3 | 87 203 | 27 985 |
| Турция | 808 338 | 435,451 | н/д | 225 218 | 271 426 |
| Египет | 405 911 | 143,246 | 29,6 | 43 626 | 83 503 |
| Пакистан | 293 935 | 130,433 | н/д | 28 319 | 72 515 |
| Итого | 3 072 709 | 1 385,044 | 782,3 | 1 121 548 | 941 327 |
| «Шиитский блок» | | | | | |
| ИРИ | 1 410 912 | 10,349 | 167,7 | 71 646 | 48 978 |
| Ливан | н/д | 66,893 | н/д | 4 590 | 13 857 |
| Сирия | н/д | 5,029 | 4,6 | 739 | 6 463 |
| Ирак | 202 449 | 25,263 | 200,8 | 86 298 | 66 217 |
| Йемен | 33 755 | 7,587 | 2,8 | 662 | 5 204 |
| Бахрейн | 38 313 | 52,15* | н/д | 22 369 | 14 188 |
| Итого | 1 685 429 | 167,271 | 375,9 | 186 304 | 154 907 |

Источник: UNCTADStat Country Profile // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/en-GB/index.html> (accessed: 12.12.2022); International Debt Statistics (IDS) // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/ids> (accessed: 12.12.2022); BP Statistical Review of World Energy 2022 // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 12.12.2022).

* — Отчеты Всемирного банка не содержат данных о внешнем долге ряда стран. В этом случае авторы прибегли к данным CIA World Factbook (2017). URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/> (accessed: 12.12.2022).
Примечание: н/д — нет данных.

Таблица 2

ТОП-5 внешнеторговых партнеров для стран, входящих в «суннитский» и «шиитский» блоки в 2021 г.

| «Суннитский блок» | | | «Шиитский блок» | | |
|-------------------|--|--|-----------------|--|--|
| Страна | ТОП-5 партнеров | Объем экспорта, млн долл. США | Страна | ТОП-5 партнеров | Объем экспорта, млн долл. США |
| Марокко | 1. Испания 2. Франция 3. Индия 4. Бразилия 5. Италия | 8 473 8 153 1 936 1 663 1 652 | Иран | 1. Китай 2. Китай (Тайвань) 3. Ирак 4. Индия 5. Турция | 15 367 8 797 7 631 6 616 5 670 |
| ОАЭ | 1. Индия 2. Китай 3. Япония 4. Ирак 5. КСА | 60 650 40 102 36 690 28 028 23 934 | Ливан | 1. Швейцария + Лихтенштейн 2. ОАЭ 3. КСА 4. Республика Корея 5. Ирак | 860 577 261 195 184 |
| КСА | 1. Китай 2. Индия 3. Япония 4. Республика Корея 5. ОАЭ | 57 591 29 443 29 211 25 261 15 376 | Сирия | 1. Ирак 2. КСА 3. Ливан 4. Турция 5. Алжир | 599 29 24 18 16 |

Окончание табл. 2

| «Суннитский блок» | | | «Шиитский блок» | | |
|-------------------|---|--|-----------------|--|---|
| Страна | ТОП-5 партнеров | Объем экспорта, млн долл. США | Страна | ТОП-5 партнеров | Объем экспорта, млн долл. США |
| Катар | 1. Китай 2. Япония 3. Индия 4. Республика Корея 5. Сингапур | 13 336 11 740 11 590 11 552 5 237 | Ирак | 1. Китай 2. Индия 3. Республика Корея 4. США 5. Греция | 21 630 20 825 6 662 6 464 4 578 |
| Турция | 1. Германия 2. США 3. Великобритания 4. Италия 5. <i>Ирак</i> | 19 311 14 723 13 704 11 474 11 126 | Йемен | 1. Китай 2. Таиланд 3. <i>КСА</i> 4. <i>ОАЭ</i> 5. Австрия | 176 133 67 44 40 |
| Египет | 1. США 2. КСА 3. Индия 4. Италия 5. Турция | 2 813 2 775 2 681 2 475 2 473 | Бахрейн | 1. <i>ОАЭ</i> 2. <i>КСА</i> 3. США 4. Япония 5. Оман | 4 632 3 417 1 711 1 342 884 |
| Пакистан | 1. США 2. Китай 3. Великобритания 4. Германия 5. Нидерланды | 6 077 3 034 2 104 1 564 1 397 | | | |

Примечание. Жирным шрифтом выделены страны-партнеры, входящие в тот же самый блок; курсивом выделены страны-партнеры, входящие в противоположный блок.

Источник: UNCTADStat Country Profile // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/en-GB/index.html> (accessed: 12.12.2022).

При этом государства, также включенные в «суннитский блок», не входят в ТОП-5 внешнеторговых партнеров для всех, кроме Саудовской Аравии, Египта и ОАЭ. Это обусловлено тем, что суннитские страны имеют схожие категории экспортных товаров. Поэтому закономерно, что они поставляют свои товары в государства за пределами региона Ближнего и Среднего Востока.

В рамках системы ценностей суннитские страны объединяет то, что они более открыты для взаимодействия с немусульманскими странами. Это объясняется, в первую очередь, светским характером режимов в подавляющем большинстве суннитских стран, то есть религиозные авторитеты там не оказывают существенного влияния на политику. Более того, в единственном теократическом государстве — Саудовской Аравии — клирики зачастую служат интересам правящего режима, издавая фетвы, содержащие оправдания сотрудничества саудовского государства с немусульманскими странами (Косач, 2013).

В свою очередь, ценности и идеология государств, включенных в «шиитский блок», вследствие самой сути шиитской доктрины должна строиться на концепте справедливости и постулате борьбы против угнетателей (Чикризова, 2017), к коим причисляются, главным образом, страны, реализующие политику неокOLONIALИЗМА. Борьба, таким образом, исключает сотрудничество и тесное взаимодействие с такими странами, что ограничивает круг потенциальных экономических партнеров государств «шиитского блока». Идеология, основанная на шиитском мировоззрении, становится фактором, препятствующим росту вовлеченности государств «шиитского блока» в современную мировую экономику. Однако данные табл. 2 показывают, что ряд стран (Ливан, Ирак и Бахрейн) активно торгуют как со странами Запада (главным образом с США), так и прозападными странами Востока (Японией и Южной Кореей). Это может свидетельствовать либо о нежелании указанных стран ассоциироваться

с «шиитским блоком», либо о стремлении диверсифицировать торгово-экономические контакты. Для уточнения причины необходимы дополнительные данные.

Исходя из вышесказанного, наблюдается прямая зависимость между степенью открытости суннитских стран неисламскому миру и экономическими показателями.

Нефтяной сектор является ключевым в экономике ближневосточных государств. Показатели, полученные при обращении к базе данных ВР, говорят о более низком потенциале экспортного показателя нефти из стран «шиитского блока». Кроме того, невысокие показатели добычи нефти не позволят странам, включаемым в «шиитский полумесяц», наладить систему внутриблоковой торговли углеводородами для того, чтобы обеспечить собственные потребности (как, например, СССР мог обеспечивать энергоресурсами своих сателлитов из числа стран соцблока). Демпингование цен на нефть для союзников было бы непозволительной роскошью для Ирана и Ирака, поскольку тогда бы они лишились серьезных бюджетных поступлений нефтедолларов от продажи «черного золота» в такие страны, как, например, Китай.

В целях оценки военного потенциала государств, включенных в «суннитский» и «шиитский» блоки, авторы проанализировали такие показатели, как общий объем военных расходов, численность вооруженных сил и количество импортных единиц обычных вооружений, используя Регистр обычных вооружений ООН, а также базы данных Стокгольмского института мира (SIPRI) и Global Firepower (табл. 3).

Исходя из полученных данных, можно говорить фактически о пятикратном превышении военных показателей суннитских стран над шиитскими. Это связано как с описанным ранее экономическим превосходством стран «суннитского блока», так и с имеющимися международными ограничениями на поставки различных видов вооружений в государства, включенные в «шиитский блок».

Таблица 3

Сравнительные показатели военного потенциала «суннитского» и «шиитского» блоков в 2004—2023 гг.

| Страна | Общая сумма военных расходов, млн долл. США (2021) | Общая численность вооруженных сил, чел. (2023) | Количество импортных единиц обычных вооружений (2004—2021), ед. |
|--------------------------|--|--|---|
| «Суннитский блок» | | | |
| Марокко | 4997,4 | 375 000 | 1 627 |
| ОАЭ | н/д | 77 000 | 21 103 |
| КСА | 53759,1 | 350 000 | 14 822 |
| Катар | 11265,0 | 86 550 | 1 445 |
| Турция | 16708,8 | 775 000 | 30 094 |
| Египет | 4876,5 | 1 220 000 | 8 099 |
| Пакистан | 10324,5 | 1 704 000 | 14 408 |
| Сумма: | 101 931,3 | 4 587 550 | 91 598 |
| «Шиитский блок» | | | |
| ИРИ | 17574,9 | 1 015 000 | 0* |
| Ливан | н/д | 105 000 | 519 |
| Сирия | н/д | 150 000 | 114 |
| Ирак | 5359,5 | 330 000 | 8 325 |
| Йемен | н/д | 420 000 | 685 |
| Бахрейн | 1367,7 | 133 000 | 1 884 |
| Сумма: | 24 302,1 | 2 153 000 | 11 527 |

Примечание. Обозначение «н/д» в столбце «Общая сумма военных расходов» означает, что по указанным странам данных найти не удалось.

* — С 2004 г. UNROCA не располагает данными о количестве импортных единиц обычных вооружений, получаемых Ираном, поэтому расчет общего количества импортных единиц обычных вооружений в случае с Исламской Республикой Иран не представляется возможным.

Источник: SIPRI Military Expenditure Database // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://milex.sipri.org/sipri> (accessed: 12.12.2022); Global Firepower Nations Index (2023) // Global Firepower. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries.asp> (accessed: 12.01.2023); United Nations Register of Conventional Arms. URL: <https://www.unroca.org> (accessed: 12.12.2022).

Кроме того, внутривнутриполитические противоречия в отдельных шиитских государствах, в частности относительно допустимого уровня взаимодействия с Ираном, негативно отражаются на внутриблоковой консолидации так называемого «шиитского полумесяца», в том числе в вопросе поставок обычных вооружений. Кратко охарактеризуем эти противоречия.

Бахрейн, как уже отмечалось, является государством с шиитским большинством населения, при этом правящая династия страны — Аль Халифа — исповедует суннитский толк ислама. Кроме того, Бахрейн входит в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), является одним из ключевых торгово-экономических партнеров Саудовской Аравии (см. табл. 2). Участие стран ССАГПЗ в подавлении антиправительственных выступлений в Бахрейне в 2011 г., а также просаудовская позиция Манамы в дипломатическом кризисе 2017 г. вокруг Катара свидетельствует о прочных политических связях Бахрейна со своими соседями по Аравийскому полуострову. Также нельзя забывать о том, что Манама имеет проблемы в отношениях с Тегераном, связанные, помимо прочего, с давнишними претензиями последнего на включение территории Бахрейна в состав Иранского государства.

В свете того, что в политических, а также экспертных и академических кругах все чаще звучат опасения относительно распространения влияния Ирана на бахрейнских шиитов, руководство Королевства стремится «спрятать» свою шиитскую идентичность, идя ради этого на радикальные меры. Так, с середины 2000-х гг. в стране реализуется программа по натурализации иностранных резидентов суннитского вероисповедания с целью преодоления «перекоса» демографической ситуации в пользу шиитов (Louÿr, 2012, p. 101).

Что касается Сирии, которая традиционно являлась «сердцем арабского мира» и обладала одной из самых сильных армий региона, то в настоящее время страна пытается преодолеть последствия длительной гражданской войны: инфраструктура разрушена, на территории Сирии еще полностью не искоренены террористические организации, экономика находится в упадке. Об этом свидетельствуют и данные рейтингов, а также то, что в целом ряде рейтингов Сирию просто не смогли оценить. В этой связи говорить о Сирии как о серьезном «элементе» шиитской дуги не представляется возможным.

Ливан — один из «крепких середнячков» блока шиитских государств, как мы можем увидеть в таблицах. При этом, с одной стороны, современный Ливан страдает от пагубного влияния обстановки, в которой в течение 12 лет находится соседняя Сирия. Кроме того, внутри самого Ливана существует проблема нарушения этнокофессионального баланса: очевидно, что христиане уже не составляют большинство населения; палестинские беженцы — сунниты; сирийские беженцы — также преимущественно сунниты; наблюдаются более высокие темпы прироста шиитского населения по сравнению с христианским и суннитским. Все это в скором времени может привести страну к повторению кровопролитной и разрушительной гражданской войны 1975—1990 гг.

С другой стороны, Ливан обладает рядом преимуществ по сравнению с другими шиитскими государствами. У Бейрута сложились дружественные отношения с западными (христианскими) странами, и правительство всячески старается сохранить и приумножить эти связи. Как светское государство с многоконфессиональной идентичностью Ливан стремится участвовать во всех существующих проектах по межрелигиозному диалогу, а некоторые из них даже инициирует. Так, 16 сентября 2019 г. по предложению президента Ливана М. Ауна была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/344 «Академия для налаживания контактов и диалога между людьми», которая санкционирует создание одноименной Академии в столице Ливана, г. Бейруте¹⁴. Целью Академии провозглашено «налаживание контактов и диалога между людьми»¹⁵. Таким образом, Ливан также не позиционирует себя как шиитское государство.

¹⁴ Academy for Human Encounters and Dialogue // YouTube. October 24, 2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=H-0qm6BGHk0> (accessed: 12.10.2021).

¹⁵ Resolution A/RES/73/344 adopted by the General Assembly on 16 September 2019 “Academy for Human Encounters and Dialogue” // United Nations. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/284/24/PDF/N1928424.pdf?OpenElement> (accessed: 12.01.2023).

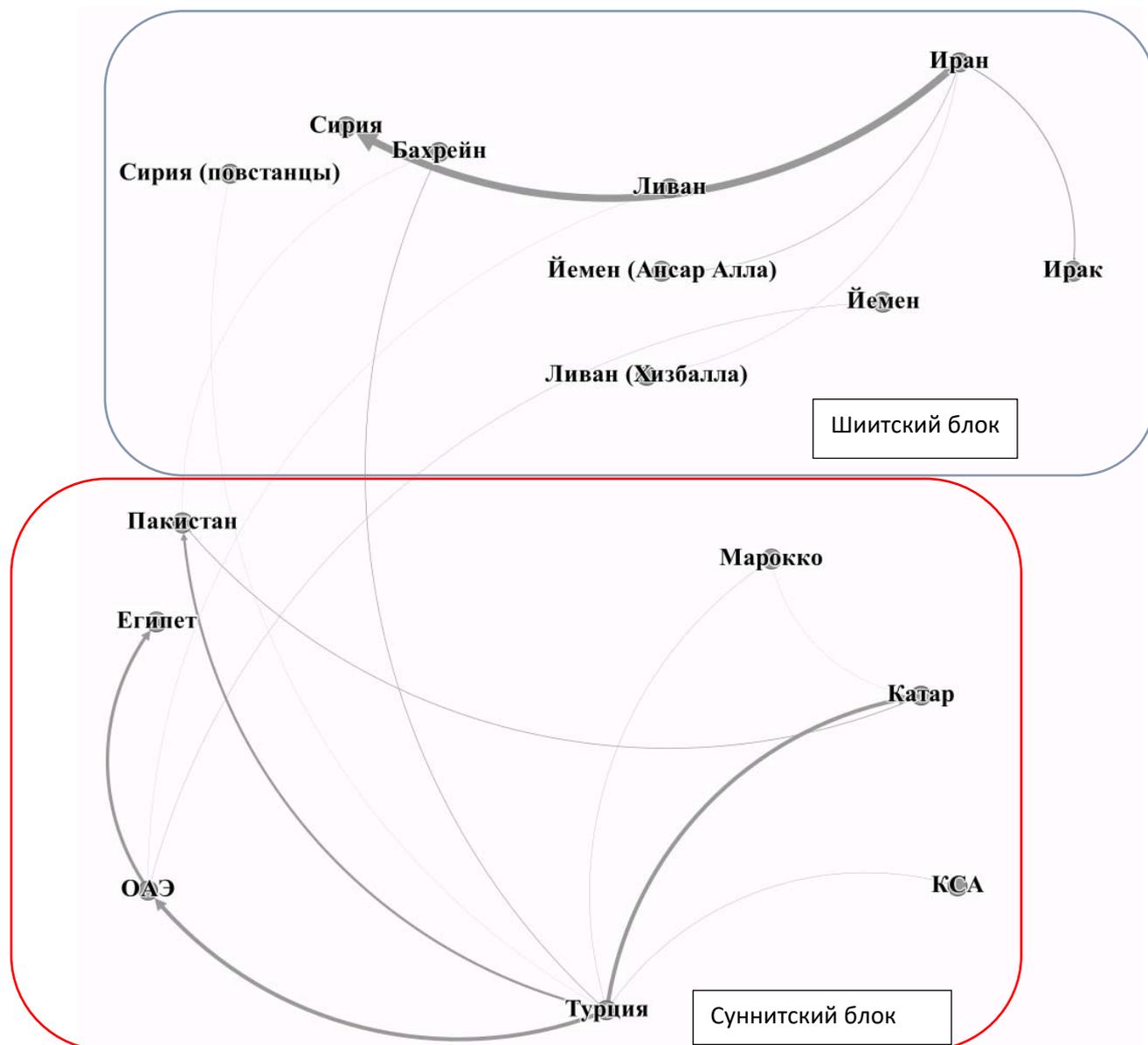


Рис. 1. Сетевой анализ экспорта обычных вооружений между странами «суннитского» и «шиитского» блоков (2018—2021 гг.)*

Источник: составлено авторами на основе данных Стокгольмского международного института изучения мира. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php> (accessed: 22.10.2022).

* База данных SIPRI не содержит сведений о поставках оружия из Ирана за 2018—2021 гг., однако фиксирует информацию о последних заявленных поставках в более ранние годы, что и было отражено на рисунке: ливанской «Хизбалле» — в 2006 г., йеменским хуситам — в 2017 г., Ираку — в 2014—2015 гг., Сирии — в 2006, 2008—2016 гг.

Современный Ирак в настоящее время сталкивается с такими проблемами, как отсутствие действенных государственных институтов, которые были бы способны обеспечивать национальную безопасность и бороться с терроризмом без помощи внешних сил и негосударственных вооруженных акторов; дискриминация суннитского населения в

результате процесса дебаасизации и опоры США на шиитов; отсутствие инфраструктуры, разрушенной войной, и упадок экономики.

Йемен — государство, где серьезное влияние на политическую обстановку оказывает «шиитский фактор». Однако Йемен уже почти 30 лет находится в состоянии периодического возобновления гражданской войны;

в настоящее время там наблюдается тяжелейшая ситуация в сфере здравоохранения (эпидемии, антисанитария, нехватка питьевой воды). Инфраструктура разрушена, экономика находится в упадке.

Согласно теории конструктивного реализма, экспорт обычных видов вооружения является прямой зависимой переменной от военных расходов в данном анализе. Можно высказать предположение о том, что идеологически близкие страны должны более тесно взаимодействовать друг с другом по вопросам взаимного обмена / торговли оружием. Для того чтобы понять, вписываются ли страны шиитского блока в это предположение, необходимо оценить уровень их торгового оборота оружием посредством сетевого анализа экспорта обычных вооружений между странами блока. Для сравнения также представлены показатели суннитского блока (рис. 1).

Из данных рис. 1 видно, что Иран и Турция — ключевые поставщики вооружения внутри блоков (толщина ребер графа отражает количество единиц вооружений, переданных экспортером импортеру). Очевидно, что страны «шиитского блока» не имеют технической возможности обмениваться вооружениями, поскольку сами являются зависимыми от экспорта вооружений, в том числе из стран «суннитского блока». В случае противостояния между странами «суннитского» и «шиитского» блоков суннитским странам при существующих показателях будет проще переориентироваться на общую военную стратегию и обмениваться различными видами обычных вооружений.

В отличие от «шиитского блока» внутри «суннитского блока» наблюдается более интенсивный обмен вооружениями, который потенциально является скрепляющим звеном его военно-политической деятельности. Это не может служить прямым доказательством существования «суннитской НАТО», однако является примером возрастающей динамики внутриблокового взаимодействия в сфере обычных вооружений.

«Рейтинговая сила» «шиитского полумесяца»

Для того чтобы можно было говорить о наличии или отсутствии «шиитского полумесяца», необходимо рассмотреть основные факторы консолидации стран блоков в экономической сфере и сфере безопасности. В этой связи помимо ранее рассмотренных показателей международных баз данных целесообразно оценить уровень доверия к шиитским странам и готовность третьих стран (внерегionalных игроков) поддержать совместные действия государств «шиитского блока» в случае кризиса.

Рассмотрим отдельные рейтинги, которые помогут оценить потенциальную возможность стран «шиитского блока» получить новых торгово-экономических партнеров, в том числе исходя из внутривнутриполитической обстановки (наличие / отсутствие угрозы терроризма, военный потенциал) (табл. 4).

Согласно рейтингам безопасности, ситуация в странах «шиитского блока» более нестабильная, если не сказать критическая, по сравнению с ситуацией в суннитских государствах. Это обусловлено высоким уровнем террористической угрозы, а при нехватке обычных вооружений это приводит к отсутствию возможности обеспечить нормальное функционирование системы безопасности.

Исходя из данных табл. 4, также становится очевидным, что разрыв между «лидером» (2-е место) и «аутсайдером» (65-е место) рейтинга террористической угрозы внутри «шиитского блока» менее существенен (63 пункта), чем внутри «суннитского блока» (83 пункта при условии, что индекс по ОАЭ и Катару не рассчитан, поэтому им автоматически присвоено 93-е место). Ситуация в рейтинге Global Peace Index аналогична, разрыв между лучшим и худшим местом в «шиитском блоке» составляет 60 пунктов. Это легко объясняется тем, что в двух из шести шиитских государств в настоящее время не завершены гражданские войны (Сирия, Йемен), а Ирак до сих пор не восстановил полностью свои государственные институты после интервенции США и их союзников (2003 г.) и террора запрещенной в России группировки ИГИЛ (ИГ, «Исламское государство»).

**Место «суннитского» и «шиитского» блоков в экономических рейтингах
и рейтингах безопасности в 2020—2023 гг.**

| № п/п | Рейтинг | «Суннитский блок» | | | | | | | Среднее арифметическое | «Шиитский блок» | | | | | | Среднее арифметическое |
|---------------------|-------------------------------|-------------------|-----|-----|-------|--------|--------|----------|------------------------|-----------------|-------|-------|------|-------|---------|------------------------|
| | | Марокко | ОАЭ | КСА | Катар | Турция | Египет | Пакистан | | ИРИ | Ливан | Сирия | Ирак | Йемен | Бахрейн | |
| ЭКОНОМИКА | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 1 | Doing Business Index (2020) | 53 | 16 | 62 | 77 | 33 | 114 | 108 | 66 | 127 | 143 | 176 | 172 | 187 | 43 | 126 |
| 2 | Human Capital Index (2020) | 110 | 43 | 84 | 49 | 48 | 115 | 144 | 85 | 75 | 104 | — | 143 | 161 | 46 | 88 |
| БЕЗОПАСНОСТЬ | | | | | | | | | | | | | | | | |
| 3 | Global Terrorism Index (2021) | 76 | 93 | 54 | 93 | 23 | 15 | 10 | 52 | 27 | 51 | 5 | 2 | 21 | 65 | 28 |
| 4 | Global Peace Index (2021) | 79 | 52 | 125 | 29 | 149 | 126 | 150 | 101 | 142 | 147 | 161 | 159 | 162 | 102 | 146 |
| 5 | Global Firepower Index (2023) | 61 | 56 | 22 | 65 | 11 | 14 | 7 | 34 | 17 | 111 | 64 | 45 | 74 | 79 | 65 |

Примечания:

Светло-серым цветом выделены страны, занимающие самые высокие позиции в экономических рейтингах внутри каждого из блоков, и самые низкие позиции в рейтинге Global Terrorism Index (чем ниже государство в этом рейтинге, тем ниже там террористическая угроза).

Темно-серым цветом отмечены страны, занимающие самые низкие позиции в экономических рейтингах внутри каждого из блоков, и самые высокие позиции в рейтинге Global Terrorism Index.

Источник: составлено авторами на основании рейтингов: Doing Business Index. URL: https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/pdf/db2020/Doing-Business-2020_rankings.pdf (accessed: 10.02.2022); Human Capital Index. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (accessed: 10.02.2022); Global Terrorism Index. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed: 10.02.2022); Global Peace Index. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/#/> (accessed: 10.02.2022); Global Firepower Index. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 10.02.2023).

Рейтинг военного потенциала также демонстрирует лидерство «суннитского блока», при этом государства, занимающие самые высокие позиции в каждом из блоков (Пакистан и Иран), отстают друг от друга на 10 пунктов. В то же время налицо более значительная разница между лидером и аутсайдером внутри «шиитского блока» (94 пункта), тогда как все суннитские государства не выходят за пределы ТОП-65 рейтинга Global Firepower Index. Таким образом, данные этого рейтинга лишь подтверждают выводы, сделанные в ходе оценки показателей военного потенциала (см. табл. 3).

На фоне внутривосточной нестабильности и отсутствия мира внешние акторы не могут испытывать доверие к странам

«шиитского блока» и, следовательно, предпочитают не инвестировать в развитие их экономики и не вести бизнес в этих странах.

Напротив, у суннитских стран, где, согласно рейтингам, наблюдается более позитивная картина в сфере безопасности, место в экономических рейтингах выше. В таких условиях зарубежные партнеры более охотно сотрудничают со странами «суннитского блока», а в сочетании с большей открытостью их экономик по сравнению с экономиками шиитских государств, о чем было сказано выше, позиции суннитских стран в указанных рейтингах оказываются такими высокими. В перспективе у стран «шиитского блока» пока нет особых надежд на расширение инвестиционных потоков в их экономику.

Заключение

Подводя итоги анализа экономических индикаторов и показателей безопасности, а также рейтингов, фиксирующих экономический потенциал государств «суннитского» и «шиитского» блоков, а также отражающих внутривнутриполитическую ситуацию в них, можно считать доказанной несостоятельность утверждений о существовании так называемого «шиитского полумесяца». Об этом свидетельствуют, во-первых, слабые связи внутри «шиитского блока», а также недостаточность экономических и военных ресурсов для позиционирования себя на мировой арене в качестве коллективного актора. Кроме того, было показано, что ряд государств, включаемых в состав «шиитского полумесяца», имеют более тесные контакты с суннитскими государствами, в том числе в сфере безопасности. Речь идет, в первую очередь, о Бахрейне, который является членом Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и участвует во всех проектах организации.

Что касается сферы безопасности, то авторами на основе эмпирических данных подтверждены негативные тенденции во внутривнутриполитической обстановке в государствах «шиитского блока», которые связаны с высоким уровнем террористической угрозы, активной фазой вооруженных конфликтов в Сирии и Йемене, перманентной нестабильностью в Ираке, а также затяжным кризисом в Ливане, сопровождающимся гражданскими беспорядками. На базе сетевого анализа поставок обычных вооружений продемонстрирована слабость взаимодействия государств «шиитского блока». В частности, не подтверждена военная поддержка движения йеменских хуситов со стороны Тегерана в последние несколько лет, а также не было найдено доказательств поставок Ираном вооружения ливанской шиитской партии «Хизбалла» с 2006 г.

Анализ поставок обычных вооружений также продемонстрировал наличие прочных связей ряда шиитских государств со странами «суннитского блока», главным образом с

Турцией, ОАЭ и Пакистаном. Подобное сотрудничество в случае начала вооруженного противостояния (наиболее вероятное, по мнению большинства экспертов, — между Ираном и Саудовской Аравией) подрывало бы взаимодействие внутри «шиитского блока» и препятствовало координации усилий в сфере обороны и безопасности.

Отдельно следует отметить и идеологические расхождения внутри «шиитского блока» государств, которые хотя и не являются предметом исследования в данной статье и требуют отдельного пристального внимания ученых, тем не менее не могут быть совсем обойдены вниманием, поскольку авторы анализируют «шиитский полумесяц» с позиции конструктивного реализма.

К таким расхождениям относится, во-первых, то, что население или правящая верхушка отдельных стран «шиитского блока» принадлежит к неортодоксальным шиитским течениям, таким как зейдизм (Йемен) и алавизм (Сирия). Примечательно, что первый, по мнению исламоведов, по своему духу гораздо ближе к суннитскому исламу, нежели к шиитскому, а алавизм, в свою очередь, вообще представляет собой синкретическое учение с элементами не только ислама, но и христианства. За обожествление имама Али алавизм рассматривается многими исламскими учеными — как суннитскими, так и шиитскими — как ересь и даже идолопоклонство, нарушающее базовый принцип ислама — единобожие (*ат-таухид*).

Во-вторых, исследователями, рассуждающими о «шиитском полумесяце», нередко игнорируются глубинные идеологические противоречия между различными шиитскими партиями, которые условно можно разделить на проиранские и антииранские. В частности, шиитские политические партии Бахрейна (как и Саудовской Аравии) принадлежат к противникам иранской модели развития; они не считают иранского *рахбара* (Верховного лидера) аятоллу Али Хаменеи своим духовным лидером и «образцом для подражания»¹⁶, по-

¹⁶ Марджа ат-таклид (араб. «образец для подражания») — титул шиитских духовных авторитетов,

этому говорить о влиянии Ирана на внутри-политические процессы Королевства — значит впадать в глубокое заблуждение.

Наконец, внешнеполитическая практика таких государств «шиитского блока», как Бахрейн и Ливан (а только они помимо Ирана сейчас не переживают вооруженный конфликт), по своей сути свидетельствует о нежелании руководства этих стран ассоциироваться с Ираном, который в глазах соседей обладает имиджем региональной парии и очень неуживчивого государства. На Иран наложены санкции, которые существенно ограничивают политические и экономические возможности Тегерана, а для его партнеров могут обернуться негативными последствиями. Союзнические отношения связывают Иран лишь с Сирией, но только пока у власти там находится Башар Асад. Отношения Ирана с Ираком базируются главным образом на координации усилий по борьбе с международным терроризмом, а также на партнерстве в торгово-экономической сфере, хотя влияние Ирана в этой стране за последние годы существенно возросло. Тем не менее все это свидетельствует о двустороннем характере взаимодействия Тегерана с остальными странами,

достигших наивысшего уровня знаний в исламских науках, который наделяет их правом быть духовными наставниками для рядовых верующих.

включенными нами в «шиитский блок», и не дает оснований полагать, что в планы Ирана или какого-либо другого шиитского государства входит создание «шиитского полумесяца». Таким образом, мнение ряда экспертов о центральной роли Ирана, консолидирующего «шиитский полумесяц» (Nisan, 2009), не подтверждается эмпирическими данными.

Также установлено, что реальные внутри- и внешнеполитические ресурсы государств, объединяемых в так называемый «шиитский полумесяц», незначительны по сравнению с потенциалом государств «суннитского блока». Более того, источником региональной конфликтности служат именно страны «шиитского блока». Поэтому очевиден вывод о том, что опасения относительно формирования влиятельного блока шиитских государств значительно преувеличены. Это выгодно, в первую очередь, недругам Ирана (например, Соединенным Штатам) и его соперникам за региональное лидерство, главным образом — Саудовской Аравии. Антишиитская истерия позволяет Эр-Рияду оправдывать многие свои внешнеполитические акции, такие как вооруженная интервенция в Йемен и переговоры с Пакистаном о передаче саудовской стороне технологий по производству ядерного оружия.

Поступила в редакцию / Received: 12.04.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 08.11.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Дружиловский С. Б.* Шиитский полумесяц на Ближнем Востоке. Миф и реальность // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. Москва: ИВ РАН; Издатель А.В. Воробьев, 2016. С. 52—57.
- Комлева Н. А.* «Иранский квадрат» против «турецкого треугольника» // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 1. С. 116—132. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-1-1106>
- Косач Г. Г.* Саудовская Аравия: власть, улемы и антисистемная оппозиция (богословско-политический ответ противникам режима) // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1 (247). С. 127—158.
- Куришаков В. Ю.* Шиитский фактор во внешней политике Ирана // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 11. С. 24—32.
- Пуховая Е. Д.* «Шиитский полумесяц» как современный геополитический феномен: виртуальная или реальная угроза? (по материалам канала «Аль-Джазира») // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2013. № 4. С. 82—90.
- Сарабьев А. В.* Ближневосточная «шиитская дуга»: реальная угроза или геополитическая химера? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11, № 2. С. 39—64.

- Хазанов А. М., Гасратян С. М. Роль «шиитского полумесяца» в нынешней ситуации на Ближнем Востоке (2000—2020) // *Россия и мусульманский мир*. 2021. № 4 (322). С. 111—119.
- Чикризова О. С. Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17, № 2. С. 279—289. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289>
- Чикризова О. С. Шиитские негосударственные вооруженные группировки на Ближнем Востоке: иракский кейс // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2021. № 1 (842). С. 74—85. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2021_1_842_74
- Чикризова О. С., Морозова Н. Н. Шиизм в Марокко: историческое наследие и современность // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 5. С. 28—35. <https://doi.org/10.31857/S032150750009547-3>
- Шумилин А. И. Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и политикой // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 1. С. 50—60. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60>
- Balanche F. From the Iranian Corridor to the Shia Crescent: Demography and Politics // *A Hoover Institution Essay*. 2021. P. 1—11.
- Barkin J. S. *Realist Constructivism: Rethinking International Relations Theory*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Bröning M. Don't Fear the Shiites: The Idea of a Teheran-Controlled "Shiite Crescent" over the Greater Middle East. Is at Odds with Reality // *IPG*. 2008. No. 3. P. 60—75. URL: https://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2008-3/06_a_broening_gb.pdf (accessed: 13.11.2021).
- Donnelly J. The Ethics of Realism // *The Oxford Handbook of International Relations* / ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 150—162. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199219322.003.0008>
- Itzhakov D. Iran's New anti-Israel Resistance Axis // *BESA Center Perspectives Paper*. 2018. No. 747. P. 1—4.
- Kelley J. G., Simmons B. A. Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // *American Journal of Political Science*. 2015. Vol. 59, iss. 1. P. 55—70. <https://doi.org/10.1111/ajps.12119>
- Lobell S. E. *Structural Realism / Offensive and Defensive Realism*. International Studies Association and Oxford University Press, 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.304>
- Louër L. Déconstruire le croissant chiite // *Revue internationale et stratégique*. 2009. Vol. 4, no. 76. P. 45—54. <https://doi.org/10.3917/ris.076.0045>
- Louër L. *Shiism and Politics in the Middle East*. London : Hurst & Company, 2012.
- Louër L. *Sunnis and Shi'a. A Political History*. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2019.
- Mabon S. The End of the Battle for Bahrain and the Securitization of Bahraini Shi'a // *The Middle East Journal*. 2019. Vol. 73, no. 1. P. 29—50. <https://doi.org/10.3751/73.1.12>
- Mervin S. *Les mondes chiïtes et l'Iran*. Paris : Khartala — Ifpo, 2007.
- Nisan M. The Shiite Strategic Crescent and Israel // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2009. Vol. 3, no. 1. P. 37—46. <https://doi.org/10.1080/23739770.2009.11446349>
- Pahlavi P. Croissant chiite: fondements et limites // *Canadian Political Science Association*. 2008. P. 1—13.
- Thual F. Le croissant chiite: slogan, mythe ou réalité ? // *Hérodote*. 2007. Vol. 1, no. 124. P. 107—117. <https://doi.org/10.3917/her.124.0107>

Сведения об авторах: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); ORCID: 0000-0002-1678-0967; e-mail: chikrizova-os@rudn.ru

Ивкина Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); ORCID: 0000-0001-8654-7629; e-mail: ivkina-nv@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-105-115

EDN: ULEZQK

Научная статья / Research article

ШОС через призму китайских СМИ: анализ публикаций в «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибao»

С.В. Кривохиж , Е.Д. Соболева , Е.С. Мельникова 

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
[✉skrivokhizh@hse.ru](mailto:skrivokhizh@hse.ru)

Аннотация. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является одной из первых международных организаций, в создании которых ключевую роль сыграла Китайская Народная Республика (КНР). Однако, по мнению некоторых исследователей, за прошедшие 20 лет заинтересованность китайского руководства в этом механизме международного сотрудничества снизилась. Оценивается роль ШОС во внешней политике КНР через анализ репрезентации этой организации в СМИ КНР, а именно в публикациях на китайском языке в газетах «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибao». Изучение репрезентации ШОС в СМИ КНР помогает лучше понять, в чем заключается ценность этой организации для КНР на настоящий момент и как ШОС соотносится с другими китайскими проектами в Центральной Азии. Анализ статей проводился при помощи количественного и качественного контент-анализа: авторы измерили частотность отдельных слов, выделили и подсчитали фреймы, подробно разобрали отдельные примеры их использования. В ходе фрейм-анализа были получены следующие результаты. В фокус статей попадают достижения ШОС в вопросах решения региональных проблем, а сложности сотрудничества не освещаются. ШОС позиционируется как важный элемент внешней политики КНР наряду с инициативой «Пояс и путь», однако детали их взаимодействия не обсуждаются. Организация фреймируется как объединение стран, противостоящих западному гегемонизму и выступающих за обновление системы международных отношений. Представляется, что исключительно положительное освещение ШОС связано с попыткой легитимации политического режима КНР: в статьях делается акцент как на лидерстве КНР в рамках ШОС, так и на успехах Китая в решении внутренних проблем, таких как бедность и распространение коронавирусной инфекции. Следует отметить, что в изученных нами публикациях о заслугах КНР часто говорят иностранцы — как политические деятели, так и простые граждане.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, внешняя политика КНР, Центральная Азия, СМИ КНР

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-013) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

Вклад авторов. Кривохиж С.В. — анализ полученных данных, написание текста; Соболева Е.Д. — анализ полученных данных, написание текста; Мельникова Е.С. — сбор и обработка данных.

Для цитирования: Кривохиж С. В., Соболева Е. Д., Мельникова Е. С. ШОС через призму китайских СМИ: анализ публикаций в «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибяо» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 105—115. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-105-115>

Chinese Media Representation of the SCO: A Study of *People's Daily* and *Global Times*

Svetlana V. Krivokhizh  , Elena D. Soboleva , Ekaterina S. Melnikova 

Higher School of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

skrivokhizh@hse.ru

Abstract. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is one of the first international organizations in which the PRC played a key role. However, according to some researchers, over the past 20 years the Chinese leadership's interest in this mechanism of international cooperation has decreased. This article explores the place of the SCO in Chinese foreign policy by analyzing the representation of this organization in the PRC's media — Chinese-language publications in the newspapers *People's Daily* and *Global Times*, which both belong to the Chinese Communist Party. Such focus allows better understanding the value of the SCO to China and its position vis-à-vis other Chinese initiatives in Central Asia. The authors use methods of quantitative and qualitative content analysis, namely counting the frequency of single words, identifying and counting the most common frames, and discussing the ways these frames are constructed. Frame analysis demonstrates that the articles focus on the achievements of the SCO in solving regional problems, while existing difficulties are ignored. The SCO is represented as an important element of China's foreign policy, along with the Belt and Road Initiative, while the details of their interaction are not discussed. It should also be mentioned that the SCO is framed as an association of countries opposing Western hegemonism and advocating a new system of international relations. An extremely positive representation of the SCO serves legitimation of the political regime in the PRC: the articles focus on China's role as a leader in the SCO and its successes in addressing domestic problems, such as poverty reduction and fighting the coronavirus infection. This narrative is often created by quoting the opinions of high-level foreign politicians and average citizens.

Key words: the Shanghai Cooperation Organization, SCO, China's foreign policy, Central Asia, Chinese media

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program in HSE University in 2021 (grant No. 21-04-013).

Authors' contribution. Krivokhizh S.V. — data analysis, text writing; Soboleva E.D. — data analysis, text writing; Melnikova E.S. — data collection and processing.

For citation: Krivokhizh, S. V., Soboleva, E. D., & Melnikova, E. S. (2023). Chinese media representation of the SCO: A study of *People's Daily* and *Global Times*. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 105—115. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-105-115>

Введение

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является одной из первых международных организаций, в создании которой ключевую роль сыграла Китайская Народная Республика (КНР). На момент появления организации официальными целями ШОС были заявлены «укрепление доверия между его участниками в военной области, обеспечение

мира, безопасности и стабильности в регионе, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»¹. Со временем области

¹ Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/shanhayskaya_organizaciya_sotrudnichestva_shos/ (дата обращения: 14.12.2021).

сотрудничества в рамках ШОС расширились и теперь включают проекты в области экономического развития, энергетики, образования и др. Исследователи отмечают, что для КНР появление организации было важно с точки зрения поддержания безопасности и стабильности в приграничных районах КНР и стран Центральной Азии, создания основы для совместной борьбы с тремя силами зла: этническим сепаратизмом, религиозным экстремизмом и международным терроризмом (Chung, 2004, pp. 994—996; Cabestan, 2013, p. 425). Чжао Хуашэн добавляет, что сотрудничество в энергетической сфере в рамках ШОС является вторым приоритетом КНР (Zhao, 2013). Также популярно мнение, что создание ШОС было выгодно для распространения влияния КНР в Центральной Азии при сохранении хороших отношений с Российской Федерацией (Соболева, Кривохиж, 2020, с. 129). Таким образом, для КНР ШОС стала важным инструментом продвижения своих интересов в регионе.

Однако, по мнению некоторых исследователей, за прошедшие 20 лет заинтересованность китайского правительства в ШОС снизилась по ряду причин.

Во-первых, в 2000-х гг. КНР не удалось реализовать ряд экономических инициатив, таких как зона свободной торговли или Банк развития ШОС (Hooijmaaijers, 2021).

Во-вторых, расширение ШОС, которое часто позиционируется как важный шаг в развитии организации, еще больше усложнило процесс принятия решений в рамках организации.

В-третьих, за последние двадцать лет возросла роль КНР на международной арене, что способствовало активизации участия Пекина в глобальном управлении (Cooper & Zhang, 2017). И.Е. Денисов отмечает, что «недовольство нынешним состоянием ШОС» было отражено в создании «Экономического пояса шелкового пути» (Денисов, 2015).

Хотя исследователи отмечают снижение интереса КНР к ШОС, китайские лидеры на официальном уровне продолжают подчеркивать важность ШОС для внешней политики

КНР². В связи с этим научный интерес представляет изучение репрезентации ШОС в СМИ КНР, так как это дает возможность понять, как в КНР объясняют ценность ШОС для китайской аудитории и как ШОС соотносят с другими китайскими проектами в Центральной Азии.

В этом исследовании через призму теории доместикации новостей анализируется репрезентация ШОС в публикациях газет «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибао» на китайском языке за период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2021 г. Выбор хронологических рамок обусловлен стремлением авторов получить наиболее актуальные данные о репрезентации организации в СМИ и в то же время собрать достаточное количество данных для исследования. Анализ статей проводится при помощи количественного и качественного контент-анализа: авторы классифицируют статьи по темам, измеряют частотность отдельных слов, выделяют и подсчитывают фреймы, подробно разбирают примеры их использования. С помощью полученных данных делается вывод об образе ШОС внутри КНР и значимости организации для китайской внешней политики.

Методология исследования

Обычно при освещении в национальных СМИ международные новости проходят процесс доместикации, основные задачи которой — сделать информацию привлекательной и понятной для потребителя и преподнести ее так, чтобы она соответствовала доминирующей в государстве идеологии или его культурным особенностям (Clausen, 2004). Доместикация новостей может осуществляться несколькими методами: взывать к эмоциям читателей, содержать истории и интервью с соотечественниками, рассказывать об их достижениях, а также каким-то образом связывать события в других странах

² Полный текст выступления Си Цзиньпина на 20-м заседании Совета глав государств — членов ШОС // Синьхуа Новости. 10.11.2020. URL: http://russian.news.cn/2020-11/10/c_139506870.htm (дата обращения: 14.12.2021).

с внутривнутриполитической повесткой в своей стране (Alasuutari, Qadir & Creutz, 2013). Это обычная журналистская практика подстройки новостей под национальный контекст, однако в странах, где новостная повестка формируется и контролируется политическими элитами, как в КНР, репрезентация международных событий отражает в первую очередь их позицию по важным вопросам (Chen & Rowlands, 2022, p. 4). По версии Индекса свободы прессы за 2020 г., КНР занимает 177-е место из 180 стран³, и очевидно, что СМИ являются важным инструментом, используемым элитами для формирования определенного дискурса в обществе (Wang, 2020). Кроме того, создание определенных интерпретаций международных новостей может выступать в качестве инструмента легитимации режима (Pak et al., 2020; Burnell, 2006). Например, Х. Хольбиг пишет, что в КНР новости о международных событиях фреймируются таким образом, чтобы показать достоинства и успехи китайской модели (Holbig, 2011).

В рамках этого исследования, опираясь на теорию доместики новостей и теорию легитимации режима посредством СМИ, изучается репрезентация ШОС в публикациях на китайском языке в газетах «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибao». Выбор источников обусловлен тем, что данные газеты, во-первых, имеют широкий читательский охват. Во-вторых, целевая аудитория, направленность контента и, следовательно, дискурс публикаций двух газет отличается. «Жэньминь Жибао» является одной из первых газет КНР, а также официальным печатным изданием и рупором Коммунистической партии Китая (Wu, 1994). «Хуаньцю Шибao», структурное подразделение «Жэньминь Жибао», призвано освещать международную повестку. В отличие от «Жэньминь Жибао» публикации там часто оцениваются исследователями как имеющие явно выраженную националистическую окраску, хотя руководство газеты

настаивает на том, что они пропагандируют патриотизм, а не национализм (Shirk, 2007). Таким образом, включение этих изданий в наше исследование позволит охватить разнообразие официального дискурса о ШОС.

Статьи из газет были получены из информационной базы *Factiva*. В нашу выборку были включены статьи из «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибao» на китайском языке, в названии которых содержалось упоминание ШОС (上海合作组织 — *шанхай хэцзо цзучэжи*; 上合 — *шанхэ*). За период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2021 г. было опубликовано более 100 таких статей, но, так как некоторые дублировали друг друга, анализу подверглось 95 статей: 65 — за 2019 г., 20 — за 2020 г. и 10 — за 2021 г. Следует отметить, что публикации о ШОС носят ситуативный характер и большая их часть представляет собой анонсы или описание прошедших мероприятий.

Основным методом исследования в работе был фрейм-анализ. Под фреймингом понимается организация новостного сюжета тематически, стилистически и фактически таким образом, чтобы передать определенную идею (Entman, 1993). Анализ фреймов помогает выявить общие закономерности того, как социальное явление представляется и интерпретируется в конкретном обществе. Нас интересовало фреймирование ШОС и роли КНР в ШОС: выявление самых популярных фреймов и отдельные примеры создания таких интерпретаций.

В качестве единицы анализа выступал связный отрывок текста, соответствующий смыслу фреймов. Было проведено «ручное» кодирование текстов с целью выделения в них установленных ранее категорий фреймов, при этом каждый фрейм не мог определяться в одной статье более одного раза. Фрейм-анализ был дополнен количественным контент-анализом, авторы провели подсчет частотности упоминаемых в текстах стран, а также проанализировали контекст, в котором встречались наиболее частотные из них.

³ 2020 World Press Freedom Index // Reporters without borders. URL: <https://rsf.org/en/ranking/2020> (accessed: 22.01.2022).

Результаты

Первым шагом исследования был подсчет упоминаний стран в нашей выборке. Что касается партнеров КНР по ШОС, то чаще других в статьях упоминаются Киргизия, Россия и Таджикистан (табл. 1). Большое количество упоминаний Киргизии и Таджикистана в статьях объясняется проведением в изучаемый период мероприятий ШОС в этих странах, например, саммита ШОС в 2019 г. в Бишкеке. Реже всего в статьях встречаются новые члены ШОС — Пакистан и Индия, что свидетельствует о том, что они пока малоактивны в ШОС или их участие наименее важно для КНР.

Таблица 1

Упоминания стран — членов ШОС в выборке статей

| Страна | Количество упоминаний |
|-------------|-----------------------|
| Киргизия | 157 |
| Россия | 143 |
| Таджикистан | 93 |
| Узбекистан | 61 |
| Казахстан | 55 |
| Индия | 45 |
| Пакистан | 38 |

Источник: составлено авторами.

Несмотря на некоторые различия в видении роли и дальнейшего развития ШОС (Денисов, Сафранчук, 2016), Россия в статьях представляется как важная страна-партнер, отмечается ее вклад в проведение мероприятий ШОС, а также говорится о совместной борьбе Пекина и Москвы против гегемонизма США. Дискурс в китайских СМИ совпадает с мнением исследователей о том, что важным фактором сотрудничества КНР и РФ в Центральной Азии является противостояние евразийской политике США (Забелла, Каткова, Шабага, 2021, с. 85). В статье «Главы МИД стран ШОС говорят „нет“ стигматизации эпидемии» описывается ответ стран ШОС на необоснованные обвинения США в адрес России и Китая в период пандемии. Статья содержит слова поддержки в адрес Китая от России и Пакистана, а также цитаты С.В. Лаврова и российских политологов, которые критикуют поведение США во время пандемии: «В период эпидемии коронавируса

Соединенные Штаты выдвинули необоснованные обвинения против России и Китая, безрассудно критиковали Всемирную организацию здравоохранения и пытались навязать другим странам созданные ими самими правила, усилив давление на государства, проводящие независимую внешнюю политику»⁴.

В пяти статьях также упоминаются США, как правило, в негативном ключе на фоне американо-китайской торговой войны и непростых отношений между Пекином и Вашингтоном. О проблемах в отношениях с США говорят Китай, Россия, Индия и Иран. Наличие общего противника словно сплачивает членов ШОС. Большая часть упоминаний была обнаружена в статьях газеты «Хуаньцю Шибào», что объясняется специализацией издания на международных новостях и более критической позицией. Действия США в Афганистане, поддержание мира и благополучия в котором всегда было одной из основных целей организации, представляются как безответственные и подрывающие деятельность ШОС. В статье «Министры иностранных дел стран ШОС высказываются по афганской проблеме» приводятся предложения министра иностранных дел КНР (2013—2022 гг.) Ван И относительно афганского вопроса, где, в частности, отмечается следующее: «...Не дать Соединенным Штатам избежать ответственности. США являются зачинщиком афганской проблемы и не могут просто „умыть руки“, переложив это бремя на другие страны региона»⁵.

Результаты фрейм-анализа с указанием количества обнаруженных фреймов представлены в табл. 2. Все фреймы были разделены на две группы: фреймы первой

⁴ Shanghe waizhang hui xiang yiqing wuminghua shuobu // Huánqiú Shíbào [Главы МИД стран ШОС говорят «нет» стигматизации эпидемии // Хуаньцю Шибào]. 14.05.2020. (На китайском языке). URL: <https://world.huanqiu.com/article/3yEx4ncoty3> (accessed: 14.12.2021).

⁵ Shanghai zuzhi waizhang hui jiu Afuhan wenti fasheng // Huánqiú Shíbào [Министры иностранных дел стран ШОС высказываются по афганской проблеме // Хуаньцю Шибào]. 15.07.2021. (На китайском языке). URL: <https://world.huanqiu.com/article/43wRjkYidRV> (accessed: 14.12.2021).

группы интерпретируют деятельность ШОС как организации, а второй — оценивают деятельность отдельных стран-членов.

Таблица 2

Результаты фрейм-анализа

| № п/п | Название фрейма | Количество упоминаний |
|--|--|-----------------------|
| <i>Характеристика деятельности ШОС</i> | | |
| 1 | Решение международных и региональных проблем | 44 |
| 2 | Дополнение других китайских инициатив | 31 |
| 3 | Развитие организации и рост ее статуса в мире | 24 |
| 4 | Создание новой системы международных отношений | 16 |
| 5 | Сложности сотрудничества | 1 |
| <i>Характеристика стран — членов ШОС</i> | | |
| 6 | Вклад КНР | 52 |
| 7 | Вклад других стран — членов ШОС | 16 |
| 8 | Успехи КНР | 11 |
| 9 | Успехи других стран — членов ШОС | 2 |

Источник: составлено авторами.

В статьях чаще всего говорится о том, что ШОС играет ключевую роль в решении важных международных и региональных проблем (фрейм «Решение международных и региональных проблем» встречается 44 раза). Примерно одинаково часто встречаются упоминания проблем экономического характера и угроз безопасности, среди последних акцент сделан на борьбе с терроризмом и наркотрафиком. В «Хуаньцю Шибao» отмечается, что ШОС дала четкое определение таким понятиям, как терроризм, сепаратизм и экстремизм, в ее рамках была разработана нормативная база антитеррористического и антиэкстремистского сотрудничества, а подразделения организации эффективно борются с наркотрафиком в Евразии. Особое внимание уделяется вышеупомянутой проблеме Афганистана. В частности, подчеркивается роль контактной группы ШОС — Афганистан, благодаря которой ШОС «вносит значительный вклад в урегулирование конфликта»⁶.

⁶ Shanghe ershi nian, zijing guoji guanxi minzhuhua // Huánqiu Shìbào [Двадцатилетие ШОС, содействие демократизации международных отношений //

Что касается экономических проблем, то чаще всего в текстах говорится о таких вызовах, как торговый протекционизм и цифровизация экономики. В одной из статей приводится мнение глав делегаций ШОС о том, что «необходимо и дальше углублять сотрудничество в совместном построении открытой мировой экономики, постоянно укреплять открытую, инклюзивную, прозрачную, недискриминационную многостороннюю торговую систему, основанную на правилах Всемирной торговой организации, и выступать против любых форм международного и регионального торгового протекционизма, а также одностороннего подхода»⁷. В публикациях можно встретить критику популизма и протекционизма со стороны Генерального секретаря ШОС (2019—2021) В.И. Норова⁸.

На наш взгляд, эти идеи мало актуальны для сотрудничества в рамках ШОС и явно отсылают к американо-китайской торговой войне, начатой экс-президентом США Дональдом Трампом в 2018 г., в рамках которой США ввели ряд пошлин на китайские товары (Steinbock, 2018). Также данный фрейм представлен статьями, в которых говорится о проектах ШОС по развитию транспортных путей и логистических центров для расширения торговли между Китаем и странами Центральной Азии.

Помимо экономики и безопасности в китайских газетах пишут о вкладе ШОС в развитие гуманитарного сотрудничества,

Хуаньцю Шибao]. 16.06.2021. (На китайском языке). URL: <https://world.huanqiu.com/article/43YPeI9VHfZ> (accessed: 14.12.2021).

⁷ Shanghai hezuo zuzhi chengguoyuan zhengfu shounao (zongli) lishihui dishiba ci huiyi lianhe gongbao // Rénmín Wǎng [Совместное коммюнике восемнадцатого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Жэньминь Жибао онлайн]. 03.11.2019. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/1103/c419242-31434387.html> (accessed: 14.12.2021).

⁸ Shanghe zuzhi mishuzhang huyu waiguo shili tingzhi ganshe Xianggang shiwu // Rénmín Wǎng [Генсек ШОС призывает иностранные державы прекратить вмешиваться в дела Гонконга // Жэньминь Жибао онлайн]. 14.06.2020. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2020/0614/c1002-31746080.html> (accessed: 14.12.2021).

например, в программы по сохранению культурных памятников и развитию туризма, а также о помощи странам-членам в борьбе с коронавирусом. Десять из тридцати статей, опубликованных в 2020—2021 гг., затрагивают тему пандемии. Они содержат призыв к сотрудничеству, рассказывают о вкладе КНР в борьбу с эпидемией и подчеркивают роль ШОС: «Генсек [ШОС] сказал, что государства — члены ШОС помогают друг другу, делятся своим опытом борьбы с эпидемией и оказывают друг другу финансовую, экономическую и гуманитарную помощь»⁹. В статьях упоминается призыв Генерального секретаря ШОС избегать политизации вируса, что является косвенной критикой действий США¹⁰.

Таким образом, ШОС представляется как многопрофильная организация, которая вносит значительный вклад в решение региональных проблем. Из репрезентации отдельных аспектов можно сделать вывод, что для Китая ШОС, кроме платформы для экономического сотрудничества и борьбы с давними проблемами (Афганистан, терроризм, наркотрафик), является объединением для противостояния протекционизму в Евразии.

В другой группе публикаций ШОС фреймируется как один из элементов китайской внешнеполитической стратегии (фрейм «Дополнение других китайских инициатив» встречается 31 раз). Организация упоминается наряду с китайской инициативой «Пояс и путь» и концепцией «Сообщества единой судьбы человечества».

С одной стороны, ШОС представляется каналом для продвижения инициативы «Пояс и путь». Например, отмечается, что «Китай надеется, что ШОС послужит платформой для совместного продвижения строительства “Пояса и пути” с другими странами,

⁹ Shanghe zuzhi mishuzhang huyu waiguo shili tingzhi ganshe Xianggang shiwu // *Rénmín Wǎng* [Генсек ШОС призывает иностранные державы прекратить вмешиваться в дела Гонконга // Жэньминь Жибао онлайн]. 14.06.2020. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2020/0614/c1002-31746080.html> (accessed: 14.12.2021).

¹⁰ Ibid.

содействия согласованию стратегий развития всех стран и будет создавать совместное процветание “домашнего очага шанхайского сотрудничества”»¹¹. Однако обсуждение конкретных мер и механизмов координации работы ШОС и китайской инициативы «Пояс и путь» отсутствует.

Вместе с тем не только ШОС помогает развитию инициативы «Пояс и путь», но и наоборот. Цели инициативы «Пояс и путь» коррелируют с национальными стратегиями развития стран — членов ШОС. Например, приводится цитата Генерального секретаря В.И. Норова о том, что «при поддержке инициативы “Пояс и путь” государства-члены [ШОС] обязательно установят более широкое, открытое, взаимовыгодное и равноправное партнерство»¹².

Следующим по частотности упоминаний в тексте является фрейм «Развитие организации и рост ее статуса в мире», который встретился в текстах 24 раза. Он подчеркивает масштабность организации, ее востребованность в мире и усиление ее роли. ШОС представляется как важная и крупная международная организация, которая расширяет свое влияние¹³. Это косвенно свидетельствует об

¹¹ Li Keqiang jiang chuxi Shanghai hezuo zuzhi chengyunguo zhengfu shounao (zongli) lishihui dibaci huiyi bing dui Wuzhibiekeshitan jinxing zhengshi fangwen, chuxi Dongya hezuo lingdaoren xilie huiyi bing dui Taiguao jinxing zhengshi fangwen // *Rénmín Wǎng* [Ли Кэцян примет участие в 18-м заседании Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС и совершит официальный визит в Узбекистан, примет участие во встрече лидеров сотрудничества стран Восточной Азии и совершит официальный визит в Таиланд // Жэньминь Жибао онлайн]. 29.10.2019. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/1029/c64094-31425080.html> (accessed: 14.12.2021).

¹² Shanghe shifanqu wei jingmao hezuo tigong juejia pingtai // *Rénmín Wǎng* [Демонстрационная зона Шанхайского сотрудничества представляет превосходную платформу для экономического и торгового сотрудничества // Жэньминь Жибао онлайн]. 28.05.2019. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0528/c1002-31106711.html> (accessed: 14.12.2021).

¹³ Shanghe fenghui lichang duobianzhuyi // *Huánqiu Shìbào* [Шанхайский саммит сотрудничества продвигает мультилатерализм // Хуаньцю Шибао]. 11.11.2020. (На китайском языке). URL: <https://world.huanqiu.com/article/40eTOFPnEch> (accessed: 14.12.2021).

успехах и признании на международной арене КНР как одной из стран-основательниц и лидеров ШОС. При этом проблема достижения консенсуса с ростом количества членов полностью игнорируется.

В статьях про ШОС 16 раз встречается фрейм «Создание новой системы международных отношений», в рамках которого делается акцент на том, что ШОС вносит вклад в создание новой системы международных отношений. Нынешняя система описывается как нестабильная и неопределенная, в ней наблюдаются разгул односторонних действий, рост протекционизма, возрождение менталитета времен холодной войны и запугивание одних стран другими¹⁴.

Новая система подразумевает отход от менталитета холодной войны, отказ от протекционизма и вмешательства в дела суверенных государств, продвижение «шанхайского духа». Под последним понимают взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, консультации, уважение к различным цивилизациям, стремление к общему развитию, преодоление цивилизационных конфликтов и др.¹⁵ В одной из статей содержится прямой призыв Ван И к странам ШОС работать вместе, чтобы внести вклад в построение нового типа международных отношений и «Сообщества единой судьбы человечества»¹⁶. Нередко

тексты, определенные данным фреймом, состоят из устоявшихся и однообразных словосочетаний, например, «отход от игры с нулевой суммой», «искоренение менталитета холодной войны», а пассаж подытоживает идею создания «Сообщества единой судьбы».

Наконец, последний фрейм, характеризующий ШОС, — «Сложности сотрудничества» — встретился лишь в одной статье и содержал упоминание пограничного конфликта между Индией и Китаем. Сложности в индийско-китайских отношениях и их влияние на сотрудничество в рамках ШОС не получили должного освещения, как и не был упомянут индо-пакистанский конфликт, обострение которого имело место в 2019 г. Напротив, в одной из статей говорится, что из-за конфликтующих между собой Индии и Пакистана в составе организации она не утратила своей эффективности. Кроме того, в статье опровергается существование противоречий между двумя «тиграми» — Россией и Китаем, как того «ожидали на Западе»¹⁷. Этот факт свидетельствует о том, что Китай предпочитает «не выносить сор из избы» и репрезентировать читателям ШОС как сильную организацию, объединенную «шанхайским духом» и не имеющую внутренних разногласий.

Анализ второй группы фреймов, посвященных роли КНР в ШОС, показал, что чаще всего в статьях говорится о вкладе Китая в развитие организации и отдельных стран — членов ШОС (фрейм «Вклад КНР» встретился 52 раза). Например, в статье, посвященной заседанию Совета министров иностранных дел стран — участниц ШОС и встрече министров иностранных дел «ШОС — Контактная группа Афганистана», говорилось о выводе войск НАТО из Афганистана и количестве

¹⁴ Wang Yi chuxi Shanghai hezuo zuzhi waizhang huiyi // Rénmín Wǎng [Ван И принял участие во встрече министров иностранных дел Шанхайской организации сотрудничества // Жэньминь Жибао онлайн]. 23.05.2019. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0523/c1002-31098614.html> (accessed: 14.12.2021).

¹⁵ Shanghai hezuo zuzhi minjian youhao luntan zhiku fenluntan zai Wuhan juxing // Rénmín Wǎng [В Ухане прошел подфорум аналитического центра Форума народной дружбы Шанхайской организации сотрудничества // Жэньминь Жибао онлайн]. 03.06.2021. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2021/0603/c1002-32121608.html> (accessed: 14.12.2021).

¹⁶ Wang Yi chuxi Shanghai hezuo zuzhi waizhang huiyi // Rénmín Wǎng [Ван И принял участие во встрече министров иностранных дел Шанхайской организации сотрудничества // Жэньминь Жибао онлайн]. 23.05.2019. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2019/0523/c1002-31098614.html> (accessed: 14.12.2021).

¹⁷ Fengyutongzhou ershi nian! “Shanghe dajia ting” zhan shang xin qidian, e mei zhe 20 nian zhishi manchang zhengcheng de kaishi // Huánqiu Shìbào [Мы были в одной лодке двадцать лет! «Шанхайская семья сотрудничества» стоит на новой отправной точке, российские СМИ: Эти 20 лет — только начало большого пути // Хуаньцю Шибао]. 18.09.2021. (На китайском языке). URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/49Ytp9YxMO> (accessed: 14.12.2021).

захваченных талибами¹⁸ земель после этого действия. Далее в тексте следовало пять пунктов-предложений для стабилизации сложившейся ситуации от представителя КНР¹⁹. Интересно, что информация о том, что КНР финансово помогает организации или странам-членам, встречалась в статьях всего несколько раз. Это можно объяснить нежеланием вызвать недовольство читателей, которые могут задаться вопросом, насколько эти расходы рациональны, учитывая уровень бедности в КНР.

Примечательно, что о вкладе КНР говорят как партнеры по ШОС, так и жители стран-участниц. Например, в статье, опубликованной незадолго до проведения заседания Совета глав государств ШОС в Бишкеке и Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в Таджикистане, отмечается: «Люди из всех слоев общества Киргизии и Таджикистана с нетерпением ждут визита Си Цзиньпина и верят, что визит председателя Си Цзиньпина еще больше укрепит двусторонние отношения вышеупомянутых стран с Китаем и внесет новый и большой вклад в содействие региональному миру и развитию»²⁰. Статья содержит высказывания граждан Киргизии и Таджикистана, крайне положительно отзывающихся как о действиях КНР в их странах, так и лично о Си Цзиньпине. Например, сотрудник душанбинской ТЭЦ заявляет: «Мой личный успех, развитие предприятий, которое повлечет за собой изменения в базовой энергетической инфраструктуре Таджикистана, неотделимы

от помощи и поддержки председателя Си Цзиньпина, правительства Китая и китайских компаний... Если представится такая возможность, я хотел бы лично выразить благодарность Си Цзиньпину»²¹.

В то время как китайские СМИ часто отмечают заслуги КНР, вклад других стран-членов освещается значительно меньше (фрейм «Вклад других стран — членов ШОС» встречается 16 раз). Зачастую вклад других государств в развитие организации упоминался в период проведения крупных мероприятий в контексте деятельности той страны, на территории которой проходило мероприятие. Складывается впечатление, что упоминание лепты, внесенной другими государствами, является лишь формальной благодарностью.

В статьях про ШОС также часто встречаются отрывки про достижения КНР во внутренней политике (11 упоминаний фрейма «Успехи КНР») несмотря на то, что ШОС является международной организацией. В интервью с Генеральным секретарем ШОС к 20-летию организации из семи заданных китайским репортером вопросов два отсылали к достижениям КНР. Первый вопрос звучал следующим образом: «На Форуме гражданской дружбы ШОС, состоявшемся в Ухане в начале этого месяца, развитие сельских районов и сокращение бедности также стали важными темами. Вы следите за работой Китая по борьбе с бедностью?». Отвечая на второй вопрос, который касался борьбы с коронавирусом, Генеральный секретарь ШОС (2019—2021) В.И. Норов похвалил систему профилактики и контроля в Китае, а также высоко оценил китайскую вакцину и вклад Пекина в глобальную борьбу с эпидемией²².

Что касается других стран — членов ШОС, то в нашей выборке их успехи упоминались всего два раза.

¹⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

¹⁹ Shanghai zuzhi waizhang hui jiu Afuhan wenti fasheng // Huánqióu Shíbào [Министры иностранных дел стран ШОС высказываются по афганской проблеме // Хуаньцю Шибào]. 15.07.2021. (На китайском языке). URL: <https://world.huanqiu.com/article/43wRjKjYidRV> (accessed: 14.12.2021).

²⁰ Jierjisitan he Tajikesitan gejie reqie qidai Xi Jinping zhuxi fangwen bing chuxi Shanghe zhuzhi fenghui he Yaxin fenghui // Rénmín Wǎng [Все слои общества Киргизии и Таджикистана с нетерпением ждут визита председателя Си Цзиньпина и его участия в саммите ШОС и саммите СВМДА // Жэньминь Жибао онлайн]. 10.06.2019. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/BIG5/n1/2019/0610/c419242-31126395.html> (accessed: 14.12.2021).

²¹ Ibid.

²² Shanghe ershi nian, zijing guoji guanxi minzhuhua // Huánqióu Shíbào [Двадцатилетие ШОС, содействие демократизации международных отношений // Хуаньцю Шибào]. 16.06.2021. (На китайском языке). URL: <https://world.huanqiu.com/article/43YPeI9BHfZ> (accessed: 14.12.2021).

Заключение

ШОС представляется китайскими медиа как разноплановая международная организация, которая уделяет внимание различным сферам сотрудничества. Фрейм-анализ показывает, что в фокус статей часто попадают достижения ШОС по решению международных и региональных проблем, а трудности практически полностью игнорируются. В материалах не освещаются сложности принятия решений и существующие разногласия между странами-членами, напротив, демонстрируется дух консенсуса и наличие перспектив развития. Организацию изображают в качестве плацдарма для борьбы с региональными проблемами, такими как наркотрафик, и глобальными угрозами, среди которых часто упоминается торговый протекционизм.

Следует отметить фреймирование ШОС как объединения стран, противодействующих западному гегемонизму и выступающих за обновление системы международных отношений. ШОС позиционируется как важный элемент внешней политики КНР наряду с инициативой «Пояс и путь», однако детали их взаимоотношений не обсуждаются. Таким образом, в дискурсе мы не находим подтверждения тому, что с запуском инициативы «Пояс и путь» КНР полностью потеряла

интерес к ШОС, которая продолжает выполнять ряд важных функций для правительства КНР — от борьбы с терроризмом до противостояния гегемонистской политике США.

В публикациях Китай зачастую представляется как драйвер организации, что отчасти отражает реальность, а частично является результатом доместикации международных новостей. Кроме вклада КНР в развитие ШОС отдельно освещаются ее заслуги вне организации: успехи в борьбе с бедностью и предотвращении распространения коронавируса. Достижения других стран-членов освещаются в гораздо меньшей степени. Китайским читателям транслируются достижения и успехи их страны, что направлено на легитимацию правящего режима и укрепление национальной гордости. Для создания такого фрейма газеты прибегают к цитированию лояльно настроенных к КНР иностранцев.

Еще одним любопытным наблюдением является то, что при описании вклада КНР в развитие ШОС практически отсутствует информация о ее финансовых затратах. Это можно объяснить нежеланием вызвать недовольство среди читателей, которые могут задаться вопросом, насколько эти расходы рациональны.

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 04.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Денисов И. Е. Путешествие на Запад // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, № 1. С. 135—143.
- Денисов И. Е., Сафранчук И. А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 48, № 3. С. 112—122. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122>
- Забелла А. А., Каткова Е. Ю., Шаблага А. В. Центральноеазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21, № 1. С. 79—90. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90>
- Соболева Е. Д., Кривохиж С. В. Лидерство в многополярном мире: политика Китая в Центральной Азии // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 1. С. 119—134. <https://doi.org/10.17994/it.2020.18.1.60.7>
- Alasuutari P., Qadir A., Creutz K. The Domestication of Foreign News: News Stories Related to the 2011 Egyptian Revolution in British, Finnish and Pakistani Newspapers // Media, Culture & Society. 2013. Vol. 35, no. 6. P. 692—707. <https://doi.org/10.1177/0163443713491299>
- Burnell P. Autocratic Opening to Democracy: Why Legitimacy Matters // Third World Quarterly. 2006. Vol. 27, no. 4. P. 545—562. <https://doi.org/10.1080/01436590600720710>

- Cabestan J.-P.* The Shanghai Cooperation Organization, Central Asia, and the Great Powers, an Introduction: One Bed, Different Dreams? // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53, no. 3. P. 423—435. <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.423>
- Chen Yixin, Rowlands I. H.* The Socio-Political Context of Energy Storage Transition: Insights from a Media Analysis of Chinese Newspapers // *Energy Research & Social Science*. 2022. Vol. 84. P. 1—14. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102348>
- Chung Chien-peng.* The Shanghai Co-operation Organization: China's Changing Influence in Central Asia // *The China Quarterly*. 2004. No. 180. P. 989—1009.
- Clausen L.* Localizing the Global: 'Domestication' Processes in International News Production // *Media, Culture & Society*. 2004. Vol. 26, no. 1. P. 25—44. <https://doi.org/10.1177/0163443704038203>
- Cooper A. F., Zhang Yanbing.* Chinese Leadership in the Evolution of "Hub" and "Parallel" Globally Oriented Institutions // *Chinese Political Science Review*. 2017. Vol. 3, no. 1. P. 28—47. <https://doi.org/10.1007/s41111-017-0081-z>
- Entman R.* Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43, no. 4. P. 51—58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Holbig H.* International Dimensions of Legitimacy: Reflections on Western Theories and the Chinese Experience // *Journal of Chinese Political Science*. 2011. Vol. 16, no. 2. P. 161—181. <https://doi.org/10.1007/s11366-011-9142-6>
- Hooijmaaijers B.* Understanding Success and Failure in Establishing New Multilateral Development Banks: The SCO Development Bank, the NDB, and the AIIB // *Asian Perspective*. 2021. Vol. 45, no. 2. P. 445—467. <https://doi.org/10.1353/apr.2021.0008>
- Pak M., Menga F., Feuer D., Dowell A.* State-Run Media Outlets in Central Asia: External Regime Legitimation through Regional Conflict and Cooperation Framing // *Central Asian Survey*. 2020. Vol. 39, no. 3. P. 378—397. <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1781060>
- Shirk S.* Changing Media, Changing Foreign Policy in China // *Japanese Journal of Political Science*. 2007. Vol. 8, no. 1. P. 43—70. <https://doi.org/10.1017/S1468109907002472>
- Steinbock D.* U.S. — China Trade War and Its Global Impacts // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2018. Vol. 4, no. 4. P. 515—542. <https://doi.org/10.1142/S2377740018500318>
- Wang Guofeng.* Legitimization Strategies in China's Official Media: The 2018 Vaccine Scandal in China // *Social Semiotics*. 2020. Vol. 30, no. 5. P. 685—698. <https://doi.org/10.1080/10350330.2020.1766262>
- Wu Guoguang.* Command Communication: The Politics of Editorial Formulation in the People's Daily // *The China Quarterly*. 1994. Vol. 137. P. 194—211. <https://doi.org/10.1017/S0305741000034111>
- Zhao Huasheng.* China's View of and Expectations from the Shanghai Cooperation Organization // *Asian Survey*. 2013. Vol. 53, no. 3. P. 436—460. <https://doi.org/10.1525/as.2013.53.3.436>

Сведения об авторах: *Кривохиж Светлана Валентиновна* — кандидат исторических наук, доцент Института востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; ORCID: 0000-0003-0946-228X; e-mail: skrivokhizh@hse.ru
Соболева Елена Дмитриевна — доктор наук (Свободный университет Берлина), доцент Института востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; ORCID: 0000-0003-0525-2728; e-mail: edsoboleva@hse.ru
Мельникова Екатерина Сергеевна — студент Института востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; ORCID: 0000-0001-8284-1054; e-mail: esmelnikova_2@edu.hse.ru



ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-116-129

EDN: UAEVHC

Научная статья / Research article

Инструментарий влияния США в Иране в 1950—1960-е гг.

Г.М. Искандарян  

Институт востоковедения Национальной Академии наук, Ереван, Республика Армения

 iskandaryan@sci.am

Аннотация. Исследование посвящено анализу американского влияния в Иране после Второй мировой войны. Автор характеризует особенности реализации американских концепций в Иране, рассматривая то, как США содействовали проникновению в эту страну своих нефтяных корпораций, что не было возможно на более ранних этапах. Актуальность статьи обусловлена тем, что до настоящего времени акторы существенно не изменились, как и правила игры и мотивируемые ими действия. Несмотря на то, что инструментарий США был модернизирован, очень часто в регионе используются старые методы, изучение и анализ которых сегодня очень важны. Преследуемая автором цель заключается в оценке шагов, предпринятых Соединенными Штатами для усиления своего влияния в Иране после Второй мировой войны. Автор выявляет проблемы Ирана во второй половине XX в., изучая их параллельно с американскими концепциями, а также анализирует, как внешнеполитические концепции открывали путь для экспансионистской политики США. Каждая следующая администрация, приходя к власти, стремилась разработать собственную внешнеполитическую стратегию, которая отличалась бы от курса предыдущей администрации, особенно если она представляла позицию противоположной партии. Так, республиканец Д. Эйзенхауэр продвигал концепцию поддержки американских нефтяных консорциумов, открыв им дверь на Ближний Восток. После него демократ Дж. Кеннеди не стремился продолжать политику предшественника, хотя сохранил некоторые ее элементы. Дж. Кеннеди полагал, что если бы иранское правительство возглавил умелый премьер-министр, близкий к западной системе ценностей и способный правильно управлять экономикой Ирана, то для США в регионе Иран стал бы партнером, а не подопечным государством. После Дж. Кеннеди Л. Джонсон фактически продолжил политику в отношении Ирана, заключающуюся в содействии реформированию страны посредством «Белой революции». Однако, как показала история, «Белая революция» не решила в краткосрочной перспективе всех социально-экономических проблем Ирана, а перед монархией встали новые проблемы, ставшие впоследствии роковыми. Источниками работы послужили архивы президентов США, архив Госдепартамента США, мемуары ряда политиков, переписка президентов США и шаха Ирана, а также иранская пресса того времени. Методологической основой исследования послужил историко-сравнительный метод с использованием элементов контент-анализа.

Ключевые слова: Иран, США, Мохаммед Реза Пехлеви, Гарри Трумэн, Дуайт Эйзенхауэр, Джон Кеннеди, Ближний Восток, нефтяная промышленность

© Искандарян Г.М., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Искандарян Г. М.* Инструментарий влияния США в Иране в 1950—1960-е гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23, № 1. С. 116—129. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-116-129>

US Leverage Tools in Iran in 1950s — 1960s

Gohar M. Iskandaryan  

Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, the Republic of Armenia
iskandaryan@sci.am

Abstract. The study presents an analysis of American influence in Iran after the World War II. The author describes how American foreign policy concepts worked in Iran, and opened a window into the country for American oil industries. The importance and relevance of the article lie in the fact that the players have not changed significantly, nor have the rules of the game and the actions they evoke changed much. Although the foreign policy toolkit of the US has been modernized, very often old methods are still practiced in the region, thus the study and analysis of those are very valuable today. The author tries to identify the problems of Iran in the second half of the 20th century, to study them in parallel with American foreign policy concepts, to present and analyze how American concepts paved the way for the expansionist policy of the United States. The key finding of the research shows that every American foreign policy concept was basically implemented only in case of the continuity of the power of the same party. Thus, Republican D. Eisenhower promoted the concept of supporting American oil tycoons. After him, Democrat J.F. Kennedy did not continue this approach in full, but only retained some elements. J.F. Kennedy believed that if the Iranian government was headed by a skilled prime minister, an adherent of Western values, who could properly manage the Iranian economy, then Iran would become a regional ally for the United States rather than a dependent country. After J.F. Kennedy, L. Johnson continued the foreign policy approach regarding Iran by promoting the country's reformation through the White revolution. However, as history proved, the White Revolution failed to solve all the socioeconomic problems of Iran in the short term. Instead, the monarchy faced new and already fatal problems. The sources for this paper were the archives of the US presidents, the archives of the US State Department, the memoirs of a number of politicians, the correspondence between the US presidents and the Shah, as well as the Iranian press of that time. The author has applied the historical-comparative method, using the principles of content analysis.

Key words: Iran, US, Mohammed Reza Pahlavi, Harry Truman, Dwight Eisenhower, John Kennedy, Middle East, oil industry

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Iskandaryan, G. M. (2023). US leverage tools in Iran in 1950s — 1960s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 116—129. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-116-129>

Введение

Общеизвестно, что США проводят свою внешнюю политику, основываясь на концепциях, отражающих чаяния, стремления и цели Вашингтона как на Американском континенте, так и за его пределами. Каждая концепция в истории США основывалась на возможностях и интересах на конкретный момент. После реализации одной концепции американские администрации постепенно переходили к созданию и реализации другой, преодолевая новые вызовы, что способствовало развитию государства.

Первой внешнеполитической концепцией была доктрина Монро, согласно которой европейским странам ясно дали понять, что они больше не должны преследовать свои интересы в Северной и Южной Америках, поскольку отныне это зона влияния Вашингтона. Таким образом, в декабре 1823 г. Соединенные Штаты стали претендовать на роль могущественной региональной державы. Фактически эта концепция была ориентиром для страны вплоть до начала XX в.

В 1941 г. президент Ф.Д. Рузвельт в обосновании тезисов внешней политики

использовал такие общечеловеческие ценности, как свобода слова, свобода религии, свобода от страха и бедности¹, и последние быстро нашли свое место в мире. Видение президентом США американских идеалов свободы личности во всем мире было представлено в Конгрессе 6 января 1941 г. Эта идеология была очень влиятельной во время Второй мировой войны, поскольку включала универсальную систему ценностей, а в связке с «экономическим скачком» позволила Соединенным Штатам выйти за пределы Американского континента и стать глобальным игроком.

Во время Второй мировой войны США поддержали СССР программой ленд-лиза, тем самым фактически впервые покинув сферу своего естественного влияния путем вмешательства в дела Евразийского континента. Ленд-лиз был предоставлен странам антигитлеровской коалиции без предварительных условий, что свидетельствует об изначальном отсутствии у США планов по воздействию на экономику стран, получавших помощь. Примечательно, что программа оказания помощи СССР по ленд-лизу была реализована в том числе через территорию Ирана.

Заслуживает внимания то, что во время и после Второй мировой войны влияние США на Ближнем Востоке возросло до такой степени, что Великобритания уже была обеспокоена этим. Во время войны Лондон осознал, что утратил контроль над Саудовской Аравией, а также был глубоко обеспокоен ситуацией с Ираном и Ираком. В этом отношении знаменательно письмо британского премьер-министра Уинстона Черчилля от 4 марта 1944 г., адресованное президенту США Ф.Д. Рузвельту: «Большое вам спасибо за уверения в том, что вы не имеете виды на наши нефтяные поля в Иране и Ираке. Позвольте мне отблагодарить вас самыми надежными уверениями в том, что мы не будем посягать на ваши интересы и ответственность в Саудовской Аравии»².

¹ FDR and the Four Freedoms Speech // FDR Library. URL: <https://www.fdrlibrary.org/four-freedoms/> (accessed: 09.01.2022).

² The British Prime Minister (Churchill) to President Roosevelt. London, March 4, 1944 // Office of the Historian. URL: history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v03/d53/ (accessed: 09.01.2022).

В своем обращении к Конгрессу 16 апреля 1945 г. президент Г. Трумэн суммировал свое видение внешней политики, согласно которому после Второй мировой войны США стали мировой державой и будут нести всю ответственность за обеспечение мира и защиту американских идеалов³. Это установило новый вектор, которого американские политики пытаются придерживаться до настоящего времени.

После окончания войны, параллельно с «планом Маршалла», была претворена в жизнь концепция новоизбранного президента США Г. Трумэна, согласно которой финансовые ассигнования выделялись Греции, Турции и в меньшей степени Ирану. Постепенно на Ближнем и Среднем Востоке стал использоваться инструментарий, разработанный и примененный много лет назад в Латинской Америке: заговоры, государственные перевороты, насаждение проамериканского режима. Ярким доказательством этого стало свержение правительства Мохаммеда Мосаддыка путем государственного переворота, осуществленного при непосредственном участии США, в результате которого власть шаха укрепились.

По мнению автора, военный переворот, произошедший 19 августа 1953 г. в Иране, оказал огромное негативное влияние на отношения между Ираном и США, о чем до сих пор заявляет иранская сторона. В то же время усилиями США в 1961 г. в Иране к власти пришло правительство Али Амини, чья миссия заключалась в выполнении крупномасштабной и одобренной Вашингтоном программы, называемой «Белая революция», служащей доказательством приверженности западным ценностям, защите американских интересов и нацеленной на сокращение влияния Советского Союза в регионе.

В 1950-х гг. Соединенные Штаты в своей внешней политике часто применяли механизм оказания помощи, который в краткосрочной перспективе давал реальный результат. В июне 1950 г. Конгресс принял законопроект о «помощи» слаборазвитым странам. Согласно резолюции Конгресса, в 1950/51—1952/53 гг.

³ April 16, 1945: First Speech to Congress // Miller Center. URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/april-16-1945-first-speech-congress/> (accessed: 09.01.2022).

было предоставлено 337 млн долл. США. В рамках «4-го пункта доктрины Трумэна» США решили оказать помощь Ирану, Афганистану, Египту, Ираку, Израилю, Иордании, Ливану и Саудовской Аравии. Турция получила американскую помощь в рамках реализации «плана Маршалла» (Самыловский, 1955, с. 66). Фактически можно утверждать, что это была первая попытка применения американской «мягкой силы», благодаря чему США попытались выйти из своего ареала и стать глобальным актором, вступив в противоборство с СССР на Ближнем и Среднем Востоке и стремясь держать своего оппонента на расстоянии от ресурсных центров региона.

Знаменательно, что в послевоенные годы Вашингтон оказывал помощь в основном не тем странам, которые были союзниками во время войны, а тем государствам, которые нужно было защитить от возможного влияния Советского Союза. Помощь, предоставленная Ирану, была в разы меньше в сравнении с той, которая была направлена в Турцию и Грецию (Goode, 1989, p. 33).

Д. Эйзенхауэр (1953—1961): альянсы против коммунизма и «экономическая помощь»

В 1953 г. новоизбранный президент США Д. Эйзенхауэр попытался осуществить проактивную политику на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Иране. В период его президентства в американском истеблишменте сформировалось мнение, что только помощью и ассигнованиями США более не могут удерживать свое влияние в ключевых регионах. Вакуум, возникавший вследствие ослабления позиций Великобритании, кто-то должен был заполнить, в частности, в Иране сильные позиции занимала коммунистическая партия Туде. Соединенные Штаты решили активизировать свою политику в Иране, и в результате военного переворота 1953 г. верхушка коммунистической партии Туде была разгромлена: некоторые были арестованы, остальные пустились в бег (Zibakalam, 1996—97, p. 831).

Осуществив резкий разворот и отказавшись от политики прежней администрации, Д. Эйзенхауэр решил содействовать интересам

американских нефтепромышленников и стал участником антиконституционной интервенции Великобритании по свержению премьер-министра Ирана.

Такую резкую смену курса в политике США можно объяснить следующими факторами. Во время президентской предвыборной гонки 1952 г. было потрачено 100 млн долл. США, и, согласно заявлению бывшего радиоведущего Френка Эдвардса, половина этой суммы была пожертвована нефтепромышленниками в пользу Д. Эйзенхауэра (О'Коннор, 1958, с. 280). Устранив оппонирующую шаху реальную силу в лице премьер-министра страны Мохаммеда Мосаддыка и усилив позиции шаха Ирана, Соединенные Штаты вовлекли Иран в антисоветский блок, который был известен как Багдадский пакт.

Примечательно, что курс на создание региональных антисоветских блоков получил развитие в США еще с февраля 1953 г. Высказываясь в поддержку этого курса, президент Д. Эйзенхауэр отмечал, что «система альянсов», спонсируемая США, необходима региону для создания «заслона» против «врагов, которые плетут заговоры для нашего уничтожения» (Saikal, 1991, p. 444). В этой связи М. Мосаддык становился препятствием как для реализации планов по установлению контроля над иранской нефтью, так и создания антисоветского блока. Знаменательно, что американская администрация считала неправильной дислокацию своих войск в районах, приграничных с СССР, и полагала, что Советский Союз должен быть окружен цепью союзников США. Однако даже во внешнеполитических отчетах Совета по национальной безопасности США, опубликованных 30 октября 1953 г., содержались сомнения о возможности включения Ирана⁴ в пакт, тогда как основными игроками пакта фактически были Турция и Пакистан. Взамен на вступление в пакт шах Ирана ожидал получить не только масштабную помощь от США, но и гарантии сохранения своей власти. Соединенные Штаты

⁴ A Report to the National Security Council by Executive Secretary on Basic National Security Policy // Intelligence Resource Program. October 30, 1953. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf> (accessed: 09.01.2022).

увеличили долю помощи Ирану в соответствии со ст. 4 пункта «доктрины Трумэна», что позволяло государству посредством иностранной экономической или безвозмездной помощи ликвидировать бюджетный дефицит (Мамедова, 1997, с. 22).

После Второй мировой войны одним из важных факторов влияния Соединенных Штатов стали поставки союзникам американских вооружений, которые вытекали в политику сохранения зависимости, так как поставка вооружений предполагала также постоянное присутствие американских военных советников, экспорт запасных частей для вооружений, обновление и перевооружение. Неоспоримо, что в 1950—1960-х гг. американские военные советники были наделены большой властью в Иране. Например, в 1943 г. Соединенные Штаты учредили Военную миссию при иранской жандармерии (GENMISH), а в 1947 г. достигли двустороннего соглашения с Ираном о штаб-квартире американской армии (ARMISH) (Ricks, 1979, p. 169). Кроме того, в 1957 г. Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США и израильская разведка Моссад помогли Ирану в создании Службы информации и безопасности страны (САВАК), которая занималась разведывательной деятельностью, а также подавлением оппозиции шаху, включая членов партии Туде и националистов (Taheri, 1988, p. 44).

5 января 1957 г. Д. Эйзенхауэр выступил в Конгрессе со специальным обращением, которое впоследствии получило название «доктрина Эйзенхауэра». В этом выступлении президент однозначно заявил, что США впредь должны проводить проактивную политику на Ближнем и Среднем Востоке: таковым было основное видение США в этом регионе. Он попросил у Конгресса одобрение на использование Вооруженных Сил США для «обеспечения безопасности и территориальной целостности государств [Ближнего и Среднего Востока], а также сохранения политической независимости этих стран»⁵.

Д. Эйзенхауэр в своем выступлении ясно показал готовность активизировать анти-

⁵ Eisenhower Doctrine // History. URL: <https://www.history.com/topics/cold-war/eisenhower-doctrine/> (accessed: 09.01.2022).

коммунистическую борьбу на Ближнем и Среднем Востоке, в которую он был готов вкладывать огромные финансовые ресурсы, а также поддерживать союзников военными и финансовыми консультациями, поставлять американское вооружение и боеприпасы и даже иногда помогать в урегулировании глубоких финансовых кризисов, вовлекая государства в антисоветские военно-политические блоки. Он разъяснил господствующие интересы США на Ближнем и Среднем Востоке, заметив, что любая внешняя попытка установления контроля над Персидским заливом будет рассмотрена как агрессия и покушение на национальные интересы США, и такое нападение будет отражено всеми доступными средствами, включая военные⁶.

Доказательством этого стала операция АЯКС, проведенная в 1953 г. и фактически направленная на вмешательство во внутренние дела Ирана, поскольку посредством военного переворота был свергнут премьер-министр страны (Roosevelt, 1979, p. 18; Lenczowski, 1990, p. 38), а также начался процесс втягивания Ирана в Багдадский пакт, хотя изначально Иран пытался сохранять нейтралитет и не вмешиваться в игры сверхдержав.

В свою очередь, американская общественность была обеспокоена тем, что налоги американцев тратились на поддержку военно-политического блока на Ближнем и Среднем Востоке. Для снятия этого напряжения в мае 1957 г. президент Д. Эйзенхауэр в послании американскому народу отметил, что опасность коммунизма в Иране реальна, и воплощением этой угрозы служит М. Мосаддык. Президент заявил: «Под предводительством отважного шаха народ Ирана встретился лицом к лицу с этой опасностью. Иран получил от нас необходимую помощь, чтобы восстановить экономическую стабильность. Иран остается свободным. И его свобода продолжает доказывать свою крайнюю важность для нашей собственной свободы»⁷.

⁶ The State of the Union Address Delivered before a Joint Session of the Congress // The American Presidency Project. January 23, 1980. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-state-the-union-address-delivered-before-joint-session-the-congress/> (accessed: 09.01.2022).

⁷ Dwight D. Eisenhower: 1957: Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President,

Однако финансовые траты иранских властей, а также шахского двора возросли до такой степени, что беспокоили не только народ, но и Соединенные Штаты, так как каждый раз для американских властей становилось проблемой заделывание экономической брешки Ирана. Кроме того, президенту каждый раз требовалось разрешение Конгресса США на выделение Ирану очередного финансового транша, а получение такого разрешения не всегда давалось с легкостью.

Знаменательно также еще одно выступление Д. Эйзенхауэра от 1959 г., которое прозвучало в межджисе Ирана, где президент США напомнил о советской угрозе и обратил внимание народа Ирана на важность Организации Центрального договора (*Central Treaty Organization*, СЕНТО) и американской мощи в целом. «В то же время мы не можем отказаться от наших взаимных усилий по созданию блоков, таких миролюбивых блоков, каковым является Организация Центрального договора, направленных против постоянной агрессии, и эта организация, СЕНТО, не имеет скрытых или завуалированных намерений, она существует только для поддержания безопасности. Имея такой щит, мы защищаем наши заветные ценности. Уверен, что народ Ирана не нуждается в напоминании о таких простых фактах. Как раз вчера вы отмечали годовщину восстановления справедливости по отношению к Азербайджану (северной провинции Ирана. — *Прим. авт.*). Вся мощь мирового общественного мнения, представленного в ООН, поддержала вас в этот тяжкий час. Она всегда поддержит права любого народа, которому будет угрожать иностранная агрессия»⁸.

Для упрочения своих позиций Соединенные Штаты не только втянули страны Ближнего и Среднего Востока в антисоветский блок, но и впоследствии, в 1959 г., заключили с некоторыми из них двусторонние военные

договоры, таким образом полностью поставив в зависимость от себя Иран, Турцию и Пакистан. Однако необходимо отметить, что эти страны имели возможность выбора, но предпочли альянс с США, будучи уверенными, что это будет способствовать увеличению их национальной мощи. Заключение военных договоров в 1959 г. обосновано тем, что выход Ирака как ключевого игрока из Багдадского пакта и вступление в СЕНТО Великобритании вынудили Соединенные Штаты заключить двусторонние договоры со странами — членами пакта для укрепления собственных позиций (Saikal, 1980, p. 57; Bill, 1988, p. 119).

Эта жесткая и бескомпромиссная политика была обусловлена не только новой концепцией и стратегией США, но и тем, что это наиболее типичный для Республиканской партии метод ведения политики. В целом ключевым внешнеполитическим механизмом США в 1950—1960-х гг. было содействие банкротству той или иной страны с тем, чтобы затем предоставлять ей кредиты, вводящие государство в финансовую зависимость от США и позволяющие безраздельно управлять его внешней политикой. С начала 1960-х гг. регулирование потоков капитала за рубеж стало активно использоваться США в качестве политического инструмента. Высокий уровень американских инвестиций вынудил правительство Ирана все внимательнее прислушиваться к политическим приоритетам США. Экспорт американского капитала в Иран принимал форму не только инвестиций, но и кредитов. Таким образом, администрация США получила дополнительные рычаги воздействия на многие государства «третьего мира», включая Иран (Братерский, 2008, с. 10—15).

Дж. Кеннеди (1961—1963): «революционные» реформы

В 1961 г. президентом США был избран Джон Кеннеди, который также пытался защитить интересы США в регионе, однако использовал для этого другой инструментарий. Дж. Кеннеди полагал, что с Ближним Востоком необходимо строить такие отношения, чтобы государства региона убедились

January 1 to December 31, 1957 // *The Public Papers of the Presidents of the United States*. URL: <http://name.umdl.umich.edu/4728417.1957.001> (accessed: 09.01.2022). См. также: (Pahlavi M.R., 1980, p. 91—92).

⁸ Dwight D. Eisenhower. Address to the Members of the Parliament of Iran // *The American Presidency Project*. December 14, 1959. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-members-the-parliament-iran/> (accessed: 09.01.2022).

в отсутствии угрозы их независимости и нейтралитете со стороны США⁹.

5 мая 1961 г. в Иране новым премьер-министром страны был назначен Али Амини (Willcocks, 2015, p. 47). Последний был давним игроком на политической арене, он занимал пост министра экономики в правительстве М. Мосаддыка. После свержения последнего Амини занимал пост министра финансов в правительстве Фазлоллы Захеда, и по этой причине представители оппозиционного Народного фронта, сформированного М. Мосаддыком, враждебно относились и к Амини, и к Захеда (Milani, 2008, p. 63). В 1956 г. А. Амини был назначен послом Ирана в США, и в течение пребывания в Соединенных Штатах ему удалось подружиться с тогда еще сенатором Джоном Ф. Кеннеди. Знаменательно, что после назначения премьер-министром А. Амини внес в повестку «программу в 15 пунктов по развитию страны, которая большей частью совпадала с представлениями Джона Кеннеди» (Willcocks, 2015, p. 47). В то же время, проанализировав, с каким рвением правительство США защищало власть А. Амини, становится ясным, где родилась идея «Белой революции». Более того, тот факт, что шах Ирана согласился на имплементацию такой масштабной программы, идя на явное столкновение интересов с духовенством и богатыми землевладельцами, говорит о его решительности в переводе отношений с США на более высокий уровень и усилении собственных позиций.

Большая часть американских чиновников в то время была уверена, что если шах не начнет реформы, то в конце концов будет свергнут (Summitt, 2004, p. 564). Разумеется, несмотря на то, что целью шаха было решение проблем общества Ирана посредством «Белой революции», в дальнейшем эта программа реформ создала серьезные проблемы для династии Пехлеви, настроив против нее как богатых землевладельцев, так и духовенство, не

желавших отказываться от своих владений. Кроме того, у крестьян не было необходимых инструментов, механизмов, химикатов и знаний, чтобы обрабатывать землю и получать прибыль, что стало причиной недовольства крестьянства.

В свою очередь Брен, полномочный министр США и начальник 4-го пункта в Иране, говоря о деятельности по развитию иранских деревень, отметил: «В течение всего периода своего пребывания в Иране, на Ближнем Востоке, в Юго-Западной Азии мы старались научить иранских крестьян, каким образом обрабатывать земли, удовлетворять свои потребности и благоустроить села»¹⁰.

Параллельно с этим оппонирующие шаху землевладельцы не допускали крестьян к использованию своих сетей орошения, тем самым усугубляя экономическое положение крестьянства. Получалось, что шах, пытаясь реализовать программу реформ, в действительности столкнулся с проблемой, которая, по нашему мнению, впоследствии послужила одной из причин Исламской революции. Частичное претворение в жизнь программы «Белой революции», идея которой получила значительную поддержку со стороны США, является индикатором того, что авторы этих реформ не принимали в расчет иранский менталитет и реалии.

Правительству Али Амини, которое имплементировало «Белую революцию», и в Иране, и на Западе сначала пытались приписать качества политического лидера, осуществляющего революционные шаги. Однако, как пишет иранское издание «Дипломат», «совершенно неуместно называть нынешнее правительство революционным. И не только потому, что доктор Амини принадлежит к классу вельмож и аристократов¹¹ и, естественно, не может обладать революционным авантюристическим духом, но и потому, что предпосылки и сам образ его прихода к власти, условия, обстоятельства и время его правления не

⁹ Remarks of Senator John F. Kennedy in the Senate, Washington, D.C., June 14, 1960 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/united-states-senate-u-2-incident-19600614/> (accessed: 09.01.2022).

¹⁰ Кейхан. 17.04.1961. (На персидском языке).

¹¹ Али Амини был внуком шаха Персии Мозафеддина Каджара по материнской линии и внуком великого визиря Персии Мирза Али Хана Амин-ад-Доуле по линии отца.

были похожи на революционные движения в других станах мира»¹².

Иранист А. Сайкал полагает, что администрация Дж. Кеннеди считала А. Амини более способным изменить Иран по усмотрению Америки, чем это смог бы сделать шах (Saikal, 1991, p. 447).

Шах Ирана, претворяя в жизнь программы А. Амини, который фактически являлся протее Соединенных Штатов, понимал, что таким образом он может надеяться на большее со стороны США. В связи с этим сестра шаха Ашраф Пехлеви в своих мемуарах пишет, что ее брат был вынужден назначить Амини премьер-министром (Pahlavi A., 1980, p. 172). Сам шах в интервью американскому корреспонденту признался, что администрация Дж. Кеннеди принудила его назначить А. Амини на пост премьер-министра (Abrahamian, 1982, pp. 422—423). Фактически он выступал против кандидатуры А. Амини, который ранее имел тесные связи с Кавамом ос-Салтане, а также М. Мосаддыком, будучи членом его правительства.

В июне 1961 г. иранская проправительственная пресса неустанно сообщала о положительном влиянии «Белой революции» на общественно-политическую жизнь Ирана, таким образом пытаясь снизить недовольство населения шахской системой правления. Так, газета «Эттелаат» сообщала, что в сопровождении премьер-министра А. Амини и министра сельского хозяйства доктора Арсенджани шах поехал в Муганскую степь, чтобы вручить крестьянам документы на владение государственными землями в данном районе¹³. Тем самым СМИ демонстрировали властям США, что социальные программы, одобренные американцами, претворяются в жизнь.

Одним из важных инструментов для продвижения внешней политики США являлась публичная дипломатия, для реализации которой в 1953 г. был создан орган внешнеполитической пропаганды — Информационное агентство США (*United States Information Agency*, USIA). В Иране главной целью агентства являлось обеспечение народной

поддержки политики шаха (Wainwright, 2022, p. 223). Стремление США взаимодействовать с иранцами на культурном уровне было ключевым аспектом американской внешней политики в стране (Wainwright, 2022, p. 224).

А. Амини, поддерживаемый США, пытался править самостоятельно, расширив полномочия премьер-министра, что вызывало обеспокоенность и недовольство шаха. В этой связи некоторые американские исследователи справедливо отмечают, что после Мохаммеда Мосаддыка Али Амини также попытался урезать полномочия шаха, но потерпел неудачу. Последняя попытка принадлежала премьер-министру Ирана Али Мансуру, после убийства которого шах Ирана назначал премьер-министрами исключительно лояльных ему деятелей.

Не обладая большой поддержкой внутри страны, А. Амини использовал карту безусловной поддержки США: Госдепартамент и другие американские учреждения приступили к срочному рассмотрению просьбы премьер-министра Амини о чрезвычайной помощи Ирану в размере 40 млн долл. США¹⁴. К слову, заместитель руководителя Плановой организации по экономическим вопросам Ирана Фарманфарманиан заявил, что существование правительства полностью зависит от американской помощи и эти 40 млн долл. США должны быть выданы в виде безвозмездной помощи, а не в виде займа¹⁵.

В то же время А. Амини проводил подчеркнутую антисоветскую политику, таким образом пытаясь получить новые дивиденды от президента США. Посол СССР в Иране Н.М. Пегов, покидая Иран в знак протеста, заявил корреспонденту «Юнайтед Пресс»: «Я удивлен и поражен той линией, которую проводит Амини по вопросу взаимоотношений Ирана с Востоком и Западом. Я никогда не ожидал, что Иран все так же будет проводить одностороннюю политику. Я приложил все свои усилия к улучшению взаимоотношений двух стран, но на нашу добрую волю Иран не ответил взаимностью»¹⁶.

¹⁴ Кейхан. 07.06.1961. (На персидском языке).

¹⁵ Кейхан. 06.06.1961. (На персидском языке).

¹⁶ Кейхан. 13.06.1961. (На персидском языке).

¹² Дипломат. 07.06.1961. (На персидском языке).

¹³ Эттелаат. 13.06.1961. (На персидском языке).

Указанные меры были направлены на достижение одной цели — подчеркнуть преданность Ирана Соединенным Штатам, от чего зависело получение финансовой и военной помощи, гарантии безопасности от США как в случае возможного нападения со стороны СССР, так и в целях сохранения монархии шаха. Последнее было особенно актуально в связи с тем, что в те годы на Ближнем и Среднем Востоке было свергнуто сразу несколько монархий: в 1953 г. — в Египте, в 1958 г. — в Ираке, а в 1961 г. — в Турции после военного переворота был повешен премьер-министр страны А. Мендерес.

Тем не менее все усилия А. Амини не дали желаемого результата, и Дж. Кеннеди не оказал поддержки Ирану в той степени, на которую надеялся шах. Более того, администрация Дж. Кеннеди, открыто защищая правительство А. Амини, в то же время отмечала, что «если эффективная программа правительства будет осуществлена, то доходы от нефти, превышающие ежегодно 300 млн долл. США, смогут в течение двух лет стабилизировать экономическое положение в стране»¹⁷. Этим Дж. Кеннеди четко давал понять, что собственные экономические проблемы надо решать самостоятельно. Вашингтон также сократил военную помощь Ирану: если в 1961 г. Ирану предоставлялось 85 млрд долл. США, то в 1962 г. эта цифра сократилась до 44,7 млрд долл. США (Pollack, 2004, p. 84).

Не сумев исправить тяжелую экономическую ситуацию в стране, А. Амини подал в отставку в июле 1962 г. Проводя реформы «Белой революции», шах надеялся завоевать симпатию широких масс и тем самым укрепить свои позиции для дальнейшего сотрудничества с Соединенными Штатами и любой ценой доказать, что только он является истинным хозяином страны и Вашингтону нет надобности делать ставки на других политических деятелей.

Очевидно, что Дж. Кеннеди также уделял меньше внимания деятельности СЕНТО, что служило причиной беспокойства в Иране. Так, после 9-й сессии СЕНТО в Турции иранская пресса отмечала: «Осведомленные источники

заявляют, что хотя Америка не желает уменьшения значения данной организации, в то же время она не хочет брать на себя большие обязательства перед СЕНТО. Такая линия США вызвала глубокое беспокойство, в особенности в Иране и Пакистане, чье оборонительное положение полностью зависит от СЕНТО»¹⁸.

В иранских средствах массовой информации часто публиковались материалы, в которых выражались озабоченность и недовольство иранского руководства политикой США, но осуществлялось это по неофициальным каналам. Основная претензия в адрес Вашингтона заключалась в недостаточных финансовых ассигнованиях. «Со времени прихода к власти Дж. Кеннеди из трех азиатских стран — членов пакта только Иран не получил от Америки помощь наличными деньгами. Учитывая ту огромную ответственность, которую взял на себя Иран по пакту СЕНТО, а также доверие, которое он снискал, являясь членом этого пакта, с точки зрения получения помощи Иран должен был находиться в первом ряду»¹⁹.

Несмотря на то, что в ближневосточной политике Дж. Кеннеди Ирану тоже была отведена ключевая роль, он полагал, что в регионе Соединенным Штатам нужно более сильное и влиятельное государство, которое сможет стать проводником американских интересов, а также бороться против коммунистических движений, распространявшихся в регионе. Для претворения этой программы в жизнь Дж. Кеннеди отказался следовать образу действий предыдущего руководителя США, который безвозмездно предоставлял помощь Ирану, покрывал дефицит бюджета Ирана, по первому же требованию Ирана поставлял вооружение, боеприпасы и советников. «Нужно будет реализовать смелые решения и взять на себя большую ответственность, если сможете принять текущий бюджет Ирана без иностранных ассигнований»²⁰, — отметил Дж. Кеннеди в своем письме шаху. Для Дж. Кеннеди было ясно, что Иран остро нуждается в социальных

¹⁸ Кейхан. 27.04.1961. (На персидском языке).

¹⁹ Сетаре Техран. 26.04.1961. (На персидском языке).

²⁰ 11. Letter from President Kennedy to the Shah of Iran. Washington, August 1, 1962 // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v18/d11/> (accessed: 09.01.2022).

¹⁷ Кейхан. 06.06.1961. (На персидском языке).

реформах и только таким способом можно вывести Иран из стагнации и перевести на новый уровень развития.

«Белая революция» была попыткой сократить социальное неравенство. Предоставив свободы женщинам, власти Ирана впоследствии смогли использовать их потенциал, а это половина населения, возможности которой до этого фактически не использовались. «Белая революция» дала импульс образованию, что благоприятно повлияло на развитие новых научно-технических сфер. Если в прошлом в Иране были более развиты гуманитарные направления, то после «Белой революции» больше внимания стало уделяться естественным наукам.

Как ни парадоксально, но образовательная политика иранских властей обернулась для них серьезными политическими проблемами, поскольку население не имело достаточной возможности реализовать свои знания, в политике продолжалась традиция назначения прежних чиновников, а если и назначался молодой, то он обязательно имел родственные связи с другими высокопоставленными чиновниками. Таким образом, обучая народ и формируя новый класс, но не предоставляя возможностей для самореализации, иранская элита укрепляла базу для оппозиции правящему режиму (Сергеев, Саруханян, 2012, с. 143—144). О пренебрежении политическими реформами говорила и супруга последнего шаха Фарах Диба: «Мы забыли о политических реформах, думали, что с ними можно подождать. Мы жестоко ошиблись» (Эггерт, 2010, с. 158).

Шах стремился к крупным экономическим и социальным изменениям с помощью своей «Белой революции», но в то же время в политическом плане продолжал политику репрессий. Фундаментальная причина грядущей Исламской революции, которую разведка и другие наблюдатели должны были осознать в то время, заключалась в том, что проект шаха был опасным (Jervis, 2010, p. 30). Проблема либерализации репрессивного режима «была настолько серьезной, что требовала более серьезного внимания и анализа» (Jervis, 2010, p. 67).

Упоминая о внешней политике США и Ирана, эксперты нередко забывают предоставить информацию о мнении населения по этому вопросу. Несмотря на то, что благодаря

«Белой революции» число образованных граждан в Иране начало расти, тем не менее в стране преобладала та масса, которая уповала на мнение духовенства. Очень часто шах во время назначения служащих в главные мечети проявлял благосклонность по отношению к тем, кто защищал точку зрения правительства. Однако во время правления Мохаммеда Мосаддыка, а также после его свержения наступило пробуждение в рядах более или менее образованного населения Ирана, которые начали бороться во имя интересов своей страны. Этому пробуждению способствовали деятели, подвергавшиеся опале и гонениям со стороны действующей власти, а также коммунистически настроенные сторонники просоветского вектора.

В апреле 1961 г. в вечерней газете «Бамшад» была опубликована довольно выразительная статья о внешней политике Ирана, где ясно очерчивалось отношение иранской оппозиции к политике США: «У Ирана нет никакой внешней политики, и мы, покоровшись своей неизвестной судьбе, идем в кильватере политики определенных больших государств. Даже новый премьер-министр (имеется в виду Али Амини. — Прим. авт.) в своих заявлениях на пресс-конференциях неоднократно говорил об американской помощи, связях с Америкой, американских советниках... американском четвертом пункте [доктрины Трумэна], американских займах, что незнакомые с географией люди подумали, что в мире существует одна страна — Америка, и мы вынуждены сохранять и расширять дружественные отношения с ней... опираться на ее помощь»²¹.

Знаменательно, что внутри правящей элиты Ирана в 1960-х гг. наметились существенные перемены, проявившиеся в предпочтении изучения иностранных языков, которое является опосредованным индикатором изменения внешнеполитического вектора Ирана — от Европы к Америке.

Известный иранист М. Зонис в своей работе приводит ряд статистических данных, из которых очевидно, что французский язык уступил место английскому в 1960-х гг. (табл. 1). Это было достижением Вашингтона, а не Лондона.

²¹ Бамшад. 14.06.1961. (На персидском языке).

Таблица 1

Процент иранской элиты (исходя из возраста), считающей английский или французский язык своим вторым языком после персидского

| Язык | Возраст | | | |
|-------------|-------------|-------|-------|-------------|
| | 39 и моложе | 40—49 | 50—59 | 60 и старше |
| Английский | 61,1 | 42,1 | 29,7 | 29,3 |
| Французский | 38,9 | 57,9 | 70,3 | 70,7 |

Источник: (Zonis, 1976, p. 178).

Л. Джонсон (1963—1969): военные технологии и инвестиции для усиления зависимости Ирана

Рост американского влияния сохранил свою стабильную динамику также после убийства Дж. Кеннеди. Его преемник Линдон Джонсон в принципе придерживался политики предшественника по отношению к Ирану, уделяя большое внимание реализации реформ «Белой революции», что подчеркивается в письме президента США шаху Ирана: «Предоставив свободу рабочим и крестьянам Ирана, а также женщинам, Вы делаете сложный и отважный шаг. Вы доказали свою веру и доверие по отношению к народу Ирана и Вашу способность к противостоянию внешним давлениям. Вас превратно поймут и оклеветают. Это цена исторического прогресса, это цена развития. Но Ваш народ восхитится Вами и полюбит Вас»²².

Фактически можно констатировать, что Л. Джонсон ошибся, поскольку «Белая революция» не получила той общественной поддержки, на которую рассчитывали Соединенные Штаты и шах. По нашему мнению, одной из причин этих неудач был подход Тегерана, в соответствии с которым, часто будучи не в состоянии решить основные проблемы, он пытался сохранить хотя бы формальный аспект реализации «Белой революции».

В ответ Линдону Джонсону Мохаммед Реза Пехлеви написал письмо, которое в целом раскрывает истинные намерения шаха. «Господин Президент, после Вашего визита многое произошло в Иране. Всесторонняя программа

перспективных социальных, политических и экономических реформ, о которой Вы вкратце упомянули, в настоящее время полностью реализована»²³.

Высшая цель шаха Мохаммеда Реза Пехлеви состояла в превращении Ирана в одну из могущественных в военном аспекте стран региона за короткое время. Для этой цели он непрерывно рисовал президентам США картину о напряженной ситуации в регионе, описывал беспрестанные угрозы со стороны Советского Союза и в этой связи просил предоставить Ирану современное вооружение. «В прошлом году Пентагон подготовил для Ирана Пятилетний план развития, который был принят с некоторыми условиями и ожиданием более удовлетворительных альтернатив. Эта Программа уже доказала свою неполноценность для изменчивой ситуации этого региона... У нас нет никаких запасов или резервов... Военно-воздушные Силы Ирана никогда не соответствовали минимальным армейским требованиям. Если наши военные силы должны действовать результативно и исполнять свои обязанности и если Иран является для США верным и незаменимым союзником, полноценно исполняющим свою роль в изменении политической погоды на Ближнем Востоке, то, господин Президент, очевидно, что эти потребности должны быть удовлетворены»²⁴. «Если Соединенные Штаты не в состоянии обеспечить наши конкретные и неотложные нужды в дополнение к Пятилетнему плану, чтобы мы смогли исполнить наши обязательства, я думаю, что мы можем посоветоваться и прийти к согласию о приобретении дополнительных вооружений у США или другой страны для удовлетворения наших дополнительных нужд»²⁵.

Примечательно, что Иран непрерывно принимал многочисленные группы американских военных, экономических и финансовых советников. В 1960-х гг. число только военных советников достигало 4500. Американский

²² 1. Letter from President Johnson to the Shah of Iran. Washington, January 2, 1964 // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v22/d1/> (accessed: 09.01.2022).

²³ 2. Letter from the Shah of Iran to President Johnson. Tehran, January 7, 1964 // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v22/d2/> (accessed: 09.01.2022).

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

теоретик У. Липпман отмечал: «Иран чрезмерно зависим от нас и чрезмерно уверен, что его судьба решается в Вашингтоне. Во многих местах Ирана чрезмерно много американцев»²⁶. Достоинно внимания мнение Кеннета Поллака, согласно которому Мохаммед Реза Пехлеви нуждался в Америке, но в конце 1960-х гг. Америка гораздо больше нуждалась в Иране (Pollack, 2004, p. 99).

По сути, отношения между Ираном и США в 1950—1960-х гг. можно охарактеризовать как поддержку слабой развивающейся страны со стороны сверхдержавы, что проявлялось в предоставлении разнообразной помощи (табл. 2), вмешательством во внутренние дела, тесным сотрудничеством между ЦРУ и САВАК (Gasiorowski, 1993, p. 471). Однако в 1970-х гг. благодаря значительным доходам от нефтяной отрасли эта помощь сократилась, и Иран стал для США одним из ключевых партнеров по военным закупкам и торговле.

Таблица 2

Зарубежные займы и гранты США в 1946—1960 гг.

| Вид помощи | 1946— | 1949— | 1953— | 1958 | 1959 | 1960 |
|---|-------|-------|-------|-------|-------|-------|
| | 1948 | 1952 | 1957 | | | |
| Общие суммы экономической и военной помощи, из них: | 25,8 | 33,1 | 500,7 | 124,9 | 137,8 | 127,3 |
| Кредиты | 25,8 | — | 116,2 | 40,0 | 37,7 | — |
| Гранты | — | 33,1 | 384,5 | 84,9 | 100,1 | 127,3 |

Источник: (Zonis, 1976, p. 108).

С конца 1940-х гг. Иран отказался от политики нейтралитета, которой придерживался во время Второй мировой войны, и вел открытую прозападную политику, в том числе вступая в организации военного характера, основанные США, назначая премьер-министров с прозападными взглядами, а также через СМИ преподнося обществу этот внешнеполитический курс в качестве высшей истины. «После 1320 (1941) года пришедшие к власти правительства Ирана, соблюдая нейтралитет и политическое равновесие, довели дело до того, что послы некоторых стран считали себя вправе вмешиваться во

внутренние дела страны. Правительства были вынуждены и подмигивать северному соседу, и заигрывать с южным соседом. Результатом такой нейтральности было то, что нас считали двуличными, нам не доверяли»²⁷.

В заключение следует отметить, что по отношению к Ирану у США было несколько целей, о которых они открыто заявляли в 1960—1970-х гг.:

- поддержка и обеспечение независимости Ирана;
- поддерживание тесных отношений с Ираном, особенно лично с шахом;
- обеспечение бдительности Ирана в отношении долгосрочных целей СССР;
- сохранение привилегии служб связи и разведки в Иране, а также полетов над территорией Ирана;
- влияние на Иран для обеспечения стабильности на Ближнем Востоке;
- поддержание доступа Запада к иранской нефти, обеспечение и поощрение американских инвестиций в Иран, приобретение как можно большей доли растущего иранского рынка для США²⁸.

Цитируемый документ показывает, что США, поддерживая независимость Ирана, в то же время всячески способствовали усилению его зависимости от Соединенных Штатов, которые вложили большие средства в стратегические объекты Ирана, обеспечив таким образом свое присутствие почти повсеместно. До середины 1970-х гг. шах прилагал все усилия, чтобы угодить Соединенным Штатам для получения американских военных технологий. Эксплуатируя региональные амбиции шаха, Вашингтон контролировал его и даже не пытался найти ему замену. Что же касается отношений с Москвой, то Иран и СССР пытались найти пути сотрудничества. Опасаясь сближения двух стран, США использовали страхи шаха и иранской элиты по отношению к СССР, который после Второй мировой войны попытался аннексировать иранские

²⁷ Эттелаат. 15.06.1961. (На персидском языке).

²⁸ 2. Memorandum from the Executive Secretary of the Department of State (Read) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, January 30, 1969 // Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d2/> (accessed: 09.01.2022).

²⁶ New York Herald Tribune. December 15, 1959.

северные провинции. США использовали эти опасения для обеспечения крупного военного присутствия в Иране и проведения необходимой разведки против СССР.

Заключение

В 1950—1960-х гг. США желали видеть Иран настолько сильным, чтобы он своими экономическими и социальными возможностями был способен противостоять влиянию СССР в регионе. При этом в планы США не входило содействие созданию такого Ирана, который не имел бы необходимости в экономической и военной мощи США и проводил самостоятельную политику в регионе. Эксплуатируя страхи шаха о возможном повторе экспансии СССР в северной части страны, а также играя на региональных амбициях династии Пехлеви, США оказывали Ирану необходимую помощь в разных сферах, в то же время возложив на Тегеран такие обязанности, которые проистекали исключительно из американских интересов. Вместе с тем, сколько бы выгодно ни было США держать Иран в зависимости и пополнять государственный бюджет этой страны финансовой помощью, Вашингтон выражал недовольство растратами иранских властей и именно это считал причиной тяжелого социально-экономического положения в стране.

В 1950-х гг. США боролись не только против расширения влияния СССР на Ближнем Востоке, но и использовали проблемы в капиталистическом лагере, способствовали их обострению, тем самым ослабляя своих европейских союзников и открывая возможности для их выдворения с Ближнего Востока и получения контроля над крупнейшими нефтяными месторождениями в регионе, иногда даже на монопольных правах. Сначала США не имели доли в нефтепромысле Ирана, так как эта промышленность полностью принадлежала правительству Великобритании, однако после свержения М. Мосаддыка Вашингтон внес вклад в ослабление позиций Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) в Иране, и уже согласно договору, каждой из

пяти американских нефтяных компаний перешло по 8 % акций АИНК. Таким образом, в руках США оказалось 40 % нефтяной промышленности Ирана (Avery, 1965, pp. 453—454).

В то же время для правительства США приемлемыми инструментами были как совершение военного переворота, так и назначение на пост премьер-министра проамериканских политиков.

В результате искусной политики США в 1968 г. Великобритания объявила о выводе своих войск из стран Ближнего и Среднего Востока, что и было сделано в 1971 г. (Vaez-Zadeh & Javadi, 2019).

Таким образом, Соединенные Штаты после заявки на мировое господство в 1823 г. постепенно расширяли сферу своих интересов, начали более активно вовлекаться в проблемы Евразийского континента, создавая различные проблемы для стран этого континента, пытаясь ослабить, обессилить, а потом и финансово поддержать их, тем самым поставив в зависимость от американского капитала и не давая возможности даже думать о расширении чьего-либо влияния в одной из стран Американского континента. Более того, с годами, ослабив позиции Лондона и Парижа, ранее игравших значимую роль в регионе, место лидера заняли США. Пытаясь воспользоваться вновь открывшимися возможностями, страны региона стремились подчеркнуть свою уникальность с точки зрения защиты интересов США.

Иран преуспел в получении американской поддержки, демонстрируя растущее влияние СССР на Ближнем и Среднем Востоке. Тегеран часто использовал это как инструмент, чтобы стать более важным партнером США, конкурируя со своим главным соперником в регионе — Турцией. Углубляя стратегические отношения с Пентагоном, руководство иранской армии обучалось как в США, так и во многих странах западного мира. В 1970-е гг. Иран смог закупить в США такое боевое вооружение, которое не имелось даже у некоторых стран — членов НАТО. В 1970-х гг. для Соединенных Штатов Иран стал одной из двух опорных стран в регионе.

Поступила в редакцию / Received: 24.07.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 08.08.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Братерский М. В.* Финансовые инструменты внешней политики США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 11. С. 3—20.
- Мамедова Н. М.* Иран в XX веке: роль государства в экономическом развитии. Москва : Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997.
- О'Коннор Х.* Империя нефти. Москва : Издательство иностранной литературы, 1958.
- Самыловский И. В.* Экспансия американского империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Сергеев В. М., Саруханян С. Н.* «Белая революция»: провал модернизации сверху // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2012. № 3 (66). С. 132—145.
- Эггерт К. П. фон.* Трагедия последнего шаха: Мохаммед Реза Пехлеви и тупик просвещенного авторитаризма // Индекс безопасности. 2010. № 4 (95). С. 153—158.
- Abrahamian E.* Iran between Two Revolutions. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1982.
- Avery P.* Modern Iran. London : Frederick A. Praeger, 1965.
- Bill J. A.* The Eagle and the Lion: The Tragedy of American-Iranian Relations. New Haven : Yale University Press, 1988.
- Gasiorowski M. J.* Policymaking in a Highly Autonomous State: Iran under the Shah, 1963—1978 // The Iranian Journal of International Affairs. 1993. Vol. 5, no. 2. P. 440—482.
- Goode J. F.* The United States and Iran 1946—51. The Diplomacy of Neglect. New York : Palgrave Macmillan, 1989. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-20277-5>
- Jervis R.* Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War. Ithaca and London : Cornell University Press, 2010. <https://doi.org/10.7591/9780801458859>
- Lenczowski G.* American Presidents and the Middle East. Durham, NC : Duke University Press, 1990.
- Milani A.* Eminent Persians: The Men and Women Who Made Modern Iran, 1941—1979. Vol. 1. Syracuse, NY : Syracuse University Press, 2008.
- Pahlavi A.* Faces in a Mirror: Memoirs from Exile. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall Direct, 1980.
- Pahlavi M. R.* Answer to History. New York : Stein & Day Pub, 1980.
- Pollack K. M.* The Persian Puzzle: The Conflict between Iran and America. New York : Random House, 2004.
- Ricks T. M.* U.S. Military Missions to Iran, 1943—1978: The Political Economy of Military Assistance // Iranian Studies. 1979. Vol. 12, no. 3—4. P. 163—193. <https://doi.org/10.1080/00210867908701554>
- Roosevelt K.* Counter coup: The Struggle for the Control of Iran. New York : McGraw-Hill, 1979.
- Saikal A.* Iranian Foreign Policy, 1921—1979 // The Cambridge History of Iran: From Nadir Shah to the Islamic Republic / ed. by P. Avery, G. Hambly, C. Melville. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 426—456. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521200950.013>
- Saikal A.* The Rise and Fall of the Shah. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1980.
- Summitt A. R.* For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran // Middle East Journal. 2004. Vol. 58, no. 4. P. 560—575. <https://doi.org/10.3751/58.4.12>
- Taheri A.* Nest of Spies: America's Journey to Disaster in Iran. London : Hutchinson, 1988.
- Vaez-Zadeh H., Javadi R.* Reassessing Britain's Withdrawal from the Persian Gulf in 1971 and Its Military Return in 2014 // World Sociopolitical Studies. 2019. Vol. 3, no. 1. P. 1—44. <https://doi.org/10.22059/wsp.2019.278750.1101>
- Wainwright D.* American and British Soft Power in Iran, 1953—1960: A 'Special Relationship'? Cham : Palgrave Macmillan, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88414-7>
- Willcocks M. J.* Agent or Client: Who Instigated the White Revolution of the Shah and the People in Iran, 1963? [thesis]. Manchester : University of Manchester, 2015. URL: https://pure.manchester.ac.uk/ws/portalfiles/portal/54578593/FULL_TEXT.PDF (accessed: 09.01.2022).
- Zibakalam S.* The Rise and Fall of the Tudeh Party in Iran between 1941—1953 // The Iranian Journal of International Affairs. 1996—97. Vol. 8, no. 4. P. 822—833.
- Zonis M.* The Political Elite of Iran. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1976.

Сведения об авторе: *Искандарян Гоар Манвеловна* — кандидат исторических наук, заведующая отделом пранистики Института востоковедения Национальной академии наук Республики Армения; ORCID: 0000-0001-9580-1318; e-mail: iskandaryan@sci.am



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-130-143

EDN: TQVHNCI

Научная статья / Research article

Развитие китайско-эфиопских отношений в ходе Огаденской войны 1977—1978 гг.

М.Т. Ялев 

Колледж гуманитарных наук, Шанхайский университет, Шанхай, Китай

✉ mesafint@shu.edu.cn

Аннотация. Исследование посвящено вмешательству великих держав, в первую очередь США и СССР, а также КНР, в дела стран Африканского Рога во время Огаденской войны (1977—1978 гг.). Наряду с изучением общепринятых представлений о соперничестве двух сверхдержав в районе Африканского Рога автор стремится подчеркнуть сложное взаимодействие реальной политики Китая в отношении Африканского Рога, прежде всего Сомали и Эфиопии, с его отношениями с СССР и США, описывая перспективы китайской политики в Африке и реакцию Пекина на Огаденскую войну. В исследовании используются как публицистические, так и делопроизводственные источники, мемуары политических деятелей, материалы СМИ. Утверждается, что Китай обратил внимание на п-ов Сомали из-за активной политики СССР в регионе. Автор приходит к заключению, что советское влияние в регионе Африканского Рога привело к тому, что Огаденская война вышла за его пределы и приобрела международный масштаб, а реакция Китая на Огаденскую войну была в первую очередь направлена на то, чтобы сократить сферу влияния Советского Союза в регионе.

Ключевые слова: холодная война, Африканский Рог, Огаденская война, реакция Китая, Хайле Мариам Менгисту

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ялев М.Т. Развитие китайско-эфиопских отношений в ходе Огаденской войны 1977—1978 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 130—143. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-130-143>

The Dynamics of China — Ethiopia Relations during the Ogaden War, 1977—1978

Mesafint T. Yalew  ✉

College of Liberal Arts, Shanghai University, Shanghai, China

✉ mesafint@shu.edu.cn

Abstract. This study examines superpower competition in the Horn of Africa during the Ogaden War (1977—1978). It deals mainly with China's response to the Ogaden War. The author uses both primary and secondary sources. Primary research sources were collected from various agencies and institutions such as the Ethiopian Ministry of Foreign Affairs, the Institute of Ethiopian Studies (IES), and periodicals using memoirs, speeches, and correspondence exchanges. Secondary sources are gathered from published and unpublished sources.

© Ялев М.Т., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The study defines conventional wisdom about superpower and Chinese intervention in the Horn of Africa during the Ogaden War; it seeks to highlight the complex interplay of real China's foreign policy toward the Horn of Africa. It also describes China's perspectives on policy in Africa and its response to the Ogaden War. The study claims that the Soviet Union's influence in the Horn of Africa generally draws China into regional affairs. Indeed, Soviet influence in the Horn of Africa shifted the Ogaden War into an international dimension. Thus, the study concludes that China's reaction to the Horn events was primarily aimed at leveling out the Soviet Union's sphere of influence in the region.

Key words: Cold War, Horn of Africa, Ogaden War, China's reaction, Mengistu Hailemariam

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Yalew, M. T. (2023). The dynamics of China — Ethiopia relations during the Ogaden war, 1977—1978. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 130—143. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-130-143>

Введение

После революции 1974 г. Эфиопия оказалась в изоляции и была вынуждена искать новых партнеров на международной арене. Новое руководство Эфиопии — Временный военно-административный совет (ВВАС), также известный как Дерг, предприняло попытку установить связи со странами социалистического лагеря. Одной из таких стран стал Китай. В 1970-х гг. Пекин развивал свои отношения с африканскими странами, предоставляя им техническую и медицинскую помощь (Halliday & Molyneux, 1981; Selassie, 1980; Xiudong, 2011). В середине 1976 г. делегация высокого уровня во главе с Менгисту Хайле Мариамом, заместителем председателя Дерга, совершила тайный государственный визит в Пекин. В ходе визита было подписано несколько соглашений по закупке вооружения и расширению двусторонней торговли (Mengistu, 2011, p. 350). Однако после начала проведения политики реформ и открытости в Китае Пекин постепенно сокращал поддержку государств, провозгласивших социалистический путь развития. Первоначальная реакция Китая на режим Дерга в итоге ухудшила его дальнейшие отношения с Эфиопией, особенно во время Огаденской войны 1977—1978 гг.

Реакцию Китая на войну за Огаден можно объяснить стремлением сохранить баланс сил в регионе. Первоначально возможности Китая для вмешательства в Огаденскую войну были ограничены, и Пекин решил держаться подальше от конфликта¹. Однако активная

политика СССР на эфиопском направлении вынудила Китай пересмотреть свое отношение к этой войне. Именно поэтому цель данного исследования заключается в том, чтобы не только реконструировать динамику китайско-эфиопских отношений во время Огаденской войны, но и рассмотреть в целом кризис в регионе Африканского Рога, выявить его последствия для китайско-эфиопских отношений и показать наиболее важные результаты для развития связей двух стран в разгар холодной войны.

В статье используется широкий спектр источников, прежде всего соглашений, договоров и коммюнике, выступлений политических лидеров, представленных в СМИ и мемуарах, а также статистические данные. Представлен обзор исследований, затрагивающих предмет исследования, что позволяет выявить и сравнить различные подходы к его пониманию. Автор использует проблемно-хронологический подход, что дает возможность в первой части показать развитие соперничества сверхдержав в районе Африканского Рога, во второй — выявить особенности отношений Китая с режимом Дерга в Эфиопии (1974—1976 гг.), а в третьей — рассмотреть реакцию Пекина на события вокруг Огаденской войны 1977—1978 гг.

URL: <https://www.jstor.org/stable/20029719> (accessed: 26.10.2022); Stansfield T. The Naval Balance: Not Just a Numbers Game // *Foreign Affairs*. 1977. Vol. 55, no. 2. P. 339—354. URL: <https://www.jstor.org/stable/20039649> (accessed: 26.10.2022). См. также: (Jones, 2011; Yordanov, 2012).

¹ См.: Scalapino R. A. Sino-Soviet Competition in Africa // *Foreign Affairs*. 1964. Vol. 42, no. 4. P. 640—654.

Историографический обзор

В ряде ключевых исследований, посвященных данной проблематике, получили достаточное освещение различные аспекты двусторонних отношений Эфиопии и Китая. Так, в публикациях, подготовленных М. Венкатараманом и А.Г. Гаморой (Venkataraman & Gamora, 2009), К.М. Дадди (Daddi, 2009), Вэй Сюдуном (Xiudong, 2011), С. Адемом (Adem, 2012) и Ван Сяо Гуаном (Xiaoguang, 2014) подробно изложены основные этапы отношений Китая и Эфиопии как в период холодной войны, так и после ее окончания. М. Венкатараман и А.Г. Гамора (Venkataraman & Gamora, 2009) отмечают, что политические и экономические отношения между Китаем и Эфиопией демонстрировали бурный рост с начала холодной войны, а двустороннее техническое сотрудничество расширилось еще во времена имперского правления в Эфиопии, особенно в последние годы нахождения у власти императора Хайле Селассие.

В своем исследовании Г. Тареке (Tareke, 2000) сделал акцент на влиянии эфиопской революции на регион Африканского Рога, поскольку именно она в значительной степени предоставила сомалийцам возможность реализовать свои территориальные притязания на Огаден в середине 1977 г. Эфиопская революция, как отмечал К. Легум (Legum, 1975), создала благодатную почву для лидеров Дерга, чтобы изменить внешнеполитический курс Эфиопии и начать поиски нового внешнего покровителя в 1975 г. Внутренняя борьба за власть между различными фракциями в Эфиопии была настолько сильной, что представители Дерга не могли удержаться у власти, опираясь только на местные силы. Именно поэтому советская поддержка режима Дерга, безусловно, оказалась решающим фактором в Огаденской войне, однако решение эфиопских военных «двигаться на восток» было основано не только на осознании лидерами ВВАС необходимости консолидации власти в своих руках, но и возможности снизить уязвимость перед агрессией Сомали против Эфиопии.

В свою очередь Вэй Сюдун (Xiudong, 2011) приводит исторический обзор отношений двух стран с различных точек зрения, но не уделяет должного внимания влиянию

внешних сил. В его работе проводится глубокий анализ отношений между Китаем и Эфиопией с 1952 по 2011 г. Прозападная политика Хайле Селассие, как указывает К.М. Дадди (Daddi, 2009, р. 29), послужила главным фактором, препятствующим установлению дипломатических отношений между Эфиопией и Китаем. Серьезная идеологическая дисгармония между двумя странами, существовавшая до 1970-х гг., создавала почву для противоречий в китайско-эфиопских отношениях, в результате чего, например, оба государства занимали противоположные позиции в период войн в Корее и Конго.

В исследовании М. Венкатарамана и А.Г. Гаморы (Venkataraman & Gamora, 2009, pp. 17—19) также рассматривается роль Китая в Эфиопии и его деятельность в Африке. Согласно выводам авторов, активность Китая в Африке, включая Эфиопию, имела три мотива:

1) внутри Китая происходила напряженная идеологическая борьба;

2) на международном уровне возникли разногласия с бывшим союзником, СССР, что привело к разрыву дипломатических отношений в конце 1960-х гг. и также повлияло на потерю Африки как важного союзника сверхдержав;

3) распределение баланса сил между основными сторонами холодной войны — США и Советским Союзом — не позволяло Китаю играть какую-либо значимую роль на международной арене.

В подобных условиях в 1970-е гг. начали развиваться китайско-эфиопские отношения. Аргументы авторов кажутся новыми, но они не объясняют интенсивности политических и экономических отношений между Китаем и Эфиопией в эпоху холодной войны. Сосредоточившись на революции 1974 г., такие авторы, как К. Легум (Legum, 1975), М. Оттауэй (Ottaway, 1976), Ф. Хэллидей и М. Молино (Halliday & Molyneux, 1981) и Р.А. Йорданов (Yordanov, 2012), предпочитали рассматривать отдельно каждый спорный вопрос между сверхдержавами, включая политику Китая в районе Африканского Рога.

Таким образом, каждое из вышеперечисленных исследований, прямо или косвенно фокусирующихся на китайско-эфиопских отношениях, по существу рассматривало

процесс принятия решений каждой страной индивидуально. Кроме того, можно найти и другие исследования, посвященные как международным реалиям, так и внутренним проблемам, воздействовавшим на двусторонние отношения Китая и Эфиопии. Так, в своей работе Д.Х. Спенсер (Spencer, 1977, pp. 18—19) приводит все внешние силы, которые оказывали влияние на внешнюю политику Держа в разгар холодной войны. В состав этих сил были включены сверхдержавы, средние державы и некоторые отдельные акторы, например Куба и Народная Демократическая Республика Йемен. Их сближение с Эфиопией в течение данного периода чаще всего мотивировалось национальными интересами, связанными с поддержанием баланса сил в регионе.

Как отмечал П. Шваб (Schwab, 1978), отношения между сверхдержавами в период холодной войны, несмотря на предполагаемую разрядку напряженности на Африканском Роге, были основаны на продолжающемся соперничестве за влияние в регионе. Хотя автор считает соперничество сверхдержав результатом политических изменений, произошедших в африканских странах, в том числе в Эфиопии и Сомали, его анализ в значительной мере посвящен спорам о том, как конкуренция великих держав воздействовала на динамику китайско-эфиопских отношений в конце 1970-х гг.

В то же время исследователь М. Айюб (*Conflict and Intervention in the Third World*, 1980, p. 167) предполагал, что внешнеполитические интересы США в этом конкретном регионе носили не идеологический, а прежде всего стратегический и военный характер. Камнем преткновения соперничества сверхдержав, как он отмечает, служила проблема контроля над Красным морем, и каким бы ни был исход этого соперничества, он должен был оказать серьезное влияние не только на региональную расстановку сил, но и отразиться на ходе китайско-эфиопских отношений на начальном этапе холодной войны.

По мнению Р.А. Йорданова (Yordanov, 2012), кризис в районе Африканского Рога, особенно между Сомали и Эфиопией, можно частично объяснить геостратегическими интересами сверхдержав и Китая. Именно

стратегическое расположение Эфиопии стало яблоком раздора для великих держав.

Наконец, Ван Сяо Гуан (Xiaoguang, 2014) в своем анализе останавливается на трех важных событиях в развитии Китая и Эфиопии, которые впоследствии приведут к возобновлению двусторонних отношений. К ним следует отнести, во-первых, постепенную нормализацию китайско-советских отношений в начале 1980-х гг.; во-вторых, рост интенсивности официальных обменов на высоком уровне между Китаем и Эфиопией; в-третьих, поездку Чжао Цзяна в страны Африки и события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Все это подтвердило растущий интерес Китая к Африке, включая Эфиопию. Как считает исследователь, именно после окончания холодной войны был достигнут новый уровень сотрудничества в отношениях между двумя странами.

Все приведенные выше исследования в той или иной степени касаются различных аспектов китайско-эфиопских отношений, и эти работы (за исключением анализа К. Легума, который носит описательный характер) можно разделить на две группы: исследования, посвященные различным аспектам политики Держа в рамках отношений между Пекином и Москвой, и исследования, изучающие советский вектор внешней политики Эфиопии, пересмотренный Менгисту Хайле Мариамом в 1970-х гг. Каждое исследование, несомненно, полезно и конструктивно, но вместе с тем довольно уязвимо для критики, если принимать во внимание крайне ограниченный уровень анализа.

Так, И. Дебеш (Debeche, 1987) в своей работе сосредоточивается на позиции руководства Китая относительно кризиса в регионе Африканского Рога, которая определялась как его социалистической ориентацией в целом, так и ослаблением антисоветской риторики в конце 1970-х гг. Автор начинает с критики того, что он определяет как склонность сверхдержав (в число которых он включает и Китай) к системному подходу. Проблема с таким общим обзором, как он указал, заключается в следующем: «Каждый фактор не может уловить потенциальную динамику отношений между уровнями анализа... что иллю-

стрирует тенденцию к конкуренции, которая налагает аналитические барьеры на пути исследования» (Debeche, 1987, p. 1026).

И. Дебеш разработал теоретическую основу для преодоления этих барьеров. Его работа является одним из наиболее комплексных исследований роли Китая в Африке во время холодной войны. Ее особое преимущество перед более ранними трудами связано, прежде всего, с ее теоретической основой. Однако неспособность И. Дебеша сравнить значение системных и подсистемных факторов и показать, как меняется воздействие внешних сил при переходе от одного уровня к другому, ограничивает возможности его модели. Учитывая это, с помощью его подхода можно выделить системный и индивидуальный уровни анализа, которые показывают тенденцию к колебанию и преуменьшению значения отношений между Китаем и отдельными африканскими странами.

Цель И. Дебеша состояла в том, чтобы показать, как сочетаются и взаимодействуют системные и единичные факторы в рамках международных отношений на примере реакции Китая на Огаденскую войну. Поскольку это побудило его использовать модель выявления связей для своего анализа, то возникает вопрос, существует ли другая модель, теория или подход, которые могли бы достичь той же цели, может несколько лучшим и менее спорным способом.

Сверхдержавы и Африканский Рог

Африканский Рог как регион имеет большое стратегическое значение — он расположен на стыке Красного моря и Индийского океана, предоставляя один из выгодных путей доступа к такому региону, как Ближний Восток. Ближневосточный регион представлял большую политическую и экономическую важность для сверхдержав, которые боролись за влияние в нем, и это даже угрожало разрядке напряженности между ними во время холодной войны². Одной из серьезных региональных проблем в регионе Африканского Рога были пограничные конфликты между Сомали и Эфиопией. Территориальные

² Подробнее о стратегическом положении и важности Африканского Рога в годы холодной войны см.: (Mesfin, 2004).

трения, существующие между двумя социалистическими государствами из-за региона Огаден, кульминацией которых стала война 1977—1978 гг., вызвали перемены в региональной политике СССР, США и КНР.

Прежде чем обсуждать вовлеченность сверхдержав в ситуацию на Африканском Роге, было бы полезно вкратце рассмотреть политические события, в которых участвовали Эфиопия и Сомали, с одной стороны, и роль в этих событиях сверхдержав, а также Китая — с другой. Такой анализ пролил бы свет на отношения Китая со странами Африканского Рога, особенно с Сомали и Эфиопией. В 1974—1976 гг. Китай пытался поддерживать дружеские отношения с обоими враждующими государствами Африканского Рога. В октябре 1969 г. к власти в Сомали пришли военные во главе с Мохаммедом Сиадом Барре, и новый левый режим был враждебно настроен по отношению к империалистическим державам³. «Прогрессивная» позиция, занятая М.С. Барре, завершилась созданием Высшего революционного совета (ВРС) и Сомалийской революционной социалистической партии (СРСП) в июне 1976 г. Это изменение рассматривалось Советским Союзом как «новый важный шаг в развитии сомалийской революции и свидетельство решимости трудящихся Сомали под руководством своего боевого авангарда бороться за национальную независимость, свободу и построение социалистического общества» (Halliday & Molynеux, 1981, p. 241).

В то же время происходило активное развитие отношений между Советским Союзом и Сомали. В июле 1974 г. был подписан двусторонний договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет⁴. В результате в Сомали для

³ Мохаммед Сиад Барре пришел к власти после политических беспорядков в стране, которые привели к убийству президента Абдирашида Шермаке 15 октября 1969 г. Подробнее см.: James G. Somalia's Overthrown Dictator, Mohammed Siad Barre, Is Dead // The New York Times. January 3, 1995. URL: <https://www.nytimes.com/1995/01/03/obituaries/somalia-s-overthrown-dictator-mohammed-siad-barre-is-dead.html> (accessed: 26.10.2022).

⁴ Подробнее см.: (Lockyer, 2006). См. также: Soviet Union is reinforcing its presence in Horn Africa // The Ethiopian Herald. April 4, 1974; Darnton J. Russians in Somalia: Foothold in Africa Suddenly Shaky // The New York Times. September 16, 1977. URL: <https://www.nytimes.com/1977/09/16/archives/russians-in->

технической поддержки было отправлено 3000 советских военных советников. Более 100 техников и 700 сомалийцев также прошли обучение у советских специалистов в Сомали и Советском Союзе (Debeche, 1987, p. 1019). В период с 1971 по 1975 г. Сомали получила экономическую и военную помощь от Советского Союза примерно на 32 и 132 млн долл. США соответственно⁵.

В 1975 г. в стране насчитывалось около 1000 советских и 50 кубинских советников⁶. Это встревожило страны Запада, особенно США, которые начали терять влияние в регионе Африканского Рога вследствие прихода к власти военных режимов в Сомали и Эфиопии в начале 1970-х гг.

В то же время главной целью Советского Союза в регионе было обеспечение своих стратегических интересов путем укрепления дружественных отношений с сомалийским режимом М.С. Барре, который носил антиимпериалистический характер. Более тесное сближение Мохаммеда Сиада Барре с Советским Союзом имело целью построение мощной армии, способной заявить о своих территориальных претензиях на Африканском Роге, в частности на Огаден, чтобы осуществить давнюю мечту о «Великом Сомали» (Laitin, 1977, p. 75; Tareke, 2000, pp. 635—667; Cooper, 2015). Преследуя эти цели, в мае 1977 г. сомалийская армия перешла границу с Эфиопией и аннексировала спорную территорию.

Советский Союз также пытался наладить отношения с Эфиопией. Катализатором для этого послужили события февраля 1977 г., когда Менгисту Хайле Мариам, которого Москва считала «прогрессивным» и проницательным лидером эфиопской революции, стал председателем Дерга (Westad, 2007, p. 275). Следует отметить, что в первые годы (1974—1976 гг.) революционная линия Дерга была подорвана деятельностью сторонников умеренной линии. Внешняя политика нового военного режима в Эфиопии поначалу мало отличалась от той, которой следовал

император. Однако эфиопская революция произошла в тот период, когда шло активное развитие отношений Сомали с СССР и КНР. На фоне нарастания поставок советского оружия в Сомали ключевой партнер Эфиопии (еще с имперских времен) — США — не спешил поставлять эфиопской стороне современное оружие, столь необходимое для обороны страны. Следовательно, у Дерга не было четкой политической ориентации, особенно в отношении США (Halliday, 1977, p. 8; Negussay, 1977; Metaferia, 2009).

Со своей стороны, вплоть до прихода к власти администрации Дж. Картера в 1976 г., США не были склонны занимать враждебную позицию по отношению к Дергу (Negussay, 1977; Korn, 1986, pp. 18—19; Mangasa, 1987). До апреля 1976 г. США продолжали продажу оружия и оказывали военную помощь Эфиопии. Следует отметить, что политика США по вопросу продажи оружия Эфиопии не была продиктована стратегической важностью региона. К моменту свержения императора Хайле Селассие США уже начали терять интерес к Эфиопии и постепенно сворачивали свое присутствие в стране. В отличие от своих предшественников администрация Дж. Картера приостановила сотрудничество с Эфиопией, а в апреле 1977 г. приняла решение прекратить поставки оружия, в том числе уже оплаченные (по словам представителей Дерга, на сумму 100 млн долл. США). Это ясно показало, что США были готовы поддержать соперников Эфиопии в регионе, особенно Судан и Саудовскую Аравию⁷.

Такие изменения в политике США совпали с приходом к власти подполковника Хайле Мариам Менгисту в качестве беспорного

somalia-foothold-in-africa-suddenly-shaky.html (accessed: 26.10.2022).

⁵ The Guardian. February 24, 1975. См. также: (Somalia: A Country Study, 1993).

⁶ Daily Nation (Kenya). January 30, 1976.

⁷ Подробнее о снижении интереса США к Эфиопии см.: United States arms policies in the Persian Gulf and Red Sea areas, past, present, and future : report of a staff survey mission to Ethiopia, Iran and the Arabian Peninsula, pursuant to H. Res. 313: authorizing the Committee on International Relations to conduct thorough studies and investigations of all matters coming within the jurisdiction of the Committee // U.S. Government Printing Office. Washington, 1977. P. 172. URL: <http://link.library.in.gov/portal/United-States-arms-policies-in-the-Persian-Gulf/yvJsKlx858g/> (accessed: 26.10.2022). См. также: (Lyons, 1978, p. 10; Lefebvre, 1991, pp. 55—67, 90—130).

лидера Дерга в феврале 1977 г. Президент Дж. Картер прекрасно понимал, что США столкнутся с более трудной задачей в отношении революционного руководства Эфиопии, чем он предвидел. Подобные изменения в деятельности США на эфиопском направлении были поддержаны арабскими государствами, в частности Суданом, Египтом и Саудовской Аравией, которые выступали резко против политики США по поддержанию дружественных отношений с Эфиопией.

Начальный этап в отношениях социалистической Эфиопии и Китая (1974—1977 гг.)

Попытки Эфиопии получить помощь у Китая не увенчались успехом. И Китай, и Эфиопия заявляли, что между двумя странами поддерживались дружеские отношения, характеризующиеся взаимным уважением и периодическим обменом делегациями. Однако помощь Китая ограничивалась главным образом экономическими проектами, такими как строительство дорог и бурение скважин⁸. Это ограничивало влияние Китая на руководство Дерга, несмотря на сильные позиции маоистов в Эфиопии, особенно среди студентов.

Эфиопия обратилась к Советскому Союзу за поставками оружия, правда безуспешно. Советские СМИ восхваляли эфиопскую революцию⁹, однако изначально советское правительство не поддерживало идею поставок оружия для защиты революции. Тем не менее Дерг продолжал искать дружбы и благосклонности Москвы, надеясь, что Кремль остановит вторжение Сомали, пока страна находится в состоянии внутривнутриполитического конфликта. В марте лидер Кубы Фидель Кастро посетил Эфиопию и Сомали в попытке создать Федерацию Африканского Рога, но М.С. Барре выступил против этого предложения¹⁰. Упорно

⁸ Для поддержки аграрной реформы в Эфиопии 17 января 1975 г. Китай направил в страну технических специалистов. Подробнее см.: (Yodfat, 1980, p. 33).

⁹ См.: Soviet Writers Lauds Ethiopian Revolution // The Ethiopian Herald. July 9, 1976; Ethiopia in Soviet Press // The Ethiopian Herald. May 30, 1976.

¹⁰ Подробнее о встрече в Адене между Мохаммедом Сиадом Барре и Хайле Мариамом Менгисту вместе с Фиделем Кастро и Салемом Рубайя Али см.: (Westad,

отстаивая свои претензии на Огаден, в июле 1977 г. армия Сомали оккупировала эту территорию¹¹.

На этом фоне отношения СССР и Сомали начали обостряться, в то время как Китай, который поддерживал прочные связи с Сомали, стремился расширить свои позиции, заняв место Советского Союза (Waters, 1982, pp. 17—23). Неспособность Ф. Кастро найти бесприоритетное решение для урегулирования споров в районе Африканского Рога не оставила Советскому Союзу иного выбора, кроме как встать на чью-либо сторону¹². Соответственно, Советский Союз предпочел поддержать «справедливую войну», которую Эфиопия вела для защиты своих международно признанных границ¹³.

Вторжение Сомали в Огаден стало явным нарушением Устава Организации Африканского Единства (ОАЕ), что было указано в Аккрской декларации. Для Москвы возможность усилить влияние в Эфиопии казалась слишком привлекательной, чтобы ее упустить. Эфиопия могла стать ценным потенциальным союзником, несмотря на значимость Сомали в контексте советской военно-морской стратегии.

2007, pp. 274—275). См. также: Gleijeses P. Havana's Policy in Africa, 1959—76: New Evidence from Cuban Archives // Cold War International History Project Bulletin. 1996. No. 8/9. P. 5—18. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/CWIHP_Bulletin_8-9.pdf (accessed: 26.10.2022).

¹¹ Third African Department, the Ministry Soviet Foreign Affairs Report on Somali-Ethiopian Territorial Disputes // Wilson Center Digital Archive. February 2, 1977. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/third-african-department-soviet-foreign-ministry-information-report-somali-ethiopian> (accessed: 26.10.2022). См. также: (Lockyer, 2006; Westad, 2007; Woodrooffe, 2014).

¹² Transcript of a meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban leader Fidel Castro, East Berlin (excerpts) regarding Castro's visit to Somalia and Ethiopia, criticizing Siad Barre and discussing the need to help the revolution in Ethiopia // Wilson Center Digital Archive. April 3, 1977. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/transcript-meeting-between-east-german-leader-erich-honecker-and-cuban-leader-fidel-castro> (accessed: 26.10.2022). См. также: (Lockyer, 2006; Westad, 2007; Woodrooffe, 2014).

¹³ Records of conversation between Soviet Ambassador to Ethiopia A.P. Ratanov and Mengistu. February 9, 1977 // Russian State Archive of Recent History (RGANI). Fund 5. Reg. 73. Case 1636. P. 31—32, 33—38.

Кроме того, Эфиопия была гораздо более крупной и влиятельной страной, чем Сомали.

Поддержка Советским Союзом Эфиопии имела и дополнительные причины, среди которых, во-первых, попытки М.С. Барре занять прозападную позицию и его сближение с радикальными арабскими государствами, выступающими против Советского Союза, такими как Судан, Саудовская Аравия и Египет; во-вторых, после возвышения Х.М. Менгисту его режим стал активнее придерживаться антизападного курса в своей внешней политике; наконец, стратегическое положение Эфиопии, на территории которой располагалась штаб-квартира ОАЕ.

С военно-стратегической точки зрения контроль над Эфиопией позволял усилить советские позиции как в Индийском океане, так и на Красном море. Однако следует напомнить, что до ноября 1977 г. у Советского Союза были относительно хорошие отношения с Сомали даже в тот период, когда Москва сближалась с Эфиопией. К лету 1977 г. Эфиопия начала получать оружие от одного из советских союзников — Чехословакии. Еще в декабре 1976 г. Советский Союз и Эфиопия подписали секретное соглашение о поставках оружия (Lyons, 1978, p. 11; Lefebvre, 1991, pp. 55—68).

После того как в июле 1977 г. Сомали аннексировала Огаден, Советский Союз стал другом Эфиопии. В Эфиопию стали поступать большие объемы советской военной помощи, а также были направлены советские и кубинские специалисты. В ответ на это в ноябре 1977 г. президент М.С. Барре выслал из Сомали советских военных и технических советников¹⁴, продолжая при этом оккупировать Огаден. 15 ноября 1977 г. СССР свернул свое присутствие в Сомали: советским и кубинским советникам было приказано покинуть страну, а советская военная база в Бербере была закрыта (Yordanov, 2012, p. 243).

¹⁴ Third African Department, the Ministry Soviet Foreign affairs Report on Somali-Ethiopian Territorial Disputes // Wilson Center Digital Archive. February 2, 1977. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/third-african-department-soviet-foreign-ministry-information-report-somali-ethiopian> (accessed: 26.10.2022). См. также: (Lockyer, 2006; Westad, 2007; Woodroffe, 2014).

В итоге при советско-кубинской поддержке Эфиопия смогла вытеснить сомалийские войска из Огадена. К моменту окончания войны в марте 1978 г. Эфиопия получила советскую военную помощь на сумму примерно 1,5 млрд долл. США (Halliday & Molynaux, 1981, p. 247). В ноябре 1978 г. Советский Союз и Эфиопия подписали договор о дружбе сроком на 20 лет и соглашение об экономическом сотрудничестве¹⁵.

Реакция Китая на Огаденскую войну

Учитывая, что в 1960-х гг. произошло обострение китайско-советских отношений, для понимания реакции Китая на войну за Огаден необходимо рассмотреть основные черты китайско-советского соперничества в регионе Африканского Рога. Это также поможет понять, каким образом китайско-советские трения оказали влияние на позицию Китая по Огаденской войне.

В начале 1970-х гг. Китай следовал теории «трех миров», позиционируя себя как часть «третьего мира» и формируя единый фронт против неокOLONиализма, империализма и «ревизионизма»¹⁶. Китай стремился установить миролюбивые отношения со всеми странами «третьего мира» в рамках пяти принципов мирного сосуществования.

Внешняя политика Китая в отношении Африканского Рога в целом определялась сформированной в условиях ожесточенной конкуренции с Советским Союзом внешнеполитической ориентацией КНР в Африке. Именно геостратегические интересы часто определяли советскую внешнюю политику во время холодной войны, что включало желание сохранить основные военные базы в Красном море и Индийском океане (Legum, 1975, p. 13; Conflict and Intervention in the Third World, 1980, pp. 156—157; Waters, 1982, p. 20; Westad, 2007, pp. 273—279). Напротив, Китай имел ограниченные стратегические интересы в регионе. Как представляется, Китай соизмерял

¹⁵ Договор о дружбе, подписанный с Эфиопией, предусматривал продолжение сотрудничества в военной области и предусматривал тесные консультации и координацию действий в случае ситуаций, создающих угрозу миру. Подробнее см.: Правда. 21.11.1978.

¹⁶ The Peking Review. December 2, 1978.

свои интересы с действиями СССР в регионе (Laitin, 1977, p. 127; Anshan, 2016).

В 1970-е гг. между Советским Союзом и Китаем наблюдалась жесткая конкуренция, особенно во время Огаденской войны 1977—1978 гг. Обострение пограничных конфликтов между Сомали и Эфиопией и изменение союзнических отношений каждой из этих стран с СССР происходили в то время, когда в Китае царили антисоветские настроения¹⁷. Политика Китая в Африканском Роге стала еще одним примером (после Судана и Египта) по противодействию советской политике в Африке (Nurthen, 1980; Valenta, 1980). В целом советско-кубинское вмешательство в Огаденскую войну было публично осуждено Китаем¹⁸.

Первоначально Китай стремился поддерживать дружеские отношения как с Эфиопией, так и с Сомали, полагая, что мирное решение кризиса в регионе можно найти в том случае, если Эфиопия и Сомали будут свободны от вмешательства как со стороны сверхдержав, так и других акторов.

В этом контексте отношения Китая с Эфиопией и Сомали в первые годы правления Дерга (1974—1977 гг.) оставались нормальными, хотя после 1977 г. началось постепенное ухудшение китайско-эфиопских отношений. В апреле 1977 г. делегация во главе с представителем постоянного комитета Дерга Тамратом Фереде провела в Китае неделю с официальным визитом с целью получить военную помощь от Пекина¹⁹. Как видно из данных табл. 1, в 1974—1978/1979 гг. Эфиопия получила от Китая военную помощь на сумму 5 млн долл. США.

Китай оказывал помощь Эфиопии и в экономической сфере. В 1970-х гг. был построен спортивный зал на 7000 мест, а в августе 1978 г. было завершено строительство китайской ГЭС, которая была передана правительству Эфиопии (Corper, 1979, pp. 34—35).

¹⁷ Shadow Cold War: The Sino-Soviet Competition for the Third World // Wilson Centre. December 5, 2016. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/shadow-cold-war-the-sino-soviet-competition-for-the-third-world> (accessed: 26.10.2022).

¹⁸ См.: New York Time. February 20, 1978; Washington Post. February 17, 1978.

¹⁹ Ethiopian Government Delegation Is Arrived // The Peking Review. April 15, 1977. No. 16.

Однако Эфиопия держалась ближе к Советскому Союзу, а Сомали проводила более враждебную политику по отношению к СССР. В результате Китаю становилось все труднее поддерживать дружеские отношения как с Сомали, так и с Эфиопией. Спровоцированный расширением советской сферы влияния в Эфиопии, Пекин возобновил поддержку Фронту освобождения Эритреи (ФОЭ). Подобный шаг Китая стал реакцией на неспособность СССР и его союзников оказать давление на Дерг с целью поиска мирного решения в отношениях с повстанцами ФОЭ.

Таблица 1

Поставки оружия Китаем странам Африки в 1974—1978/1979 гг., млн долл. США

| Страна | Объем поставок |
|----------|----------------|
| Конго | 10 |
| Египет | 60 |
| Эфиопия | 5 |
| Мали | 5 |
| Мозамбик | 5 |
| Сомали | 5 |
| Судан | 5 |
| Танзания | 30 |
| Тунис | 10 |
| Заир | 30 |
| Замбия | 30 |

Источник: (Scherer, 1983).

Неудивительно, что Х.М. Менгисту был раздражен действиями Пекина и осудил Китай как «одну из 13 реакционных стран, которые прямо или косвенно предприняли сосредоточенное наступление против нас (Эфиопии. — Прим. авт.)»²⁰. Вместе с тем 19 мая 1979 г. министр иностранных дел Сомали Омар Артех Галиб сообщил, что «у Сомали выстроились наилучшие отношения с Китаем, который предлагает нам как военную, так и экономическую помощь» (Keesing's Contemporary Archives, 1979, p. 29877).

В этой связи в марте 1979 г. два корреспондента информационного агентства *Синьхуа* были обвинены в распространении анти-эфиопской революционной пропаганды и получили приказ покинуть страну. В этом плане китайско-сомалийские отношения развивались

²⁰ См.: China: The New Supplier of Bullets for Somalia // Ethiopian Herald. September 12, 1978; The Beijing Leadership: It's Anti-Marxist-Leninist Stance // The Ethiopian Herald. November 2, 1978.

по дружественному сценарию. Решение Сомали о высылке советских советников и сокращении числа советских дипломатов в Могадишо было одобрено Китаем как смелая акция, которая имеет «большое значение в борьбе с державами-гегемонами... и лишней раз доказывает, что советский социал-империализм есть бумажный тигр, свирепый на вид, но малодушный. Пока они продолжают бороться, то маленькие и слабые страны, безусловно, могут остановить советскую агрессию, их вмешательство, контроль и запугивание при широком сочувствии и поддержке со стороны людей как внутри страны, так и за рубежом, и внести позитивный вклад в объединенную борьбу народов мира против гегемонизма... Справедливость на стороне Сомали» (Debeche, 1987, p. 1028).

16 апреля 1978 г. президент М.С. Барре совершил государственный визит в Китай, где его заверили в безоговорочной поддержке борьбы Сомали против империализма и гегемонизма²¹. В ответ на визит вице-президента Сомали Исмаила Али в июне 1977 г. в августе 1978 г. Сомали посетила вице-премьер Чэнь Мухуа, заместитель члена Политбюро и лицо, отвечающее за программу внешней помощи Китая²². В ходе переговоров с лидерами Сомали Чэнь Мухуа подтвердила позицию Китая, который выступает «на стороне совместной борьбы за защиту национальной независимости и государственного суверенитета Сомали» (Copper, 1979, p. 31).

В ходе своего визита Чэнь Мухуа присутствовала на церемонии открытия 970-километровой дороги между городами Беледуэйне и Бурьо²³. Проект этой автомагистрали был очень важен для Сомали, поскольку позволял перевозить сельскохозяйственную продукцию с юга в пастбищные районы на севере²⁴. Первоначально проект был предложен западной компанией, но впоследствии та

отказалась от него, так как стоимость доставки воды к строительным площадкам была слишком высока. Однако китайские техники решили эту проблему, пробурилив скважины и создав резервуары и каналы. Все это было передано Сомали для дальнейшего сельскохозяйственного использования (Keesing's Contemporary Archives, 1979, p. 29392).

Кроме того, в ноябре 1978 г. во время своего африканского турне вице-премьер Китая Кэн Пяо посетил Сомали, где реализовывались китайские проекты помощи сельскому хозяйству, которые были начаты, но не завершены советскими специалистами (Copper, 1979, p. 31). В 1980 г. Китай также предложил Сомали около 300 тыс. тонн риса и других продуктов питания для неотложных нужд беженцев в этой стране (Copper, 1979, p. 41). В 1981 г. с помощью Китая было завершено строительство рисовой фермы Балевен недалеко от города Джоухара в Сомали (Scherer, 1983, p. 199). Четыре года спустя, в марте 1982 г., было также завершено строительство плотины Фанол, которая могла генерировать гидроэлектроэнергию и орошать 7500 акров сельскохозяйственных угодий. Это был самый крупный проект, который Китай построил на реке Джуба.

Китай развивал сотрудничество с Сомали и в военной сфере. В период 1974—1978/79 гг. поставки китайского вооружения в Сомали оценивались в 5 млн долл. США (см. табл. 1). Также сообщалось, что в 1981 г. Китай пообещал поставить режиму М.С. Барре 20 самолетов МиГ-19 (Kanet & Ipatov, 1980). В июле 1981 г. Пекин посетила делегация Сомалийской революционной социалистической партии (СРСП) во главе с Ахмедом Сулейманом Абдуллою, членом Политбюро партии и советником президента по безопасности. В совместном заявлении Ли Сяньняня, заместителя председателя Коммунистической партии Китая, и Ахмеда Сулеймана Абдуллы отмечается, что «стратегической целью Советского Союза является мировое господство, и неспокойная ситуация на Африканском Роге стала результатом советской агрессии и вмешательства» (Debeche, 1987, p. 1030).

Под влиянием как внутренних, так и международных факторов партнерские отношения

²¹ Somali President Begins Talks with High Officials in Peking // *The New York Times*. April 16, 1978. URL: <https://www.nytimes.com/1978/04/16/archives/somali-president-begins-talks-with-high-officials-in-pekings.html> (accessed: 26.10.2022).

²² *The Peking Review*. August 25, 1978. No. 34. P. 4.

²³ *Ibid.*

²⁴ Desert Highway in Somalia // *The Peking Review*. September 15, 1978. No. 37. P. 29.

между Китаем и Эфиопией быстро ухудшились. Ситуация продолжала усугубляться и в последующие годы, между 1977 и 1982 гг., когда Эфиопия обратилась к Советскому Союзу за военной поддержкой. Как отмечалось ранее, отношения Китая с Африкой, включая Эфиопию, во время холодной войны следует рассматривать в контексте его отношений со сверхдержавами, особенно с Советским Союзом. Поэтому внешняя политика Китая в отношении Африки в целом и Африканского Рога в частности претерпела радикальные изменения, поскольку Китай предпочел содействовать наращиванию сил, главным образом против СССР, в районе Рога, где расположены Эфиопия и Сомали (Keesing's Contemporary Archives, 1978, p. 29183). К этому следует добавить позицию Китая в отношении Огаденской войны, которая еще больше осложнила дипломатические отношения между Китаем и Эфиопией. К удивлению Эфиопии, Китай оказал сильную поддержку сомалийскому правительству в политической, экономической и военной сферах во время сомалийско-эфиопских пограничных конфликтов. Таким образом, китайско-эфиопские отношения оставались натянутыми до тех пор, пока в начале 1980-х гг. не началось постепенное восстановление отношений между СССР и Китаем.

Обсуждение

Огаденская война оказалась жизненно важным эпизодом холодной войны для углубления соперничества между сверхдержавами и Китаем. В США война за Огаден во многом стала причиной краха политики разрядки, особенно после того, как Дж. Картер был избран президентом в 1976 г. Для его преемника, Р. Рейгана, политика разрядки лишь сохраняла холодную войну, а не приближала ее окончание (Gaddis, 2005, p. 17). «Доктрина Рейгана» стала возвращением к антикоммунизму, который был характерен для внешней политики США в самом начале холодной войны. Тем не менее стремление Р. Рейгана к борьбе с СССР привело к союзу с печально известными экспансионистскими и военными режимами в странах «третьего мира», а именно с М.С. Барре.

Вместе с тем Огаденская война оказала иное влияние на Китай. Кризис в районе

Африканского Рога показал Пекину, что, несмотря на новый этап в китайско-американском сближении, Китай не станет жертвовать своими внешнеполитическими целями в отношении стран «третьего мира» ради США. Если бы США захотели вступить в союз с авторитарными арабскими государствами, такими как Саудовская Аравия, Судан или Ливан, они могли бы продолжать это делать, но без поддержки со стороны Китая. Более того, Китай доказал, что может манипулировать США в своих геополитических интересах, используя их страх перед СССР, и поощрять США к осуществлению внешнеполитических инициатив против Советского Союза, которые не нанесли бы ущерб интересам Китая в странах «третьего мира», где Пекин следовал своим политическим ориентирам.

Кризис в стратегически важном районе Африканского Рога также отражал различные мировоззрения времен холодной войны, которых придерживались Китай и США. Китай отказался принимать усиление СССР в Эфиопии, оказав соответствующую военную помощь Сомали. В свою очередь США видели в лидерах Дерга союзников СССР, которых нужно было свергнуть.

Однако готовность Китая предоставить Сомали военную помощь сыграла двоякую роль. Для Китая Огаденская война представляла собой апогей опосредованной войны против Советского Союза во времена биполярного противостояния, когда СССР нанес поражение США в Анголе. Огаденская война также способствовала активизации внешней политики Китая в странах «третьего мира» на долгие годы вперед. Как заметил Дэн Сяопин, «не потерпев серьезных международных осложнений из-за вмешательства на Африканском Роге, СССР без колебаний активизировал свою деятельность в других странах, сначала в Анголе, затем на Роге, в нескольких странах Африки и Ближнего Востока и, в довершение этого, в Афганистане» (Sutter, 1978).

Дополняя вышесказанное, посол СССР в США в 1962—1986 гг. А.Ф. Добрынин пролил свет на интересную тенденцию: после победы СССР в Огадене Москва стала более охотно вмешиваться в региональные конфликты и проводить прокси-войны против США и Китая в странах «третьего мира» (Dobrynin,

1995). Однако активная советская политика в странах третьего мира способствовала краху Советского Союза. Еще не успела осесть пыль после событий в Эфиопии и на Африканском Роге, как СССР оказался втянутым в Огаденскую войну между Эфиопией и Сомали в 1977 г. Во время этой войны Советский Союз и его союзники предложили Эфиопии «военную помощь на сумму более 1,5 млрд долл. США», а также оказали техническую поддержку, направив тысячи военных советников и солдат для победы над Сомали (Westad, 2007, p. 276).

Для Африканского Рога «вмешательство сверхдержав, а также Китая в Огаденскую войну вызвало апокалиптические последствия» (Westad, 2007, p. 286). Война привела к падению режима М.С. Барре, и страны Африканского Рога, особенно Сомали, по сей день находятся в крайне нестабильном состоянии. Китай, по крайней мере временно, потерял Эфиопию, оставив ее в зоне влияния СССР. Хотя Москва и ее союзники поддержали победившую сторону, им пришлось дорого заплатить за свою активную внешнюю политику в странах третьего мира. В районе Африканского Рога советские вооруженные силы были обескровлены, в частности, не без поддержки Китая и США. Как только СССР начал одерживать верх в Анголе и на Африканском Роге, США и Китай расширили свое участие в делах других стран «третьего мира», что способствовало краху советской системы.

Сам ход Огаденской войны и ее последствия сделали этот конфликт одной из самых важных тем в истории холодной войны. Кризис в районе Африканского Рога стал лакмусовой бумажкой для китайско-американского сближения и привел к одному из радикальных сдвигов в истории внешней политики США в странах «третьего мира». Воинственная внешняя политика США, которые помогали любому, кто выступал против СССР в странах «третьего мира», несмотря на их репутацию в области прав человека, привела к краху политики разрядки. Война в Огадене продемонстрировала возвышение Китая как претендента на роль международной державы, а его донорская помощь Сомали осуществлялась в противовес влиянию Советского Союза в регионе. Китай также показал, что, несмотря

на сближение с США, он по-прежнему будет поддерживать отношения с развитыми странами, которые, как считалось, одобряли его реформы. Более того, рост доверия к СССР после победы в Огаденской войне был недолгим.

Заключение

После окончания Второй мировой войны Африканский Рог стал одним из тех стратегических районов, который привлекал внимание не только сверхдержав, но и других акторов. После периода китайско-советского соперничества присутствие в районе Африканского Рога Советского Союза, преследовавшего цель расширить свое влияние, возросло.

После революции 1974 г. в Эфиопии лидеры Дерга придерживались той же внешней политики, что и имперский режим. Первоначально нейтральная позиция позволяла Эфиопии обращаться за военной помощью как к Вашингтону, так и к Москве или Пекину. Однако и Вашингтон, и Пекин не решались предоставить Дергу необходимую военную помощь. В силу внутренних и внешних факторов лидеры Дерга стремились добиться получения этой помощи из всевозможных источников, однако позднее Эфиопия оказалась перед необходимостью пересмотра своей внешней политики. Основной причиной для такой переориентации стал отказ США предоставить военную помощь Эфиопии. Именно поэтому Эфиопия начала переориентацию на страны социалистического блока, стремясь получить военную помощь как можно быстрее в ответ на угрозы, исходившие со стороны Сомали. Кроме того, на протяжении всего периода эфиопской революции контроль военных над гражданским правительством способствовал росту вероятности перехода режима Дерга на сторону социалистического блока. Не получив необходимый объем военных поставок из США, лидеры Эфиопии начали искать альтернативного союзника для обеспечения своих потребностей в вооружении для борьбы с внешними угрозами.

Как и в Анголе, СССР вел ожесточенную гонку вооружений с США в регионе Африканского Рога. До наступления разрядки в отношениях между США и Китаем Вашингтон использовал ситуацию на Африканском Роге как средство для смягчения противоречий в

отношениях с СССР, пытаясь разыгрывать китайскую карту. В промежутке между этими вызовами сближение США с Китаем убедило американцев в необходимости объединиться с КНР против Советского Союза. Зб. Бжезинский рассчитывал, что создание союза с Китаем против СССР усилит рычаги давления США на Советский Союз в районе Африканского Рога. США пытались использовать китайскую карту, чтобы принудить СССР к более приемлемому поведению в странах «третьего мира». С самого начала войны за Огаден США были крайне ограничены в своих действиях из-за идеологической ориентации военного режима в Эфиопии. Ставки Советского Союза то на Сомали, то на Эфиопию для защиты своих интересов были довольно прямолинейной политикой, которая оправдывала его присутствие на Африканском Роге.

В итоге, после того как США проиграли войну во Вьетнаме, кризис в регионе Африканского Рога стал очередным полем битвы сверхдержав при участии Китая. Как утверждает Дж. Модельски, «каждая внутренняя война создает потребность в иностранном вмешательстве» (Modelski, 1964, p. 20). Расположение Африканского Рога в стратегическом месте, на стыке Красного моря и Индийского океана, привлекало внимание и других конкурирующих держав. Это отражало более сложное международное измерение Огаденской войны. СССР и его союзники воевали против Сомали, используя Эфиопию, в то время как США и Китай воевали против Эфиопии, используя Сомали, чтобы заявить о своем присутствии в регионе.

Поступила в редакцию / Received: 28.02.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 26.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Adem S.* Imperial Ethiopia's Relations with Maoist China // *African East-Asian Affairs*. 2012. No. 1. P. 31—53. <https://doi.org/10.7552/0-1-56>
- Anshan Li.* African Studies in China in the 21st Century: A Historiographical Survey // *Brazilian Journal of African Studies*. 2016. Vol. 1, no. 2. P. 48—88. <https://doi.org/10.22456/2448-3923.66296>
- Conflict and Intervention in the Third World* / ed. by M. Ayoob. Canberra : Australian National University, 1980.
- Cooper T.* Wings over Ogaden: The Ethiopia — Somalia War, 1978—1979. Solihull, UK : Helion and Company, 2015.
- Copper J. F.* China's Foreign Aid in 1978 // *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*. 1979. No. 8. P. 1—45. URL: <https://digitalcommons.law.umaryland.edu/mscas/vol1979/iss8/1> (accessed: 26.10.2022).
- Daddi K. M.* Political Economy of China — Africa Relations: A Case Study of China — Ethiopia Relations. 1949—2006 : PhD thesis. Changchun, China : Northeast Normal University, 2009.
- Debeche I.* The Role of China in International Relations: The Impact of Ideology on Foreign Policy with Special Reference to Sino-African Relations (1949—1986) : PhD thesis. York : University of York, 1987. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/9831/> (accessed: 26.10.2022).
- Dobrynin A.* In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents (1962—1986). New York : Times Books, 1995.
- Gaddis J. L.* Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security during the Cold War. New York : Oxford University Press, 2005.
- Halliday F.* US Policy in the Horn of Africa: Aboulia or Proxy Intervention? // *Review of African Political Economy*. 1977. Vol. 4, no. 10. P. 8—32. <https://doi.org/10.1080/03056247708703337>
- Halliday F., Molyneux M.* The Ethiopian Revolution. London : Verso, 1981.
- Jones L. C.* The Cold War and Conflict in Angola and Ethiopia 1975—1991: A World Systems Theory Comparison : PhD thesis. Atlanta : Atlanta University, 2011. URL: https://radar.auctr.edu/islandora/object/cau.td:2011_jones_lee_c (accessed: 26.10.2022).
- Kanet R. E., Ipatov B.* Soviet Aid and Trade in Africa // *Soviet and Chinese Aid to African Nations* / ed. by W. Weinstein, T. Henriksen. New York : Praeger, 1980. P. 16—33.
- Keesing's Contemporary Archives*. Vol. XXIV / ed. by R. Fraser. London : Keesing's Pubs. Longman Group Ltd, 1978.
- Keesing's Contemporary Archives*. Vol. XXV / ed. by R. Fraser. London : Keesing's Pubs. Longman Group Ltd, 1979.
- Korn D.* Ethiopia, the United States, and the Soviet Union. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1986.
- Laitin D. D.* Politics, Languages, and Thought: The Somali Experience. Chicago : The University of Chicago Press, 1977.

- Lefebvre J. A.* Arms for the Horn: US Security Policy in Ethiopia and Somalia, 1953—1991. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1991.
- Legum C.* Ethiopia: The Fall of Haile Selassie's Empire. New York : Africana Publishing Company, 1975.
- Lockyer A.* Opposing Foreign Intervention's Impact on the Course of Civil Wars: The Ethiopian-Ogaden Civil War, 1976—1980 // Australasian Political Studies Association Conference : Proceedings. Canberra : Australian National University, 2006. P. 1—18.
- Lyons R.* The USSR, China and the Horn of Africa // Review of African Political Economy. 1978. No. 12. P. 5—30. <https://doi.org/10.1080/03056247808703358>
- Mangasa A.* Ethiopia — US Relations since the 1950s: The Ethiopia — Somalia Conflict and the US Policy Dilemmas : MA thesis. Addis Ababa Addis Ababa University, 1987.
- Mengistu H. M.* Teglačen: Yä Iteyopiya Hezeb Abyotawi Yä Tegel Tarik. Vol. I. [Our Struggle: History of Ethiopian Revolutionary Struggle]. Los Angeles : Tsehai Publishers, 2011. (На амхарском языке).
- Mesfin B. A.* Study of the Decision-Making Process and the Strategies of Ethiopia's Foreign Policy (1974—1991), with Particular Emphasis on Ethio-US Relations // Ethiopian Journal of the Social Sciences and Humanities. 2004. Vol. 2, no. 1. P. 1—44. <https://doi.org/10.4314/ejossah.v2i1.29856>
- Metaferia G.* Ethiopia and the United States: History, Diplomacy, and Analysis. New York : Algora Publishing, 2009.
- Modelski G.* The International Relations of Internal War // International Aspects of Civil Strife / ed. by J. N. Rosenau. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1964. P. 14—44. <https://doi.org/10.1515/9781400877843-003>
- Negussay A.* The Foreign Policy of Ethiopia // The Foreign Policies of African States / ed. by O. Aluko. London : Hodder and Stoughton, 1977. P. 40—65.
- Nurthen W. A.* Soviet Strategy in the Red Sea Basin : MA thesis. Monterey, CA : U.S. Naval Postgraduate School, 1980. URL: <https://archive.org/details/sovietstrategyin1094519059/page/n9/mode/2up> (accessed: 26.10.2022).
- Ottaway M.* Social Classes and Corporate Interests in the Ethiopian Revolution // Journal of Modern African Studies. 1976. Vol. 14, no. 3. P. 469—486. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00053520>
- Scherer J. L.* China: Facts and Figures Annual. Vol. 6. Gulf Breeze, Florida : Academic International Press, 1983.
- Schwab P.* Cold War on the Horn of Africa // African Affairs. 1978. Vol. 77, no. 306. P. 6—20. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.afraf.a096955>
- Selassie B. H.* Conflict and Intervention in the Horn of Africa. New York : Monthly Review Press, 1980.
- Somalia: A Country Study* / ed. by H. C. Metz. Washington, D.C. : Federal Research Division, Library of Congress, 1993. URL: <https://www.loc.gov/item/93016246/> (accessed: 26.10.2022).
- Spencer J. H.* Ethiopia, the Horn of Africa, and U.S. Policy. Cambridge, MA : Institute for Foreign Policy Analysis, 1977.
- Sutter R. G.* Chinese Foreign Policy after the Cultural Revolution, 1966—1977. Boulder : Westview Press, 1978.
- Tareke G.* Ethiopian Revolution: War in the Horn of Africa. New Haven : Yale University Press, 2000.
- Valenta J.* Soviet-Cuban Intervention in the Horn of Africa: Impact and Lessons // Journal of International Affairs. 1980. Vol. 34, no. 2. P. 353—367.
- Venkataraman M., Gamora A. G.* An Analysis of China — Ethiopia Relations during the Cold War // China Report. 2009. Vol. 45, no. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.1177/000944550904500102>
- Waters C. A.* The Sino-Soviet Dispute in Africa, 1974—1978 : MA thesis. Williamsburg, Virginia : The College of William and Mary, 1982. URL: <https://scholarworks.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4334&context=etd> (accessed: 26.10.2022).
- Westad O. A.* The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511817991>
- Woodroffe L. P.* “Buried in the Sands of the Ogaden”: The United States, the Horn of Africa and the Demise of Détente : PhD thesis. London : London School of Economics and Political Science, 2014. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46519469.pdf> (accessed: 26.10.2022).
- Xiaoguang Wang.* China — Ethiopia Economic and Political Relations Post 1991 Period : MA thesis. Addis Ababa : Addis Ababa University, 2014. URL: <http://etd.aau.edu.et/handle/123456789/4733> (accessed: 26.10.2022).
- Xiudong Wei.* A Historical Review of Ethio-China Relations (1952—2011) : MA thesis. Addis Ababa : Addis Ababa University, 2011.
- Yodfat A.* The Soviet Union and the Horn of Africa: Part Two of Three Parts // Northeast African Studies. 1980. Vol. 2, no. 1. P. 31—57.
- Yordanov R. A.* Soviet Involvement in Ethiopia and Somalia, 1947—1991 : PhD thesis. Oxford : St. Antony's College, Oxford, 2012. URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:0c66a287-9ae8-4dcf-badc-a72bf04f399f/download_file?file_format=application%2Fpdf&safe_filename=THESIS01&type_of_work=Thesis (accessed: 26.10.2022).

Сведения об авторе: *Ялев Месафинт Тарекегн* — аспирант Колледжа гуманитарных наук Шанхайского университета, Шанхай, Китай; ORCID: 0000-0001-9010-322X; e-mail: mesayflmos@yahoo.com; mesafint@shu.edu.cn



ДИПЛОМАТИЯ DIPLOMACY

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156

EDN: TQVNYC

Научная статья / Research article

Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации

М.М. Лебедева , Е.С. Зиновьева  

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 elena.zinovjeva@gmail.com

Аннотация. Цифровая революция оказывает существенное влияние на все области мировой политики, в том числе и на практику международных переговоров и дипломатию, вынуждая адаптироваться к условиям новой цифровой реальности. Широкое распространение получает практика цифровой дипломатии, которая подразумевает использование социальных сетей для взаимодействия с широкой международной аудиторией. Появляются новые форматы дипломатии, ориентированные на работу с большими данными и технологиями машинного обучения и искусственного интеллекта. Исследование посвящено изучению влияния цифровой революции на практику международных переговоров. Методологически анализ основывается на структурно-функциональном подходе, согласно которому международные переговоры выступают в качестве структурного элемента дипломатии в ходе реализации внешнеполитического курса страны. При этом авторы выделяют в качестве инвариантов переговорной деятельности этапы, которые последовательно проходят любые международные переговоры, — подготовка к переговорам, их ведение и имплементация достигнутых результатов. Показано, что цифровая революция изменяет характер международных переговоров на всех этапах, создавая новые возможности в области тактики ведения переговоров, а также новые вызовы, прежде всего связанные с вопросами безопасности и конфиденциальности информации. Кроме того, развитие технологий формирует новые предметные сферы международных переговоров, посвященные регулированию интернета, обеспечению информационной безопасности и других проблем цифрового общества, а также способствует появлению и развитию новых форматов международных переговоров — многоуровневых переговоров и дистанционных переговоров в онлайн-режиме. Авторы приходят к выводу, что основные инварианты переговоров остаются прежними, однако цифровые технологии трансформируют доступные инструменты и тактику ведения переговоров. В этих условиях востребованы новые знания и компетенции у дипломатов, в частности, в области работы с данными и обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая дипломатия, дипломатия данных, дипломатия, цифровая революция, информационная безопасность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. *Лебедева М.М.* — концепция исследования, теория и технология ведения переговоров; *Зиновьева Е.С.* — основные направления цифровой революции, использование цифровых технологий в международных переговорах.

© Лебедева М.М., Зиновьева Е.С., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Лебедева М. М., Зиновьева Е. С.* Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23, № 1. С. 144—156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>

International Negotiations in the Digital Age

Marina M. Lebedeva , Elena S. Zinovieva  

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 elena.zinovjeva@gmail.com

Abstract. The digital revolution has a significant impact on world politics, including the practice of international negotiations and diplomacy, which, being extremely conservative areas of human activity, still have to adapt to the new digital reality conditions. The practice of digital diplomacy, which involves using social networks to interact with a wide international audience, is becoming widespread. New diplomacy formats are emerging that focused on working with big data, machine learning and artificial intelligence technologies. This study explores the impact of the digital revolution on the practice of international negotiations. Methodologically, the analysis is based on the structural-functional approach, according to which international negotiations act as a structural element of diplomacy and foreign policy. At the same time, the authors single out the invariants of negotiations, which include the stages of international negotiations — preparation phase, discussions and implementation of the results of negotiations. The digital revolution is changing the nature of international negotiations, creating new opportunities for negotiation tactics, as well as new challenges, primarily related to information security and confidentiality. In addition, the development of digital technologies produces new subject areas of international negotiations that focus on Internet regulation, information security and other digital society problems, and contributes to the emergence and development of new international negotiations formats — multistakeholder negotiations and online remote negotiations. The authors conclude that the main negotiation invariants remain the same. However, digital technologies are transforming the available negotiating tools and tactics. Under these conditions, new knowledge and competencies are in demand among diplomats, in particular, in the field of data management and information security.

Key words: digital technologies, digital diplomacy, data diplomacy, diplomacy, digital revolution, information security

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. *Lebedeva M.M.* — research concept, theory and technology of negotiations; *Zinovieva E.S.* — main directions of the digital revolution, use of digital technologies in negotiations.

For citation: Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (2023). International Negotiations in the digital age. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 144—156. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156>

Постановка проблемы

Четвертая промышленная революция (Шваб, 2016) оказала воздействие на все сферы человеческой деятельности: экономику, политику, безопасность, социальную и культурную сферы. Дипломатия также значительно изменилась вследствие использования новых технологий, основанных на цифровизации (Цветкова, 2020). При этом цифровые технологии и уровень их развития стали определять положение стран на международной арене и спектр доступных возможностей во внешней политике.

Переговоры наряду с сотрудничеством и борьбой, по определению Д. Хелда (Held, 1989), составляют основную форму выражения политики в современном мире, традиционно выступая в качестве центрального звена дипломатии. Дипломатические переговоры велись веками и являются одним из наиболее консервативных видов человеческой деятельности. Тем не менее, как отмечает А.Г. Ковалев, дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол, возглавлявший советскую делегацию на втором этапе Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1973—1975 гг., где велась основная работа над

Заключительным актом 1975 г., «развитие средств связи оказывало и оказывает значительное влияние на способы ведения дипломатических дел» (Ковалев, 1988, с. 237). Очевидно, что в современную эпоху международные переговоры, так же как и другие сферы деятельности человека, оказались под воздействием процессов цифровизации.

Исследовательский вопрос заключается в следующем: как повлияла глобальная цифровая революция на деятельность по ведению международных переговоров?

Исследование основано на структурно-функциональном подходе. Международные переговоры рассматриваются в качестве структурного элемента дипломатии при реализации внешней политики. Анализ также базируется на теории П.Я. Гальперина (1976) о структурных инвариантах деятельности и наличии таких инвариантов в переговорах (Лебедева, 1993), что дает возможность анализа воздействия на эти инварианты цифровизации. В качестве методов исследования используются анализ кейсов и дискурс-анализ.

Переговоры ведутся различными участниками и в различных форматах (двустороннем, многостороннем, в рамках международных организаций, с участием негосударственных акторов и т. п.), поэтому в прикладном плане при рассмотрении кейсов используются разные теории международных отношений. Анализ примеров двусторонних переговоров предполагает реалистский подход, при котором стороны переговоров стремятся реализовать национальные интересы представляемых ими государств. Изучение переговоров, проводимых в рамках международных организаций, ориентировано на использование либерального институционализма, в соответствии с которым международные организации и другие международные институты способствуют сотрудничеству в условиях отсутствия верховной власти в международных отношениях (Keohane & Martin, 2003). Такой теоретический эклектизм при рассмотрении конкретных ситуаций, согласно Р. Силу и П. Каценштейну, допустим (Sil & Katzenstein, 2010).

Цель исследования состоит в выявлении новых форматов, областей, структурных элементов международных переговоров в условиях цифровизации.

Цифровизация и цифровая дипломатия

Важнейшей чертой современного этапа развития мировой политики является повсеместная цифровизация. Согласно статистике, на 2021 г. общее количество пользователей Интернета составило порядка 60 % общего населения планеты, при этом доля пользователей социальных сетей — 53 % от мирового населения¹. Широкое распространение мобильных телефонов привело к тому, что люди проводят очень много времени в Интернете — в целом, согласно статистике, порядка 7 часов в день в различных приложениях, из них почти половина времени приходится на социальные сети².

Современный этап развития информационно-коммуникационных технологий в академической литературе все чаще называют «цифровой революцией» с целью подчеркнуть его отличие от более ранней информационной революции, которая датируется 1990-ми гг. и связана с широким распространением пользовательских компьютеров и глобальной сети Интернет. Цифровая же революция характеризуется растущим количеством данных, передаваемых по глобальным информационным сетям, в особенности по социальным сетям, таким как TikTok, «ВКонтакте» и т. д. Именно информационные данные и социальные сети оказывают трансформирующее влияние на мировую экономику, мировую политику, а также все сферы жизни личности, общества и государства. В 2018 г. в день создавалось 2,5 квинтиллиона байтов данных (тысяча в шестой степени)³. Метафорически данные описываются как новая нефть XXI в.⁴ Соответственно, сегодня возможности контроля, обработки и управления потоками данных

¹ Digital 2021: Global Overview Report // DataReportal. January 27, 2021. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (accessed: 09.03.2021).

² Ibid.

³ Data never sleeps 6.0 // DOMO. 2018. URL: <https://www.domo.com/solution/data-never-sleeps-6> (accessed: 09.03.2021).

⁴ Haupt M. “Data is the New Oil” — A Ludicrous Proposition // Medium. May 2, 2016. URL: <https://medium.com/project-2030/data-is-the-new-oil-a-ludicrous-proposition-1d91bba4f294#.vjyvcwnp0> (accessed: 09.03.2021).

становятся важным фактором, определяющим возможности страны на международной арене и ее внешнеполитический потенциал.

Под влиянием стремительного развития цифровых технологий существенно трансформируется дипломатическая практика и переговорный процесс. Дипломатия адаптируется к новой технологической реальности, цифровые технологии и данные становятся инструментом в международных переговорах. В подавляющем большинстве стран мира главы государств, министры иностранных дел и рядовые дипломаты на регулярной основе ведут аккаунты в социальных сетях. Все чаще используются возможности видео-конференц-связи для проведения переговоров, даже на высшем и высоком уровнях. Под влиянием цифровизации изменяется роль общественного мнения в ходе переговоров, а также официальный язык дипломатического общения. Возникают новые вопросы с точки зрения международного права и правовых обычаев, регламентирующих переговорную деятельность на международном уровне. Широко используются возможности искусственного интеллекта, машинного обучения и анализа больших данных, в том числе в ходе работы дипломатов в области реагирования на чрезвычайные ситуации, консульской работы, подготовки к международным переговорам. Кроме того, в результате цифровизации появляются новые предметные области в переговорах, такие как международное управление Интернетом, обеспечение международной информационной безопасности или защита персональных данных.

Первоначально для обозначения изменений, которые цифровизация привносит в международные переговоры и дипломатию, использовался термин «цифровая дипломатия», под которым понималось широкое использование социальных сетей для взаимодействия с внутренней и международной аудиторией в целях формирования положительного образа страны на международной арене, укрепления «мягкой силы», а также освещения международных переговоров и формирования лояльного общественного мнения. Постепенно появились и другие термины: «кибердипломатия», «интернет-дипломатия», «сетевая дипломатия». В самом широком

смысле они отражают цифровизацию современной дипломатии и переговорной практики. В последние годы популярность также приобретает термин «дипломатия данных», который отражает растущее значение больших данных в переговорной практике и дипломатической работе.

Таким образом, на сегодняшний день не выработано единого термина, который описывал бы происходящие изменения, а также отсутствует единый теоретический подход к осмыслению новой цифровой дипломатической практики. В российском академическом дискурсе чаще всего используется термин «цифровая дипломатия», он также широко распространен и в публицистических трудах. Как правило, речь идет о цифровой публичной дипломатии — использовании социальных сетей представителями государств и негосударственных акторов в рамках взаимодействия с зарубежной аудиторией и продвижения внешнеполитических целей страны, прежде всего, укрепления ее «мягкой силы» и формирования позитивного образа.

В зарубежном академическом дискурсе чаще используется термин «стратегическая коммуникация» с тем, чтобы подчеркнуть растущее значение цифровых технологий в политической коммуникации на международном уровне. Кроме того, используется также широкий термин «кибердипломатия», который отражает не только цифровизацию дипломатии и переговоров, но и новые предметные области международной политики, появившиеся вследствие развития цифровых технологий. В частности, кибердипломатия предполагает обсуждение таких вопросов, как выработка норм ответственного поведения в глобальном информационном пространстве, а также атрибуции киберугроз или борьбы с хакерскими атаками. Так, например, в апреле 2022 г. в структуре Государственного департамента США было создано Бюро по киберпространству и цифровой политике, в задачи которого входит поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве и продвижение политики, которая защищает целостность и безопасность инфраструктуры Интернета, служит интересам США, способствует поддержанию конкурентоспособности и

демократических ценностей⁵. Таким образом, в задачи Бюро входит продвижение ценностей и интересов США в глобальном цифровом пространстве.

В академической литературе на современном этапе также возрастает внимание к исследованию теории кибердипломатии как широкой области, подразумевающей решение внешнеполитических задач в киберпространстве и/или при помощи цифровых инструментов (Attatfa, Renaud & De Paoli, 2020).

Подходы к исследованию данной проблематики также эволюционировали. Первоначально исследовательское внимание было сфокусировано на особенностях адаптации МИДов к информационным технологиям и социальным медиа (Manor, 2016; Vjola, 2015), а также к специфике взаимодействия дипломатов и политических лидеров с широкой международной аудиторией посредством социальных сетей (Vjola, 2016; Цветкова, 2011). Следующим этапом стало формирование теоретических концепций, объясняющих тенденции и концептуализирующих опыт цифровизации дипломатии. В частности, отмечалась значимость цифровой дипломатии как инструмента «мягкой силы» (Adesina, 2017; Hocking & Melissen, 2015). На современном этапе популярность приобретают новые концепции, которые отражают растущую роль анализа больших и малых массивов машинно сгенерированных данных в дипломатии, а также подходы, ориентированные на методологию анализа соответствующих массивов данных для лучшего понимания актуальных тенденций дипломатии, а также воздействия на общественное мнение (Цветкова, Кузнецов, 2020).

В статье используется широкая трактовка влияния цифровизации на дипломатию и переговорный процесс, которая исходит из того, что цифровые технологии не только порождают новые предметные области на переговорах, но и влияют на ход переговорного

процесса, создавая новые форматы и новые инструменты на всех этапах переговорного процесса.

Новые предметные области и новые форматы международных переговоров

Новые предметные области международных переговоров, обусловленные цифровизацией

Цифровизация породила новые области международных переговоров, которых не было ранее, среди них международное управление Интернетом и обеспечение международной информационной безопасности. В последние годы актуальность приобретают такие проблемы, как защита персональных данных пользователей Интернета, регулирование деятельности крупных цифровых платформ, трансграничное налогообложение цифровой торговли и электронной коммерции и т. д.

Одним из первых вопросов на международной повестке дня, связанных с развитием цифровых технологий, стало международное управление Интернетом. С развитием Интернета назрел вопрос о необходимости выработки международных правил в отношении развития и использования данной технологии — прежде всего, по координации пространства имен и адресов Интернета, технических систем, которые обеспечивают связную работу сети в глобальном масштабе. Сложность вопроса заключается в том, что кроме различий в интересах государств свои интересы есть у структур бизнеса, а также у интернет-сообществ, которые объединяли пользователей и разработчиков Интернета, активное участие также приняли правозащитные неправительственные организации (НПО). Фактически переговоры в области управления Интернетом стали одним из первых примеров многоуровневой дипломатии, в которой принимают участие представители государств и негосударственные акторы. С 2003 г. было проведено несколько конференций по проблемам регулирования Интернета — прежде всего, Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества в 2003⁶

⁵ Bureau of Cyberspace and Digital Policy // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/deputy-secretary-of-state/bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/#:~:text=The%20Bureau%20of%20Cyberspace%20and,Internet%2C%20serve%20U.S.%20interests%2C%20promote> (accessed: 09.03.2021).

⁶ World Summit on the Information Society, First Phase, Geneva: 10—12 December 2003 // International

и 2005⁷ гг. По результатам этих мероприятий был создан постоянный Форум по вопросам управления Интернетом при ООН, который проходит ежегодно начиная с 2006 г.⁸

Основным противоречием на межгосударственном уровне является проблема интернационализации управления Интернетом, что подразумевает передачу функций управления пространством имен и адресов Интернета от частной структуры, зарегистрированной в США, — в настоящее время эти функции выполняет *Public Technical Identifiers* (PTI) — к межправительственной организации, Международному союзу электросвязи. За сохранение статус-кво выступают США и их партнеры по НАТО, а Россия, Китай, ряд стран Ближнего Востока и Латинской Америки поддерживают интернационализацию управления Интернетом.

Интересы бизнеса и интернет-сообществ заключаются в сохранении коммерческого потенциала Интернета и закреплении сложившихся на ранних этапах развития сети правил интернет-сообществ (сетевой нейтральности, открытости интернет-протоколов и др.). Необходимо отметить, что в настоящее время повестка дня в области управления Интернетом несколько эволюционировала — обсуждаются не только вопросы контроля над технической инфраструктурой Интернета, но и широкий круг политических, экономических, социогуманитарных проблем, вопросов прав человека, связанных с развитием всемирной сети. Существенно снизилось влияние интернет-сообществ, при этом усилилось влияние бизнеса, прежде всего крупных цифровых платформ, таких как Google, TikTok и др.

Другой новой областью международных переговоров стала информационная безопасность. В данной сфере также в последние годы по инициативе России широкое распространение получают многоуровневые форматы

взаимодействия. Показательно, что именно использование цифровых технологий, в частности видео-конференц-связи, позволяет обеспечить действительно инклюзивный многоуровневый формат международных переговоров в силу того, что для многих представителей бизнеса, гражданского общества и академического сообщества поездка в Нью-Йорк на неделю для участия в переговорах недоступна из-за финансовых ограничений.

Еще одним заметным направлением становится новая область взаимодействия между дипломатами и представителями крупного ИТ-бизнеса для оказания влияния на выработку правил деятельности данных компаний или получения экспертизы. Например, Дания и ряд других стран направляют дипломатов в Силиконовую долину в США для установления контактов и налаживания коммуникации с представителями ИТ-бизнеса⁹. В свою очередь МИД России активно взаимодействует с крупным российским ИТ-бизнесом как в области обеспечения международной информационной безопасности, так и по вопросам развития глобального информационного общества¹⁰.

Новые переговорные форматы — международные переговоры в дистанционных и гибридных режимах

Пандемия COVID-19 и вынужденная самоизоляция, которая затронула в том числе и дипломатов, стала своеобразным катализатором развития различного рода видеовстреч — конференций и переговоров. Несмотря на то, что технологии для их проведения были разработаны ранее, до пандемии встречи организовывались традиционными способами. Отчасти это объясняется стремлением к использованию наработанных рутинных практик, отчасти — негативными аспектами видеоформата

Telecommunication Union. 2003. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/geneva/index.html> (accessed: 09.03.2021).

⁷ World Summit on the Information Society, Second Phase, Tunis: 16—18 November 2005 // International Telecommunication Union. 2005. URL: <https://www.itu.int/net/wsis/tunis/index.html> (accessed: 09.03.2021).

⁸ About the Internet Governance Forum // Internet Governance Forum. URL: https://intgovforum.org/en/filedepot_download/261/22254 (accessed: 09.03.2021).

⁹ Erzse A., Garson M. A Leaders' Guide to Building a Tech-Forward Foreign Policy // Tony Blair Institute for Global Change. March 25, 2022. URL: <https://institute.global/policy/leaders-guide-building-tech-forward-foreign-policy> (accessed: 11.05.2022).

¹⁰ Мельникова О. Способно ли бизнес-сообщество внести свой вклад в активизацию переговорного процесса по вопросам международной информационной безопасности? // Международная жизнь. 2021. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2481> (дата обращения: 09.03.2021).

встреч. К последним можно отнести психологические и технические вопросы.

Психологи задолго до пандемии COVID-19 занялись анализом вопросов видеокommunikации. Фокус интереса был сосредоточен прежде всего на аспектах, связанных с видеообучением. Тем не менее некоторые из полученных данных по результатам этих исследований с успехом могут быть применены к процессу переговоров. Так, было показано, что, для того чтобы взаимодействие было эффективным, участникам видеовстреч необходимо в том числе понимать значимость прилагаемых усилий, чувствовать себя комфортно и доверять друг другу (Hughes et al., 2002).

В период пандемии COVID-19 видеовстречи резко интенсифицировались. Появились и исследования по проблемам их проведения. В частности, опубликованы работы по асимметричному распределению внимания (Kuzminykh & Rintel, 2020). Проблема с вниманием на онлайн-конференциях включает в себя целый ряд аспектов. Во-первых, внимание сосредоточивается на выступающем. Возможности видеть и «считывать» информацию от остальных участников переговоров ограничены. Во-вторых, внимание участников переговоров часто даже невольно отвлекается на то, что происходит не «за столом переговоров», а по месту работы каждого из участников диалога.

Возникают правовые и протокольные проблемы в связи с проведением международных переговоров в онлайн-формате. Так, например, в правилах процедуры Совета Безопасности ООН не прописана возможность дистанционной работы, поэтому все онлайн-заседания в период пандемии были неформальными и не носили официального характера¹¹. Кроме того, встает вопрос о конфиденциальности информации и ходе голосования. Очевидно, эти вопросы требуют решения, причем не только в системе ООН. Как правило, выходом в рамках международных организаций является использование гибридного формата переговоров — голосующие члены

делегаций участвуют в переговорах в очном формате, остальные — подключаются дистанционно.

В то же время есть и положительные моменты проведения международных переговоров онлайн. Среди них можно назвать следующие:

1) сокращение финансовых и временных издержек, связанных с поездками на переговоры;

2) возможности интенсивного взаимодействия со своим «центром» каждой из сторон;

3) как следствие первых двух пунктов — возможность практически постоянного контакта между сторонами на переговорах;

4) исчезает проблема выбора места проведения переговоров, которая особенно актуальна в случае международных переговоров в условиях конфликтных отношений;

5) онлайн-переговоры не предполагают протокольного рукопожатия, что может болезненно восприниматься участниками, находящимися в конфликте.

Выбор места проведения переговоров является политической проблемой. В принципе возможны следующие варианты: на территории одного из участников; на нейтральной территории; попеременно на различных территориях в случае длительных международных переговоров. В истории международных переговоров имели место все эти варианты. Нередко стороны с трудом договаривались о месте проведения переговоров. В мемуарах чрезвычайного и полномочного посланника В.В. Карягина приводится пример того, как в конце 1953 г. СССР, США, Франция и Великобритания договорились о созыве в начале 1954 г. совещания министров иностранных дел. Однако возник вопрос о месте его проведения. Западные страны предлагали здание бывшего Контрольного совета, которое находилось в американском секторе Берлина. В свою очередь советская сторона предлагала резиденцию Верховного комиссара СССР. После длительных споров западные страны предложили: поскольку в переговорах участвуют четыре стороны, то три заседания следует провести в здании Контрольного совета, как предлагали США, Франция и Великобритания, а одно, по предложению СССР, — в здании

¹¹ СБ ООН на время пандемии будет голосовать по резолюциям по новой системе // ТАСС. 31.03.2019. URL: <https://tass.ru/politika/8120521> (дата обращения: 09.03.2021).

Верховного комиссара СССР. СССР возражал, аргументируя тем, что Запад един, поэтому в качестве компромиссного варианта следует два заседания провести на одной территории, а два — на другой. В результате стороны пришли к решению, согласно которому два заседания было проведено в здании бывшего Контрольного совета и одно — в резиденции Верховного комиссара СССР (Карягин, 1994).

Подобных примеров дискуссий о месте проведения международных переговоров немало. Очевидно, что в случае проведения онлайн-переговоров такая проблема снимается.

Переговорный формат может быть также гибридным, когда одни встречи идут в офлайн-формате, а другие — в онлайн-формате. Примером могут служить переговоры между Россией и Украиной в феврале-марте 2022 г. Первые три раунда прошли в офлайн-формате на белорусско-украинской границе и на территории Республики Беларусь, затем переговоры продолжились в видеоформате¹².

Форумы и конференции с участием неправительственных организаций и структур бизнеса — многоуровневые переговоры

Многоуровневые переговоры (также используется термин «мультистейкхолдеризм», калька с английского термина *multistakeholderism* — переговоры с участием различных заинтересованных сторон, государств и негосударственных акторов) — формат, получивший свое развитие с конца XX в. одновременно с процессами цифровизации. Здесь выделяется две предметные области, которые стали одними из первых, обсуждавшихся в многоуровневом формате, — проблемы защиты окружающей среды и регулирования Интернета, в которых переговорный процесс в силу множества участников и целого ряда различных факторов оказывается очень сложным.

Примеры сложных многосторонних и многоаспектных переговоров неоднократно

встречаются в истории. Так, А.Г. Ковалев отмечает, что переговоры на втором этапе СБСЕ велись в трех комиссиях. В рамках первой комиссии функционировали две подкомиссии, в рамках второй — пять подкомиссий, а в рамках третьей работали четыре подкомиссии. Кроме того, были созданы также рабочие группы. Общее же число комиссий, подкомиссий и рабочих групп составляло 20. Всего на втором этапе СБСЕ состоялось около 2500 заседаний и было рассмотрено около 4700 проектов, не считая вариантов формулировок. Проводились и неофициальные заседания. В целом в работе второго этапа СБСЕ приняли участие около 500 дипломатов из разных стран (Ковалев, 1988).

Приведенный пример международных переговоров относится ко второй половине XX в. Современные переговоры оказываются гораздо сложнее. Если участниками второго этапа СБСЕ были дипломаты, то сегодня к ним присоединяются представители бизнеса и гражданского общества. Например, на прошедшей в декабре 2021 г. в Глазго конференции ООН по изменению климата (КС-26) участвовали представители почти 200 государств, 40 тыс. зарегистрированных участников, в том числе 22 274 делегата сторон, 14 124 наблюдателя и 9 529 негосударственных участников¹³.

Большое количество участников с привлечением негосударственных акторов позволяет сделать процесс международных переговоров более демократичным и инклюзивным (Лебедева, 2016). Так, участие в переговорах представителей НПО дает им возможность влиять на процесс внедрения новых норм в международную практику, повышает легитимность переговоров и дает НПО возможность поделиться экспертными знаниями по отдельным вопросам (Лебедева, 2016). Однако в то же время такие форумы и конференции создают проблемы, поскольку все эти акторы обладают различными интересами, а сами международные переговоры характеризуются многоаспектностью обсуждаемой проблемы,

¹² Кремль подтвердил проведение переговоров РФ и Украины в видеоформате // Интерфакс. 12.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/827832> (дата обращения: 11.04.2022).

¹³ FCCC/CP/2021/INF.3 (Part II) // United Nations. November 23, 2021. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cp2021_inf03p02_adv.pdf (accessed: 11.04.2022).

которая имеет целый ряд количественных параметров.

Ведению международных переговоров с большим числом участников способствует цифровизация. С ее помощью возможно визуализировать информацию по проблеме, статистически обрабатывать данные, отслеживать динамику изменений, в целом работать с большими базами данных. Н.А. Цветкова и Н.М. Кузнецов отмечают, что уже сейчас большие базы данных внедряются во внешнеполитическую и дипломатическую практику ряда стран, в том числе США, России, Китая, Ирана, Венесуэлы и Бразилии. Получает развитие искусственный интеллект в области внешней политики и дипломатии (Цветкова, Кузнецов, 2020). В ООН есть осознание важности сбора данных и работы с большими данными, в частности в целях устойчивого развития.

Вместе с тем возникает и ряд проблем в связи с работой с большими данными.

Во-первых, ООН наряду с преимуществами отмечает риски использования таких данных, прежде всего связанные с конфиденциальностью, суверенитетом, защитой частной жизни, наличием неравенства между теми, кто обладает этими данными, и теми, кто ими не владеет, и т. д.¹⁴

Во-вторых, доступ к большим базам данных участников международных переговоров, большинство из которых не являются профессиональными дипломатами, обостряет проблему конфиденциальности и безопасности информации. Утечки данных в ходе переговоров могут не только скомпрометировать их участников, но и дискредитировать результаты, сорвать переговорный процесс¹⁵.

Помимо проблем, связанных непосредственно с цифровизацией, многоуровневые переговоры сталкиваются с вызовами, происходящими из различий в компетенциях участников. Дипломаты, как правило, имеют образование в области международных отношений и мировой политики (как минимум проходят соответствующие курсы). Такое об-

разование нередко включает курсы по цифровизации в дипломатии и технологиям ведения переговоров. Подобная подготовка отсутствует у многих представителей негосударственных акторов, что осложняет ход переговорного процесса и может препятствовать взаимопониманию.

Структура переговорного процесса в эпоху цифровизации

Цифровизация оказала значительное влияние на сам процесс ведения международных переговоров, его структурные инварианты. В переговорном процессе выделяются стадии ведения переговоров (подготовка к переговорам, процесс их ведения, анализ итогов и имплементация достигнутых договоренностей) и тактические приемы (Лебедева, 1993).

Подготовка к международным переговорам

На стадии подготовки возможности цифровизации позволяют перевести *подготовку переговоров* на более высокий качественный уровень за счет использования больших данных и искусственного интеллекта. Примером здесь являются переговоры по выходу Великобритании из ЕС, при подготовке к которым стороны интенсивно использовали анализ хештегов и настроений в социальных сетях с тем, чтобы понять зону, где возможно достижение согласия с учетом общественного мнения в странах ЕС и Великобритании (Manor, 2019). В частности, в ходе подготовки переговорной позиции Великобритании активно отслеживались настроения пользователей социальной сети Твиттер¹⁶ при помощи технологии «хештег-анализа», что позволило дополнить результаты общественного мнения относительно форматов итогового соглашения. Так, анализ настроений в социальных сетях позволил принять более информированное решение относительно восприятия модальностей договоренностей между Великобританией и ЕС (Manor, 2019).

¹⁴ Big Data for Sustainable Development // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/global-issues/big-data-for-sustainable-development> (accessed: 11.04.2022).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ На основании требования Генпрокуратуры РФ от 24.02.2022 г. доступ к ресурсу Твиттер в Российской Федерации ограничен.

В ходе работы над иранской ядерной сделкой страны использовали социальные сети не только для анализа, но и воздействия на общественное мнение. Именно положительное отношение к сделке в социальных сетях и в Иране, и государствах Запада (в том числе благодаря успешной работе в рамках цифровой дипломатии) способствовало успешному подписанию договоренностей (Manor, 2019).

Подготовка к переговорам требует взаимодействия как с противоположной стороной для решения протокольных и процедурных вопросов, так и с различными министерствами и ведомствами внутри страны. Если для коммуникации с противоположной стороной используются широко распространенные зарубежные платформы, то для «внутренних переговоров» (межведомственных согласований) во избежание утечки информации необходимы отечественные платформы. В частности, в России была разработана платформа TrueConf¹⁷. Кроме того, встает вопрос целесообразности создания единой базы данных разных ведомств для формирования переговорной позиции. С одной стороны, такая база позволяет увидеть целостную картину, с другой — возрастает опасность утечек информации.

При подготовке к переговорам проводятся различного рода совещания, ситуационные анализы, моделирование переговоров. Здесь открыты большие возможности для цифровизации. Использование цифровых технологий при подготовке содержательной стороны в зависимости от характера проблемы может быть крайне разнообразным, включая создание больших баз данных, моделирования и т. п. Анализ данных, полученных при помощи спутников, может быть использован в рамках аргументации на переговорах.

Еще один момент подготовки к международным переговорам, обусловленный цифровизацией, заключается в том, что она позволяет значительно сэкономить финансовые, а также человеческие ресурсы, сокращая

поездки для проведения «переговоров о переговорах», но не исключая их полностью.

Наконец, цифровизация оказывает сильное влияние на процесс подготовки к международным переговорам, привнося в них общественное мнение. Ранее подготовка к международным переговорам предполагала достаточно камерную атмосферу. Исключение составляли комментарии аналитиков и журналистов, а также возможные утечки информации в СМИ. В эпоху цифровизации открылись дополнительные средства влияния на тех, кто занят подготовкой к международным переговорам через социальные сети, в том числе путем создания в них фейков, а также привлечения ботов. В результате участники переговоров при подготовке к ним оказываются под внешним давлением. На них через недипломатические каналы, в частности социальные сети, могут воздействовать транснациональные корпорации, другие негосударственные акторы с целью реализации собственных интересов (Джамалов, 2021). Аналогичное воздействие может осуществлять и противоположная сторона в своих интересах. Кроме того, участники подготовки к переговорам могут быть дезориентированы огромным объемом информации и комментариев, которые во многих случаях оказывается сложно оценить верно.

Процесс ведения международных переговоров

На стадии ведения международных переговоров влияние внешней среды на участников переговоров становится особенно значимым. По сути, в условиях, когда посредством социальных сетей и иных электронных СМИ большинство международных переговоров оказываются открытыми для международной общественности, общество становится еще одной стороной переговорного процесса. Очевидно, что это нельзя не учитывать при выработке переговорной позиции, стратегии и тактики. В ходе переговоров давление со стороны социальных групп может вести к феномену, описанному У. Зартманом и М. Берманом. Суть этого феномена заключается в том, что участников переговоров «тянет к окнам» вместо обсуждений вопросов с противоположной стороной (Zartman & Verman, 1982). Иными

¹⁷ Мартиросян А. TrueConf представил первую отечественную платформу для объединенных коммуникаций // TrueConf. 28.03.2013. URL: <https://trueconf.ru/blog/press-release/trueconf-predstavil-pervuyu-otechestvennyuyu-platformu-dlya-obedinennyih-kommunikatsiy.html> (дата обращения: 11.04.2022).

словами, они начинают вступать в дискуссию с возникшей «третьей стороной переговорного процесса» — общественностью, представленной социальными группами. При этом прозрачность переговорного процесса и доступность информации о ходе переговоров и их результатах в условиях повсеместной цифровизации значительно выше, что обусловлено в том числе особой культурой цифрового общества, предполагающей максимальную открытость и доступность информации.

Следует отметить, что современные практики дипломатии данных открывают также возможности для воздействия на общественное мнение. Как отмечают Н.А. Цветкова и И.В. Федорова, искусственный интеллект и машинный способ распространения материалов (боты) создают масштабные потоки информации, направляют их точно на целевые аудитории и, самое главное, реагируют на комментарии пользователей в социальных сетях, выдавая точные, яркие и убедительные ответы (Цветкова, Федорова, 2021).

Традиционно международные переговоры проводятся в формате личных встреч. Пандемия открыла онлайн- и гибридные форматы взаимодействия. Проведение онлайн-переговоров, как и в случае с обсуждением протокольных и процедурных вопросов при подготовке к переговорам, позволяет экономить финансовые средства и время, а также дает возможность направить их на решение других вопросов¹⁸. Однако переговоры по содержательным проблемам в большей степени требуют непосредственного общения. Неформальная обстановка (в перерывах за кофе, а также встречи вне рамок официальных переговоров) дает возможность обсудить наиболее сложные и чувствительные вопросы (Kaufmann, 1996). Участники международных переговоров в ходе неформальных бесед нередко используют прием «пробного шара», когда формулируется идея в виде «а что, если...» (Лебедева, 1993). Такой «пробный

шар», не являясь официальным предложением, легко снимается в случае, если партнер отреагировал на него отрицательно. В рамках сессии официальных переговоров это сделать гораздо сложнее.

Р. Патнэм предложил двухуровневую модель взаимодействия на переговорах, которая предусматривает проведение переговоров не только с партнером, но и со своим «центром». При этом «центр» оказывается неоднородным, и участники переговоров должны учитывать интересы различных групп в «центре» (Putnam, 1988). Цифровизация значительно расширяет возможности коммуникации с таким неоднородным «центром», позволяет оперативно обмениваться информацией и получать новые вводные. В то же время здесь вновь остро встает вопрос безопасности информационных каналов.

При заключении договоренностей по результатам международных переговоров появляется задача работы над итоговым документом. Цифровизация в этом случае предоставляет эффективные инструменты совместного редактирования текстов. Однако не только итоговые документы могут подлежать совместному редактированию. Роль текстовой информации в современном мире возрастает. Переговоры не являются здесь исключением, а цифровизация значительно облегчает совместную работу сторон над любыми текстами, например текстами совместных заявлений.

Анализ результатов и имплементация достигнутых договоренностей

На заключительной стадии цифровизация предоставляет инструменты для анализа итогов проведенных переговоров. Одним из вариантов здесь является моделирование переговоров. Примечательно, что задолго до начала эры цифровизации в МГИМО были сделаны первые шаги анализа международных переговоров с помощью компьютерного моделирования (Луков, Сергеев, 1981). Кроме того, в зависимости от содержательных особенностей переговоров и на стадии подготовки к ним могут быть использованы самые разнообразные цифровые инструменты. В частности, на этапе имплементации достигнутых соглашений особенно значимым фактором является работа

¹⁸ Табаринцева-Романова К. «Облачная дипломатия» — панацея в эпоху пандемии? // Российский совет по международным делам. 26.03.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/oblachnaya-diplomatiya-panatseya-v-epokhu-pandemii/?sphrase_id=83213171 (дата обращения: 09.03.2022).

с общественным мнением, его подготовка к достигнутым решениям и компромиссам.

На современном этапе цифровые технологии дополняют возможности в этой области. Так, в рамках программы реализации Целей устойчивого развития ООН особый акцент сделан на использовании анализа данных для оценки достижения поставленных целей.

Заключение

Цифровизация существенно повлияла на процесс международных переговоров, во многом перестроив этот вид деятельности и создав новые переговорные области. Данный факт подтверждает всепроникающий эффект цифровизации на мировую политику.

В результате цифровизации международные переговоры усложнились по целому ряду параметров, а участники переговоров столкнулись с новыми вызовами. Очевидно, что эти вызовы преодолимы, однако остро встает вопрос обучения новым реалиям переговорной деятельности. Дипломатам приходится осваивать новые, ранее незнакомые им области, в том числе связанные с цифровизацией технические аспекты. Если раньше не во всех университетах при подготовке специалистов по международным отношениям и мировой политике предлагались курсы по ведению переговоров, то сейчас введение таких курсов с учетом происходящей цифровизации становится настоятельной необходимостью. Более того,

следует ожидать усиления воздействия цифровизации в связи с развитием искусственного интеллекта, больших данных, био- и когнитивных технологий, которые только начинают проникать в международные переговоры.

В практическом плане также встает вопрос взаимодействия официальных структур с представителями бизнеса, структур гражданского общества. Цифровые технологии создают большую опасность утечки данных от неофициальных участников переговоров в свете иной степени ответственности, попыток полностью реализовать свои интересы в силу неопытности в области ведения переговоров и т. п.

Очевидно, что процесс цифровизации международных переговоров будет продолжаться. Сложно сказать, как именно будет проходить цифровизация в этой области, однако можно наметить некоторые направления. Так, еще в начале 1990-х гг. В.А. Кременюк выступил с идеей системы международных переговоров (Kremenjuk, 1991). Предполагалось, что предметные области различных международных переговоров должны быть увязаны между собой с целью повышения их эффективности. Эта идея не была реализована ввиду отсутствия необходимых цифровых технологий. Сегодня это становится возможным.

Поступила в редакцию / Received: 19.05.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 24.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Гальперин П. Я. Введение в психологию. Москва : Изд-во Московского университета, 1976.
- Джамалов Ф. О. Вызовы цифровой эпохи на ведение дипломатии в период глобализации и пандемии коронавируса // Актуальные исследования. 2021. № 10. С. 83—86. URL: <https://apni.ru/article/2020-vizov-tsifrovoj-epokhi-na-vedenie-diplomatii> (дата обращения: 11.03.2022).
- Карягин В. В. Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. Москва : Международные отношения, 1994.
- Ковалев А. Г. Азбука дипломатии. Москва : Международные отношения, 1988.
- Лебедева М. М. Вам предстоит переговоры. Москва : Экономика, 1993.
- Лебедева М. М. Технология ведения международных переговоров. Москва : Аспект Пресс, 2016.
- Луков В. Б., Сергеев В. М. Методологические и методические основы информационно-логической системы «СБСЕ» // Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров / под ред. И. Г. Тюлина, М. А. Хрусталева. Москва : МГИМО, 1981. С. 48—70.
- Цветкова Н. А. Программы WEB 2.0. в публичной дипломатии США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109—122.

- Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37—47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47>
- Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 27—44. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>
- Цветкова Н. А., Федорова И. В. Дипломатия данных США: цели, механизмы, содержание // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51, № 1. С. 104—116. <https://doi.org/10.31857/S268667300013205-5>
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : Эксмо, 2016.
- Adesina O. S. Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. Vol. 3, no. 1. P. 129—175. <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1297175>
- Attatfa A., Renaud K., De Paoli S. Cyber Diplomacy: A Systematic Literature Review // Procedia Computer Science. 2020. Vol. 176. P. 60—69. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.08.007>
- Bjola C. Digital Diplomacy — the State of the Art // Global Affairs. 2016. Vol. 2, no. 3. P. 297—299. <https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1239372>
- Bjola C. Introduction: Making Sense of Digital Diplomacy // Digital Diplomacy. Theory and Practice / ed. by C. Bjola, M. Holmes. London : Routledge, 2015. P. 15—24.
- Held D. Political Theory and the Modern State. Essays on State, Power, and Democracy. Stanford, CA : Stanford University Press, 1989.
- Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the Digital Age // Clingendael Report. 2015. P. 1—58. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2016-02/Digital_Diplomacy_in_the_Digital%20Age_Clingendael_July2015.pdf (accessed: 11.03.2022).
- Hughes S. C., Wickersham L., Ryan-Jones D. L., Smith S. A. Overcoming Social and Psychological Barriers to Effective On-line Collaboration // Educational Technology and Society. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 86—92.
- Kaufmann J. Conference Diplomacy: An Introductory Analysis. London : Macmillan Press, 1996.
- Keohane R. O., Martin L. L. Institutional Theory as a Research Program // Progress in International Relations Theory: Appraising the Field / ed. by C. Elman, M. F. Elman. Cambridge, MA : MIT Press, 2003. P. 71—108. <https://doi.org/10.7551/mitpress/5627.003.0006>
- Kremenyuk V. A. The Emerging System of International Negotiation // International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues / ed. by V. A. Kremenyuk. San Francisco : Jossey-Bass, 1991. P. 22—39.
- Kuzminykh A., Rintel S. Classification of Functional Attention in Video Meetings // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York : Association for Computing Machinery, 2020. P. 1—13. <https://doi.org/10.1145/3313831.3376546>
- Manor I. Are We There Yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy? Results from a Cross-national Comparison. Leiden : Koninklijke Brill NV, 2016.
- Manor I. The Digitalization of Public Diplomacy. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04405-3>
- Putnam R. D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42, no. 3. P. 427—460. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027697>
- Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8, no. 2. P. 411—431. <https://doi.org/10.1017/S1537592710001179>
- Zartman I. W., Berman M. R. The Practical Negotiator. New Haven : Yale University Press, 1982.

Сведения об авторах: Лебедева Марина Михайловна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений МИД России; ORCID: 0000-0003-4162-0807; e-mail: mmlebedeva@gmail.com

Зиновьева Елена Сергеевна — доктор политических наук, профессор, заместитель директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики Московского государственного института международных отношений МИД России; ORCID: 0000-0002-5129-338X; e-mail: elena.zinovjeva@gmail.com



МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-157-167

EDN: THCCVS

Научная статья / Research article

Африканская континентальная интеграция — новый шаг на пути к многополярному миру

С.Н. Волков  , О.В. Константинова 

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 snvolkov@list.ru

Аннотация. Мировая экономика продолжает испытывать последствия мировой рецессии 2020 г., спровоцированной пандемией коронавируса, а также резких сдвигов, произошедших в системе международных отношений в 2022 г. в результате жестких санкций, введенных коллективным Западом против России. Последствия этих ограничений затронули многие страны мира. Африканские государства не стали исключением, испытав на себе серьезное негативное воздействие этих санкций в результате роста мировых цен на зерновые культуры, а также нефть, газ, минеральные удобрения, что вызвало снижение объемов их импорта, которое ощутили на себе в первую очередь наиболее социально уязвимые группы населения. Кроме того, регионом были утрачены достигнутые ранее успехи в повышении уровня жизни и решении социальных проблем. Сложившаяся ситуация вновь продемонстрировала странам Африки, что только совместные усилия позволят минимизировать нанесенный ущерб и способствовать восстановлению экономик. В этой связи более актуальными стали вопросы развития экономической интеграции: перехода с субрегионального на региональный (континентальный) уровень экономической интеграции, рассмотрению которого посвящено исследование. Африканская континентальная зона свободной торговли, самая многочисленная в мире по числу стран-участниц, была запущена 1 января 2021 г. Совокупный ВВП государств этого объединения, население которых составляет 1,3 млрд чел., оценивается в 3,4 трлн долл. США. Ожидается, что к 2050 г. он увеличится более чем вдвое. Важным элементом экономической интеграции на континенте является создание в январе 2018 г. Единого африканского рынка воздушного транспорта, а также наличие планов по введению единого паспорта, который обеспечит свободное передвижение африканцев по континенту. Таким образом, развитие континентальной интеграции служит для Африки крайне важным и необходимым инструментом усиления внутрирегиональных связей, повышения производительности труда и конкурентоспособности африканских товаров. Кроме того, продвижение интеграции способствует укреплению экономических и политических позиций Африки в мире, что объективно содействует движению к многополярному миру.

Ключевые слова: Африка, интеграция, Африканская континентальная зона свободной торговли, Африканский союз



Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Волков С. Н., Константинова О. В. Африканская континентальная интеграция — новый шаг на пути к многополярному миру // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 157—167. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-157-167>

African Continental Integration — A New Step towards a Multipolar World

Sergey N. Volkov  , Olga V. Konstantinova 

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 snvolkov@list.ru

Abstract. The global economy continues to suffer the consequences of the 2020 global recession caused by the COVID-19 pandemic and the dramatic shifts in international relations in 2022 triggered by severe sanctions imposed by Western nations against Russia. Many countries have been affected by the restrictions. African economies were no exception, experiencing a strong negative impact of these sanctions because of rising global prices on cereal crops, oil, natural gas, and mineral fertilizers, which caused a decrease in their imports felt primarily by the most vulnerable population groups. In addition, the region has seen a retreat from basic gains in living standards and social problems. This situation has once again made it clear to African countries that they should pool efforts in order to minimize damage and facilitate economic recovery. In this regard, the issues of developing economic integration, such as the transition from the subregional to regional (continental) level of economic integration, which is the subject of this paper, have become more relevant. The African Continental Free Trade Area, launched on January 1, 2021, is the largest in the world in terms of the number of participating countries with a total population of 1.3 billion USD and GDP of 3.4 trillion USD, and is expected to more than double by 2050. An important achievement of economic integration in Africa is the creation in 2018 of the African Single Market for Air Transport and plans for the introduction of a single passport, which are designed to ensure the free movement of Africans across the continent. Thus, continental integration is an extremely important and necessary tool for Africa to strengthen intra-regional ties, increase labor productivity and enhance the competitiveness of African goods. In addition, the promotion of integration helps to strengthen Africa's economic and political positions in the world, which objectively contributes to the movement towards a multipolar world.

Key words: Africa, integration, African Continental Free Trade Area, African Union

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Volkov, S. N., & Konstantinova, O. V. (2023). African continental integration — a new step towards a multipolar world. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 157—167. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-157-167>

Введение

Интеграция — важный инструмент повышения темпов и качества развития Африки. Государства континента стремятся к сотрудничеству, понимая, что их совместно выработанные позиции по тому или иному вопросу будут иметь больший вес на мировой арене, что особенно актуально сейчас в условиях

быстро меняющегося геополитического ландшафта. Этому посвящены многие работы, например, И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни (Абрамова, Фитуни, 2018), С.Н. Волкова, Т.Л. Дейч (Волков, Дейч, 2020), Г.М. Костюниной (2020а; 2020б), Е.В. Морозенской (2019), Л.Л. Фитуни (2019), Б. Байерса и Л. Мияндази (Byiers & Miyandazi, 2021),

В. Гаммадигбе (Gammadigbe, 2021), А. Гнангенона¹, К. Готтшалка (Gottschalk, 2020), Ф. Мтембу и Ф. Корнегай² и др.

Цель исследования — выявление главного вектора развития экономической интеграции в Африке в условиях роста турбулентности мировой экономики. При этом за рамками исследования из-за его формата остаются все другие сферы африканской интеграции: политическая, военная, социальная, культурная и др.

Основными задачами исследования является анализ развития африканской континентальной интеграции и вовлеченности в него отдельных стран континента, изучение правовой базы этого процесса, выявление преимуществ и угроз для участников тех или иных соглашений, оценка препятствий на пути panafricanского объединения и возможных путей их преодоления.

Методология исследования основана на использовании методов обобщения и сопоставления, применялся также системный аналитический подход, что позволило провести комплексный анализ и синтез изучаемых явлений. Были проанализированы научные публикации, посвященные африканской континентальной интеграции, экономическим последствиям воздействия пандемии коронавируса на Африканском континенте, аналитические материалы международных организаций. В частности, в работе были использованы отчеты Африканского союза (АС), Африканского банка развития, Экономической комиссии для Африки Организации Объединенных Наций об Индексе региональной интеграции в Африке³, Африканского союза о

Едином африканском рынке воздушного транспорта⁴ и об интеграции на континенте⁵, а также Всемирного банка об Африканской континентальной зоне свободной торговли (The African Continental Free Trade Area..., 2020).

Обзор литературы

Интеграция на Африканском континенте рассматривается политиками и учеными как актуальная стратегия, которая позволит странам добиться увеличения объемов внутрорегиональной торговли, ускорения экономического роста и включения африканских стран в глобальную экономическую систему (Gammadigbe, 2021, p. 4). Также она может быть рычагом ускорения структурной трансформации африканских стран за счет воздействия эффекта масштаба, повышения конкурентоспособности, более эффективной мобилизации ресурсов и развития региональных производственно-сбытовых цепочек. Результаты эконометрического анализа, проведенного В. Гаммадигбе (Gammadigbe, 2021, p. 21), показали, что региональная интеграция ускоряет рост доходов в Африке и способствует сокращению уровня неравенства. В то же время выгоды от региональной интеграции распределяются неравномерно в пользу относительно развитых экономик континента.

Б. Байерс и Л. Мияндази (Byiers & Miyandazi, 2021, p. 1) указывают, что Африканский союз, несмотря на рост заинтересованности африканских стран в региональном сотрудничестве, сталкивается с проблемами в продвижении интеграции, так как интересы национальной политики в отдельных случаях негативно влияют на региональные процессы. Кроме того, непоследовательность принимаемых решений, рост числа африканских субрегиональных организаций с дублирующимся

¹ Gnanguénon A. Mapping African regional cooperation: How to navigate Africa's institutional landscape // European Council on Foreign Relations. 2020. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep27727.pdf?ab_segments=0%252Fbasic_search_gsv2%252Fcontrol&refreqid=excelsior%3Ae8811ca82ef4235cb4b4546b851de8d2 (accessed: 02.12.2021).

² Mthembu Ph., Kornegay F. Africa and the world: Navigating shifting geopolitics // Institute for Global Dialogue Global Insight. 2020. No. 135. URL: <https://www.africaportal.org/publications/africa-and-world-navigating-shifting-geopolitics/> (accessed: 29.11.2021).

³ Africa. Regional Integration Index. Report 2019 // African Union, African Development Bank Group, Economic commission for Africa United Nations.

2020. URL: https://arii.uneca.org/Reports/en_ARII-Report-2019.pdf (accessed: 29.11.2021).

⁴ The SAATM Handbook // IATA. URL: <https://www.iata.org/contentassets/44c1166a6e10411a982b2624047e118c/saatm-handbook.pdf> (accessed: 11.11.2021).

⁵ African Integration Report: Putting Free Movement of Persons at the Centre of Continental Integration 2021 // African Union. 2021. URL: <https://knowledge-uclga.org/IMG/pdf/africanintegrationreport.pdf> (accessed: 10.09.2022).

членством и отсутствие координации между ними отражают нынешний уровень конкурентоспособности политико-институциональной среды⁶.

По мнению П. Шипалана и А. О'Риордан (Shipalana & O'Riordan, 2020, p. 2), макроэкономическая устойчивость, особенно в Африке, требует от правительств африканских стран усилить меры денежно-кредитной и фискальной политики для разработки планов экономического восстановления по мере того, как пандемия будет взята под контроль.

Несомненно, на пути африканской интеграции возникает множество препятствий, среди которых прежде всего нестабильная политическая обстановка в некоторых африканских странах, военные конфликты и активность террористических группировок, нищета, голод, дефицит чистой питьевой воды, слабое развитие медицины, социальной сферы и т. п. Все эти проблемы особенно обострились во время пандемии коронавируса, которая «подкосила» экономику, обнажила все проблемы, особенно в здравоохранении и социальном обслуживании (Волков, Дейч, 2021; Фитуни, Абрамова, 2020; Namouda, 2021). Однако стало еще более очевидно, что африканские страны смогут преодолеть ее последствия только совместными усилиями, что предполагает перенос акцента сотрудничества с субрегионального уровня интеграции на континентальный.

Африканская континентальная зона свободной торговли

Несомненно, важнейшим шагом в направлении упрочения африканского единства стал запуск 1 января 2021 г. Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ, *The African Continental Free Trade Area*, AfCFTA). Естественно, до претворения в жизнь всех положений

⁶ Gnanguènon A. Mapping African regional cooperation: How to navigate Africa's institutional landscape // European Council on Foreign Relations. 2020. P. 3. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep27727.pdf?ab_segments=0%252Fbasic_search_gsv2%252Fcontrol&refreqid=excelsior%3Ae8811ca82ef4235cb4b4546b851de8d2 (accessed: 02.12.2021).

протоколов к соглашению о создании АфКЗСТ, многие из которых еще предстоит разработать, пройдет немало времени, однако сам факт того, что государства Африки приступили к реализации данного соглашения, говорит о широком геополитическом видении Африки. Важность данного события для Африки отмечают многие исследователи: Е.В. Дробот и А.Л. Сапунцов (Дробот, Сапунцов, 2021), М.В. Леденева и Т.А. Плаксунова (Леденева, Плаксунова, 2020), О.В. Константинова (2020), Б. Байерс, Л. Мияндази (Buyers & Miyandazi, 2021), Ф. Мтембу и Ф. Корнегай⁷, А. Ван Ньюкерк⁸ и др.

Так, например, Ф. Мтембу и Ф. Корнегай⁹ считают, что повышение роли и эффективности АС и субрегиональных экономических сообществ должно быть в большей степени увязано с двусторонними обязательствами отдельных африканских стран, особенно крупных экономик континента, которые должны взять на себя большую ответственность за организацию отношений Африки на глобальном уровне. К тому же реализация АфКЗСТ как одно из приоритетных направлений «Повестки дня 2063»¹⁰ может придать импульс углублению африканской интеграции¹¹.

⁷ Mthembu Ph., Kornegay F. Africa and the world: Navigating shifting geopolitics // Institute for Global Dialogue Global Insight. 2020. No. 135. URL: <https://www.africaportal.org/publications/africa-and-world-navigating-shifting-geopolitics/> (accessed: 29.11.2021).

⁸ Van Nieuwkerk A. COVID-19 and Regional integration in Southern Africa: South Africa's moment of truth // South African Institute of International Affairs Policy Briefing. 2020. No. 202. P. 1—12. URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2020/08/Policy-Briefing-202-van-Nieuwkerk.pdf> (accessed: 29.11.2021).

⁹ Mthembu Ph., Kornegay F. Africa and the world: Navigating shifting geopolitics // Institute for Global Dialogue Global Insight. 2020. No. 135. P. 2. URL: <https://www.africaportal.org/publications/africa-and-world-navigating-shifting-geopolitics/> (accessed: 29.11.2021).

¹⁰ Agenda 2063: The Africa We Want // African Union. URL: <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed: 15.09.2022).

¹¹ Mthembu Ph., Kornegay F. Africa and the world: Navigating shifting geopolitics // Institute for Global Dialogue Global Insight. 2020. No. 135. P. 4. URL: <https://www.africaportal.org/publications/africa-and-world-navigating-shifting-geopolitics/> (accessed: 29.11.2021).

Действительно, сейчас АфКЗСТ привлекает большое внимание африканских политиков и может стать стимулом к более тесному региональному сотрудничеству и интеграции. Об этом говорится в отчете Африканского центра экономических преобразований¹², где отмечается, что потенциал региональной интеграции может ускорить экономические преобразования в Африке. При этом подчеркивается важность роли политических лидеров и их приверженности идеям интеграции, ради которых они должны быть готовы уступить часть своих полномочий при проведении переговоров специализированным региональным органам¹³.

В настоящее время в Африке с разной степенью успешности действуют восемь официально признанных АС субрегиональных интеграционных объединений¹⁴, внесших в сложные 2021 г. и особенно 2020 г., когда в условиях коронавирусной пандемии многие страны континента объявляли локдауны и закрывали границы, существенный вклад в сохранение их прозрачности для африканских товаров при соблюдении установленных эпидемиологических требований.

Согласно африканскому индексу многомерной региональной интеграции (*African Multidimensional Regional Integration Index*, AMRII), общий средний балл процесса интеграции на континенте достиг, согласно отчету за 2021 г., 0,62 (по шкале от 0 до 1)¹⁵.

¹² Integrating to Transform: African Transformation Report 2021 // African Center for Economic Transformation. 2021. URL: <https://acetforafrica.org/research-and-analysis/reports-studies/atr/african-transformation-report-2021/> (accessed: 29.11.2021).

¹³ Ibid. P. 168.

¹⁴ В их числе Восточноафриканское сообщество (ВАС), Межправительственная организация по развитию (ИГАД), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Сообщество сахельско-сахарских государств (СЕН-САД), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Союз арабского Магриба (САМ), Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭККАС) и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС).

¹⁵ African Integration Report: Putting Free Movement of Persons at the Centre of Continental Integration 2021 // African Union. 2021. P. 18. URL: <https://knowledge-ucfga.org/IMG/pdf/africanintegrationreport.pdf> (accessed: 10.09.2022).

Результаты интеграции превысили средний уровень в торговле, свободном передвижении людей, политической и институциональной сфере, а также в области инфраструктуры. Итоги валютной, экологической, финансовой и социальной интеграции оказались ниже среднего уровня (рис. 1).

Что касается регионального аспекта интеграционного процесса в Африке (рис. 2), то здесь результат выше среднего уровня: 0,62 балла, достигнутые в Экономическом сообществе государств Центральной Африки (ЭККАС), отмечались в Общем рынке Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Восточноафриканском сообществе (ВАС) и Экономическом сообществе стран Западной Африки (ЭКОВАС), а ниже среднего — в Сообществе развития Юга Африки (САДК), Сообществе сахельско-сахарских государств (СЕН-САД), Межправительственной организации по развитию (ИГАД) и Союзе арабского Магриба (САМ)¹⁶.

Вместе с тем в последние годы африканские страны все больше усилий прилагали к развитию не субрегиональной, а континентальной интеграции. Именно такая амбициозная цель — создание единого для континента интеграционного объединения — была поставлена десять лет назад, в январе 2012 г. в г. Аддис-Абебе (Эфиопия) на 18-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств АС. Однако первый раунд переговоров с целью выработки соответствующего соглашения состоялся лишь в феврале 2016 г., а затем в течение двух лет было проведено еще восемь встреч, на которых удалось согласовать текст соглашения о создании АфКЗСТ. В итоге 9 марта 2018 г. министры торговли стран АС одобрили проект этого документа, а 21 марта 2018 г. на 10-м внеочередном саммите АС в Кигали (Руанда) главы государств и правительств приняли решение о его создании. На тот момент 44 из 55 государств Африки подписали данное соглашение, которое вступило в силу 30 мая 2019 г. после его ратификации 22 странами континента (*The African Continental Free Trade Area...*, 2020, p. 11).

¹⁶ Ibid.

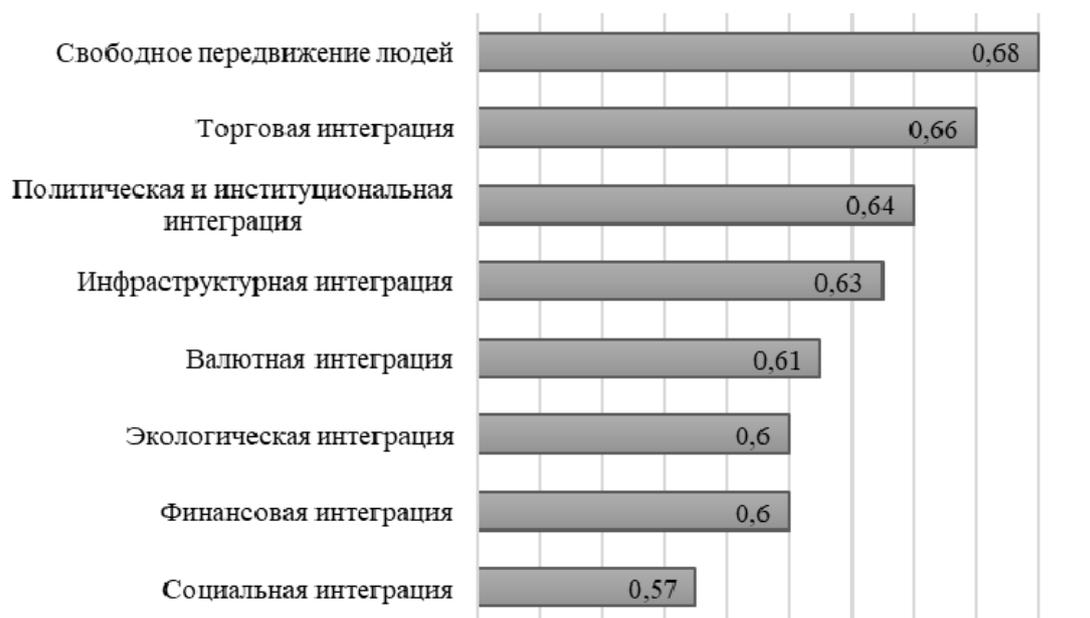


Рис. 1. Континентальная оценка составляющих индекса африканской интеграции в 2021 г.
Источник: African Integration Report: Putting Free Movement of Persons at the Centre of Continental Integration 2021 // African Union. 2021. P. 19. URL: <https://knowledge-uclga.org/IMG/pdf/africanintegrationreport.pdf> (accessed: 10.09.2022).

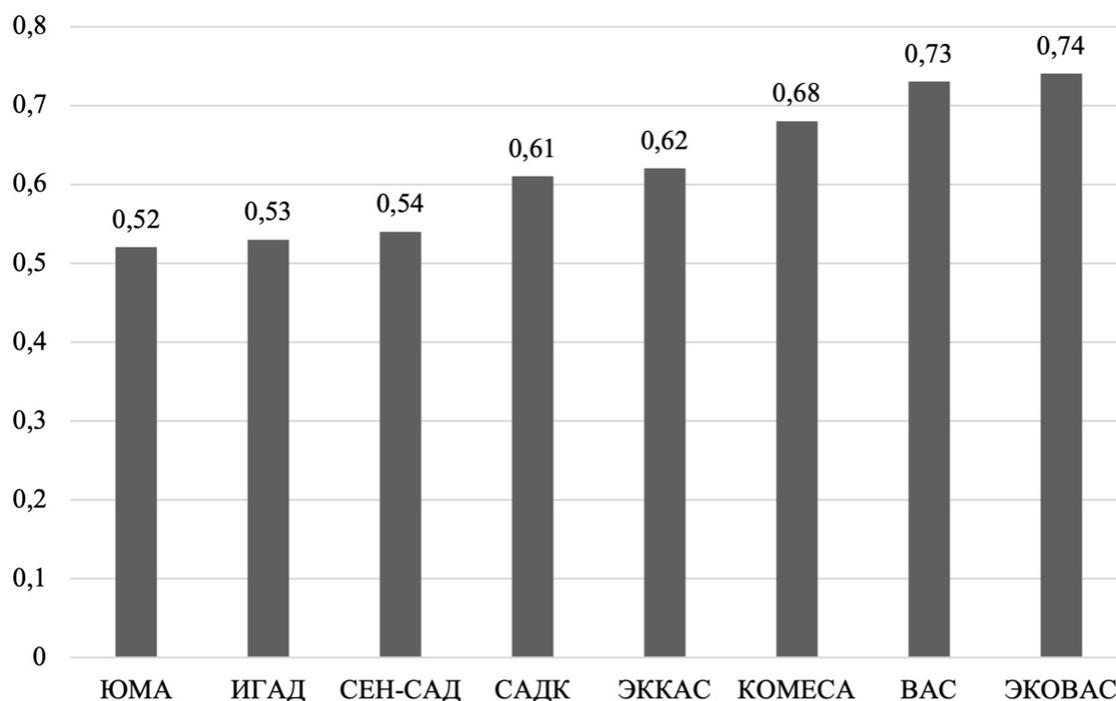


Рис. 2. Распределение среднего балла индекса региональной интеграции по основным интеграционным объединениям Африки в 2021 г.

Источник: African Integration Report: Putting Free Movement of Persons at the Centre of Continental Integration 2021 // African Union. 2021. P. 18. URL: <https://knowledge-uclga.org/IMG/pdf/africanintegrationreport.pdf> (accessed: 10.09.2022).

В настоящее время это соглашение по политическим причинам не подписано только Эритреей, еще 11 государств его пока не ратифицировали или не депонировали.

Институциональная структура АфКЗСТ включает базирующийся в г. Аккре (Гана) Секретариат, отвечающий за созыв совещаний, мониторинг и оценку процесса интеграции, технические комитеты, Комитет старших должностных лиц, занимающийся разработкой программ и планов действий, Совет министров, принимающий решения по всем вопросам деятельности объединения, а также Ассамблею глав государств и правительств, высший орган, принимающий решения в рамках АС методом консенсуса¹⁷.

Дорожная карта АфКЗСТ и трудности ее реализации

Практическая реализация этого соглашения должна была начаться 1 июля 2020 г., однако в связи с пандемией эта дата была перенесена на 1 января 2021 г., когда внешнеторговые операции на континенте начали регулироваться правилами АфКЗСТ. При этом следует подчеркнуть, что восемь субрегиональных интеграционных объединений в соответствии с положениями ст. 5 Соглашения о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли не были распушены, а интегрированы в него в качестве его «строительных блоков»¹⁸.

Обслуживание внешнеэкономических операций в рамках этого объединения осуществляется через Панафриканскую систему платежей и расчетов (ПАСПР, *Pan-African Payment & Settlement System*, PAPSS), которая обеспечивает эффективное и безопасное трансграничное перемещение денежных средств при купле-продаже товаров и услуг, а также осуществление переводов, выплату заработной платы, операции с акциями или

другими финансовыми инструментами, что позволяет минимизировать риски и способствует финансовой интеграции на континенте. ПАСПР действует в сотрудничестве с центральными банками стран Африки, предоставляя платежные и расчетные услуги всем участникам внешнеэкономической деятельности¹⁹.

К другим действующим инструментам АфКЗСТ относится Африканская торговая обсерватория — портал торговой информации об экспортерах и импортерах в странах-членах, экспортных возможностях и импортных потребностях, внешнеторговой статистике²⁰, а также запущенная 13 января 2021 г. онлайн-платформа, разработанная совместно с Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД), для мониторинга, отчетности и устранения нетарифных барьеров²¹. Именно они, а не таможенные тарифы, по мнению экспертов ЮНКТАД, являются основными препятствиями на пути развития торговли между африканскими странами.

Что касается отмены тарифных ограничений, то страны — члены АфКЗСТ, не входящие в число наименее развитых стран (НРС), приняли на себя обязательство по линейной либерализации 90 % тарифных позиций в течение 5 лет (до конца 2025 г.), а НРС — в течение 10 лет. Процент чувствительных товаров не должен превышать 7 % от общего числа тарифных позиций, подлежащих согласованию, а их устранение начнется с 2026 г. Страны, не относящиеся к НРС, должны либерализовать тарифы на свою чувствительную продукцию в течение 10 лет, а НРС — в течение 13 лет. Список исключений, который подлежит согласованию и пересмотру каждые 5 лет, не должен превышать

¹⁹ Connecting Payments. Accelerating Africa's Trade // Pan-African Payment & Settlement System. URL: <https://papss.com/> (accessed: 10.11.2021).

²⁰ African Trade Observatory // African Union. URL: <https://ato.africa/en> (accessed: 10.11.2021).

²¹ Online tool to remove trade barriers in Africa goes live // UNCTAD. January 17, 2020. URL: <https://unctad.org/news/online-tool-remove-trade-barriers-africa-goes-live> (accessed: 10.11.2021).

¹⁷ The African Continental Free Trade Area // African Union. URL: <https://au.int/en/african-continental-free-trade-area> (accessed: 08.11.2021).

¹⁸ Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area // African Union. URL: <https://au.int/en/treaties/agreement-establishing-african-continental-free-trade-area> (accessed: 10.11.2021).

3 % от общего числа тарифных позиций, причем по стоимости эти товары должны составлять не более 10 % всего внутриафриканского импорта²².

Таким образом, процесс создания континентальной зоны свободной торговли, которую в дальнейшем планируется трансформировать в таможенный союз, находится пока на начальном этапе. Дорожная карта разработки его нормативных документов первоначально была разбита на три этапа, однако затем было принято решение принять их в два этапа.

На первом из них были подготовлены тексты четырех протоколов: о торговле товарами, торговле услугами, правилах и процедурах урегулирования споров и таможене и упрощении процедур торговли. На втором этапе переговоров предполагается принятие протоколов об инвестициях, правах интеллектуальной собственности, а также о политике в области конкуренции, обсуждение которых началось в 2021 г., об электронной торговле (для его подготовки в мае 2021 г. был создан специальный комитет), а также о женщинах и молодежи в торговле, работа над которым еще не началась²³.

Существенные сложности при разработке документов АфКЗСТ объясняются как ограничениями, связанными с пандемией, так и большой численностью стран-членов, экономические интересы которых значительно разнятся, а также тем, что преимущества и выгоды от интеграционного процесса распределяются весьма неравномерно по различным секторам экономики и странам. Так, наибольший выигрыш от нее, по оценкам экспертов Всемирного банка (ВБ), в размере 14 % реального дохода получают Кот-д'Ивуар и Зимбабве, а минимальный — в 2 % прироста реального дохода — Мадагаскар, Малави

²² Agreement Establishing the African Continental Free Trade Area // African Union. URL: <https://au.int/en/treaties/agreement-establishing-african-continental-free-trade-area> (accessed: 10.11.2021).

²³ Women and Youth in Trade // AfCFTA. URL: <https://au-afcfta.org/trade-areas/women-in-trade/> (accessed: 22.10.2022).

и Мозамбик (The African Continental Free Trade Area..., 2020, p. 3).

В целом же, по мнению экспертов, к 2035 г. реализация АфКЗСТ поможет вывести 30 млн чел. из крайней и 68 млн чел. — из относительной бедности. Прирост реальных доходов при условии полного выполнения соглашения может составить 7 %, что соответствует 450 млрд долл. США. АфКЗСТ позволит значительно увеличить объемы торговли в Африке, особенно внутрорегиональные поставки продукции обрабатывающей промышленности. К 2035 г. общий объем экспорта может увеличиться почти на 29 %. Внутриконтинентальный экспорт увеличится более чем на 81 %, а экспорт за пределы континента — на 19 %, что создаст новые возможности для африканских производителей (The African Continental Free Trade Area..., 2020, p. ix).

Все это станет возможно благодаря снижению тарифов, которые во многих африканских странах достаточно высоки, и снижению торговых издержек за счет устранения нетарифных барьеров и улучшения инфраструктуры на границах (используя меры по упрощению процедур торговли). Это позволит сократить объем бюрократических процедур, снизить затраты на соблюдение нормативных требований, упростить интеграцию предприятий Африки в глобальные цепочки поставок.

Внутриафриканская торговля станет более свободной, что будет способствовать сокращению гендерного разрыва в заработной плате, приведет к ее увеличению почти на 10 % для женщин и неквалифицированных рабочих, увеличит возможности получения достойной работы, а растущий производственный сектор предоставит новые вакансии, особенно для женщин (The African Continental Free Trade Area..., 2020, p. ix).

Вместе с тем следует иметь в виду, что по уровню развития интеграционного процесса Африканский континент существенно отстает от других регионов мира. Так, в соответствии со статистическими данными международной торговли (Trade Map), в 2020 г. доля импорта товаров из африканских стран в общеконтинентальном импорте составляла

всего 11,5 %, тогда как в Америке (Северной и Южной) — 37,0 %, Азии — 62,9 %, а в Европе — 64,9 %²⁴.

Свободное передвижение африканцев по континенту

Процессы panaфриканской интеграции, происходившие на континенте в последние годы, не ограничивались лишь учреждением АфКЗСТ. Создание Единого африканского рынка воздушного транспорта (ЕАРВТ, *Single African Air Transport Market*, SAATM) также является одним из ключевых проектов «Повестки дня 2063» Африканского союза. Африка, занимающая более 20 % мировой суши, предоставляет большие возможности для развития воздушного транспорта, особенно принимая во внимание недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры: автомобильной, железнодорожной, морской и речной. Авиация в условиях Африки играет важную роль в обеспечении транспортной связанности континента, способствует его социальной, экономической и политической интеграции, стимулирует внутриафриканскую торговлю, привлекает инвестиции и туристов.

Начало созданию ЕАРВТ было положено в далеком 1988 г., когда министры гражданской авиации 40 африканских стран утвердили «Декларацию Ямусукро о новой политике в области воздушного транспорта в Африке», которая предусматривала постепенную либерализацию авиаперевозок. Принятое спустя 11 лет, в 1999 г., решение Ямусукро обязало 44 подписавших его государства либерализовать национальное регулирование воздушных перевозок и способствовать развитию трансконтинентальной конкуренции. Это решение ослабило ограничения для доступа африканских авиаперевозчиков на рынки других стран континента.

Официально ЕАРВТ был запущен в январе 2018 г.²⁵ На конец 2021 г. в нем

участвовали 34 страны, на которые приходилось около 89 % авиационного рынка Африки²⁶. Авторы исследования, проведенного Международной ассоциацией воздушного транспорта, приветствовавшей создание ЕАРВТ, пришли к выводу, что даже если бы только 12 ключевых африканских стран либерализовали свои рынки воздушного транспорта, то это позволило бы создать в них дополнительно 155 тыс. рабочих мест и увеличить ВВП на 1,3 млрд долл. США²⁷.

В то же время отметим, что число африканских участников этого соглашения увеличивается довольно медленно и ряд стран высказывают опасения в отношении монополизации перевозок крупными авиакомпаниями. Кроме того, до сих пор не имплементированы ключевые элементы ЕАРВТ, такие как независимая функция надзора за спорами, единые правила конкуренции и защита прав потребителей. Также не существует согласованного режима налогообложения и аэропортовых сборов²⁸.

Наряду с «открытым» небом заметным инструментом panaфриканской интеграции должен стать единый паспорт и свободное передвижение африканцев по континенту, которые также были включены в качестве ключевых проектов в «Повестку дня 2063»²⁹.

Подробно вопросы свободного передвижения на континенте рассмотрены в статье А. Хирша (Hirsch, 2021) в контексте запуска АфКЗСТ, поскольку эти процессы тесно взаимосвязаны. Автор указывает на наличие трудностей для ратификации протокола из-за опасений по поводу усиления негативного

²⁶ Taking Stock, Charting the Future. African Union Commission end of Term Report 2017—2021 // African Union. 2021. P. 16. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/40232-doc-au_end_of_term_report_e.pdf (accessed: 12.11.2021).

²⁷ The SAATM Handbook // IATA. P. 1. URL: <https://www.iata.org/contentassets/44c1166a6e10411a982b2624047e118c/saatm-handbook.pdf> (accessed: 11.11.2021).

²⁸ Under African skies — The liberalization of civil aviation in Africa // JD Supra. August 12, 2019. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/under-african-skies-the-liberalisation-80298/> (accessed: 11.11.2021).

²⁹ Agenda 2063: The Africa We Want // African Union. URL: <https://au.int/en/agenda2063/overview> (accessed: 15.09.2022).

²⁴ Trade Map // International Trade Centre. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed: 09.11.2021).

²⁵ The SAATM Handbook // IATA. P. 1. URL: <https://www.iata.org/contentassets/44c1166a6e10411a982b2624047e118c/saatm-handbook.pdf> (accessed: 11.11.2021).

влияния миграции на экономику и условий безопасности в странах континента (Hirsch, 2021, p. 3).

В среднем Африканский континент по сравнению с другими демонстрирует умеренные показатели свободного передвижения людей. При этом они существенно разнятся в отдельных субрегиональных интеграционных объединениях, что отражает различия в них в отношении этого вопроса³⁰.

Очевидно, что имплементация договоренностей о едином паспорте, создании ЕАРВТ и АфКЗСТ потребует значительного времени и усилий африканских лидеров. В то же время сама идея строительства «интегрированного континента, политически объединенного и основанного на идеалах panaфриканизма»³¹, как формулирует «Повестка дня 2063» Африканского союза, разделяется ими, активно транслируется в местных СМИ и находит отражение в широком участии африканских стран в различных общих мероприятиях: форумах, выставках, ярмарках, фестивалях, конференциях, соревнованиях.

В 2019 г. главы государств и правительств АС объявили 7 июля Днем африканской интеграции³², чтобы ежегодно отмечать ее

достижения в масштабах всего континента, а также обсуждать возможные решения стоящих на этом пути проблем. Центральным событием в рамках празднования Дня африканской интеграции является Форум, ежегодно собирающий широкий круг участников.

Заключение

Новый этап развития интеграции в Африке — panaфриканский — крайне важный и необходимый инструмент создания экономически и политически более сильной Африки. Это понимание способствует реализации многих направлений «Повестки дня 2063» Африканского союза, таких как континентальная и региональная интеграция, инклюзивное социально-экономическое развитие, демократическое управление, мир и безопасность, что позволит Африке усилить свое влияние на международной арене.

Вместе с тем с укреплением позиций Африки объективно усиливается тенденция к созданию многополярного мира, которая противостоит гегемонистским попыткам коллективного Запада сохранить свое доминирование. Реализация АфКЗСТ поможет вывести 30 млн человек из крайней бедности, повысит доходы населения, значительно увеличит объемы торговли в Африке, создаст новые возможности для африканских производителей, поможет справиться с экономическими потрясениями последних лет и будет способствовать упрочению позиции континента как одного из важнейших акторов мировой экономики.

Union. July 7—9, 2021. URL: <https://au.int/en/africa-integration-day-2021> (accessed: 22.01.2022).

Поступила в редакцию / Received: 14.02.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 25.11.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62, № 12. С. 5—14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14>
- Волков С. Н., Дейч Т. Л. Африка в формирующейся модели мироустройства // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 7. С. 73—77. <https://doi.org/10.31857/S032150750010106-8>

- Волков С. Н., Дейч Т. Л. Участие БРИКС в преодолении коронавирусного кризиса в Африке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 204—215. <https://doi.org/10.31857/S086919080014841-2>
- Дробот Е. В., Сапунов А. Л. Африканская континентальная зона свободной торговли в зеркале международной экономической интеграции: Quo Vadis? // Экономические отношения. 2021. Т. 11, № 2. С. 355—376. <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.112139>
- Константинова О. В. Интеграционные процессы на Африканском континенте // Африка в условиях формирования полицентричного мира / отв. ред. С. Н. Волков, Т. Л. Дейч, С. В. Ненашев. Москва : Институт Африки РАН, 2020. С. 282—288.
- Костюнина Г. М. Направления и результаты формирования Африканской континентальной зоны свободной торговли // Российский внешнеэкономический вестник. 2020а. № 4. С. 33—47.
- Костюнина Г. М. Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020б. Т. 20, № 2. С. 303—317. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317>
- Леденева М. В., Плаксунова Т. А. Экономический рост и перспективы экономического развития стран Африки южнее Сахары // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 2. С. 129—139. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2020.2.32732>
- Морозенская Е. В. «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONIALИЗМУ? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 4. С. 209—227. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227>
- Фитунни Л. Л. На пути к новой биполярности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 3. С. 6—29. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29>
- Фитунни Л. Л., Абрамова И. О. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 9. С. 5—14. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-9-5-14>
- Byiers B., Miyandazi L. Balancing Power and Consensus: Opportunities and Challenges for Increased African Integration // Istituto Affari Internazionali Papers. 2021. No. 09. P. 1—33. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaip2109.pdf> (accessed: 29.11.2021).
- Gammadigbe V. Is Regional Trade Integration a Growth and Convergence Engine in Africa? // IMF Working Paper. 2021. No. 19. P. 1—39. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2021/01/29/Is-Regional-Trade-Integration-a-Growth-and-Convergence-Engine-in-Africa-50040> (accessed: 29.11.2021).
- Gottschalk K. African Peacekeeping and African Integration: Current Challenges // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 4. P. 678—686. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-678-686>
- Hamouda S. South — South and Triangular Cooperation in the Face of COVID-19: A Quest for Resilience in Africa // Institute for Global Dialogue Occasional Paper. 2021. No. 85. P. 1—21. URL: <https://www.africaportal.org/publications/aprm-working-paper-south-south-and-triangular-cooperation-face-covid-19-quest-resilience-africa/> (accessed: 02.12.2021).
- Hirsch A. A Strategic Consideration of the African Union Free Movement of Persons Protocol and Other Initiatives towards the Freer Movement of People in Africa // South African Institute of International Affairs Working Paper. 2021. P. 1—27. URL: https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2021/01/WP_A-Hirsch_Regularising-migration-in-Africa_20210122-002.pdf (accessed: 29.11.2021).
- Shipalana P., O'Riordan A. Impact of Covid-19 on Financial Stability in Africa // South African Institute of International Affairs Occasional Paper. 2020. No. 311. P. 1—33. URL: <https://saiia.org.za/wp-content/uploads/2020/11/Occasional-Paper-311-oriordan-shipalana.pdf> (accessed: 02.12.2021).
- The African Continental Free Trade Area: Economic and Distributional Effects. Washington, D.C. : World Bank, 2020.

Сведения об авторах: Волков Сергей Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; ORCID: 0000-0002-6152-1091; e-mail: snvolkov@list.ru
Константинова Ольга Владимировна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН; ORCID: 0000-0002-3163-4925; e-mail: ryabinal11@ya.ru



ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-168-190

EDN: TDIIDF

Научная статья / Research article

Влияние Великобритании на политику Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке

К.Н. Гасанов  

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 gasanov-kn@rudn.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению турецко-британского партнерства. Автор верифицирует приобретший популярность на фоне войны в Нагорном Карабахе 2020 г. в российском экспертном и журналистском сообществе тезис о том, что Великобритания оказывала существенное влияние на внешнюю политику Турции с целью дестабилизировать Южный Кавказ и вытеснить из региона Россию. Некоторые эксперты выдвигают гипотезу, что Лондон руками Анкары пытается реализовать проект «Великого Турана» на постсоветском пространстве в ущерб российским интересам. В качестве подтверждения гипотезы ее сторонники указывают на назначение бывшего посла Великобритании в Турции Р. Мура, имеющего тесные контакты с президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, на должность главы МИ-6. Для проверки данной гипотезы анализируются торговые, финансовые и политические отношения Великобритании и Турции, а также степень близости их позиций относительно конфликтов в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе. Автор приходит к выводу, что Великобритания и Турция действительно являются тесными союзниками. Подтверждением этому служит то, что британское правительство лоббировало вступление Турции в ЕС, воздерживалось от вмешательства во внутренние дела страны, поддерживало Р.Т. Эрдогана во время попытки госпереворота в 2016 г. и не критиковало проазербайджанскую позицию Анкары во время карабахского конфликта. При этом недостаточно высокий уровень финансово-экономической взаимозависимости, стремление Турции играть самостоятельную роль на Ближнем Востоке и в Закавказье в обход НАТО, тесное сотрудничество Анкары с Москвой, являющейся геополитическим противником Лондона, а также наличие расхождений в подходах к сирийскому конфликту позволяет автору опровергнуть тезис о том, что Турция выступает «проводником интересов Великобритании» в Евразии.

Ключевые слова: Турция, Великобритания, внешняя политика, Южный Кавказ, Ближний Восток

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гасанов К.Н., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Гасанов К. Н. Влияние Великобритании на политику Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 168—190. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-168-190>

Influence of Great Britain on Turkish Policy in the Transcaucasia and the Middle East

Kamran N. Gasanov  

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 gasanov-kn@rudn.ru

Abstract. The study explores the Turkish-British partnership. The author verifies the thesis, which gained popularity after the beginning of the 2020 Nagorno-Karabakh war in the Russian expert and journalistic community, that the United Kingdom had a significant impact on Türkiye's foreign policy in order to destabilize the South Caucasus and oust Russia from the region. Some experts hypothesize that London is trying to implement the "Great Turan" project in the post-Soviet space through the hands of Ankara to the detriment of Russian interests. One of the main arguments that Türkiye's foreign policy is managed from London is the appointment of former ambassador R. Moore, who has close contacts with Turkish President R.T. Erdogan, to the post of head of British Foreign Intelligence, MI6. To test this hypothesis, the author of the article analyzes the trade, financial, political relations between Great Britain and Türkiye, as well as the degree of similarity in their positions regarding the conflicts in Syria, Libya and Nagorno-Karabakh. The author comes to the conclusion that Great Britain and Türkiye are indeed close allies. This is confirmed by the fact that the British government lobbied Türkiye to join the EU, refrained from interfering in internal affairs, supported R.T. Erdogan during the coup attempt in 2016, and did not criticize Ankara's pro-Azerbaijani position during the Karabakh conflict. At the same time, the lack of a high level of financial and economic interdependence, Türkiye's desire to play an independent role in the Middle East and Transcaucasia bypassing NATO, Ankara's close cooperation with London's geopolitical adversary Moscow, as well as differences in approaches to the Syrian conflict allow the author to refute the thesis that Türkiye acts as a "conduit for the interests of Great Britain."

Key words: Türkiye, Great Britain, foreign policy, South Caucasus, Middle East

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Gasanov, K. N. (2023). Influence of Great Britain on Turkish policy in the Transcaucasia and the Middle East. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 168—190. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-168-190>

Введение

На фоне Второй карабахской войны (27 сентября — 10 ноября 2020 г.) в российском экспертном сообществе и СМИ обрел популярность тезис о том, что Великобритания управляет турецкой внешней политикой с целью «поджечь» Южный Кавказ и вытеснить оттуда Россию. Некоторые эксперты уверены, что Лондон оказывает колоссальное влияние на политику Анкары. Одним из главных подтверждений этого сторонники данной гипотезы называют назначение бывшего посла Великобритании в Турции Ричарда Мура, имеющего тесные контакты с турецким президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом,

на должность главы британской разведки МИ-6. «Есть достаточно оснований предположить, что в широком внешнеполитическом наступлении Турции большую роль играют Британия и лично Ричард Мур. Видимо, Лондон решил сделать Турцию тараном для продвижения своих интересов, а Эрдоган удовлетворен тем, что Великобритания поддерживает его курс... Великобритания усилиями главы МИ-6 пытается, используя Турцию, вернуться в Большую игру, которую она ведет в Евразии с XIX века»¹, — отмечает политолог Владимир Кудрявцев.

¹ Кудрявцев В. Британия возобновляет Большую игру // Фонд стратегической культуры. 15.11.2020.

На особые связи двух стран намекала и газета «Коммерсантъ», подкрепляя свои доводы сотрудничеством Турции и Великобритании в области военно-промышленного комплекса (ВПК), британской поддержкой Анкары в споре за газовые месторождения в Средиземноморье и «вялой» позицией правительства Соединенного Королевства во Второй карабахской войне, выгодной Турции и ее союзнику Азербайджану². «Ъ» также обратила внимание на то, что премьер-министр Великобритании Борис Джонсон «едва ли не первым из западных лидеров провел переговоры с президентом Эрдоганом по телефону 28 сентября»³.

Доцент РАНХиГС С. Карнаухов уверен, что вина за развязывание Второй карабахской войны лежит на Р. Муре: «Великобритания собирается добывать Зангиланское золото, а British Petroleum использовать для транспортировки новых запасов каспийской нефти транзитный коридор Зангезур — Нахиджеван на запад. Можно проследить настойчивость в формировании этого коридора»⁴, — писал он в своем Телеграм-канале (авторская орфография и пунктуация сохранены. — *Прим. ред.*). С Сергеем Карнауховым согласен военный эксперт А. Леонков, называющий Британию «одним из зачинщиков войны в Карабахе». «Войну поддерживают Турция, Афганистан и Пакистан. Эти страны в прошлом контролировала британская разведка»⁵, — заявил он, выступая на ток-шоу Первого канала «Время покажет».

URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/15/britaniavozobnovljaet-bolshuju-igru-52264.html> (дата обращения: 23.12.2021).

² Аничкин А. Что делает «англичанка»? Стоит ли искать в азербайджано-армянском конфликте британский след // Коммерсантъ. 12.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519783> (дата обращения: 27.12.2021).

³ Там же.

⁴ Авторский канал Сергея Карнаухова // Telegram. 11.11.2020. URL: <https://t.me/sskarnaukhov/3814> (дата обращения: 29.12.2021).

⁵ Большая война за Карабах. Время покажет. Фрагмент выпуска от 29.09.2020 // Первый канал. 29.09.2020. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/bolshaya-voyna-za-karabah-vremya-pokazhet-fragment-vypuska-ot-29-09-2020> (дата обращения: 03.01.2022).

В свою очередь, турецкий русскоязычный политолог Керим Хас в одном из интервью заявил, что Анкара является «проводником интересов Великобритании» на Южном Кавказе. «Британия не отправляла туда свои войска, но эту роль играла Турция. Результаты карабахской войны — в интересах Великобритании»⁶, — отметил К. Хас. Увеличение турецкой военной активности на Южном Кавказе, отвлекающее ресурсы России, отвечает британским интересам, уверен он.

Учитывая достаточно высокую популярность в российских СМИ, социальных сетях и экспертном сообществе тезиса о том, что Великобритания влияет на Южный Кавказ через Турцию и последняя служит «проводником» британских интересов, целью данного исследования является выяснение того, насколько Анкара в своей региональной политике прислушивается к позиции Лондона и координирует с ним свой курс.

Обзор литературы

Тема союзнических отношений Турции и Великобритании проанализирована в работах ряда российских и зарубежных специалистов по международным отношениям. В частности, В.А. Чмырева пишет о «золотой эре» британо-турецких отношений после выхода Соединенного Королевства из состава ЕС, обращая внимание на общность экономических, военных и политических интересов, что «позволяет экспертам констатировать становление британо-турецкого альянса». В качестве доказательства «золотой эры» британо-турецких отношений приводятся следующие примеры: поддержка Лондоном евроинтеграции Турции, солидарность Лондона с Р.Т. Эрдоганом во время попытки госпереворота в 2016 г., сдержанность Великобритании в отношении военных операций Турции против курдских боевиков в Сирии, финансирование Великобританией содержания сирийских беженцев в Турции, назначение Р. Мура на должность главы МИ-6 (Чмырева, 2021, с. 230).

⁶ Керим Хас: Взгляд на регион // YouTube. 11.12.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a67957dv3kA&t=2709s> (дата обращения: 04.01.2022).

Современные турецко-британские отношения проанализированы в исследовании Е.А. Красиной «Итоги Брекзита: Глобальная Британия и противодействие России» (Красина, 2021). Она обращает внимание на визит Р. Мура в Анкару и его встречу с пресс-секретарем президента Турции 11 марта 2020 г., где обсуждались проблемы Нагорного Карабаха, Ливии, Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Е.А. Красина со ссылкой на В. Кудрявцева пишет, что во «внешнеполитическом наступлении Турции большую роль играют Великобритания и лично Ричард Мур», а «Лондон, видимо, решил сделать Турцию тараном для продвижения своих интересов» (Красина, 2021).

К.В. Власова и В.А. Тимченко предполагают, что «за Турцией стоит британская служба внешней разведки под управлением Ричарда Мура» (Власова, Тимченко, 2021, с. 836). Авторы считают, что Лондон использует внешнеполитическое наступление Турции в своих целях для продвижения собственных интересов, направленных прежде всего на ослабление позиций России и общее усиление НАТО и США на Кавказе.

Турецко-британские отношения в контексте брекзита рассматривают К.А. Годованюк (2021) и И. Гасымзаде (Gasimzade, 2018). И. Гасымзаде отмечает, что потенциальное вступление Турции в Евросоюз, создающее угрозу притока сирийских беженцев и террористов через турецкую территорию в ЕС, стало одной из главных причин выхода Соединенного Королевства из блока. К.А. Годованюк напоминает, что сторонники брекзита апеллировали к тому, что единственный путь избежать появления «британо-турецкой границы» — это выход из ЕС (Годованюк, 2021, с. 25). Турецко-британский альянс она считает «ситуативным союзом», имеющим ряд ограничений, в частности ввиду ценностно-ориентированной политики новой Британии. А. Чанчара и А. Шиманский (Cianciara & Szumański, 2019) рассматривают брекзит как «окно возможностей» для укрепления связей Великобритании и Турции.

О. Ормеджи (Örmeci, 2016) анализирует отношения Британии и Турции в первой

половине 2010-х гг. По его оценкам, страны имеют общие интересы в Сирии и на Украине. Оба государства боролись с ИГИЛ⁷ и противостояли российской политике. Однако высокая зависимость Турции от российского газа (55 %) и отказ Лондона признавать курдские Отряды народной самообороны YPG (*Yekîneyên Parastina Gel*) / PYD (*Partiya Yekîtiya Demokrat*) террористическими организациями, по мнению эксперта, вносит разлад в британо-турецкое партнерство на Ближнем Востоке.

История британо-турецких отношений в период между двумя мировыми войнами затрагивается в работах А. Болдырева (2020), Д.-Й. Макартур-Сила (MacArthur-Seal, 2018), Б. Дилека и Ш. Йылмаза (Dilek & Yilmaz, 2016). М. Билгин и С. Морвуд исследовали зависимость Турции от политико-дипломатической поддержки Турции против СССР в 1943—1947 гг. (Bilgin & Morewood, 2004). Период турецко-британских отношений накануне Первой мировой войны изучен Ф. Ахмадом (Ahmad, 1966). В статье А.Ф. Загуляева (2016) анализируется британская поддержка вступления Турции в ЕС в 1997—2004 гг.

Региональные аспекты внешней политики Великобритании, в частности в Турции, Иране и Закавказье, затронуты в исследовании И.М. Мурадяна (2008). П. Хенце (Henze, 2002) рассматривает возможности и ограничения для продвижения турецких политических и экономических интересов в закавказских республиках в первое десятилетие после распада СССР. Так же как и К. Осканиян (Oskanian, 2011), который концентрируется на втором постсоветском десятилетии, П. Хенце приходит к выводу, что этнические и исторические факторы, связанные с турецко-армянским и азербайджано-армянским конфликтами, ограничивали возможность продвигать интересы Анкары в Закавказье.

Значение Турции в реализации стратегических задач Великобритании в Евразии и Северной Африке описывается в докладе Ф. Хакуры (Hakura, 2012) для *Chatham House*.

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

Перспективы англо-турецкого партнерства затронуты в интервью Ч. Балыма с послом Турции в Великобритании (Balım, 2020). Б. Арас и П. Акпынар (Aras & Akınar 2011) рассматривают отношения Турции и закавказских республик. Они доказывают, что Турция сменила роль «буферной зоны» времен холодной войны на статус «центральной державы». Исследователи приходят к выводу, что Турция является энергетическим коридором, соединяющим Южный Кавказ с Европой. Перемены в кавказской и центрально-азиатской политике Турции обозначены в труде Э. Теллела (Tellel, 2001). Политические и экономические интересы Турции в Ливии проанализированы в работе Э. Демиреля (Demirel, 2021).

З. Саглам (Sağlam, 2006) изучает расхождения американской и турецкой стратегий в Сирии до начала гражданской войны. А. Бахарчишек и О. Агыр (Baharçiçek & Ağır, 2020) дают оценку российско-турецкому партнерству в контексте сирийского кризиса и перспективам распространения Астанинского формата на другие конфликты. Историю турецко-сирийских отношений до и после «арабской весны» анализирует И. Коргун (Korgun, 2020). О. Окьяр (Okyar, 2017) изучает роль Ирана в турецко-армянских отношениях. Ф. Эрарслан и Ф. Оздемир (Erarşlan & Özdemir, 2021) выявили, что поддержка Азербайджана со стороны во Второй карабахской войне позволила перевести отношения между двумя тюркскими государствами, временно обремененные турецко-армянской нормализацией (2008—2009 гг.), на стратегический уровень. «Во Второй карабахской войне благодаря конкретной поддержке Турции Азербайджан освободил большую часть своих оккупированных территорий», — отмечают авторы (Erarşlan & Özdemir, 2021, p. 331).

Влияние турецко-армянского сближения в 2008 г. М. Экши (Ekşi, 2009) оценивает как одну из основных причин недостижения уровня стратегических партнеров в отношениях Баку и Анкары.

Историческое развитие экономических, социальных и культурных отношений между

странами Южного Кавказа и Турцией изучено в работе А. Авчы (Avcı, 2021). С. Суюндиков (Suyundikov, 2021) и Н. Сарыхметоглу (Sarıahmetoğlu, 2016) рассматривают роль Турции и России в решении карабахской проблемы. Турецко-российские отношения в контексте обстановки на Южном Кавказе исследует О. Анжак (Ancağ, 2020).

Методология

Мы используем комплексный подход, позволяющий добиться всестороннего изучения исследуемого объекта. Применяется метод логического анализа, а также сравнительный анализ, который позволяет выявить дифференциации подходов Великобритании и других стран НАТО и ЕС в отношении внешнеполитических и внутривнутриполитических процессов в Турции, таких как попытка госпереворота и военные операции Вооруженных Сил Турции в Сирии и Ливии. Количественные методы применялись для оценки финансово-экономической важности турецко-британского партнерства. Контент-анализ заявлений, интервью, публикаций в социальных сетях лидеров и политиков Великобритании, Турции и ЕС необходим для понимания глубины политических отношений двух стран.

Политические отношения

Великобритания и Турция на различных этапах своей истории являлись то союзниками, то соперниками. В период русско-турецких войн XVIII—XIX вв. Лондон поддерживал и подстрекал Османскую империю к военным действиям против Российской империи с целью создания препятствий для выхода последней к «теплым морям», проливам Босфор и Дарданеллы, что поставило бы под вопрос британское владычество на морях. Однако к началу XX в., когда в Порте усилились позиции Германии и Османская империя выступила на стороне Тройственного союза в Первой мировой войне (1914—1918 гг.), Лондон начал прилагать усилия, направленные на развал Османской империи. Символами антитурецкой политики Британской империи стали спецоперации Лоуренса

Аравийского для провоцирования восстаний в арабских регионах Османской империи, битва при Чанаккале 1915—1916 гг. и не реализованный на практике Севрский договор (1920 г.) о расчленении Османской империи.

После Второй мировой войны, в которой Турецкая Республика заняла нейтральную позицию, Великобритания стала одним из ближайших союзников Анкары. В 1952 г. Турция вошла в инициированный британским экс-премьером Уинстоном Черчиллем военно-политический альянс НАТО при первом же его расширении. Обе страны до сих пор являются членами блока. Кроме того, на момент своего членства в Европейском союзе Лондон, в отличие от Парижа и Берлина, лоббировал вступление Турции в ЕС. Так, премьер-министр Дэвид Кэмерон во время своего визита в Турцию заявил, что он является решительным сторонником вступления Турции в ЕС и расширения турецкого влияния в Европе⁸. В 2010 г. Д. Кэмерон выражал недовольство медленными темпами переговоров Брюсселя и Анкары о членстве Турции в Евросоюзе. По поводу вступления Турции в британском парламенте существовал двухпартийный консенсус. Предшественник консерватора Д. Кэмерона лейборист Тони Блэр в 2004 г. открыто приветствовал начало переговоров о членстве. Его правительство рассматривало Турцию в качестве мусульманской страны, где соблюдаются права человека и которая считает себя сторонником демократии⁹.

Выход Великобритании из Евросоюза не ослабил ее партнерство с Турцией. Во время своего визита в Анкару 28 мая 2017 г. британский премьер-министр Тереза Мэй объявила о подписании сделки в области разработки турецких истребителей TF-X на сумму 100 млн ф. ст. По мнению Т. Мэй, контракт

⁸ Британия поддерживает вступление Турции в Евросоюз // Вестник Кавказа. 27.07.2010. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/23148.html> (дата обращения: 06.01.2022).

⁹ Вступление Турции в ЕС: мнения европейцев разделились // РБК. 16.12.2004. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/12/2004/5703c4df9a7947dde8e0cc90> (дата обращения: 08.01.2022).

«знаменует начало новых и более глубоких торговых отношений с Турцией»¹⁰.

Со своей стороны президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил о намерении довести двустороннюю торговлю с 15,6 до 20 млрд долл. США¹¹. Глава Форин Оффис Борис Джонсон во время своего визита в Анкару в марте 2017 г. указал на то, что Турция «продолжит оставаться незаменимым партнером Великобритании в эпоху после брекзита»¹². Выход из ЕС позволяет Лондону, по мнению Б. Джонсона, расширить горизонты своей внешней политики и укрепить отношения с внешним миром (включая Турцию). Это становится возможным для Лондона, который будет действовать в парадигме «Глобальной Британии» (*Global Britain*), о чем Б. Джонсон поведал в интервью турецкой газете *Hurriyet*. Тогда же он выразил поддержку Р.Т. Эрдогану, осудив попытку госпереворота 2016 г., высоко оценил вклад Турции в борьбу против ИГИЛ и размещение в Турции 4 млн сирийских беженцев, а также указал на тесную британо-турецкую кооперацию в борьбе против Рабочей партии Курдистана (РПК)¹³.

В отчете Палаты общин о турецко-британских отношениях за 2016—2017 гг. говорится, что лидеры обеих стран рассматривают друг друга в качестве «стратегических партнеров»¹⁴. Там же отмечается, что внешняя политика Турции на Ближнем Востоке совпадает с политикой Форин Оффис в ключевых вопросах: отношении к курдским группировкам внутри и за пределами Турции, а также реакции на революции «арабской

¹⁰ Theresa May in Turkey: UK agrees £100m defence deal // BBC. January 28, 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-38779669> (accessed: 09.01.2022).

¹¹ Ibid.

¹² Demirtaş S. Turkey to remain an indispensable partner after Brexit: UK Foreign Minister Johnson // *Hurriyet Daily News*. March 27, 2017. URL: <https://www.hurriyetaidailynews.com/turkey-to-remain-an-indispensable-partner-after-brexit-uk-foreign-minister-johnson-111244> (accessed: 10.01.2022).

¹³ Ibid.

¹⁴ The UK's relations with Turkey. Tenth Report of Session 2016—17 // House of Commons Foreign Affairs Committee. March 25, 2017. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaaff/615/615.pdf> (accessed: 09.01.2022).

весны». При этом британские парламентарии подчеркивают, что Лондон должен поддерживать тесные контакты не только с Р.Т. Эрдоганом и его Партией справедливости и развития (ПСР), но и с другими партиями и влиятельными фигурами в Турции.

Тесные политические связи не отрицают и турецкие чиновники. Выступая на турецко-британском форуме во время визита в Великобританию в мае 2018 г., Р.Т. Эрдоган напомнил об осуждении Лондоном попытки путча в июле 2016 г., отметив: «Мы никогда не забудем эту солидарность». Президент Турции назвал Соединенное Королевство «союзником и стратегическим партнером, но также и настоящим другом»¹⁵.

Выступая на лондонском форуме, организованном Центром за британо-турецкое взаимопонимание (*Centre for British-Turkish Understanding*), министр обороны Турции Хулуси Акар отметил «особые отношения» и напомнил о «глубоких исторических связях» двух стран. Х. Акар поставил знак равенства между положением Турции и Великобритании после брекзита, заявив, что вне ЕС они отныне одинаковы — союзники по НАТО за рамками Евросоюза¹⁶. Действительно, с 2017 г. Лондон и Анкара оказались в схожей ситуации. Обеим странам необходимо было перенастроить отношения с Брюсселем: Великобритании — из-за выхода из состава ЕС, а Турции — после осознания того, что она уже не станет страной-членом после осуждения Евросоюзом перехода Турции к президентской форме правления.

За две недели до начала Второй карабахской войны (27 сентября — 10 ноября 2020 г.), 10 сентября 2020 г., посол Турции в Лондоне У. Ялчын заявил, что британо-турецкие связи основаны на «стратегическом партнерстве». По его словам, брекзит укрепляет отношения двух стран, а визиты

¹⁵ Turkey's Erdogan in UK, praises country as 'real friend' // Fox Business. May 13, 2018. URL: <https://www.foxbusiness.com/markets/turkeys-erdogan-in-uk-praises-country-as-real-friend> (accessed: 10.01.2022).

¹⁶ Аничкин А. Что делает «англичанка»? Стоит ли искать в азербайджано-армянском конфликте британский след // Коммерсантъ. 12.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519783> (дата обращения: 27.12.2021).

Р.Т. Эрдогана в декабре 2019 г. и главы турецкого МИДа М. Чавушоглу в июле 2020 г. в Лондон демонстрируют «крепкие отношения» Турции и Великобритании. Цитирующая турецкого дипломата газета *Daily Sabah* писала, что двусторонние отношения «достигли необычайного уровня за последнее десятилетие»¹⁷.

Бывший турецкий дипломат О. Гюлер видит причину поддержки Лондоном Р.Т. Эрдогана в стремлении наладить новое торговое партнерство с Анкарой после брекзита¹⁸, о чем в марте 2017 г. внешнеполитическому комитету Палаты общин докладывал министр по делам Европы Соединенного Королевства А. Дункан. «Мы хотим глубокого стратегического партнерства, которое имеет не только политическую, но и экономическую основу»¹⁹, — заявил А. Дункан.

Финансово-экономические связи

Торговля

Тесные исторические и политические отношения Турции и Великобритании дополняются экономическими связями. Следует признать, что Турция не входит в число ведущих торговых партнеров Соединенного Королевства, занимая там лишь 14-е место. В первой десятке у Лондона находятся восемь европейских стран, США (1-е место) и Китай (7-е место)²⁰. В то же время среди ближневосточных партнеров Британии Турция занимает первое место, незначительно опережая

¹⁷ Turkey — UK ties based on strategic partnership, Turkish envoy says // Daily Sabah. September 10, 2020. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkey-uk-ties-based-on-strategic-partnership-turkish-envoy-says> (accessed: 11.01.2022).

¹⁸ Güler Ö. The Curious Love between the UK and President Erdoğan // Institute.org. July 20, 2020. URL: <https://www.institute.org/opinion/the-curious-love-between-the-uk-and-president-erdogan> (accessed: 12.01.2022).

¹⁹ A “strategic” relationship, and its implications for Turkey and the UK // House of Commons. March 23, 2017. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfa/615/61506.htm#_idTextAnchor028 (accessed: 13.01.2022).

²⁰ Workman D. United Kingdom's Top Trading Partners // World's Top Exports. February 27, 2021. URL: <https://www.worldstopexports.com/united-kingdoms-top-import-partners/> (accessed: 13.01.2022).

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Куда весомее позиции британского бизнеса в Турции. Соединенное Королевство — второй (после Германии) главный торговый партнер Турции. Товарооборот двух стран в 2020 г. составил 11,2 млрд долл. США (в допандемийном 2019 г. — 16 млрд долл. США). Если лишь 1 % всего британского экспорта ориентирован на Турцию, то доля Великобритании составляет 6,6 % в турецком экспорте²¹.

Сразу после выхода из ЕС, состоявшегося 1 февраля 2020 г., Великобритания начала переговоры с турецким правительством о либерализации взаимной торговли. 29 декабря 2020 г. Анкара и Лондон заключили Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ). Турецкий президент Реджеп Тайип Эрдоган, комментируя договор, подчеркнул, что «2021 год станет новой эрой успехов Турции и Великобритании»²².

Р.Т. Эрдоган считает сделку «самым важным соглашением» со времен подписания торгового соглашения Анкары с Европейским союзом в 1995 г. Сделка о ЗСТ явилась не только следствием стремления Лондона компенсировать свой выход из Таможенной зоны ЕС, но и необходимостью. Как заявила министр торговли Турции Рухсар Пекджан, без ЗСТ около три четверти турецкого экспорта в Великобританию попали бы под пошлины²³.

Инвестиции

Среди главных инвесторов в турецкую экономику Великобритания занимает 3-е место, уступая Нидерландам и США. На ее долю в 2003—2020 гг. приходилось 7 %

²¹ Workman D. Turkey's Top Trading Partners // World's Top Exports. February 1, 2021. URL: <https://www.worldstopexports.com/turkeys-top-import-partners/> (accessed: 15.01.2022).

²² Алиев А. Британский выход из-под зонтика. Что означает сближение Лондона и Анкары? // TRT на русском. 28.01.2021. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/britanskij-vyход-iz-pod-zontika-chto-oznachaet-sblizhenie-londona-i-ankary-4272996> (дата обращения: 15.01.2022).

²³ Turkey, UK sign historic free trade agreement // Anadolu Agency. December 29, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-uk-sign-historic-free-trade-agreement/2092362> (accessed: 22.01.2022).

всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Турцию²⁴. Конкуренция на турецком рынке крайне высокая. Незначительно Соединенному Королевству уступают страны — члены ЕС — Австрия (6,4 %), Германия (6,2 %), Люксембург (6 %), а также страны Персидского залива (7 %)²⁵. В 2002—2017 гг. британцы инвестировали в Турцию около 10 млрд долл. США²⁶. За тот же период из Турции в Великобританию привлечено 2,3 млрд долл. США²⁷. Турция — привлекательное место туризма для британцев. В 2017 г. ее посетили около 1,5 млн граждан Соединенного Королевства²⁸. На тот год в Турции работали около 2500 британских компаний, включая BP, Shell, Vodafone, Unilever (UK), BAE, Aviva, Diageo и известные ритейлеры Harvey Nichols, M&S, Kingfisher и Laura Ashley²⁹.

Энергетика

Важную роль британский бизнес играет в турецкой энергетике. Так, около 12 % акций в газопроводе, пролегающем из Азербайджана в Грецию через Турцию (TANAP), владеет British Petroleum³⁰. Мощность TANAP составляет 16 млрд кубометров в год³¹. BP

²⁴ FDI in Türkiye // Presidency of the Republic of Türkiye Investment Office. URL: <https://www.invest.gov.tr/en/whyturkey/pages/fdi-in-turkey.aspx> (accessed: 16.01.2022).

²⁵ Ibid.

²⁶ Commercial and Economic Relations between Turkey and the UK // Republic of Türkiye. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/commercial-and-economic-relations-between-turkiye-and-england.en.mfa> (accessed: 18.01.2022).

²⁷ Ibid.

²⁸ Number of UK residents' visits to Turkey from 2012 to 2019 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/736071/united-kingdom-uk-travel-to-turkey/> (accessed: 18.01.2022).

²⁹ Guidance Overseas Business Risk: Turkey // Turkey Foreign & Commonwealth Office. March 9, 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/overseas-business-risk-turkey/overseas-business-risk-turkey> (accessed: 12.01.2022).

³⁰ BP acquires 12 percent stake in TANAP pipeline project // Hurriyet Daily News. March 13, 2015. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/bp-acquires-12-percent-stake-in-tanap-pipeline-project-----79662> (accessed: 14.01.2022).

³¹ Ibid.

также принадлежат 20 % Трансадриатического газопровода (TAP) из Греции в Италию с пропускной способностью 10 млрд куб. м в год³². TANAP и TAP призваны транспортировать газ из азербайджанского месторождения «Шах Дениз» в Турцию и Южную Европу.

ВПК

Турецко-британский бизнес развивается не только в энергетике, но и в оборонной отрасли. В 2017 г. британская корпорация BAE Systems подписала с турецкой Turkish Aerospace Industries (TAI) сделку на сумму 100 млн ф. ст. для совместной разработки первого турецкого истребителя TF-X (Turkish Fighter Experimental)³³, которые должны были прийти на замену американским F-16 и стать дополнением к новым истребителям пятого поколения F-35. До своего исключения из программы создания F-35 Lightning II Joint Strike Fighter (из-за покупки российских систем противовоздушной обороны (ПВО) С-400) Турция сотрудничала с британской BAE Systems. На долю британской компании приходится 15 % стоимости каждого произведенного истребителя F-35³⁴.

Турция является «приоритетным рынком»³⁵ сбыта продукции британского ВПК. После провалившегося переворота в Турции в июле 2016 г. правительство Великобритании одобрило постоянные экспортные лицензии на сумму 806 млн ф. ст. для экспорта оружия в Турцию³⁶. Британские корпорации принимают участие в разработке турецких систем вооружения³⁷. Один из компонентов для турецких дронов Bayraktar TB2 поставляла

компания EDO MBM из Брайтона (Англия), ныне являющаяся дочерней компанией американской L3Harris³⁸. «Именно с помощью британской технологии Hornet турецкие БПЛА Bayraktar TB2 получили возможность наносить ракетные удары»³⁹, — уточняет аналитик А. Аничкин. В частности, английская компания делилась с турецкой Baykar механизмами сброса бомб и иными технологиями.

Великобритания критично относится к укреплению сотрудничества между Россией и Турцией⁴⁰. Лондон рассчитывает, что в области оборонной индустрии Анкара будет кооперировать со странами НАТО, а не с Москвой. В частности, британский кабинет министров обеспокоен сделкой по приобретению Турцией российских систем ПВО С-400. «Наша позиция довольно ясна, и она заключается в том, что мы надеемся, что в будущем Турция будет удовлетворять свои потребности в оборонной промышленности с помощью союзников по НАТО, а не России»⁴¹, — заявил в январе 2021 г. посол Великобритании в Анкаре Доминик Чилкотт.

Координация в международных вопросах

Позиция Великобритании во Второй карабахской войне

Одним из последних примеров поддержки Соединенным Королевством турецкой внешней политики служат события в Нагорном Карабахе. Во время Второй карабахской войны Анкара поддержала военные действия Азербайджана против ВС Армении. В то время как Франция и США критиковали действия Турции, обвиняя ее в отправке

³² Favasuli S. Trans Adriatic Pipeline begins gas deliveries from Azerbaijan to Italy // S&P Global Platts. December 31, 2020. URL: <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/natural-gas/123120-trans-adriatic-pipeline-begins-gas-deliveries-from-azerbaijan-to-italy> (accessed: 18.01.2022).

³³ UK arms sales to Turkey // Campaign against Arms Trade. June 9, 2021. URL: <https://caat.org.uk/data/countries/turkey/uk-arms-sales-to-turkey/> (accessed: 14.01.2022).

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid.

³⁹ Аничкин А. Что делает «англичанка»? Стоит ли искать в азербайджано-армянском конфликте британский след // Коммерсантъ. 12.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519783> (дата обращения: 27.12.2021).

⁴⁰ Британия рассчитывает, что Турция в будущем откажется от сотрудничества с РФ в оборонпроме // ТАСС. 28.01.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10571431> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴¹ Там же.

наемников и боевиков из Сирии, правительство Бориса Джонсона не только придерживалось нейтралитета, но и использовало свои рычаги воздействия, такие как право вето в Совете Безопасности ООН (СБ ООН)⁴². Так, представитель Соединенного Королевства заблокировал резолюцию СБ ООН, согласованную сопредседателями Минской группы Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) (в составе США, Франции и России) и призывавшую прекратить военные операции, не допустить участия третьих стран и прекратить переброску в Карабах боевиков⁴³.

Эксперты из Армении связали такую позицию Лондона с его желанием укрепить связи с Турцией после брекзита, пользоваться ее транзитным положением, личными связями Р.Т. Эрдогана и главы МИ-6 Ричарда Мура, а также присутствием британского капитала (в частности ВР) в добыче азербайджанской нефти. По их оценкам, Лондон добивался получения контроля над энергопотоками⁴⁴.

Помимо дипломатической поддержки союзнику Турции Азербайджану Великобритания оказала ему и гуманитарную помощь. 1 сентября 2021 г. пресс-служба Форин Оффис сообщила о выделении британским правительством финансовых средств в объеме 500 тыс. ф. ст. на разминирование территорий в зоне нагорно-карабахского конфликта⁴⁵.

Координация по Крыму

Схожие позиции Лондон и Анкара занимают по воссоединению Крыма с Россией, считая его «аннексией» и нарушением территориальной целостности Украины. Основным мотивом Лондона служит противодействие

⁴² Именно Лондон заблокировал резолюцию СБ ООН по Карабаху, или Кому служит Мур // Sputnik Армения. 07.11.2020. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20201107/Imenno-London-zablokiroval-rezolyutsiyu-SB-OON-po-Karabakhu-ili-Komu-sluzhit-Mur-25211798.html> (дата обращения: 15.01.2022).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Великобритания выделила полмиллиона фунтов на разминирование в Карабахе // ИА Красная Весна. 01.09.2021. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/36a12062> (дата обращения: 18.01.2022).

растущему влиянию России и сдерживание Москвы. Анкара действует во многом с оглядкой на внутривнутриполитические факторы. Крым — историческая родина для крымских татар, живущих в Турции, а также некогда вассал Османской империи. Великобритания и Турция активно поддержали созванный в августе 2021 г. саммит «Крымская платформа», на который прибыли делегации 40 стран и международных организаций. Глава турецкого МИД Мевлют Чавушоглу заявил, что «Крымская платформа» сыграет важную роль в возвращении полуострова в состав Украины⁴⁶. Со своей стороны в начале 2021 г. посольство Великобритании в Киеве пообещало профинансировать проекты по «реинтеграции» Крыма в состав Украины, а также неподконтрольных Украине Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР)⁴⁷. Финансирование осуществлялось в рамках стартовавшей 1 января 2021 г. программы «Открытое будущее». Задача британской программы — «сообщать о нарушении прав человека» в Крыму и в Донбассе. Особый акцент сделан на работе с крымскими татарами, поощрении их политической и правозащитной деятельности.

Совместная борьба против ИГИЛ

Конечно, борьба против терроризма фигурирует в сотрудничестве Турции со многими другими европейскими странами, и Соединенное Королевство здесь не исключение. Однако, учитывая критику Турции в европейских медиа и парламентах из-за того, что она якобы пропускает боевиков с гражданством ЕС в Сирию и Ирак и обратно, поддержка Лондона имеет особое значение. В декабре 2014 г. премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон на встрече с турецким коллегой А. Давутоглу в Турции подтвердил, что две

⁴⁶ В Турции заявили, что «Крымская платформа» поможет Киеву вернуть полуостров // РИА Новости. 23.08.2021. URL: <https://ria.ru/20210823/krym-1746917611.html> (дата обращения: 19.01.2022).

⁴⁷ Исполатова В. Британия профинансирует «реинтеграцию» Крыма в состав Украины // Газета.ру. 12.01.2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/01/12/n_15477860.shtml (дата обращения: 20.01.2022).

страны «работают рука об руку» в борьбе с боевиками ИГИЛ. На пресс-конференции Д. Кэмерон отметил, что некоторые граждане Великобритании пересекают турецкую границу или пытаются вернуться домой тем же маршрутом, добавив, что две страны работают «настолько тесно, насколько это возможно»⁴⁸, чтобы справиться с этой угрозой.

С целью прекращения наплыва боевиков из Ближнего Востока и купирования их идеологии Турция и Великобритания договорились об обмене информацией и более тесном сотрудничестве между спецслужбами. К слову, во время того же визита Д. Кэмерон снова выступил в поддержку вступления Турции в ЕС, что было крайне ценно для Анкары в момент растущего давления на британского премьера из-за кризиса беженцев в Европе и стремления Партии независимости Соединенного Королевства (*the UK Independence Party*, UKIP) вывести Великобританию из состава Евросоюза.

Турецкие операции в Сирии

В сирийской гражданской войне позиция Лондона совпадает с турецкой. Однако уникального в этом, как и в антитеррористической политике, мало. Президента Сирии Б. Асада нелегитимным объявили все страны ЕС и НАТО, и Лондон и Анкара — не исключение. При этом на подконтрольных курдским ополченцам (в лице YPG) территориях для борьбы с ИГИЛ были размещены британские военные инструкторы, точное количество которых оставалось в секрете⁴⁹. Курды рассматривались Лондоном как союзник в борьбе с террористами в Сирии, и даже после прекращения операций американской коалиции союзничество сохранилось.

⁴⁸ Mason R. Cameron says UK and Turkey working hand in glove to stop Isis fighters // *The Guardian*. December 9, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2014/dec/09/cameron-turkey-uk-cooperation-stop-foreign-islamic-state-fighters> (accessed: 22.01.2022).

⁴⁹ Sabbagh D. UK and France to send further forces to Syria in aid of US withdrawal // *The Guardian*. July 9, 2019. URL: <https://amp.theguardian.com/world/2019/jul/09/uk-and-france-to-send-further-forces-to-syria-in-aid-of-us-withdrawal> (accessed: 21.01.2022).

Военные операции Турции против YPG вызывали тревогу у британского правительства. В октябре 2019 г. во время операции «Источник мира» Лондон ввел запрет на продажу оружия Анкаре, уточнив при этом, что этот запрет касается только вооружения, используемого на территории Сирии⁵⁰. Остальные лицензии, включая участие BAE Systems в программе создания первого турецкого истребителя TF-X, остались нетронутыми.

Тогдашний британский министр иностранных дел Доминик Рааб осудил операцию «Источник мира», заявив, что она ухудшает гуманитарную ситуацию в Сирии и подрывает международные усилия по борьбе против ИГИЛ. «Это не то действие, которого мы ожидали от союзника. Это безрассудно. Это контрпродуктивно и играет на руку России и режиму Асада», — отметил он в выступлении перед членами парламента. Д. Рааб раскритиковал озвученную Р.Т. Эрдоганом угрозу отправить в Европу сирийских беженцев, считая, что это не та риторика, которую Лондон ожидает от союзника по НАТО⁵¹.

Заявления консервативного правительства Великобритании не удовлетворили оппозицию в лице лейбористов и представителей Шотландии в правительстве. Они осудили британские власти за то, что те не допустили осуждение турецкой операции в Сирии в Совете ЕС по иностранным делам. Д. Рааб на это возразил, что цель Лондона — найти сбалансированный подход для ЕС, учитывающий опасения Турции по поводу РПК (которую США, Британия и другие страны НАТО считают террористической) в Северо-Восточной Сирии. Он предостерег от шагов, которые будут «и дальше толкать Турцию в объятия России и Владимира Путина»⁵².

⁵⁰ Wintour P., Sabbagh D. UK suspends arms exports to Turkey to prevent use in Syria // *The Guardian*. October 15, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/15/uk-suspends-arms-exports-turkey-prevent-use-syria> (accessed: 20.01.2022).

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

Ливийское досье

Хотя Великобритания вместе с Францией сыграла решающую роль в свержении режима Муаммара Каддафи в 2011 г., впоследствии Лондон уступил первенство в урегулировании ливийской проблемы Парижу и Риму. Франция поддержала главу базирующейся на востоке Ливийской национальной армии (ЛНА) Халифу Хафтара, а Италия — Правительство национального согласия (ПНС) в Триполи. В 2019 г. Лондон выразил протест против попыток Х. Хафтара силой взять ливийскую столицу и осудил его поддержку со стороны Парижа. «Великобритания призывает всех партнеров направить недвусмысленные сигналы относительно ситуации в Ливии. Консенсус от европейских министров иностранных дел на сегодня: нет военного решения; процесс ООН должен продолжаться»⁵³, — заявил 8 апреля 2019 г. глава британской дипломатии Джереми Хант. Формально не симпатизируя ни одной из сторон конфликта, Форин Оффис демонстрировал приверженность мирному решению конфликта, что де-факто могло расцениваться как поддержка ПНС.

Турция поддерживала ПНС, и в январе 2020 г. Анкара отправила в Триполи своих военных для отражения очередных атак армии Х. Хафтара⁵⁴. В июле 2020 г. М. Чавушоглу встретился с Б. Джонсоном и Д. Раабом в Лондоне⁵⁵. В ходе визита турецкий министр заявил, что обе страны делают ставку на дипломатическое решение в Ливии, намекая на необходимость прекращения атак со стороны лидера ЛНА на столицу Триполи. «Нам нужно придать импульс этому

⁵³ Британия призвала союзников не направлять двусмысленных сигналов по Ливии // Европейская интеграция. 08.04.2019. URL: <https://www.euointegration.com.ua/rus/news/2019/04/8/7094916/> (дата обращения: 22.01.2022).

⁵⁴ Астафурова К. Эрдоган сообщил об отправке войск в Ливию // РБК. 16.01.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2020/5e2056de9a794751f3531728> (дата обращения: 24.01.2022).

⁵⁵ Kartal A. G. Turkey, UK 'very close' to free trade deal // Anadolu Agency. July 10, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkey-uk-very-close-to-free-trade-deal/1905885> (accessed: 26.01.2022).

политическому процессу под эгидой ООН»⁵⁶, — заявил М. Чавушоглу.

Британское силовое ведомство поддерживало контакты с Триполи. Так, в июне 2021 г. на военной базе близ ливийской столицы был замечен британский военнотранспортный самолет С-17. Министр обороны Великобритании Бен Уоллес находился в тесном контакте с высокопоставленными военными в Триполи⁵⁷. Таким образом, позиции Лондона и Анкары по ливийскому досье близки, но говорить о полноценной синергии, как и о совместных турецко-британских операциях против Х. Хафтара, не приходится. В отличие от Турции Британия не направляла своих военных в Ливию для защиты ПНС.

Нейтралитет Лондона в споре за газ в Средиземноморье

Еще одним свидетельством особого отношения Лондона к Анкаре стал его нейтралитет во время обострения отношений между Грецией и Турцией. В 2019 г. у южных берегов Кипра были обнаружены большие запасы газа⁵⁸. Их разработка французской компанией *Total* и итальянской *Eni* вызвала недовольство Турции. Последняя в конце ноября 2019 г. подписала с ливийским ПНС соглашение о делимитации границ в Средиземном море⁵⁹. Вместе с тем Израиль, Греция и Кипр

⁵⁶ Kartal A. G. UK, Turkey in agreement on political solution in Libya // Anadolu Agency. July 8, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/uk-turkey-in-agreement-on-political-solution-in-libya/1903871> (accessed: 24.01.2022).

⁵⁷ Stafford J. Why are British C-17s flying to Libya at night? // UK Defence Journal. June 18, 2021. URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/why-are-british-c-17s-flying-to-libya-at-night/> (accessed: 25.01.2022).

⁵⁸ Алифирова Е. ExxonMobil обнаружила крупные запасы газа на шельфе о. Кипр. Будут проблемы со стороны Турции? // Neftegaz.ru. 01.03.2019. URL: <https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/194188-exxonmobil-obnaruzhila-krupnye-zapasy-gaza-na-shelfe-o-kipr-budut-problemy-so-storony-turtsii/> (дата обращения: 27.01.2022).

⁵⁹ Турецкий парламент ратифицировал соглашение с Ливией о морских границах // Коммерсантъ. 05.12.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4181794> (дата обращения: 27.01.2022).

подписали сделку о прокладке газопровода в Европу.

В 2020 г. Турция отправила к берегам греческих островов Карпатос, Родос и Кастелоризо судно *Oruc Reis* в сопровождении пяти военных кораблей для осуществления геологоразведки⁶⁰. Маневры привели к стычке ВМФ двух стран, хотя обошлось без жертв. В дальнейшем Греция и Кипр начали собирать антитурецкую коалицию, к которой примкнули Франция, Египет, ОАЭ и Израиль. Греция провела военные учения с ВС Кипра, Египта, Франции и Италии, а на остров Крит прибыли истребители ОАЭ F-16⁶¹.

В этом споре Париж занял открыто анти-турецкую позицию. В сентябре 2020 г. президент Франции Эммануэль Макрон провел на Корсике саммит с участием лидеров южных стран — членов ЕС: Португалии, Италии, Кипра, Испании, Мальты и Греции⁶². Они осудили поведение Турции в Средиземноморье. 10 июня 2020 г. Франция и Турция оказались на грани вооруженного конфликта, когда три турецких военных корабля «взяли на мушку» французский фрегат «Курбе», пытавшийся досмотреть сопровождаемое турками гражданское судно под танзанийским флагом⁶³. Предположительно судно могло доставлять в Триполи оружие в поддержку ПНС. В ответ на подобное поведение турецких кораблей Париж приостановил свое участие в натовской операции «Морской страж».

⁶⁰ Турецкое судно отправится на сейсморазведку недалеко от островов Греции // РИА Новости. 02.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201012/seysmorazvedka-1579337963.html?ysclid=18hg493vge257963508> (дата обращения: 27.01.2022).

⁶¹ Атанесян Г. Большая игра. О чем спорят Греция и Турция в Средиземном море и кто за ними стоит // Центр изучения современной Турции. 31.08.2020. URL: <http://ceist.ru/analitika/item/bolshaya-igra-o-chem-sporyat-greciya-i-turciya-v-sredizemnom-more-i-kto-zanimi-stoit> (дата обращения: 26.01.2022).

⁶² Макрон заявил о поддержке Греции и Кипра странами Южной Европы // Regnum. 11.09.2020. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3059949.html> (дата обращения: 27.01.2022).

⁶³ Везель Б., Дорохов В. Как конфликт в Ливии поссорил членов НАТО Турцию и Францию // Deutsche Welle. 03.07.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/конфликт-турции-и-франции-как-члены-нато-поссорились-из-за-ливии/a-54039523> (дата обращения: 27.01.2022).

Другой лидер Евросоюза, Германия, пыталась примирить греков и турок. Выходя на связь то с Афинами, то с Анкарой, глава немецкого МИД Хайко Маас сравнивал сложившуюся ситуацию с «хождением по краю пропасти» и предупреждал о риске катастрофы⁶⁴.

В отличие от некоторых ведущих стран НАТО, таких как Франция и США, Великобритания, не выступила на стороне антитурецкого альянса. 11 августа 2020 г. британское правительство призвало Грецию и Турцию к «диалогу» и «деэскалации»⁶⁵. Когда в январе 2021 г. Афины и Анкара договорились начать переговоры о спорных месторождениях, Лондон приветствовал такие меры. «Мы приветствуем позитивное решение обеих стран возобновить переговоры в конце этого месяца с целью урегулирования напряженности в Эгейском море — это поможет обеспечить стабильность и процветание в Восточном Средиземноморье»⁶⁶, — написала в Твиттере⁶⁷ британский министр по делам европейского соседства и Америк Венди Мортон.

В контексте борьбы за Средиземноморье можно также отметить, что Великобритания располагает на Кипре военными базами — Акриоти и Декелия. Декелия находится на линии разграничения огня между турецкой и греческой частями острова. Нахождение британских военных остается гарантией невозобновления боевых действий.

⁶⁴ Атанесян Г. Большая игра. О чем спорят Греция и Турция в Средиземном море и кто за ними стоит // Центр изучения современной Турции. 31.08.2020. URL: <http://ceist.ru/analitika/item/bolshaya-igra-o-chem-sporyat-greciya-i-turciya-v-sredizemnom-more-i-kto-zanimi-stoit> (дата обращения: 26.01.2022).

⁶⁵ UK calls for dialogue and de-escalation between Greece and Turkey // In-Cyprus. August 11, 2020. URL: <https://in-cyprus.philenews.com/news/local/uk-calls-for-dialogue-and-de-escalation-between-greece-and-turkey/> (accessed: 27.01.2022).

⁶⁶ Dağ B. UK welcomes exploratory talks between Turkey, Greece // Anadolu Agency. January 13, 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/uk-welcomes-exploratory-talks-between-turkey-greece/2107916> (accessed: 26.01.2022).

⁶⁷ На основании требования Генпрокуратуры РФ от 24.02.2022 г. доступ к ресурсу Твиттер в Российской Федерации ограничен.

Как было отмечено выше, в греко-турецком противостоянии Франция полностью поддержала греческую сторону. На фоне выхода Великобритании из ЕС, ухудшения франко-британских отношений вследствие образования трехстороннего оборонного альянса AUKUS (в составе Великобритании, Австралии и США)⁶⁸, из-за которого Австралия отказалась от покупки французских подводных лодок, а также укрепления греко-французской дружбы Турция могла бы быть рассмотрена Лондоном как «полезный союзник в стремлении возродить былую независимую от ЕС внешнюю политику»⁶⁹. «Лондон заинтересован в сохранении военного присутствия на острове Кипр, который дрейфует в сторону Парижа и вступает в конфронтацию с Анкарой»⁷⁰, — говорится в статье, опубликованной на сайте «ГРТ на русском».

В целом отсутствие заявлений в поддержку Турции или с критикой в ее адрес позволяет говорить о нейтралитете Великобритании в конфликте Анкары с Афинами. При этом 11 сентября 2020 г. Лондон и Анкара провели совместные военно-морские учения с участием британского фрегата HMS Argyll и турецкого TCG Giresun (бывший фрегат ВМС США)⁷¹. Однако некоторые эксперты, например К.А. Годованюк, подметили, что в декабре 2020 г. Британия продублировала в своем национальном законодательстве ограничительные меры, введенные ЕС против Турции за «незаконную» разработку газовых месторождений в Средиземноморье (Годованюк, 2021, с. 28).

⁶⁸ Акроним AUKUS образован от названий участников альянса: Australia, United Kingdom, United States.

⁶⁹ Алиев А. Британский выход из-под зонтика. Что означает сближение Лондона и Анкары? // TRT на Русском. 28.01.2021. URL: <https://www.trtrussian.com/mnenie/britanskij-vygod-iz-pod-zontika-chto-oznachaet-sblizhenie-londona-i-ankary-4272996> (дата обращения: 15.01.2022).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Аничкин А. Что делает «англичанка»? Стоит ли искать в азербайджано-армянском конфликте британский след // Коммерсантъ. 12.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519783> (дата обращения: 27.12.2021).

Вмешательство во внутренние дела

В отличие от союзников по НАТО и бывших партнеров по Евросоюзу Соединенное Королевство традиционно воздерживается от критики внутренней политики Турецкой Республики.

Попытка госпереворота в Турции

Великобритания фактически стала единственным государством ЕС, НАТО и в целом Запада, осудившим попытку свержения Р.Т. Эрдогана в июле 2016 г. «Мы решительно осуждаем попытку государственного переворота, предпринятую некоторыми военными служащими турецких вооруженных сил. Необходимо сделать все, чтобы предотвратить дальнейшее насилие»⁷², — заявила тогдашняя премьер-министр Великобритании Тереза Мэй. Форин Оффис назвал военный путч «шокирующим нападением на турецкую демократию»⁷³. Экс-глава британской дипломатии Б. Джонсон провел телефонные переговоры с турецким коллегой М. Чавушоглу и выразил поддержку «демократически избранному правительству Турции»⁷⁴. 27 сентября 2016 г. Б. Джонсон одним из первых европейских дипломатов нанес визит в Турцию, таким образом содействуя укреплению пошатнувшейся легитимности Р.Т. Эрдогана⁷⁵.

⁷² UK prime minister condemns coup attempt in Turkey // Anadolu Agency. July 18, 2016. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/uk-prime-minister-condemns-coup-attempt-in-turkey-/610610> (accessed: 28.01.2022).

⁷³ Wintour P. British MPs say Turkish president using attempted coup to suppress human rights // The Guardian. March 25, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/mar/25/british-mps-say-turkish-president-using-attempted-coup-to-suppress-human-rights> (accessed: 29.01.2022).

⁷⁴ UK underlines support for Turkey's government-foreign minister // Reuters. July 16, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/turkey-security-britain-johnson-idINL8N1A20DD> (accessed: 29.01.2022).

⁷⁵ Turkey minister slams 'Anti-Turkish' Brexit rhetoric // Deutsche Welle. September 26, 2016. URL: <https://www.dw.com/en/turkey-minister-criticizes-anti-turkish-brexite-rhetoric-during-boris-johnson-visit/a-35896249> (accessed: 29.01.2022).

Высылка дипломатов

Одним из примеров терпеливого отношения Великобритании к турецкому правительству послужил скандал из-за задержания правозащитника О. Кавалы. 21 октября 2021 г. Р.Т. Эрдоган раскритиковал послов 10 стран (США, Германии, Дании, Финляндии, Франции, Нидерландов, Швеции, Канады, Норвегии и Новой Зеландии) за вмешательство в судебные дела республики. Дипломаты указанных стран обнародовали совместное заявление, в котором потребовали освободить О. Кавалу. Президент Турции пригрозил выслать 10 послов из страны⁷⁶, но не реализовал свою угрозу, поскольку спустя некоторое время западные дипломаты заявили о намерении уважать суверенитет Анкары. Примечательно, что в списке западных стран, критиковавших турецкий суд за арест правозащитника, не было Великобритании. Это еще раз доказывает наличие особых отношений между Лондоном и Анкарой.

Воздержание от критики внутренней политики Турции правительством Соединенного Королевства едва ли можно объяснить тем, что Лондон поступает так же и по отношению к другим государствам. К примеру, британский Форин Оффис и Министерство обороны находились в авангарде стран, требовавших и добивавшихся отставки лидеров Туниса, Египта, Ливии и Сирии во время «арабской весны».

Фактор личности

Определенное влияние на тесное партнерство двух стран может оказывать присутствие в кабинетах обоих правительств лояльно настроенных чиновников. Как было отмечено выше, британская разведка МИ-6 возглавляется Ричардом Муром, который слывет другом президента Эрдогана. «В окружении турецкого лидера говорили, что британец много сделал для укрепления связей Лондона и Анкары. К тому же именно ему глава

⁷⁶ Эрдоган заявил, что расценивает новое заявление послов 10 стран в качестве «шага назад» // ТАСС. 25.10.21. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12759425> (дата обращения: 30.01.2022).

государства обязан организацией поездок в Лондон и поддержкой в британских СМИ. Мур, свободно владеющий турецким, быстро стал популярен в местных дипломатических кругах. Послом в Анкару его отправили в 2014-м, через два года в Турции была предпринята попытка государственного переворота⁷⁷, — говорится в статье «Известий». Во время попытки госпереворота в Турции Р. Мур, служивший британским послом в Анкаре, оказался единственным западным дипломатом, поддержавшим правительство Р.Т. Эрдогана в его обвинениях против Ф. Гюлена и движения «Хизмет». Свою солидарность с турецким правительством британский посол проявил и в том, что поставил курдские Отряды народной обороны на одну доску с Рабочей партией Курдистана, указав на их «связь»⁷⁸. С YPG турецкая армия борется в Сирии, с РПК — на своей территории.

Р. Мур боролся с негативным восприятием своей страны в турецком обществе, особенно в исламистских кругах. Бывший турецкий дипломат О. Гюлер напоминает, что словосочетание «английская игра» (*İngiliz oyunu*) и обвинение англичан во всех смертных грехах было «национальным спортом» исламистских и консервативных кругов — основного электората Р.Т. Эрдогана. В своих попытках устранить клише и убедить турецкое общество в том, что Британской империи уже давно нет, Р. Мур однажды даже написал статью в издание *Yeni Şafak*, при том, что главный редактор этой газеты Ибрагим Карагюль считался главным сторонником теории заговора в консервативных турецких СМИ⁷⁹.

⁷⁷ Логинова К. Дружба против Москвы: Анкара, Лондон и Киев создают неофициальный союз // Известия. 17.01.2021. URL: <https://iz.ru/1111605/kseniia-loginova/druzhiba-protiv-moskvy-ankara-london-i-kiev-sozdaiut-neofitcialnyi-soiuz> (дата обращения: 01.02.2022).

⁷⁸ British ambassador to Turkey says PYD, PKK are linked // TRT World. April 9, 2016. URL: <https://www.trtworld.com/europe/british-ambassador-to-turkey-says-pyd-is-linked-with-pkk-85156> (accessed: 02.02.2022).

⁷⁹ Güler Ö. The Curious Love between the UK and President Erdoğan // Institute.org. July 20, 2020. URL: <https://www.institute.org/opinion/the-curious>

Британские чиновники и послы, включая самого Р. Мура, нередко писали колонки в проправительственных газетах. 15 июля 2017 г. в газете *Sabah* (считающейся главным ресурсом пропаганды Р.Т. Эрдогана, так как ею владел зять президента Берат Албайрак) вышла статья Ричарда Мура к первой годовщине попытки госпереворота с ее осуждением⁸⁰. В *Sabah* публиковался и более высоко-ранговый британский чиновник — министр по делам Европы и Америк Алан Дункан⁸¹. С 2017 г. британские послы и политики опубликовали как минимум восемь статей в *Sabah*, отмечает О. Гюлер⁸².

5 мая 2020 г. Р. Мур стал главой службы внешнеполитической разведки Великобритании (МИ-6). 11 ноября он отправился с визитом в Анкару, где встретился с пресс-секретарем президента Ибрагимом Калыном⁸³. Согласно сообщениям в турецких СМИ, они обсуждали дальнейшее развитие двусторонних отношений, Нагорный Карабах, Ливию и вопросы безопасности на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье⁸⁴.

Говоря о роли личности, некоторые СМИ также акцентируют внимание на турецких корнях экс-премьера Бориса Джонсона, которые он не скрывает⁸⁵. Б. Джонсон — правнук известного общественного деятеля Османской империи XX в. Али Кемалья. Последний около трех месяцев исполнял обязанности главы МИД в правительстве Дамата Феридпаши, великого визиря Блистательной Порты. Сам Али Кемаль был убит во время войны за независимость, после чего его сын Осман Али бежал в Великобританию, где принял имя Уилфреда Джонсона.

love-between-the-uk-and-president-erdogan (accessed: 12.01.2022).

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

⁸² Ibid.

⁸³ Senior Turkish official meets UK's spy chief // Hurriyet Daily News. November 12, 2020. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/senior-turkish-official-meets-uks-spy-chief-159970> (accessed: 04.02.2022).

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ «Настоящий турок» Борис — Times разыскала турецких родственников Джонсона // RT. 30.07.2019. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-07-30/Nastoyashhij-turok-Boris--Times> (дата обращения: 06.02.2022).

Турция — не проводник британских интересов на Ближнем Востоке и Южном Кавказе

Современное состояние экономических, финансовых и политических отношений Соединенного Королевства и Турции, а также позиции двух стран по ключевым международным проблемам дают основания считать, что они являются полноценными стратегическими партнерами. Такой уровень отношений подтверждают ряд фактов. Лондон, в отличие от многих ведущих стран НАТО и ЕС, решительно отверг попытку госпереворота в Турции в 2016 г., почти полностью воздерживался от критики операций Анкары в Ливии, Сирии, Ираке и в Закавказье, а также занял консолидированную с Турцией позицию по Крыму и Нагорному Карабаху. В экономическом отношении Британия остается вторым главным торговым партнером Турции, а последняя — лидер среди коммерческих партнеров Великобритании на Ближнем Востоке. После брекзита Лондон и Анкара еще больше укрепили свои связи, подписав сделку о свободной торговле.

В то же время сдержанность в критике внешней и внутренней политики Р.Т. Эрдогана со стороны Лондона вовсе не позволяет подтвердить распространенный в российском экспертном сообществе тезис о подавляющем влиянии Лондона на внешнюю политику Анкары, как и гипотезу о том, что Турция якобы выступает «проводником» британских интересов в Закавказье и на Ближнем Востоке. Партнерство двух стран равноправное. Сходство позиций по ряду международных вопросов вызвано совпадением национальных интересов. Ярким примером этого служит Вторая карабахская война.

Самостоятельный курс Турции в карабахском конфликте

Турция еще с образования современного Азербайджана в 1991 г. и Первой карабахской войны (1991—1994 гг.) всецело поддерживала позицию Баку и его право на обеспечение территориальной целостности. Ни одно правительство Турции не ставило под сомнение

принадлежность Нагорного Карабаха и семи районов вокруг него Азербайджану. Турецкие власти следовали провозглашенному еще Мустафой Кемалем Ататюрком тезису «Горе Азербайджана — наше горе, его радость — наша радость», о чем заявлял Р.Т. Эрдоган на параде победы в Баку 10 декабря 2020 г.⁸⁶

Поддержка Турцией Азербайджана диктуется рядом коренных причин: этноязыковой близостью (тезисом «Один народ — два государства»), экономическими интересами (совместные проекты, такие как нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум и железная дорога Баку — Тбилиси — Карс), тесными контактами между руководствами и военным союзом (совместные военные учения и гарантия безопасности Нахичевани Турцией). Одним словом, Анкара поддерживала Баку не из-за британского влияния и тем более давления. Если теоретически Великобритания и имела какие-либо намерения как-то «выдавить Россию из Закавказья», то Турция все равно действовала исходя прежде из собственных интересов, а не «по указке» Лондона.

То же самое верно и в отношении позиции самой Великобритании по Карабаху. Наложение британским представителем в Совбезе ООН вето на резолюцию о прекращении боевых действий диктуется по большей части британо-азербайджанскими коммерческими связями. В ключевом нефтяном месторождении «Азери — Чираг — Гюнешли» (АЧГ) доля British Petroleum составляет порядка 30 %⁸⁷. BP также владеет 12 % акций в газопроводе из Азербайджана в Грецию (TANAP).

Вторая карабахская война завершилась при посредничестве России. В Нагорном

Карабахе располагается миротворческий контингент РФ, а неподалеку в Агдаме дислоцируется российско-турецкий мониторинговый центр. Разблокировка транспортных коммуникаций в регионе в формате «3 + 3» продвигается при усилиях Турции и России. Все эти процессы идут без какой-либо политической и дипломатической роли Лондона, что ставит под сомнение аргумент о координации Лондона и Анкары на Южном Кавказе. Тезис В. Кудрявцева⁸⁸ о визите Р. Мура в Анкару 12 ноября 2020 г. как подтверждения «турецкого-британского сговора» против РФ выглядит не вполне убедительным, ведь глава МИ-6 отправился в Анкару уже после того, как закончилась война в Карабахе, а не перед ней.

Многовекторная внешняя политика Анкары

В политическом плане Великобритания — хоть и стратегический, но не единственный и не ключевой партнер Турции, от которого Анкара могла бы зависеть. Несмотря на разногласия по целому ряду вопросов (курды, внутренняя политика Эрдогана, С-400), Анкара остается союзником Вашингтона и все еще предоставляет американцам военную базу в Инджирлике. Кроме того, Турция — член НАТО, в рамках которой связана союзными обязательствами с тремя десятками стран. При этом Анкара поддерживает стратегические отношения и с противниками НАТО и США в лице России и Китая. Британо-российское противостояние на Украине, в Восточной Европе, на Черном море и других регионах не мешает Турции приобретать российские системы ПВО С-400, строить совместно с «Росатомом» первую турецкую АЭС «Аккую» и реализовывать с «Газпромом» газопровод «Турецкий поток».

В экономическом плане Великобритания также не является ведущим торговым партнером

⁸⁶ Tosun M, Kaplan E, Türkten F. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Azerbaycan destan yazmaya devam edecek // Anadolu Ajansı. December 10, 2020. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/azerbaycan-cephe-hatti/cumhurbaskani-erdogan-azerbaycan-destan-yazmaya-devam-edecek/2071946> (accessed: 05.02.2022).

⁸⁷ Azeri — Chirag — Deepwater Gunashli // BP. October 22, 2021. URL: https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/acg2.html (accessed: 12.02.2022).

⁸⁸ Кудрявцев В. Британия возобновляет Большую игру // Фонд стратегической культуры. 15.11.2020. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/15/britania-vozobnovljaet-bolshuju-igru-52264.html> (дата обращения: 23.12.2021).

ром Турции, чтобы диктовать Анкаре свои условия. В совокупном турецком экспорте Соединенное Королевство занимает чуть больше 6 %. Примерно столько же приходится на долю ФРГ, Италии и Испании. В турецком импорте британцы сильно уступают Германии, России и Китаю, на которые приходится по 9—11 %⁸⁹. В капиталовложениях зависимость Турции от Великобритании также нельзя назвать колоссальной, и британские инвесторы испытывают высокую конкуренцию со стороны Нидерландов, США, Австрии и России.

Внешиполитические разногласия в некоторых вопросах также опровергают тезис о связи внешних политик Анкары и Лондона. Хотя британский премьер-министр признал YPG ответвлением РПК в Сирии, тем не менее Великобритания, наряду с США, поддерживала курдских ополченцев в борьбе против ИГИЛ. Британцы в Заевфратье разместили своих военных советников, обучавших враждебных Турции курдских боевиков⁹⁰. Если бы Анкара «прислушивалась» к мнению Лондона или была бы проводником британской политики, тогда турецкие ВС не провели бы две военные операции («Оливковая ветвь» и «Источник мира») против курдских боевиков. Лондон устами главы МИД открыто раскритиковал действия Вооруженных Сил Турции (ВСТ) в Сирии в 2019 г.⁹¹, что подтверждает расхождение национальных интересов двух стран. 15 октября 2019 г. тогдашний глава Форин Оффис Великобритании Д. Рааб заявил, что его страна перестанет выдавать лицензии на новые поставки вооружений Турции⁹².

⁸⁹ Turkey // ОЕС. URL: <https://oec.world/en/profile/country/tur> (accessed: 23.12.2021).

⁹⁰ Times: британский спецназ готовится покинуть Сирию вслед за американскими войсками // ТАСС. 14.10.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6999724> (дата обращения: 23.12.2021).

⁹¹ Британия приостановила продажу оружия Турции из-за операции в Сирии // ИА Regnum. 15.10.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2748770.html> (дата обращения: 16.02.2022).

⁹² Там же.

Возможно, в меньшей степени, чем в Сирии, но Вторая карабахская война также говорит о наличии определенных расхождений между Британией и Турцией. Например, сообщения о якобы отправке Турцией сирийских боевиков распространялись во многом усилиями британской либеральной ежедневной газеты *The Guardian*, написавшей, что «развертывание 1000 сирийцев в конфликте между Азербайджаном и Арменией свидетельствует об усилении Анкары в регионе»⁹³. Конечно, у власти в британском парламенте были на тот момент консерваторы, а СМИ — независимая единица, однако британское правительство не стало опровергать новости, дискредитировавшие стратегического партнера Лондона.

Из внешнеполитических разногласий следует также вспомнить присоединение Великобритании к антитурецким санкциям ЕС в декабре 2020 г. из-за споров за газовые месторождения Средиземноморья⁹⁴.

Разногласия нередки не только по внешнеполитическим, но и по внутривнутриполитическим вопросам. Так, в 2017 г. советник Р.Т. Эрдогана Б. Кузу критично высказался о теракте в Лондоне. «Теракт в Англии. Террор говорит Европе: Великобритания — ваш самый безопасный регион? Я бы ударил тебя в самом безопасном месте»⁹⁵. На это последовало сообщение в Твиттере посла Р. Мура: «Никакого осуждения? Никакой солидарности? Позор»⁹⁶. Антибритански высказался и главный редактор проправительственного издания *Star Daily* Н. Албайрак, назвав теракт

⁹³ McKernan B. Syrian recruit describes role of foreign fighters in Nagorno-Karabakh // *The Guardian*. October 2, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/02/syrian-recruit-describes-role-of-foreign-fighters-in-nagorno-karabakh> (accessed: 18.02.2022).

⁹⁴ Великобритания продлила санкции против Турции после Brexit // МК Турция. 21.12.2020. URL: <https://mk-turkey.ru/politics/2020/12/21/posle-brexite.html> (дата обращения: 16.02.2022).

⁹⁵ Pro-Erdoğan journalist to UK ambassador: You are all sons of *itches! // Stockholm Center for Freedom. April 6, 2017. URL: <https://stockholmcf.org/pro-erdogan-journalist-to-uk-ambassador-you-are-all-sons-of-itches/> (accessed: 07.02.2022).

⁹⁶ Ibid.

«комедией» и спланированной акцией. Он также раскритиковал турецкие телеканалы за «поддержку восприятия операции», проводимой британцами⁹⁷.

В свою очередь британские парламентарии в отчете Палаты общин поставили под сомнение причастность Ф. Гюлена к попытке госпереворота в 2016 г. в Турции. «Мы обнаружили, что версия турецкого правительства о гюленистах и перевороте, которую МИД, похоже, готов принять за чистую монету, не подтверждается вескими общедоступными доказательствами, хотя пока не противоречит тому же стандарту... В более широком смысле мы не согласны с выводом МИД о том, что жесткость мер, принятых турецким правительством после попытки государственного переворота, оправдывается масштабом угрозы»⁹⁸. Мнение парламента — не позиция правительства, но все же важно в контексте двусторонних отношений, учитывая, что Соединенное Королевство — парламентская монархия.

Оценки экспертов

Примечательно, что некоторые турецкие эксперты, ориентированные на сближение со странами Европы, в частности Великобританией, оценивают степень близости Лондона и Анкары как недостаточную. Приводя примеры соглашений между Германией и Францией, Великобританией и Францией в сфере обороны, бывшие постоянные представители Турции при НАТО М.Ф. Джейлан и Т. Илдем указывают на отсутствие таковых с Турцией: «Среди прочего Турция выделяется как хороший кандидат для Великобритании, с которой она могла бы сотрудничать при формулировании такой повестки дня (увеличение

роли натовских стран, не являющихся членами ЕС, в отношениях НАТО и ЕС). Тем не менее, несмотря на продуктивное сотрудничество между Турцией и Великобританией, в списке стран IR 2021, с которыми Великобритания намеревается развивать дальнейшее сотрудничество в области безопасности и обороны, есть лишь краткая ссылка на Турцию. Похоже, что она не является основным и приоритетным партнером»⁹⁹.

Во влиянии Лондона на внешнеполитический курс Анкары сомневается и профессор Стамбульского университета Мехмет Перинчек. «То, что Великобритания управляет внешней политикой Турции, — не более чем миф. Ричард Мур стал главой МИ-6 после того, как отработал послом в Турции. Когда он был послом, говорили, что у него хорошие отношения с турками. Именно оттуда растут ноги этого заблуждения. Для Лондона главный человек в Турции — Абдалла Гюль, бывший президент. С мэром Стамбула Экремом Имамоглу у Великобритании тоже хорошие связи — его как-то даже пригласили в *Chatham House*. Оба политика, к слову, сейчас в оппозиции»¹⁰⁰, — отметил М. Перинчек в личной беседе с автором статьи.

Проанализировавшая партнерство Великобритании и Турции на Украине и в Черноморском регионе В.А. Чмырева ставит под сомнение стратегический характер их отношений. «Говорить о становлении неформального альянса между Украиной, Турцией и Великобританией в настоящее время не представляется возможным. Исходя из вышесказанного, речь идет об общности тактических интересов, связанных с проекцией влияния каждой из сторон на Черноморский регион, исходя из собственных торгово-экономических и геополитических целей» (Чмырева, 2021, с. 232). Она также отмечает,

⁹⁷ Pro-Erdoğan journalist to UK ambassador: You are all sons of *itches! // Stockholm Center for Freedom. April 6, 2017. URL: <https://stockholmcf.org/pro-erdogan-journalist-to-uk-ambassador-you-are-all-sons-of-itches/> (accessed: 07.02.2022).

⁹⁸ The UK's relations with Turkey. Tenth Report of Session 2016—17 // House of Commons Foreign Affairs Committee. March 25, 2017. P. 3. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaff/615/615.pdf> (accessed: 08.02.2022).

⁹⁹ Ceylan M.F., Ildem T. Security cooperation between Turkey and the United Kingdom after Brexit // European Leadership Network. June 4, 2021. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/security-cooperation-between-turkey-and-the-united-kingdom-after-brexit/> (accessed: 09.02.2022).

¹⁰⁰ Личная беседа автора с М. Перинчком. Москва, 13.03.2022.

что, несмотря на «антироссийскую риторику» Анкары и Лондона, они не пересекают «красные линии» Москвы и не исключают диалога с Россией по любым международным вопросам.

Следует отметить, что в своем отчете об отношениях с Турцией за 2016—2017 гг. Палата общин выразила обеспокоенность тем, что разногласия между Анкарой и Вашингтоном, толкающие турецкое правительство на сближение с Россией, могут снизить влияние Великобритании на Турцию: «Мы обеспокоены тем, что потеря влияния международных союзников Великобритании в Турции может оказать пагубное влияние на возможное влияние Великобритании на Турцию»¹⁰¹. С того времени напряженность в отношениях Турции и США не снизилась. Дональд Трамп в 2019 г. угрожал «разрушить турецкую экономику»¹⁰², а его преемник Джоозеф Байден в 2020 г. признал «геноцидом»¹⁰³ массовое истребление армян в Османской империи в 1915 г. Тезис британского парламента актуален и поныне, а, значит, турецко-британское партнерство не настолько прочно, как считают некоторые российские эксперты, такие как С.С. Карнаухов, А.П. Леонков, В. Кудрявцев и др.

По оценкам профессора Лондонского университета Розмари Холлис, влияние Соединенного Королевства на Турцию будет снижаться после брекзита¹⁰⁴. Находясь в со-

ставе Евросоюза, у Великобритании было больше возможностей оказывать давление на Турцию и критиковать ее за недостаточную защиту прав человека. После выхода из ЕС и лишения поддержки остальных 27 стран-членов, давление Лондона на Анкару по ее демократизации становится менее весомым. Р. Холлис отмечает, что после брекзита «у британцев меньше возможностей, чем у них было», так как отныне Британия не может в альянсе с остальными странами ЕС вводить санкции, вынуждая правительство в Анкаре менять свое поведение¹⁰⁵.

Расхождения по ряду вопросов, таких как Сирия и отношения с Россией, доказывают самостоятельность Анкары в проведении своей внешней политики. Приоритет собственных национальных интересов над особыми отношениями с Великобританией допускает конфликт интересов и по другим вопросам. Курс Анкары и Лондона может разойтись, в частности, по темам новой военной операции Турции на северо-востоке Сирии, антироссийских санкций в связи со спецоперацией РФ на Украине или по вопросу признания / непризнания правительства талибов¹⁰⁶ в Афганистане. При этом ввиду важности взаимной поддержки, наличия множества совместных экономических проектов и общности политических интересов ожидать серьезной конфронтации в текущих геополитических реалиях между Турцией и Соединенным Королевством не следует.

Заключение

Великобритания и Турция действительно имеют особые политические отношения, носящие характер стратегического партнерства. Они проявляются в целом ряде внешнеполитических и внутривнутриполитических вопросов, где два правительства выражают солидарность друг с другом. Однако целый ряд факторов дает основание опровергнуть тезис о влиянии Лондона на внешнюю политику Анкары, в частности, на ближневосточном

¹⁰¹ The UK's relations with Turkey. Tenth Report of Session 2016—17 // House of Commons Foreign Affairs Committee. March 25, 2017. P. 15. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaff/615/615.pdf> (accessed: 08.02.2022).

¹⁰² Трамп заявил о планах разрушить экономику Турции за нападение на курдов в Сирии // Ведомости. 09.10.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/10/09/813330-tramp-razrushit-ekonomiku-turtsii> (дата обращения: 25.02.2022).

¹⁰³ Степакова О. Белый дом официально признал геноцид армян в Османской империи // Звезда. 24.04.2021. URL: <https://tvzvezda.ru/news/2021424196-KSqzO.html> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁰⁴ The UK's relations with Turkey. Tenth Report of Session 2016—17 // House of Commons Foreign Affairs Committee. March 25, 2017. P. 25. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmfaff/615/615.pdf> (accessed: 08.02.2022).

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

и южнокавказском направлениях. Действительно, позиции Турции и Соединенного Королевства нередко совпадают, в отношении, например, карабахской войны или Ливии. Однако их мотивации состоят не в скоординированной стратегии или «ударе по России», а в сугубо национальных интересах каждой из двух стран. Турция поддерживает Азербайджан и ПНС в Ливии ввиду этнических и экономических интересов, а не из лояльности Великобритании. Стратегическое партнерство не является панацеей от разногласий, и введенные Лондоном санкции против действий Анкары в Сирии и Средиземноморье подтверждают этот тезис.

Несмотря на ряд расхождений, можно предположить, что стратегическое партнерство Турции и Соединенного Королевства может укрепиться. В частности, между Анкарой и Парижем сохраняется комплекс неразрешенных противоречий: личная неприязнь Р.Т. Эрдогана и Э. Макрона, полярные позиции Турции и Франции в Ливии и поддержка Парижем греческой коалиции в споре за месторождения газа в Восточном Средиземноморье. В то же время с середины 2021 г. ухудшаются отношения Лондона и Парижа. 16 сентября Австралия разорвала контракт на сумму 66 млрд долл. США с Францией по закупке французских подлодок. В МИД Франции расценили этот поступок как «удар в спину»¹⁰⁷. Наряду с этим Австралия вступила в инициированный Лондоном военный блок AUKUS. В конце октября 2021 г. в Форин Оффис вызвали посла Франции из-за обострения спора о правах на рыболовство после брекзита¹⁰⁸. На этом фоне укрепляется кооперация ВПК Франции и Греции. 28 сентября 2021 г. две страны договорились о продаже Афинам трех французских

фрегатов¹⁰⁹. Растущие трения между Францией и Соединенным Королевством и Турцией дают дополнительное геополитическое обоснование турецко-британскому партнерству, способному сдерживать французские амбиции. Совместные учения ВМФ Турции и Британии в период греко-французских маневров — лишнее доказательство данного тренда.

Вместе с тем охлаждение отношений по линии США — Россия, НАТО — Россия, Великобритания — Россия из-за Украины может поставить Турцию перед сложным выбором. Растущее экономическое сотрудничество Турции с Россией будет препятствовать скоординированным действиям Анкары и Лондона против Москвы. Едва ли Турция рискнет пойти на конфронтацию с Россией из солидарности с Великобританией, тем более с НАТО, в отношениях с которой Р.Т. Эрдоган испытывает большие сложности. К слову, Турция, даже считая присоединение Крыма к России «аннексией»¹¹⁰, не ввела санкции против РФ, в отличие от Великобритании. Турция, в отличие от Соединенного Королевства, не ввела санкций против России даже после начала спецоперации РФ на Украине 24 февраля 2022 г. Более того, Анкара пытается выступить посредником в примирении Киева и Москвы.

Также едва ли следует ждать активной поддержки Анкары со стороны Лондона в случае обострения российско-турецких разногласий в Сирии. Британия повела себя достаточно сдержанно во время кризиса в Идлибе осенью 2020 г. и «самолетного кризиса» 2015 г., не выразив решительной поддержки Р.Т. Эрдогану в его противостоянии с Кремлем.

Ввиду укрепления позиций Турции в Сирии, Ливии и на Южном Кавказе, ослабления роли Европы, НАТО и ЕС в перечисленных

¹⁰⁷ Забродина Е. Франция считает «ударом в спину» срыв контракта по подлодкам с Австралией // Российская газета. 16.09.2021. URL: <https://rg.ru/2021/09/16/francii-a-schitaet-udalom-v-spinu-sryv-kontrakta-po-podlodkam-s-avstraliej.html> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁰⁸ Великобритания вызвала посла Франции на фоне скандала с рыбной ловлей // Интерфакс. 29.10.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/800201> (дата обращения: 10.02.2022).

¹⁰⁹ Франция и Греция договорились о поставке трех фрегатов // Международная жизнь. 28.09.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/31875> (дата обращения: 11.02.2022).

¹¹⁰ Полякова В. Эрдоган заявил в ООН об «аннексии Крыма» // РБК. 21.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2021/614a47879a79472518ac4cb6> (дата обращения: 13.07.2022).

зонах, а также стремления Лондона добиться военного поражения России в ходе спецоперации на Украине, у Лондона может быть еще больше стимулов теснее взаимодействовать с Анкарой. Об этом свидетельствует хотя бы инициатива Даунинг-стрит по стремлению включить Турцию в новый антироссийский альянс в составе Великобритании, Польши, стран Прибалтики и Украины¹¹¹. Кооперация с Турцией могла бы позволить Британии оказывать или же сохранять влияние на Южном Кавказе, в Ливии, Сирии и Афганистане, а также усилить политико-экономическое давление на Россию.

Таким образом, основными факторами, определяющими развитие британо-турецких

отношений, выступают торговля и инвестиции, тесные политико-дипломатические связи, личные контакты высокопоставленных лиц, историческое стратегическое партнерство, поставки оружия Турции, членство Анкары в НАТО и общность интересов в ряде конфликтов на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. При этом ввиду растущей самостоятельности Турции, ухудшения ее отношений с НАТО и Западом, а также роста интереса Анкары к азиатскому региону, России и западным альянсам (Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС) значение британского фактора в турецкой внешней политике снижается. Так что тиражируемая в российском экспертном сообществе гипотеза «Великобритания управляет внешней политикой Турции» представляется автору данной статьи несостоятельной.

¹¹¹ СМИ: Джонсон предложил создать альянс в противовес Евросоюзу // ТАСС. 27.05.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14745613> (дата обращения: 05.06.2022).

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 26.11.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Болдырев А. В.* Турецкий фактор в политике Великобритании и Франции в межвоенный период // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 175—181. <https://doi.org/10.31857/S013038640008661-5>
- Власова К. В., Тимченко В. А.* Эскалация Нагорно-Карабахского конфликта в 2020 г.: позиция Турции // общество. Наука. Инновации (НПК-2021): сборник статей XXI Всероссийской научно-практической конференции : в 2 т. Т. 1. Киров : Вятский государственный университет, 2021. С. 831—838.
- Годованюк К. А.* Британо-турецкие отношения в свете брекзита // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1. С. 24—31. <https://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120212431>
- Загуляев А. Ф.* Поддержка Великобританией процесса вступления Турции в Европейский союз (1997—2004) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. № 764. С. 93—101.
- Красина Е. А.* Итоги Брексита: Глобальная Британия и противодействие России // Власть. 2021. Т. 29, № 4. С. 259—263. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8415>
- Мурадян И. М.* Региональная политика США и Великобритании: Турция — Иран — Южный Кавказ — Черное море. Ереван : Антарес, 2008.
- Чмырева В. А.* Украина, Турция, Великобритания: контуры сотрудничества, риски и возможности для России // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4, № 3. С. 226—233.
- Ahmad F.* Great Britain's Relations with the Young Turks 1908—1914 // Middle Eastern Studies. 1966. Vol. 2, no. 4. P. 302—329.
- Ancak O.* Yeni Avrasyacılık Bağlamında Güney Kafkasya'da Türkiye ve Rusya // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. 2020. Vol. 63, no. 2. P. 187—212.
- Aras B., Akpınar P.* The Relations between Turkey and the Caucasus // Perceptions: Journal of International Affairs. 2011. Vol. 16, no. 3. P. 53—68.
- Avcı A.* Güney Kafkasya ve Türkiye sosyo-ekonomik ilişkisi // Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2021. No. 5. P. 195—205.
- Baharçiçek A., Ağır O.* Türkiye — Rusya ilişkilerinde Suriye krizi bağlamında değerlendirilmesi // Analytical Politics. 2020. Vol. 1, no. 2. P. 1—19.

- Balm Ç.* Perspectives on Anglo-Turkish Diplomatic Relations: An Interview with His Excellency Mr. Ümit Yalçın, the Ambassador of the Republic of Turkey to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland // *Journal of Anglo-Turkish Relations*. 2020. Vol. 1, no. 2. P. 87—91.
- Bilgin M., Morewood S.* Turkey's Reliance on Britain: British Political and Diplomatic Support for Turkey against Soviet Demands, 1943—47 // *Middle Eastern Studies*. 2004. Vol. 40, no. 2. P. 24—57.
- Cianciara A. K., Szymański A.* Differentiation, Brexit and EU — Turkey Relations // *Differentiated Integration and Disintegration in a Post-Brexit Era* / ed. by S. Gänzle, B. Leruth, J. Trondal. London : Routledge, 2019. P. 182—201.
- Demirel E.* Türkiye ile Libya arasında denizcilik alanında işbirliği // *Yıldız Social Science Review*. 2021. Vol. 7, no. 2. P. 137—146.
- Dilek B., Yılmaz Ş.* Managing the Transition from Pax Britannica to Pax Americana: Turkey's Relations with Britain and the US in a Turbulent Era (1929—47) // *Turkish Studies*. 2016. Vol. 17, no. 3. P. 1—25. <https://doi.org/10.1080/14683849.2016.1165616>
- Ekşi M.* Türkiye — Azerbaycan İlişkileri: Söylemden Reelpolitiğe // *Avrasya Etüdüleri*. 2009. Vol. 36, no. 2. P. 95—112.
- Erarlan F., Özdemir F. N.* Azerbaycan — Türkiye ilişkileri önemli bir kavşak: ikinci karabağ savaşı // *Türk Dünyası Araştırmaları*. 2021. Vol. 129, no. 255. P. 315—334.
- Gasimzade I.* Brexit: The Impact on the United Kingdom and Turkey // *Uluslararası Beşeri Bilimler ve Eğitim Dergisi*. 2018. Vol. 4, no. 7. P. 1—10.
- Hakura F.* UK — Turkey Relations and Turkey's Regional Role // *Twelfth Report of Session 2010—12*. Chatham House, 2012. P. 1—92.
- Henze P.* Turkey and the Caucasus: Relations with the New Republics // *Dangerous Neighborhood* / ed. by M. S. Radu. New York : Routledge, 2002. P. 77—91.
- Korgun İ.* Türkiye Suriye ilişkileri // *Ahi Evran Akademi*. 2020. Vol. 1, no. 1. P. 53—66.
- MacArthur-Seal D.-J.* Turkey and Britain: From Enemies to Allies, 1914—1939 // *Middle Eastern Studies*. 2018. Vol. 54, no. 5. P. 737—743. <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1462166>
- Okyar O.* Iran ekseninde Türkiye — Ermenistan ilişkileri: Anlaşmazlıktan kazanca // *Hitit Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2017. Vol. 10. P. 1181—1206.
- Örmeci O.* Turkey — United Kingdom Relations in Recent Years: An Era of 'Golden Age'? // *International Multilingual Academic Journal*. 2016. Vol. 3, no. 2. P. 115—139.
- Oskanian K.* Turkey's Global Strategy: Turkey and the Caucasus // *LSE Iseas*. No. SR007. P. 23—27. London : London School of Economics and Political Science, 2011. URL: http://eprints.lse.ac.uk/43497/1/Turkey%20s%20Global%20Strategy_Turkey%20and%20the%20Caucasus%28Isero%29.pdf (accessed: 22.03.2022).
- Sağlam Z.* Türkiye — ABD İlişkilerinde Suriye Boyutu // *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. 2006. Vol. 2. P. 121—133.
- Sariahmetoğlu N.* Karabağ Sorununun Çözüm Sürecinde Türkiye ve Rusya // *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2016. Vol. 3, no. 1. P. 93—119.
- Suyundikov S.* Dağlık Karabağ savaşı'nın çözümü bağlamında Türkiye ve Rusya // *Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi*. 2021. Vol. 5, no. 1. P. 132—145. <https://doi.org/10.47088/utad.932991>
- Tellel E.* Türkiye Kafkasya ve Orta Asya Politikasını Değiştiriyor mu? // *Ankara Üniversitesi SBF Dergisi*. 2001. Vol. 56, no. 3. P. 177—180. https://doi.org/10.1501/SBFder_0000001838

Сведения об авторе: Гасанов Камран Низами оглы — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов; приглашенный преподаватель ВШЭ и РАНХиГС; эксперт Российского совета по международным делам (РСМД); ORCID: 0000-0002-9338-5856; e-mail: gasanov-kn@rudn.ru



РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-191-195

EDN: TNPWZN

Рецензия на книгу: Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски : II Евразийский аналитический форум : сборник докладов пленарного заседания и аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе», Минск, 11 ноября 2021 г. / Международный университет «МИТСО» ; редколлегия : Н. Н. Бордюжа и др. Минск : МИТСО, 2022. 388 с.

К.Х. Рахимов  

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 rakhimov-kkh@rudn.ru

Для цитирования: *Рахимов К. Х.* Рецензия на книгу: Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски : II Евразийский аналитический форум : сборник докладов пленарного заседания и аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе», Минск, 11 ноября 2021 г. / Международный университет «МИТСО» ; редколлегия : Н. Н. Бордюжа и др. Минск : МИТСО, 2022. 388 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 191—195. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-191-195>

Book review: Bordyuzha, N. N., et al. (Eds.). (2022). Sustainability and Security Analytics of Greater Eurasia. The Image of the Future: Threats, Challenges and Risks: II Eurasian Analytical Forum: Collection of reports of the plenary session and analytical session “Information and analytical support for socio-economic development of the Eurasian Economic Union at the present stage”, Minsk, November 11, 2021. International University “MITSO”. Minsk: MITSO publ., 388 p. (In Russian)

Komron Kh. Rakhimov  

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 rakhimov-kkh@rudn.ru

For citation: Rakhimov, K. Kh. (2023). Book review: Bordyuzha, N. N., et al. (Eds.). (2022). Sustainability and Security Analytics of Greater Eurasia. The Image of the Future: Threats, Challenges and Risks: II Eurasian Analytical Forum: Collection of reports of the plenary session and analytical session “Information and analytical support for socio-economic

© Рахимов К.Х., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

development of the Eurasian Economic Union at the present stage”, Minsk, November 11, 2021. International University “MITSO”. Minsk: MITSO publ., 388 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 191—195. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-191-195>

Сегодня в мире запущен необратимый процесс глобальной трансформации мирового порядка, влекущий за собой снижение роли западной гегемонии, и в этом контексте пространство Большой Евразии приобретает все более важное и актуальное значение для выстраивания нового многополярного мира, основывающегося на взаимном уважении и доверии, а также общепризнанных принципах международного права. В этой связи сборник докладов «Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум» вносит значимый научный вклад в анализ роли и места Евразийского региона в процессе становления нового миропорядка, а также проблем, вызовов, угроз и перспектив развития пространства Большой Евразии. В сборнике рассматриваются современные проблемы социально-экономического развития и информационно-аналитического обеспечения государств — членов ЕАЭС, интеграционные процессы, проблемы национальной, демографической, информационной, экономической и социальной безопасности.

Рецензируемый сборник докладов состоит из четырех тематических глав, первая из которых содержит приветственные адреса участникам форума от имени высоких гостей II Евразийского аналитического форума: председателя Исполкома Ассоциации «Аналитика» Н.Н. Бордюжи, председателя Евразийского информационно-аналитического консорциума, заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Р.Г. Нургалиева, заместителя министра иностранных дел Российской Федерации А.А. Панкина, а также государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь, генерал-лейтенанта А.Г. Вольфовича (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 7—17).

А.А. Панкин в своем приветственном слове справедливо отметил, что «мы живем в период глобальной трансформации, и попытки стран Запада сдерживать развитие новых

крупных центров мирового роста привели к дезорганизации международных отношений, усилению диспропорций мировой экономики, углублению цивилизационного раскола, к санкционному давлению. Такое развитие событий противоречит интересам большинства государств Евразии» (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 14). В свою очередь, Н.Н. Бордюжа, обозначая такие проблемы и угрозы, как пандемия, деградация глобальной системы безопасности, активизация Североатлантического альянса у российских и белорусских границ, обострение экономического и энергетического кризисов, влекущие за собой глобальные изменения международной обстановки в целом и внутривнутриполитической ситуации в странах — участниках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и СНГ, отмечает, что «в центре внимания Евразийского аналитического сообщества находится поиск взвешенных путей, прагматичного подхода лицами, принимающими решения на различных уровнях государства, безопасности и экономики» (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 7—8).

Вторая глава сборника посвящена вопросам цифрового суверенитета и безопасности Евразии, выработки стратегии интеграционных процессов на Евразийском пространстве в условиях формирующегося многополярного мира, проблемам демографического развития и демографической безопасности евразийских государств, информационно-аналитического взаимодействия стран региона, социально-политическим и экономическим аспектам их взаимодействия, а также анализу архитектуры безопасности Евразии (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 19—129).

Т.С. Саркисян исследует проблему цифрового суверенитета и безопасности Евразии, делая заключение о том, что страны Евразии не в состоянии самостоятельно в рамках отдельных маленьких государств создавать собственные экосистемы по качественным характеристикам. Реализация «цифрового

суверенитета» возможна лишь в рамках евразийского интеграционного проекта, выступающего в качестве ответа на глобальные вызовы, перед которыми стоят страны ЕАЭС (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 25).

Также во второй главе ряд докладов посвящен различным вопросам безопасности стран Евразийского пространства. Так, В.А. Семериков отмечает, что со стороны НАТО наблюдается беспрецедентная тенденция к наращиванию военных группировок и развитию военной инфраструктуры в непосредственной близости от западной границы ответственности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Более того, со стороны сил Североатлантического альянса осуществляются провокационные мероприятия оперативной и боевой подготовки, которые происходят в основном вблизи границ стран — участниц ОДКБ. Также в своем докладе В.А. Семериков справедливо отмечает, что в таких бывших советских республиках, как Украина, Грузия, Молдова и страны Балтии, укоренились русофобия, национализм и идеи реваншизма, а территории данных государств и вовсе стали плацдармом для США (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 26—27). В данном докладе также рассматриваются угрозы, исходящие от террористических группировок, располагающихся на территории Афганистана, в частности, говорится об угрозе афганского наркотрафика, который является основной статьей доходов террористов в регионе. В целом следует отметить, что доклад первого заместителя генерального секретаря ОДКБ, генерал-полковника В.А. Семерикова поднимает одни из наиболее острых и актуальных вопросов, связанных с вызовами и угрозами безопасности, с которыми сталкивается Евразийский регион сегодня (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 29—30).

Актуальные проблемы безопасности евразийского пространства также анализируются в докладе В.С. Овчинского «*Архитектура хаоса. Кто будет сражаться в надвигающейся битве за будущее?*». Автор обозначает как минимум пять конфликтных точек на евразийском пространстве и приходит

к выводу, что ситуация в мире сегодня во многом похожа на Карибский кризис и возможно даже превосходит его по уровню опасности, так как сегодня существует не один, а множество конфликтных очагов, которые могут перерасти не просто в военное противостояние, а в полноценный ядерный конфликт (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 64—69).

Весомый вклад в изучение вопросов оформления многополярного мира и роли Евразийского региона в данном процессе вносит доклад А.В. Савиных «*Стратегия евразийской интеграции в условиях формирующегося многополярного мира*», где подчеркивается, что создание многополярного мира означает формирование мира крупных политических, экономических и военных объединений государств (макрорегионов), которые должны будут создать свои внутренние рынки, новую региональную систему разделения труда, основанную на региональных производственных цепочках и технологической кооперации местных производителей, а такой макрорегион не будет способен функционировать без своей собственной региональной валюты и кредитно-финансовой системы. Более того, такое переформатирование мира будет означать слом или серьезную трансформацию двух систем, созданных в процессе старой глобализации, а именно — глобальной торговой системы и мировой финансовой системы (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 31—32).

А.И. Агеев в докладе «*Цели, метрики и этика развития ЕАЭС с учетом коэволюции естественного и искусственного интеллекта*» изучает положение ЕАЭС в меняющемся мире, а также указывает на недостатки системы стратегического планирования и прогнозирования ЕАЭС по сравнению с другими интеграционными объединениями (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 81—91).

В условиях современных гибридных и информационных войн, с которыми сегодня сталкиваются главным образом государства постсоветского пространства, весьма важным представляется изучение проблем и выработка решений по обеспечению информационной

безопасности граждан этих государств. Особенно остро данный вопрос должен стоять в отношении молодого поколения, которое является наиболее уязвимым с точки зрения воздействия на формирование идеологических и ценностных основ. В этом плане интересным для изучения представляется доклад Г.А. Погосьяна, в котором автор поднимает такие значимые вопросы, как важность кооперации между аналитическими центрами СНГ, рассматривает проблемы противодействия информационной войне, направленной против государств постсоветского пространства, изучает вопросы роли мягкосилового воздействия западных стран в Евразийском регионе, необходимости формирования суверенного интернет-пространства, а также информационных и научных площадок для продвижения евразийских ценностей. Автор останавливается и на других вопросах, затрагивающих проблемы обеспечения информационной безопасности и сохранения здоровой культурно-национальной идентичности общества (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 47—63).

Третья глава сборника посвящена докладом аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе» (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 133—382). В данной главе рассматривается большой пласт вопросов, посвященных воздействию пандемии коронавирусной инфекции на экономику, влиянию экономических санкций на различные области государственного функционирования, правовому регулированию определенных вопросов экономического сотрудничества в рамках Евразийской экономической интеграции,

влиянию экологической повестки на экономическую сферу развития государств региона, а также вопросам современных экономических инноваций. Кроме того, авторами выявлена специфика современного состояния международной безопасности.

В четвертой главе сборника представлена резолюция II Евразийского аналитического форума (Аналитика устойчивого развития..., 2022, с. 383—387), содержащая ряд важных для развития Евразийского пространства обязательств, которые участники форума взяли на себя, а также указывающая на поддержку участниками различных инициатив, направленных на углубление кооперации между евразийскими профильными структурами и научным сообществом.

В целом необходимо отметить, что рецензируемый сборник отражает результаты актуальных научных исследований, посвященных угрозам, вызовам и рискам устойчивого развития и безопасности Большой Евразии, и будет представлять интерес как для широкого круга исследователей, так и для сотрудников профильных структур, занимающихся проблемами Евразийского региона.

Тем не менее, несмотря на то, что сборник в целом оставляет положительное впечатление, можно заметить небольшой недостаток в структуре разделения докладов по главам, которая, на мой взгляд, не вполне удобна для читателя. В частности, третью главу, ввиду обширного круга рассматриваемых тем, следовало разделить на несколько частей. Однако следует отметить, что указанный недостаток не влияет на смысловое содержание сборника, а поднятые авторами докладов темы заслуживают внимания в контексте изучения роли Евразийского региона в современных реалиях.

Поступила в редакцию / Received: 29.08.2022
Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски : II Евразийский аналитический форум : сборник докладов пленарного заседания и аналитической сессии «Информационно-аналитическое обеспечение социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза на современном этапе», Минск, 11 ноября 2021 г. / Международный университет «МИТСО»; редколлегия : Н. Н. Бордюжа и др. Минск : МИТСО, 2022.

References

Bordyuzha, N. N., et al. (Eds.). (2022). *Sustainability and security analytics of Greater Eurasia. The image of the future: Threats, challenges and risks*: II Eurasian Analytical Forum: Collection of reports of the plenary session and analytical session “Information and analytical support for socio-economic development of the Eurasian Economic Union at the present stage”, Minsk, November 11, 2021. International university “MITSO”. Minsk: MITSO publ. (In Russian).

Сведения об авторе: *Рахимов Комрон Хакимджонович* — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0003-2771-1817; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

About the author: *Rakhimov Komron Khakimdzhonovich* — PhD (History), Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University); ORCID: 0000-0003-2771-1817; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-196-200

EDN: TNZTNE

Рецензия на книгу:
Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху : учебник для вузов. Москва : Аспект Пресс, 2022. 250 с.

М.М. Базлуцкая✉

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Российская Федерация
✉m.bazlutskaya@gmail.com

Для цитирования: *Базлуцкая М. М.* Рецензия на книгу: Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху : учебник для вузов. Москва : Аспект Пресс, 2022. 250 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 196—200. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-196-200>

Book review:
**Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (2022).
Technology of International Negotiations in the Digital Age: Student book.
Moscow: Aspekt Press publ., 250 p. (In Russian)**

Mariia Bazlutckaia✉

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
✉m.bazlutskaya@gmail.com

For citation: Bazlutckaia, M. M. (2023). Book review: Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (2022). Technology of International Negotiations in the Digital Age: Student book. Moscow: Aspekt Press publ., 250 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 196—200. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-196-200>

В мире, где цифровые технологии доминируют в сфере коммуникаций, дипломатическая практика подвергается изменениям. С целью облегчить обучение и сформировать новые компетенции у студентов-международников, сотрудников государственных и коммерческих учреждений и заинтересованных лиц доктор политических наук Марина Михайловна Лебедева и доктор политических наук Елена Сергеевна Зиновьева создали учебник «Технология международных переговоров в цифровую эпоху». Работа вышла в свет

в 2022 г. Она дополняет и актуализирует предыдущее издание «Технология ведения международных переговоров» за авторством М.М. Лебедевой, опубликованное в 2018 г.

Текст учебника, помимо предисловия, введения, общих методологических рекомендаций и приложений, состоит из четырех разделов и 11 глав, в которых представлены исследовательские подходы к переговорам, рассматриваются виды переговоров, приемы их ведения, а также описаны новые возможности в цифровую эпоху.

© Базлуцкая М.М., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Первый раздел предлагает читателю разобраться с теорией о том, что такое переговоры.

В первой главе авторы анализируют российские и зарубежные подходы к исследованию международных переговоров, выделяют их аспекты и роль, отмечая, что научное направление по исследованию переговорного процесса начало формироваться после окончания Второй мировой войны в СССР и США. В современной России, после непродолжительного спада интереса в 1990-е гг., запрос на подобные исследования постепенно возрастает (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 23). По мнению авторов, переговоры включают три аспекта: содержательный, процессуальный (технологический) и процедурный. В последующих главах каждый из аспектов разбирается отдельно. При этом роль переговоров состоит в том, чтобы реализовывать сотрудничество или урегулировать конфликты (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 13—14).

Вторая глава посвящена условиям межгосударственного общения, функциям переговоров и их классификации. Акцент сделан на понятии «наилучшая альтернатива переговорному решению» (BATNA), введенном в оборот исследователями Р. Фишером и У. Юри (Fisher, Ury & Patton, 2011), а также «переговорное пространство» — области совпадения интересов сторон переговоров. Авторы подчеркивают, что отсутствие BATNA и «переговорного пространства» является основой переговоров (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 31).

В третьей главе создатели учебника обращают внимание на вербальные и невербальные средства общения, подчеркивая роль жестикюляции. Эта часть представляется важной, так как «языку тела» может уделяться недостаточно внимания в рамках образовательных курсов по международным отношениям, политологии, государственному управлению или бизнес-администрированию.

Завершает первый раздел четвертая глава, в которой рассматриваются проблемы восприятия ситуации и варианты их преодоления. Для иллюстрации конфликтных отношений и проблем восприятия авторы обращаются к актуальной повестке мировой политики. В качестве примера они приводят украинский

кризис, очередное обострение которого началось 24 февраля 2022 г. Так, М.М. Лебедева и Е.С. Зиновьева подчеркивают, что стереотипы восприятия образа противоположной стороны ограничивают возможности переговорных решений даже по тем вопросам, по которым договоренности при других условиях могли бы быть достигнуты (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 70).

Второй раздел посвящен практической составляющей переговорного процесса, рекомендациям по созданию условий и оформлению содержательной части переговоров, а также стратегии их ведения.

В пятой главе читатели могут ознакомиться с «внутренней кухней» подготовки к переговорам. Здесь приводятся исторические примеры и советы по выстраиванию конструктивного диалога. По мнению авторов, в условиях кризиса успешность коммуникации (предотвращение вооруженного столкновения) зависит от глав государств из-за стремительного развития событий. При этом на ситуацию начинают активно воздействовать такие субъективные факторы, как политическая ориентация лидера (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 85).

В пятой главе студенты-международники могут также найти детализированную информацию, например, о рассадке членов делегаций, определении повестки дня и названия официальной встречи (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 94). Там же приводятся рекомендации по просмотру кинокартин, иллюстрирующих информацию из учебника.

Шестая глава направлена на ознакомление обучающихся с теоретическими основами ведения переговоров: стратегией, подходами, этапами, способами подачи своей позиции, тактическими приемами и особенностями восприятия позиции оппонента. Важно, что в этой части авторы иллюстрируют теорию на примерах из жизни. Так, они выделяют два подхода к ведению переговоров: торг и совместный анализ проблемы. Последний разбирается на примере российско-американских переговоров о гарантиях безопасности середины декабря 2021 — января 2022 г. (Лебедева,

Зиновьева, 2022, с. 111—112). Следует обратить внимание на ознакомление читателей с жаргонными терминами, которые употребляются в кругу дипломатов, такими как «глухая пора» (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 117). Подобный подход призван, в первую очередь, облегчить понимание происходящего во время учебной практики или после трудоустройства в МИД России и подведомственные учреждения.

Третий раздел сфокусирован на видах международных переговоров и их особенностях.

В седьмой главе рассматриваются переговоры на высшем и высоком уровне, а также многосторонние и многоуровневые. В случае переговоров на высшем уровне, по мнению авторов, значение цифровизации возрастает, так как она позволяет интенсифицировать диалог (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 148). В случае же многосторонних переговоров особую роль играет личность председателя и процедура проведения встречи (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 154—155). В свою очередь, для многоуровневых переговоров проблемой становится разная направленность интересов участников из числа негосударственных акторов (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 156).

Восьмая глава повествует о национальных и личностных особенностях участников переговоров и их влиянии на принятие решений. Авторы книги подчеркивают, что при изучении этого вопроса исследователи сталкиваются с методологическими трудностями: что считать национальным стилем переговоров, по каким критериям определять его характерные черты и сквозь призму какой культуры необходимо вести его анализ (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 161).

В девятой главе описываются роль посредников на международных переговорах, задачи, функции посредников и трудности, с которыми они сталкиваются. Авторы перечисляют «идеальные» условия для предоставления посреднических услуг: длительное противостояние сторон конфликта, непризнание сторонами легитимности друг друга, боязнь «потерять лицо» и культурные барьеры коммуникации (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 186).

Четвертый раздел посвящен влиянию цифровых технологий на традиционную дипломатию.

В десятой главе речь идет об усилении роли общественного мнения при ведении переговоров и изменении официального языка дипломатического общения. Авторы подчеркивают, что в условиях цифровизации трансформируются не только тактические приемы традиционной дипломатии и международная политика, но и предмет переговоров. Появляются новые проблемы, такие как «кибербезопасность» и «глобальное управление Интернетом» (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 214). В этой главе читатели могут ознакомиться с терминами «цифровая дипломатия», «цифровая публичная дипломатия» и их влиянием на практику международного взаимодействия. Ссылаясь на теоретические наработки Валдайского клуба, авторы подчеркивают, что технологии XXI в. занимают то же место среди признаков суверенитета государства, что и ядерное оружие в прошлом столетии (Безруков и др., 2021).

Создатели учебника также делают акцент на смещении внимания дипломатов и бизнес-сообщества в сторону анализа «больших данных» (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 219) — критически важного актива с точки зрения продвижения собственных внешне- и внутриполитических интересов. В качестве основных российских исследований по данной теме авторы выделяют работы группы ученых Санкт-Петербургского государственного университета под научным руководством Н.А. Цветковой (Цветкова, Кузнецов, 2020; Цветкова, Федорова, 2021).

В одиннадцатой главе рассматривается применение социальных сетей в дипломатии. Авторы подчеркивают, что цифровизация стала причиной появления в общественно-политической жизни такого опасного феномена, как «цифровая поляризация мнений», который усиливается широким распространением недостоверной информации (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 230—231). Здесь же приводятся выдержки из работ ученых Оксфордского

университета К. Бьолы и И. Манора о глобальных изменениях в повседневной работе министерств иностранных дел, а также воздействии цифровой дипломатии на заключение двусторонних соглашений (Manor, 2016; Bjola & Manor, 2018; Bjola, 2019).

Наконец, авторы предлагают взглянуть на изменение конкретных функций традиционной дипломатической практики. Так, в качестве основной из них выделяется дистанционное посредничество, первые успехи которого приходится на период пандемии COVID-19 (Лебедева, Зиновьева, 2022, с. 233).

Завершают учебник общие методические рекомендации для преподавателей вузов и приложения, куда вошли описания деловых игр для моделирования переговорных ситуаций на учебных семинарах. Следует отметить, что подобные разделы содержатся в конце каждой главы. Это облегчает восприятие материала. С этой же целью в книге приводятся

иллюстрации и обобщающие таблицы. Монография содержит целый ряд отсылок к источникам и литературе. Издание основано на фактах из жизни дипломатов и первых лиц государств мира, опирается на широкий спектр теоретических знаний по проблеме.

Учебник полезен как практический инструмент, методичка современного дипломата. Принципы коммуникации, типологизация переговорной практики, теоретическая база и советы из сферы психологии и дипломатии позволяют читателю глубже осознать роль переговоров, а также научиться управлять ситуацией на международных встречах.

Очевидно, что в учебнике для вуза невозможно уместить все детали дипломатической работы и описать многочисленные «подводные камни» переговоров, которые в том числе зависят и от личностей участников заседаний. Тем не менее авторы справились с поставленными перед ними задачами.

Поступила в редакцию / Received: 21.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Безруков А., Мамонов М., Ребро О., Сушенцов А. Realpolitik в «цифре»: суверенитет, союзы и неприсоединение XXI века // Доклад дискуссионного клуба Валдай. Сентябрь 2021. С. 1—16. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/> (дата обращения: 12.10.2022).
- Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Технология международных переговоров в цифровую эпоху : учебник для вузов. Москва : Аспект Пресс, 2022.
- Цветкова Н. А., Кузнецов Н. М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4—1. С. 27—44. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>
- Цветкова Н. А., Федорова И. В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51, № 1. С. 104—116. <https://doi.org/10.31857/S268667300013205-5>
- Bjola C. Trends and Counter-Trends in Digital Diplomacy // *New Realities in Foreign Affairs. Diplomacy in the 21st Century* / ed. by V. Stanzler. Budapest : Nomos, 2019. P. 51—62. <https://doi.org/10.5771/9783845299501-51>
- Bjola C., Manor I. Revisiting Putnam's Two-Level Game Theory in the Digital Age: Domestic Digital Diplomacy and the Iran Nuclear Deal // *Cambridge Review of International Affairs*. 2018. Vol. 31, no. 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1476836>
- Fisher R., Ury W. L., Patton B. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. New York : Penguin, 2011.
- Manor I. Are We There Yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy? Results from a Cross-National Comparison. Leiden : Brill, 2016. <https://doi.org/10.1163/24056006-12340002>

References

- Bezrukov, A., Mamonov, M., Rebro, O., & Sushentsov, A. (2021). Realpolitik in digital: Sovereignty, alliances, and nonalignment of the 21st century. *Report of the Valdai Discussion Club*, (September), 1—16. Retrieved from <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/> (In Russian).
- Bjola, C. (2019). Trends and counter-trends in digital diplomacy. In V. Stanzler (Ed.), *New realities in foreign affairs. Diplomacy in the 21st century* (pp. 51—62). Budapest: Nomos. <https://doi.org/10.5771/9783845299501-51>

- Bjola, C., & Manor, I. (2018). Revisiting Putnam's two-level game theory in the digital age: Domestic digital diplomacy and the Iran nuclear deal. *Cambridge Review of International Affairs*, 31(1), 1—30. <https://doi.org/10.1080/09557571.2018.1476836>
- Fisher, R., Ury, W. L., & Patton, B. (2011). *Getting to yes: Negotiating agreement without giving in*. New York: Penguin.
- Lebedeva, M. M., & Zinovieva, E. S. (2022). *Technology of international negotiations in the digital age: Student book*. Moscow: Aspekt Press publ. (In Russian).
- Manor, I. (2016). *Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy? Results from a cross-national comparison*. Leiden: Brill. <https://doi.org/10.1163/24056006-12340002>
- Tsvetkova, N. A., & Fedorova, I. V. (2021). U.S. data diplomacy: Imperatives, apparatus, and scope. *USA & Canada: Economics — Politics — Culture*, 51(1), 104—116. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S268667300013205-5>
- Tsvetkova, N. A., & Kuznetsov, N. M. (2020). Phenomenon of big data diplomacy in world politics. *RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*, (4—1), 27—44. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-27-44>

Сведения об авторе: Базлуцкая Мария Михайловна — аспирант кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); e-mail: m.bazlutskaya@gmail.com

About the author: Bazlutckaia Mariia Mikhaylovna — PhD Student, Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University); e-mail: m.bazlutskaya@gmail.com



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-201-204

EDN: TPQYUB

Рецензия на книгу:
Chalwe Snr M. China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 2021. 310 p.

Н.А. Медушевский  

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

 lucky5659@yandex.ru

Для цитирования: Медушевский Н. А. Рецензия на книгу: Chalwe Snr M. China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 2021. 310 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 201—204. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-201-204>

Book review:
Chalwe Snr, M. (2021). China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 310 p.

Nikolay A. Medushevsky  

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

 lucky5659@yandex.ru

For citation: Medushevsky, N. A. (2023). Book review: Chalwe Snr, M. (2021). China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US, 310 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 201—204. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-201-204>

Тема Африки сегодня как никогда актуальна по целому ряду причин. Во-первых, континент богат ресурсами, необходимыми для развития мировой промышленности. Во-вторых, Африка становится пространством столкновения геополитических и геоэкономических интересов мировых держав, стремящихся установить контроль над молодыми государствами и обеспечить себе новые рынки сбыта продукции промышленного производства.

В этой связи актуальность приобретает борьба мировых держав за каждую из стран континента.

Замбия не является исключением в этой масштабной геополитической игре, более того, эта страна может рассматриваться как показательный пример столкновения геополитических интересов, поскольку в борьбе за влияние там сошлись Китай и Соединенные Штаты Америки.

© Медушевский Н.А., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Подробно о столкновении интересов этих двух ведущих геополитических игроков в своей монографии *China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China* (Chalwe Snr, 2021) пишет экономист и независимый финансовый обозреватель из Замбии Мванса Чалве.

В своей работе автор констатирует, что Китай и США ведут скрытую «войну» за влияние на территории Замбии. Данное противостояние вступило в активную фазу после эпидемии COVID-19, когда африканское государство фактически оказалось в долговом кризисе, объявив дефолт по суверенному долгу.

Экономическому кризису 2020—2021 гг. предшествовали интенсивные финансовые заимствования, которые страна проводила с 2012 г., пытаясь развивать свою экономику и бороться с инфляцией. Донорами заимствований для Замбии выступали в первую очередь Китай и США, которые после дефолта начали активное противостояние в вопросе реструктуризации национального долга.

Книга начинается с подробного анализа экономического развития Замбии за десятилетний период. Автор констатирует, что причины современного национального кризиса коренятся в шагах, предпринятых национальным правительством еще в 2011—2012 гг. Так, в качестве отправной точки выступает решение правительства о масштабном развитии инфраструктуры, принятое в 2011 г. Данная инициатива привела к большому количеству внешних заимствований, но не создала новых рабочих мест и в целом не повлияла на интенсификацию экономического развития.

Во многом описанная ситуация стала следствием неконтролируемого роста коррупции, которой автор уделяет внимание в двух главах своего исследования.

Показательно, что автор абстрагируется от обвинения каких-либо политических сил как внутри государства, так и в отношении внешних контрагентов. Скорее цель автора состоит в том, чтобы показать негативные тенденции, усугубляющие экономическое положение государства и стимулирующие развитие экономического кризиса.

В данной связи М. Чалве критикует позиции КНР и США, констатируя наличие у данных геополитических игроков корыстных интересов в отношении будущего Замбии. Кроме того, критике подвергается и деятельность Международного валютного фонда (МВФ) в связи с Программой структурной перестройки (SAP) 1980—1990-х гг., которая была основана на Вашингтонском консенсусе свободных рынков. По мнению автора рецензируемой монографии, именно эта программа разрушила промышленную базу Замбии и привела к чрезмерной зависимости страны от импорта, что обусловило современные проблемы развития государства.

На наш взгляд, данное обвинение справедливо лишь отчасти, так как в 1980-е гг. уровень промышленного развития страны был достаточно низкий, и программы МВФ скорее препятствовали развитию промышленности, нежели разрушали ее.

В отношении КНР критика автора обусловлена целым рядом факторов. Из-за того, что Замбия является бедным государством, Китай за счет своего финансирования сумел очень основательно закрепиться в стране и поставить под контроль ее экономические, политические и дипломатические связи. Этому способствовала продолжительная активность Китая, инициированная сразу после деколонизации страны.

Следствием выраженного влияния Китая на Замбию является поток китайских эмигрантов и функционирование на территории страны китайских банков. Оба фактора сказываются на рынке труда, где китайцы формируют во многом привилегированное сообщество, оттесняя с высокооплачиваемых позиций коренных замбийцев.

В целом, по мнению М. Чалве, ситуация, сложившаяся в экономике, политике и социальной системе Замбии, приносит необоснованно большую выгоду китайскому правительству и вредит развитию замбийской государственности. Автор объясняет это тем, что Китай, инвестируя в Замбию, выступает бенефициаром добываемых в стране природных ресурсов, которые, в свою очередь,

добываются китайскими компаниями с использованием китайских кадров. Таким образом, миллиарды финансовых инвестиций идут фактически в обход государственного бюджета. Вместе с тем адекватная, по мнению автора монографии, инвестиционная политика Китая должна учитывать проблему бедности населения страны и предлагать проекты, учитывающие рост благосостояния граждан (Chalwe Snr, 2021).

К американской политике автор относится более благосклонно. В частности, М. Чалве отмечает значимость «мягкой силы» США, которая направлена на реализацию социальных и инфраструктурных программ, в том числе связанных с развитием национальной системы здравоохранения. В качестве показательного примера автор приводит программу PEPFAR. Также М. Чалве возлагает большие надежды на новый план администрации Дж. Байдена по пересмотру американской экономической политики в Африке, который, по его мнению, может создать серьезную конкуренцию экономическому влиянию Китая как в стране, так и на Африканском континенте в целом.

Расположение ученого к американской политике находит свое отражение и в размышлениях по поводу соотношения экономики и демократии. М. Чалве констатирует, что наиболее эффективное развитие экономики государства приходится на периоды подъема демократических институтов и развития прав человека. В то же время в исследуемый в работе десятилетний период в Замбии происходила деградация демократических институтов, что привело к расцвету коррупции, развитию невыгодного сотрудничества с Китаем и в целом снижению экономических показателей и фактическому государственному банкротству.

Книга *China — West Battleground in Africa: Debt Ridden Zambia: Why U.S. May Lose Geo-Economic Competition to China* интересна не только констатацией проблем развития Замбии в последние десятилетие, но и некоторыми решениями, которые автор предлагает для возможного выхода из кризиса. М. Чалве

называет данные решения «Инициативами развития Африки XXI века».

Суть данных решений связана, прежде всего, с социальным развитием африканских обществ, подкрепленным инвестициями в сельское хозяйство и электрификацию. Вместе с тем инвестиции в другие инфраструктурные проекты, связанные в том числе с добычей полезных ископаемых, рассматриваются автором как второстепенные, во многом из-за того, что продажа сырья ведет к обогащению политических элит, а не широких слоев населения. С позиции М. Чалве приток иностранных инвестиций ведет к расслоению общества, в котором не работают демократические институты и контроль со стороны гражданского общества. В этой связи автор делает вывод, что следует заморозить значительную часть проектов по добыче полезных ископаемых и сохранить ресурсы для будущих поколений.

В заключении к своей работе автор обобщает негативные факторы развития Замбии, которые привели к текущему экономическому кризису. Показательно, что наряду с уже обозначенными факторами, в числе которых коррупция, COVID-19, упадок сельского хозяйства и разрушение демократических институтов, М. Чалве отмечает также падение цен на медь, которую добывают китайские компании.

Таким образом, можно говорить о выраженном противоречии, обусловленном идеализмом автора, так как, с одной стороны, он призывает снижать экспорт ископаемого сырья вплоть до полного отказа от него, но с другой — констатирует зависимость государства от данного экспорта вне контекста развития демократических институтов.

Идеализм выражается также в интерпретации желаемой роли Китая в Замбии и в Африке в целом. М. Чалве пишет, что Китай должен выполнять наставническую функцию в отношении стран с эгоистичными авторитарными лидерами, чтобы не испортить свое доброе имя. Кроме того, автор подчеркивает, что «безопасность граждан и инвестиций в Африке заключается в обеспечении того, чтобы граждане принимающих африканских стран были счастливы благодаря созданию

рабочих мест и сокращению масштабов нищеты» (Chalwe Snr, 2021).

В контексте вышесказанного можно констатировать, что работа М. Чалве хотя и представляет большой исследовательский интерес, так как содержит много новых данных по Замбии, с точки зрения исследовательской

концепции весьма противоречива и в целом отражает двойственность самовосприятия многих африканских обществ, которые видят путь для собственного развития в помощи извне, хотя реальные проблемы в большинстве случаев коренятся в их собственном восприятии реальности.

Поступила в редакцию / Received: 11.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список / References

Chalwe Snr, M. (2021). *China — West battleground in Africa: Debt ridden Zambia: Why U.S. may lose geo-economic competition to China*. Amazon Digital Services LLC — KDP Print US.

Сведения об авторе: Медушевский Николай Андреевич — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока и Африки Российского государственного гуманитарного университета; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: lucky5659@yandex.ru

About the author: Medushevsky Nikolay Andreevich — PhD, Dr. of Sc. (Political Sciences), Professor, Department of Modern East and Africa, Russian State University for the Humanities; ORCID: 0000-0003-0475-6713; e-mail: lucky5659@yandex.ru



DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-205-208

EDN: SMBTHQ

**Рецензия на книгу:
Быстрова И. В. Британский союзник:
организация военно-экономических поставок в СССР
в 1941—1945 гг. Москва : Весь мир, 2022. 576 с.**

К.В. Минкова  

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[✉k.minkova@spbu.ru](mailto:k.minkova@spbu.ru)

Для цитирования: Минкова К. В. Рецензия на книгу: Быстрова И. В. Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941—1945 гг. Москва : Весь мир, 2022. 576 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 205—208. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-205-208>

**Book review:
Bystrova, I. V. (2022). The British Ally:
Organization of Military and Economic Supplies to the USSR in 1941—1945.
Moscow: Ves' mir publ., 576 p. (In Russian)**

Kristina V. Minkova  

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
[✉k.minkova@spbu.ru](mailto:k.minkova@spbu.ru)

For citation: Minkova, K. V. (2023). Book review: Bystrova, I. V. (2022). The British Ally: Organization of Military and Economic Supplies to the USSR in 1941—1945. Moscow: Ves' mir publ., 576 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 205—208. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-205-208>

В отечественной историографии и в общественном восприятии программа ленд-лиза сама по себе и помощь Советскому Союзу в рамках этой программы сегодня в основном связывается только с США (Рыжков, 2020). Исключение составляют несколько работ Г.А. Куманева в соавторстве с Л.М. Чузавковым (Куманев, Чузавков, 1987) и монография В.Н. и И.В. Красновых (2008), в которых поставки из Великобритании выделяются в отдельное направление ленд-лиза для СССР. Фигура премьер-министра Великобритании

У. Черчилля зачастую изображается исключительно в темных тонах, связанных с его нежеланием открыть второй фронт в 1942 и 1943 гг. (Муравьева, 2004). На этом фоне огромное значение имеет рецензируемая монография И.В. Быстровой «Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941—1945 гг.», завершающая серию книг автора о помощи союзников Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны (Быстрова, 2011; 2019).

© Минкова К.В., 2023



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Весьма интересным и в высшей степени оправданным представляется предложенный автором подход — рассмотрение организации поставок в СССР глазами главных идеологов британской программы помощи (самого У. Черчилля и его ближайшего сподвижника У.М. Эйткена, лорда Бивербрука) и участников ее реализации. В книге приводятся статистические данные о поставках, дополненные личными документами У. Черчилля и Бивербрука, дневниками посла И.М. Майского, перепиской С. Криппса и т. д.

В первой главе *«Уинстон Черчилль и помощь СССР»* автор напоминает о том, что английская военная и экономическая миссии прибыли в Москву 27 июня 1941 г. — через 5 дней после начала войны, а первый, или, как его еще называют, «нулевой» конвой достиг Архангельска 31 августа 1941 г. При этом по количеству перевезенных единиц техники он был едва ли не самым крупным за всю историю поставок (Быстрова, 2022, с. 43, 498).

И.В. Быстрова справедливо отмечает, что важнейшим вкладом Великобритании (и лично У. Черчилля) в успешную реализацию последующих поставок в Советский Союз стала совместная советско-британская оккупация Ирана (Быстрова, 2022, с. 44), благодаря которой появился так называемый «Персидский» маршрут поставок — пусть самый долгий, но самый безопасный. Именно на него пришлись ключевые объемы грузов, отправленных Великобританией, США и Канадой в СССР.

Вторая глава *«“Британский” протокол: Московская конференция по снабжению 1941 г.»* повествует, в частности, о фигуре лорда Бивербрука, ставшего, по выражению У. Черчилля, «поборником помощи России» (Быстрова, 2022, с. 176). Принципиально важно, что в отличие от США, готовых сражаться «до последнего русского солдата», британцы в самый критический для СССР период войны, с лета 1941 г. до 1942 г., постоянно поставляли Советскому Союзу оружие в ущерб собственным военным интересам. Именно лорд Бивербрук отвечал за выполнение плана поставок в СССР в количествах, обещанных У. Черчиллем И.В. Сталину —

200 самолетов и 250 танков в месяц. Для Великобритании, уже истощенной войной, которую она два года вела практически в одиночку, выделить такое количество необходимой ей техники было чрезвычайно сложно, однако британский премьер-министр был готов не только на это, но и на передачу СССР существенной части танков, поставляемых американцами Великобритании по программе ленд-лиза (Быстрова, 2022, с. 180). Таким образом, «поставки танков в Советский Союз должны были лишить британцев возможности удовлетворить их собственные минимальные потребности в танках, т. е. в этом виде вооружений их жертва была велика» (Быстрова, 2022, с. 181).

В третьей главе *«На „экономическом фронте“: А.И. Микоян — И.В. Сталину и В.М. Молотову о британских поставках в СССР»* приводится обширная статистика британских поставок в СССР на основе документов, содержащихся в фонде В.М. Молотова Архива внешней политики Российской Федерации. Особое внимание в этой главе уделяется проблеме морского тоннажа, которая зачастую стояла даже более остро, чем вопросы производства. Известно, например, что именно по этой причине порядка 75 % канадского экспорта в СССР в 1943 г. шло через американские порты (Минкова, 2021).

Важную роль в организации британских поставок в СССР сыграли посол СССР в Лондоне И.М. Майский, британский посол в Советском Союзе С. Криппс и глава британской военной миссии в Москве М. Макфарлан. Их деятельности посвящена первая половина четвертой главы *«На военно-дипломатическом фронте»*. Автор отмечает ключевой личный вклад И.М. Майского в урегулирование вопроса об изменении условий поставок — с кредита на безвозмездный ленд-лиз (Быстрова, 2022, с. 375). Немаловажными были и дипломатические усилия советского посла в деле смягчения напряженности, неоднократно возникавшей в советско-британских отношениях в 1941—1942 гг. из-за резких заявлений и высказываний лидеров обеих стран (Быстрова, 2022, с. 390). Следует признать, что

С. Криппсу и М. Макфарлану приходилось налаживать сотрудничество с советской стороной в значительно более тяжелых и сложных условиях, чем И.М. Майскому. Личная переписка и другие документы М. Макфарлана, изученные И.В. Быстровой в британских архивах, позволяют увидеть эти сложности (отсутствие необходимой информации, затягивание решения важных вопросов и т. д.) его глазами.

Отдельное внимание в четвертой главе монографии уделено организации полярных конвоев, за проход которых полностью отвечала Великобритания. Значительные сложности, связанные с нежеланием советских властей размещать британских моряков в Мурманске и Архангельске и разрешить участие британских летчиков в операциях по защите конвоев, служили предметом постоянных споров и взаимных претензий, замедлявших осуществление поставок (Быстрова, 2022, с. 421—426).

В монографии И.В. Быстровой затрагиваются и другие интересные сюжеты, связанные с британским ленд-лизом для СССР, приводятся отрывки из воспоминаний, дневников и писем задействованных в реализации

этой программы советских и британских чиновников и военных. В заключении приводятся данные об объеме поставок за первые 2,5 года сотрудничества в рамках ленд-лиза: в этот период СССР получил собственно от Великобритании более 3800 танков и 4100 самолетов, а также других товаров и продовольствия на общую сумму 80 млн ф. ст. (Быстрова, 2022, с. 496). В Мурманске и Архангельске до сих пор с благодарностью вспоминают пришедшую с британским конвоем муку, в феврале 1942 г. спасшую население этих городов от голодной смерти.

И.В. Быстрова не делает специального вывода о значимости британских поставок для боеспособности Красной Армии на первом этапе Великой Отечественной войны, однако проведенное ею исследование, собранный документальный материал и статистические данные позволяют читателю сделать такой вывод самостоятельно. Рецензируемая монография достойна самой высокой оценки российским научным сообществом, и ее несомненно следует включить в списки обязательной литературы по ряду исторических курсов в учебных заведениях нашей страны.

Поступила в редакцию / Received: 06.10.2022

Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Быстрова И. В.* Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941—1945 гг. Москва : Весь мир, 2022.
- Быстрова И. В.* Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди. Москва : Кучково поле, 2019.
- Быстрова И. В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941—1945 гг.). Москва : РОССПЭН, 2011.
- Краснов В. Н., Краснов И. В.* Ленд-лиз для СССР, 1941—1945. Москва : Наука, 2008.
- Куманев Г. А., Чузавков Л. М.* СССР и Англия: военно-экономическое сотрудничество в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 23—40.
- Минкова К. В.* Участие Канады в помощи СССР по ленд-лизу // Ленд-лиз и арктические конвои: от регионального сотрудничества к глобальной коалиции : материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию прихода в Архангельск первого союзного конвоя «Дервиш». Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2021. С. 148—163.
- Муравьева Л. А.* Ленд-лиз и проблема российского долга // Финансы и кредит. 2004. № 7 (145). С. 67—76.
- Рыжков Н. И.* Великая Отечественная: ленд-лиз: 2-е изд., доп. Москва : Экономическая газета, 2020.

References

- Bystrova, I. V. (2011). *A kiss across the ocean. "Big Three" in the light of personal contacts (1941—1945)*. Moscow: ROSSPEN publ. (In Russian).
- Bystrova, I. V. (2019). *Lend-Lease for the USSR: Economy, technic, people*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian).
- Bystrova, I. V. (2022). *The British ally: Organization of military and economic supplies to the USSR in 1941—1945*. Moscow: Ves' mir publ. (In Russian).
- Krasnov, V. N., & Krasnov, I. V. (2008). *Lend-Lease for the USSR, 1941—1945*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Kumanev, G. A., & Chuzavkov, L. M. (1987). USSR and England: Military and economic cooperation in the Second World War. *Modern and Contemporary History*, (2), 23—40. (In Russian).
- Minkova, K. V. (2021). Canada's participation in Lend-Lease supplies to the Soviet Union. In *Lend-Lease and Arctic Convoys: From regional cooperation toward global coalition*. Proceedings of the International Research Conference dedicated to the 80th anniversary of the arrival in Arkhangelsk of the first Allied Convoy code-named Dervish (pp. 148—163). Arkhangelsk: Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M.V. Lomonosova publ. (In Russian).
- Muravjeva, L. A. (2004). Lend-Lease and the problem of Soviet debt. *Finance and Credit*, (7), 67—76. (In Russian).
- Ryzhkov, N. I. (2020). *The Great Patriotic: Lend-Lease*. 2nd edition. Moscow: Ekonomicheskaya gazeta publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Минкова Кристина Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0000-0001-5833-6808; e-mail: k.minkova@spbu.ru

About the author: Minkova Kristina Vladimirovna — PhD (History), Senior Lecturer, Department of American Studies, Saint Petersburg State University; ORCID: 0000-0001-5833-6808; e-mail: k.minkova@spbu.ru